

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

я р о с т ь

ВИЛСОН

*Издательство «Центрполиграф»
выпустило в свет романы Ф. Пола Вилсона
в серии «Наладчик Джек»*

МОГИЛА
НАСЛЕДНИКИ
БЕЗДНА
ЯРОСТЬ

в серии «Ночной мир»

ЗАМОК
МОГИЛА
ПРИКОСНОВЕНИЕ
РОЖДЕННЫЙ ДВАЖДЫ
АПОСТОЛ ЗЛА
НОЧНОЙ МИР

F. PAUL

WILSON

ALL THE RAGE

A NOVEL

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

я р о с т ь

РОМАН

Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
2005

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Coe)
В44

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

This edition published by arrangement
with Writers House LLC and Synopsis Literary Agency

Художественное оформление
И.А. Озерова

Вилсон Ф. Пол
В44 Ярость: Роман / Пер. с англ. Н.С. Ломановой. -- М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 427 с.

ISBN 5-9524-1843-0

Паладчик Джек, известный тем, что может решить любую проблему, на этот раз пытается выяснить, каким образом получил распространение новый наркотик, вызывающий состояние всемогущества и беспредельной ярости. Поиски приводят его в балаган уродов, скрывающий некую зловещую тайну.

УДК 820(73)-31
ББК 84(7Coe)

ISBN 5-9524-1843-0

All the Rage
Copyright © 2000 by F. Paul Wilson
© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2005
© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2005

я р о с т ь

РОМАН

26 апреля

Среда

— Что за идиотизм, — проворчал Макинтош. — Какого черта мы здесь торчим?

Доктор Люк Монне спокойно наблюдал, как его молодой всклокоченный спутник топчется на мокрой траве, стараясь согреть дыханием грязноватые руки. Весь день лил дождь, но к ночи распогодилось.

— Надо было надеть пальто, Том.

— Я не знал, что мы будем болтаться в чистом поле до трех ночи.

Над ними возвышался темный купол неба. Рядом светящейся лентой протянулось пустынное шоссе 290, за ним вдалеке сияли огни деловых кварталов Чикаго. Казалось, над городом вставала заря. Над плоской равниной вздымались громады отелей и офисных зданий, похожие на скалы среди пустыни.

— Ты же сам хотел узнать, откуда взялась эта молекула, — сказал Люк.

Потребовал объяснений — вот более точное выражение, но оно прозвучало бы резковато, а Люк не хотел обострять ситуацию.

— Я и теперь хочу. Но вокруг цирка-то зачем околачиваться?

— Это не цирк, — возразил Люк, махнув рукой в сторону большого продолговатого шатра, тонувшего в темноте. — Над входом написано «Дом чудес».

— Всего лишь пристойное название для балагана с уродами, — фыркнул Макинтош. — И все равно непонятно, что мы тут делаем.

— Молекула именно отсюда.

— Допустим. А тогда чего мы толчемся снаружи и мерзнем, как цурики? Это я о себе, конечно.

Люк усмехнулся в темноте. Макинтош, очевидно, решит, что это реакция на его вялую попытку пошутить. Но Люк не видел ничего смешного в Макинтоше. И ничего хорошего тоже. Особенно во внешности. Вот уж поистине неподходящая пара. Темноволосый Люк с короткой аккуратной стрижкой, в стильных очках и сшитых на заказ брюках в паре с модным свитером — и рядом длинный нескладный Макинтош в помятой рубашке и потертых джинсах, с лохматой головой и редкой козлиной бородкой.

По правде говоря, Люку было приятно видеть, как Макинтош дрожит на ветру. Хорошо бы, он слох от холода прямо здесь и сейчас. Такой поворот избавил бы Люка от необходимости убивать эту скотину, которой давно уже пора на тот свет.

Убить... Люк содрогнулся от одной этой мысли. Сегодня ночью он собирался лишить жизни человеческое существо.

То, что еще две недели назад казалось невыносимым, сейчас настоятельно требовало исполнения. К Макинтошу он не питал никаких чувств, кроме мучительного желания поскорее с ним покончить.

— А зачем понадобилась вся эта канитель? — опять заскулил Макинтош. — Зачем было лететь сюда разными рейсами, жить в разных отелях, встречаться на улице среди ночи и тащиться невесть куда? Прямо как в плохом кино.

Люк еле сдержался, чтобы не наругать. Когда этот чертов дурак, наконец, заткнется?

— Ну сам подумай, Том, — ответил он спокойно, ничем не выдавая того отвращения, которое вызывал у него этот подонок. Еще не время. — Попробуй догадаться.

Макинтош на минуту затих. Какое счастье. Думает, наверное. Ему бы раньше пораскинуть мозгами, может, и не сунулся бы в это дело с молекулой.

Макинтош... О чем он думал, принимая на работу этого неряху? Блестящий исследователь с провалами в интеллекте. Вот вам наглядный пример: будь у него хоть капля здравого смысла, разве он пришел бы сюда?

— Да-а, — наконец протянул Макинтош. — Я понял, в чем дело. Но сколько еще жлать?

Люк поднял руку и нажал на кнопку часов. Циферблат осветился, показывая 4.11.08. Время восточного часового пояса. Он так и не удосужился перевести часы.

— Еще несколько минут, — сказал он.

На самом деле время, которого он ждал, уже наступило: четыре часа, десять минут, пятьдесят четыре секунды. Но он всегда предпочитал подстраховаться. Так, на всякий случай.

Позади них зашуршал брезент, и низкий голос произнес:

— У нас все готово.

Обернувшись, Люк увидел, что полотнище, закрывавшее вход в шатер, откинута и в проеме стоит человек.

— Наконец-то! — завопил Макинтош, устремляясь к плохо освещенному входу.

— Добрый вечер, мистер Пратер, — приветствовал Люк высокого нескладного мужчину, придерживавшего полотнище. Это был хозяин заведения.

— Здравствуйте, доктор Монне, — отозвался Пратер гулким басом. Он произнес фамилию Люка

правильно, но с какими-то странными модуляциями.

Озимандиас Пратер чем-то напоминал утку — шесть с половиной футов роста, узкие плечи, грудь колесом и широкие бедра. Длинная узкая голова довершала это впечатление.

— Это доктор Макинтош. Я тебе о нем говорил.

— Да уж, — вздохнул Пратер.

Никто из них не сделал попытки рукопожатия.

Внутри было душно и тепло, но света немногим больше, чем под звездным небом.

— Они что, за свет забыли заплатить? — пробормотал Макинтош, идя за Пратером по проходу в дальний конец шатра, где было чуть светлее. — А чем здесь так воняет?

Люк стиснул зубы.

— А вот этими самыми молекулами.

В конце прохода стояла едва освещенная клетка. Над железными прутьями была прикреплена выщербленная деревянная дощечка с выцветшей красной надписью: «ЧУДО ПРИРОДЫ — ЧЕЛОВЕК-АКУЛА!» Перед клеткой согнулись двое служителей, стараясь удержать что-то длинное и темное с тремя когтистыми пальцами.

При виде этого зрелища Макинтош застыл как вкопанный.

— О боже! Что *это* такое?

— Это... тот самый источник молекул.

Люк догадывался, о чем сейчас думает Макинтош. *Человек-акула*? Эта рука вообще не может принадлежать человеку. Должно быть, это фальшивка, мускулистый фигляр в резиновом костюме и в перчатках с когтями.

Именно так подумал сам Люк, когда впервые увидел существо, скрючившееся за решеткой. Но оно оказалось настоящим. Темная змеиная кожа кровоточила от укола, когти на концах толстых пальцев были остры и смертоносны.

Однако Люк с огорчением отметил, что сегодня потребовалось лишь двое слугителей, чтобы удержать руку чудовища. Эти совершенно одинаковые парни, в которых было что-то волчье, выглядели еще более странно, чем Пратер, — мускулистые кряжистые мужики с коротко стриженными головами без шеи, большими квадратными зубами, крохотными ушами и темными, глубоко посаженными глазами. Когда в прошлом году Люк начал брать пробы крови, человека-акулу с трудом удерживали пятеро таких слугителей.

Всмотревшись в темноту клетки, Люк сумел разглядеть там лишь темное пятно. Однако и без того было ясно, что существо умирает. Вначале он не был в этом уверен, но с каждым посещением становилось все яснее, что оно долго не протянет. Еще месяц, ну, от силы два, и оно загнется. Источник загадочных молекул будет потерян.

И что тогда?

Резкое снижение денежных поступлений еще не самая большая проблема.

Усилием воли Люк подавил приступ тошноты, подкатившей к горлу, и вынул из кармана пальто набор инструментов для забора крови.

— Это что, розыгрыш? — спросил Макинтош.

— Нет, Том, это не розыгрыш, — покачал головой Люк, вдруг почувствовав страшную усталость.

Он вынул двойную флеботомическую иглу восемнадцатого калибра и вставил в пластиковую трубку; держа наготове две пробирки, приблизился к странной руке.

— Ч-что ты делаешь? — заикаясь, спросил Макинтош.

— А что, разве не видно? Собираюсь взять у него пробу крови.

Отвратительный запах чудовища смешивался с запахом псины, исходившим от слугителей. Люк опять почувствовал тошноту. Стараясь не дышать,

он зажал липкую вену между пальцами и проткнул иглой шершавую кожу, похожую на наждачную бумагу. Попав в вену, он подсоединил пробирку и стал смотреть, как она заполняется черной жидкостью, которая была значительно темнее человеческой крови.

Наполнив вторую пробирку — он всегда брал две на всякий случай, — Люк отошел от клетки, и служители отпустили существо. Оно выдернуло руку из прутьев и повалилось на бок, показав им спину.

Люк поднес пробирку к свету.

— Разве это кровь? — спросил Макинтош, заглянув к нему через плечо. — Скорее похоже на деготь.

Однако жидкость напоминала деготь только цветом, но никак не густотой. Эта проба была заметно жиже, чем предыдущая. Когда Люк начал выкачивать кровь из этого существа, пробирки заполнялись гораздо медленнее, хотя игла была та же. Сегодня подошел бы и двадцать второй калибр. Еще одно доказательство угасания жизни.

Макинтош выпрямился и подошел к клетке — но не слишком близко. Он стал вглядываться в темноту за прутьями.

— *Что* это такое? — спросил он хрипло.

— Никто не знает, — ответил Люк, возвращая пробирки в футляр. — Жаль, что ты тоже не знаешь.

— Это ты о чем? — повернулся к нему Макинтош.

— Да о том, что, если бы ты во всем этом хоть немного разобрался, от тебя все же был бы толк. А у меня было бы основание оставить тебя в живых.

— Что? — восторженно улыбнулся Макинтош, неуверенно улыбаясь.

Люк не ответил; он просто стоял и смотрел.

Макинтош облизнул губы.

— Это совсем не смешно, док.

Люк с удовольствием наблюдал, как с лица предателя сползает улыбка, как расширяются его глаза, когда до него доходит, что с ним не шутят.

Макинтош быстро огляделся по сторонам и шагнул к проходу, но служители преградили ему путь. Он попытался убежать в другую сторону, но там появились еще трое таких же молодцов.

— О господи, — запричитал Макинтош. — Ты что это, серьезно?

— А чего еще ты ждал? — закричал Люк. Наконец-то он мог дать волю своему гневу. — Ты пытался меня шантажировать! Ты что, надеялся, что я буду это терпеть?

— Да нет! Я вовсе не пытался. Я только...

— «Возьми меня в дело, или я пойду в полицию». Разве это не твои слова?

— Ты не так меня понял. Я не...

— Если бы ты просто пошел в полицию, я бы, конечно, разозлился, но, по крайней мере, понял бы твой порыв честного гражданина. Но после того как я взял тебя на работу, снабдил самыми отточенными методиками, доверил результаты своих исследований, ты попытался запустить свои грязные лапы в то, что принадлежит только *мне*, в то, что я открыл и изучил. Это гнусно и отвратительно.

— Ради бога! — Макинтош упал на колени, сложив руки, как на молитве. — Прости меня!

Праведный гнев придавал Люку решимости. Иначе у него просто не хватило бы духа подать знак Озу, чтобы тот покончил с Макинтошем.

— Если бы ты справлялся со своими обязанностями, я бы нашел способ взять тебя в дело. Но ты меня подвел, Том, — и как ученый, и как человек.

— О боже! — зарыдал Макинтош.

Люк взглянул на Пратер. Тот понимающе кивнул в сторону Макинтоша. И тут же один из служителей встал за спиной стоящего на коленях человека, под-

нял громадный кулачище и со всей силой ударил его по шее.

Услышав хруст костей, похожий на треск раскалываемого ореха, Люк резко обернулся и увидел, как глаза Макинтоша вылезают из орбит, словно их выталкивает обезумевший мозг. Люк никак не предполагал, что люди Пратера убьют беднягу прямо у него на глазах. Когда он увидел, как Макинтош упал лицом в грязь, во рту у него стало горько от желчи. Какое-то время руки и ноги бедняги дергались в такт сдавленным хрипам, потом он затих.

Люк глотнул и посмотрел на служителей. Убийца отступил от трупа и присоединился к своим братьям. Теперь Люк вряд ли смог бы определить, кто из них ударил Макинтоша, но сила удара была поистине... нечеловеческой.

У него подогнулись колени. Он, конечно, хотел избавиться от Макинтоша, но смотреть, как он умирает, вовсе не собирался.

Махнув рукой, Пратер привел в движение своих подручных. Они схватили Макинтоша за ноги и уволокли, как кусок брезента.

Люк попытался взять себя в руки. В последние месяцы он, похоже, катился к пропасти, а сегодняшнее происшествие лишь ускорит падение. И все же, несмотря на растущее отчаяние, он не мог не чувствовать облегчения, избавившись от постоянных угроз Макинтоша.

— Ребята закопают его поглубже, — сказал Пратер. — Когда мы в воскресенье уедем, вся земля здесь будет изрыта. Никто ничего не заметит.

Люк молча вынул из нагрудного кармана конверт и протянул Пратеру. Тот торопливо открыл его и стал перебирать купюры. На лоб упала темная сальная прядь. В тусклом свете его кожа выглядела мертвенно-бледной, как у трупа.

— Здесь все, как договорились, — наконец обрел дар речи Люк.

— Похоже на то.

На Люка взглянули льдистые голубые глаза.

— А почему вы не обратились к мистеру Драговичу?

Люк напрягся.

— К Драговичу? Что вы хотите сказать?

Пратер улыбнулся — тонкие губы растянулись, обнажив желтые зубы. Не слишком приятная улыбка.

— Да полно вам, док. Я тоже провел небольшое исследование. Мне стало любопытно, отчего это вы так заинтересовались кровью моего питомца.

Люк похолодел. Запахло новым вымогательством.

— Да вы не бойтесь, — успокоил его Пратер. — Я не занимаюсь шантажом. Вымогательство — грязное дело. Но меня удивляет, почему вы не обратились к своему главному заказчику, чтобы он убрал этого парня. Ведь он был опасен вам обоим. — Улыбка Пратера стала еще шире. — Разве что вы не хотите, чтобы мистер Драгович узнал о ваших затруднениях.

Люк пожал плечами, чтобы скрыть, как напряглось его тело. Пратер попал в самую точку. Еще не хватало, чтобы Милош Драгович узнал, что эта свинья Макинтош чуть не загубил все дело. У Драговича и в мыслях не должно быть, что Люк может выпустить что-нибудь из-под контроля.

— В любом случае, — продолжал Пратер, — дополнительный взнос на его похороны поможет нам дожить до зарплаты.

— Что, плохо идут дела? — спросил Люк, стараясь уйти от темы Драговича.

Пратер кивнул.

— В плохую погоду люди перед телевизором сидят, а не по балаганам ходят. Да, по правде сказать, кое-какие наши экспонаты как-то... киснут в сырую погоду.

В сырую погоду? — подумал Люк. Теперь уже в любую погоду.

— Следующую пробу я возьму 25 мая, — сказал Люк, направляясь к выходу. — Где ваша трупка будет в это время?

Пратер снова улыбнулся:

— Можно сказать, у вас во дворе, доктор Монне. В одном городишке на Лонг-Айленде, где мы останавливаемся каждый год. Станем соседями на какое-то время. Здорово, правда?

Люк содрогнулся при мысли, что ему придется жить рядом с Озимандиасом Пратером и его чудищами.

— Да, не нужно будет мучиться в аэропортах. Сел в машину — и ты уже на месте.

— До встречи, доктор Монне.

Люк с облегчением отвернулся и поспешил по темному проходу к выходу.

24 мая

Среда

1

— Ну, что скажешь? — спросила Джиа.

— Да вот... — Джек посмотрел по сторонам, собираясь с мыслями и не зная, что сказать.

Они с Джиа и Вики только что вышли из музея Метрополитен и сейчас стояли наверху высокой гранитной лестницы. Когда они сюда пришли, солнце уже садилось, и сейчас было совсем темно. В небе висел узкий серпик месяца, похожий на светящийся обрезаек ногтя. На ступеньках сидели и стояли люди — поодиночке, парами и целыми компаниями. Они курили, ели, обнимались и просто празднично проводили время. Справа и слева в прямоугольных фонтанах плескалась вода.

Внизу, позади людской толпы, заполнившей тротуары, по Пятой авеню медленно ползли маши-

ны, хотя часы пик давно прошли. Вечерний ветерок разносил выхлопные газы и трепал огромное темно-синее полотнище, возвешавшее о выставке картин Сезанна.

Джек оценивающе смотрел на окружающих, сравнивая свою экипировку с тем, как были одеты другие посетители музея. Сегодня он приоделся — голубая оксфордская рубашка, рыжеватые брюки, мягкие коричневые полуботинки — и был рад, что не отличается от остальных. Его темные волосы были острижены несколько короче, чем ему хотелось бы, но то была дань моде. Сейчас его можно было принять за учителя или бухгалтера, вышедшего погулять с женой и дочерью. Ничего привлекающего взгляд. И это отлично.

Джек заметил, что Вики тоже оглядывает толпу, но ее внимание сосредоточилось на тротуаре. По случаю похода в музей она сменила привычные косички на длинный конский хвост. Джек легко мог догадаться, какие мысли бродят в ее восьмилетней голове. «А где же мороженое? Где соленые крендели?» Эта девчушка весом не больше шестидесяти фунтов аппетитом могла поспорить с шофером-дальнобойщиком.

Он повернулся к Джна — ее голубые глаза внимательно следили за ним, на губах играла чуть заметная улыбка. Ветер шевелил короткие светлые волосы. В обтягивающей голубой кофточке и черных брюках она выглядела потрясающе.

— Ну так как? — опять спросила она.

Джек почесал голову.

— Честно говоря, как-то непонятно все это.

— Что непонятно?

— Да этот Сезанн. Почему он такой знаменитый? И почему ему закатали целую выставку в Метрополитен?

— Потому что он считается отцом современного искусства.

Джек пожал плечами:

— Да, так написано в каталоге. Все это, конечно, замечательно, но некоторые картины кажутся какими-то недописанными.

— Они такие и есть, дурачок. Он не закончил несколько своих полотен, потому что они у него не получились.

— Ну, законченные они или нет, все равно ничего особенного я в них не вижу. Как там принято выражаться? Они мне ничего *не говорят*.

Джиа широко раскрыла глаза.

— О господи! За что мне это наказание?

Джек обнял ее за плечи, прижал к себе и поцеловал светлую прядь.

— Эй, детка, не стоит так дуться из-за того, что мне не нравится этот парень. Ведь Моне мне понравился, верно?

Он до сих пор помнил солнечный свет на его картинах, такой яркий, что казалось, от холста исходит тепло.

— Моне легко любить.

— Ты хочешь сказать, что хорошие картины — это те, которые любить нелегко?

— Вовсе нет, но...

— Мама, смотри, смотри! — закричала Вики, указывая в сторону Пятой авеню. — Эти дядьки сейчас под машину попадут.

Джек обернулся и увидел двоих мужчин средних лет, в пиджаках и галстуках, которые уверенно шли по проезжей части, рискуя попасть под колеса. Нет, их было больше — десяток или даже два: хорошо одетые мужчины лет сорока, с наглыми повадками.

Отчаянно засигналила машина. Один из мужчин сделал неприличный жест и пнул автомобиль ногой, оставив на крыле вмятину. Когда возмущенный водитель выскочил из машины, на него с кулаками набросились еще двое из этой банды. Водитель нырнул обратно и запер дверь. Хулиганы

победно хлопнули друг друга по рукам и продолжили свой путь к музею.

Дойдя до тротуара, один из них схватил крендель с лотка разносчика. Тот побежал за воров, но его сбили с ног трое головорезов. От души попинав его ногами, они, смеясь, пошли дальше.

— Джек! Что происходит?

В голосе Джиа звучала тревога.

— Пока не понял, — отозвался Джек.

Все это ему совсем не нравилось. Если эти ребята изображают из себя великовозрастных «Джипси кингс», впавших в буйство после хорошей порции виски, то они явно переигрывают. За себя он был спокоен, но ведь рядом были Джиа и Вики.

— Кто бы это ни был, стоит держаться подальше.

Один из возмутителей спокойствия указал на вход в музей и что-то прокричал своим приятелям. Джек не разобрал, что он сказал, но компания, видимо, приняла это с энтузиазмом и стала быстро перемещаться вверх по лестнице.

— Давай-ка отойдем в сторонку, — предложил Джек, уводя Джиа и Вики от центрального входа поближе к боковым колоннам. — Как только они войдут, сразу уйдем отсюда.

Но разодетые дебоширы легко отклонялись от курса. Вместо того чтобы потянуться в музей, они стали задираť людей на лестнице. Возникли потасовки. Спустя несколько минут на мирных ступенях музея Метрополитен началась всеобщая свалка.

— Ой, Джек! — воскликнула Джиа, указывая вниз. — Ей надо помочь.

Посмотрев туда, Джек увидел пузатого мужчину в синем пиджаке с золотым гербом на нагрудном кармане. Он приставал к молодой женщине, кутившей на одной из площадок. Она пыталась его оттолкнуть, но он все настойчивей протягивал к ней руки.

Джек посмотрел вокруг.

— Мне бы не хотелось оставлять вас одних.

— Просто отгони его, пока он чего-нибудь не натворил, — попросила Джиа. — Ты же справишься с ним за минуту.

— Ладно, — согласился Джек, устремляясь вниз. — А ты покажи моей маленькой подружке что-нибудь интересное, ну, фонтаны, к примеру, пока я там разберусь.

Поскольку Джек не собирался церемониться с мистером Толстое Пузо, если тот будет плохо себя вести, ему бы не хотелось, чтобы Вики наблюдала эту сцену.

Пока Джек сбегал по ступенькам, стройная брюнетка успела вскочить на ноги и попыталась дать отпор громиле, имевшему весовое преимущество никак не меньше сотни фунтов. Дорогая одежда, стильная стрижка и блестящие ухоженные ногти как-то не вязались с диким вождением, горевшим в его глазах.

Джек был уже в трех метрах от них, когда женщина закричала:

— Я же сказала, убирайся!

— Ну-ну, киска, — процедил мужчина сквозь зубы, прижав ее к себе. — Кончай ломаться.

— Ах так?

Она ткнула зажженной сигаретой ему в глаз. Он отшатнулся и дернул головой. Глаз был спасен, но горящий конец сигареты угодил ему в толстую щеку. Он вскрикнул от боли и схватился руками за лицо. В этот момент женщина двинула ему в пах ногой. Лицо у парня побелело, как рыбье брюхо, и он грохнулся на колени, держась за низ живота. Последовал удар каблуком в грудь, и огромное тело повалилось на бок и скатилось по ступенькам.

Женщина решительно повернулась к Джеку:

— Ты что, тоже хочешь получить?

Джек остановился и вытянул руки, раскрыв ладони.

— Спокойно, леди. Я только хотел вам помочь, — кивнул он в сторону поверженного агрессора, который стонал на ступенях, держась за пострадавшее место. — Но у вас, я вижу, все под контролем.

Женщина слабо улыбнулась.

— Спасибо за благое намерение, — сказала она, окидывая взглядом поле битвы. — Что нашло на этих уродов?

— А черт их знает. Но вы лучше...

— *Джек!*

Отчаянный крик Джиа заставил его оглянуться, и через мгновение он уже несея наверх, перескакивая через две ступеньки, — она отбивалась от двух джентльменов средних лет.

— Эй! — заорал он, чувствуя, как внутри его вспыхивает огонь.

Вики впцепилась в ногу одному из нападавших и закричала:

— Не тронь мою маму!

Мужчина, круглым лицом и вздернутым носом напоминавший поросенка, повернулся и оттолкнул девочку.

— Отстань, малявка!

— Нет! — вскрикнула Вики и ударила его в челюсть.

Лицо мужчины исказилось от ярости, он схватил Вики и оторвал от земли.

— Ах ты, маленькая сучка!

Когда Джек увидел, что мужчина тащит Вики к краю площадки, его охватила паника. Он сменил направление и прибавил ходу.

— Я тебе покажу, как драться! — заорал Поросянок, приближаясь к краю площадки и все выше поднимая девочку.

Увидев ступеньки, круто уходящие вниз, Вики испуганно взвизгнула. Джек подоспел к ним как раз в тот момент, когда мужчина нагнулся, чтобы сбросить Вики вниз. Он схватил Поросянку за локоть и отта-

шил его от края площадки. Прижав девочку к себе, он двинул мужчину локтем в изумленное лицо.

Тот покачнулся и отступил назад. Джек опустил Вики на площадку и занялся незнакомцем. Теперь, когда Вики была в безопасности, его ничего не сдерживало, и он дал волю своему гневу.

Будь у Поросенка хоть капля здравого смысла, он бы бросился наутек. Вместо этого он накинулся на Джека. Тот быстро отступил в сторону и ударил нападавшего в толстый живот — точно в солнечное сплетение. Поросенок сложился вдвое, но не отступил. Даже в согнутом виде он пытался обхватить Джека за талию. Но у того не было времени на танцы — его ждала Джиа. Он врезал парню в ухо, схватил его за шиворот и брючный ремень и отволлок к краю лестницы. Там он отправил его в тот самый свободный полет, что ранее предназначался для Вики. Дрыгая конечностями, Поросенок с воплем грохнулся на гранитные ступени и, куврыкаясь, покатился вниз.

Джек не стал смотреть, как он приземляется. Он бросился на помощь Джиа, которую продолжал осаждать приставаала.

— Да ладно, крошка, — говорил он, стараясь ее облапить. — Не брыкайся. Ты же сама этого хочешь.

Джек заметил уже знакомый герб на пиджаке, и это было все, что он успел увидеть до того, как мужчина ударил Джиа по лицу.

Внутри у Джека сработал детонатор, и все вокруг померкло. Перед собой он видел лишь короткий узкий туннель, а все звуки слились в приглушенный гул. Схватив мужчину за тщательно уложенные волосы, он оттащил его от Джиа и бросил лицом вниз на каменное подножие колоннады. Один раз, другой, третий — пока его физиономия не превратилась в кашу. Тогда Джек отбросил его к стене и стал методично вбивать в гранитные блоки. Вдруг до его ушей

полетел крик... Кажется, Джиа звала его по имени. Он отпустил свою жертву и обернулся на звук.

Джиа стояла внизу, на следующей площадке, обнимая рыдающую дочь, и что-то говорила о том, что пора уходить.

Джек закрыл глаза и попытался обрести дыхание. Звуки стали отчетливей. Да, это голос Джиа, громкий и ясный.

— Джек, ну пожалуйста! Пойдем отсюда скорей!

Вдалеке послышалась полицейская сирена. Да... действительно, пора уносить ноги.

Но когда Джек уже двинулся в сторону своих девочек, страх в их глазах предупредил его об опасности. Он получил удар в спину, а горло сжало, как тисками. Удар сбил его с ног. Два сцепившихся тела покатались к краю площадки. Отчаянным усилием Джек вывернулся из-под своего более тяжелого соперника и оказался наверху. Они рухнули вниз, и хриплый голос, что-то яростно кричавший ему в ухо, вдруг затих. Мужчина упал на ступени спиной, приняв на себя всю силу удара.

Джек откатился в сторону и с изумлением увидел, что это тот самый парень, которого он оттащил от Джиа и расплющил о стену. Его лицо превратилось в кровавое месиво. Странно, что он вообще смог подняться да к тому же полезть в драку. Правда, больше он уже не поднимался — лежал на спине, хватая ртом воздух. Наверняка не меньше полудюжины сломанных ребер. Мужчина вдруг застонал, попытался перевернуться, и на мгновение Джеку показалось, что сейчас он вскочит и набросится на него опять. Но тот откинулся на спину и затих. На деле парень оказался крепче, чем на вид, но все же не до такой степени.

Джек огляделся вокруг. Люди кричали, визжали, дрались, падали, обливаясь кровью. Просто одесская лестница из кинофильма «Броненосец «Потемкин». К счастью, ни одной детской коляски.

Что случилось с этими парнями? Кто они и почему ведут себя как татаромонгольские орды? Никто из них не знал удержу. Но что действительно озадачило Джека, так это их желание причинять боль. Нормальный человек к этому не склонен. Большинство людей не испытывают желания причинять зло себе подобным. И Джек когда-то был таким. Годы ушли на то, чтобы преодолеть себя и расчистить место для такого желания. Место, куда он при необходимости мог заглянуть и найти там радостную готовность нападать на людей прежде, чем они нападут на тебя, причем без всякого колебания. Чуть зазеваешься — и ты проиграл. Может быть, даже погиб. Лучше наносить удар первым. Всегда.

А эти парни не испытывали колебаний. Хорошо еще, что они такие неуклюжие и не умеют драться. Иначе здесь разыгралась бы настоящая трагедия.

Джек взял Джиа под руку и отвел их с Вики вниз. У подножия лестницы рядом с фонтаном он увидел Поросенка; тот полз к воде, волоча ногу и выкрикивая ругательства. Джек хотел было сломать этому ублюдку еще несколько костей, но побоялся оставить девочек одних среди этого бедлама.

На тротуаре он забрал плачущую Вики у матери, и они поспешили домой. Когда он поднял руку, чтобы остановить такси, пальцы у него дрожали.

Вечер, так хорошо начавшийся, был безнадежно испорчен.

2

— Предлагаемая цена — одиннадцать с половиной, — объявил облаченный в смокинг аукционист. — Кажется, я слышу «двенадцать тысяч»?

Доктор Люк Монне боролся с желанием обернуться и посмотреть на второго участника торгов. Сам он не спускал глаз с аукциониста, но публика в

зале — изысканно одетые люди, сидевшие в мягких креслах, расставленных ровными рядами на красных коврах, — была не столь шепетильна. Они вертели головами, наслаждаясь излюбленным зрелищем участников аукционов — схваткой конкурентов.

Но Люк и так знал, что происходит в зале. Справа, двумя рядами дальше, брюнет в синем костюме прижимал к уху мобильник, получая инструкции от своего клиента. Люк закрыл глаза и мысленно помолился, чтобы цена в две тысячи долларов за бутылку оказалась для его соперника неподъемной.

Он пришел на аукцион «Сотбис» с единственной целью — купить полдюжины бутылок «Шато Петрю» 1947 года класса «Помрол Крю Эксепсьонель», выставленного на торги поместьем Гейтс. Не только потому, что это поистине прекрасное вино стало бы украшением его коллекции, и не потому, что «Петрю» был его любимым бордо, просто год его производства имел для Люка особое значение — 1947-й был годом его рождения.

Но как бы ни хотелось ему стать обладателем этого вина, впадать в аукционный раж и платить несуразную цену он не собирался. Люк заранее установил для себя некий предел — две тысячи долларов за бутылку. Цена, конечно, высокая, но все же не безумная. Вполне соответствует товару.

Услышав восторженные возгласы и аплодисменты, Люк открыл глаза. Это могло означать только одно. Он скорбно опустил плечи.

— Двенадцать тысяч за лот двадцать два, — возвестил аукционист, переводя взгляд на Люка. — Вы готовы поднять цену до двенадцати с половиной?

Стараясь скрыть злость, Люк посмотрел на свою аукционную табличку, в которой больше не было необходимости, потому что покупателей осталось только двое. Кто же там у телефона? Какой-нибудь японский выскочка миллиардер, у которого на стене висит Ренуар, а в погребе пылится «Лафит-Рот-

шилдь». Варвар, мародерствующий на европейской культуре, для которого вся ценность награбленного заключается в его цене, а искусство и культура — всего лишь символы богатства.

Люку захотелось схватить телефон и прокричать: *«У тебя есть своя культура — вот и займись ею! А это — мое и принадлежит только мне!»*

Но он, конечно, промолчал и стал оценивать ситуацию. Что, если его соперник тоже поставил себе предел в две тысячи долларов за бутылку? Хорошее круглое число. Тогда, если Люк согласится на двенадцать с половиной тысяч, это превысит установленный лимит, но не так уж сильно. Цена за бутылку составит чуть меньше двух тысяч ста долларов — чрезмерно, но не абсурдно.

Люк кивнул аукционисту и был в свою очередь вознагражден хором восхищенных голосов и одобрительными хлопками.

— А вы, сэр? — спросил аукционист, глядя на задние ряды. — Вы поднимете до тринадцати?

Последовала пауза, во время которой его соперник, противник, заклятый враг консультировался со своим таинственным клиентом. Люк по-прежнему смотрел прямо перед собой. Послышалось громкое покашливание, и голос из заднего ряда произнес:

— Ну что ж, пора услышать речь не мальчика, но мужа: пятнадцать тысяч.

Удивленные возгласы сменились аплодисментами. Люк почувствовал, что краснеет.

— Сэр? — посмотрел на него аукционист, подняв брови.

Ошеломленный и раздавленный, Люк молча покачал головой. Две с половиной тысячи за бутылку? Это вино не может столько стоить, и он не даст втянуть себя в эту авантюру. Может, у него пробки пересохли и пропускают воздух, возможно, и само вино давно прокисло и превратилось в уксус. Вот пусть эта свинья на телефоне и влипнет.

На самом деле Люк знал, что вино отличное. Перед аукционом он внимательно осмотрел бутылки: все они были полностью заполнены вином, а у одной был срезан колпачок, и под ним виднелась плотная, хорошо пригнанная фирменная пробка.

Он поднялся, положил табличку на стул, поправил обшлага темно-серого пиджака и пошел по центральному проходу. В спину ему упирались взгляды, подталкивая его к выходу.

Пора услышать речь не мальчика, но мужа.

Действительно, сейчас он чувствовал себя мальчиком в коротких штанишках.

Когда он проходил мимо улыбающегося победителя, что-то лопотавшего в мобильник, эта скотина имела наглость подмигнуть ему, проговорив: «Ничего, повезет в следующий раз».

Люк сделал вид, что его не замечает. Ему хотелось лечь и умереть.

Он толкнул дверь и вышел на Йорк-авеню. Вдохнув всей грудью вечерний воздух, он сказал себе, что это не единственное «Шато Петрю» 1947 года на свете; когда-нибудь оно вновь появится на аукционе и тогда уж точно попадет в его погреб.

И все же Люк испытывал унижение. Он боролся за награду и ушел с пустыми руками. Ему было по силам и три, и четыре, и пять тысяч долларов за бутылку, но дело было не в деньгах. Главное — это победа. А он ее упустил.

Домой идти не хотелось, и Люк решил прогуляться. Он находился в восточной части города, почти у самой реки; свернув на Семьдесят вторую улицу, он побрел в обратном направлении. Шел и думал об отце. Когда дело касалось вина, на память ему всегда приходил отец.

Бедный папа. Если бы он остался в своем родовом поместье в Гревсе или, по крайней мере, припрятал свое вино, прежде чем бежать в Америку, жизнь у него сложилась бы совсем иначе.

Виноградник Монне был одним из самых маленьких в Гревсе, но он обеспечивал достойное существование многим поколениям его владельцев. Предки Люка продавали большую часть вина, оставляя лишь малую толику для семейного погреба. Но в 1860 году на европейские виноградники напала филлоксера, от которой они так и не оправились. Эта зараза уничтожила всю виноградную лозу в поместье Монне, и его владельцам, как и всем их соседям, пришлось заменить ее видами, устойчивыми к филлоксере, закупив их в Калифорнии.

Прошли годы, прежде чем посаженная лоза стала приносить урожай. Семья увязла в долгах. Но гораздо хуже было то, что виноград был уже не тот, что прежде, и потому долги продолжали расти. Во время Второй мировой войны, когда немцы заняли Париж и уже приближались к Бордо, отец Люка решил бросить поместье (большая его часть уже была заложена) и эмигрировать в Америку.

Люк родился в Нью-Йорке и потому сразу получил гражданство. К этому времени банк выставил их виноградник на торги, и его купило соседнее поместье. Отец никогда больше не ездил во Францию — его терзал стыд за потерю родового гнезда.

Несколько лет назад Люк посетил обитель своих предков. Красивый каменный дом сохранился, но был превращен в гостиницу. Гостиница! Какое унижение.

Стоя в ее холле, Люк поклялся, что когда-нибудь обязательно выкупит свое поместье. Деньги — вот все, что для этого нужно. Настанет день — возможно, уже скоро, — и у него будет много денег. Тогда он выгонит меня из семейного храма, перевезет туда свою коллекцию вин и начесть заново то дело, которое прервал отец.

Люк оторвал глаза от земли и увидел Центральный парк через дорогу. С удивлением обнаружив, что попал на Пятую авеню, он направился в центр

города. Дойдя до восьмидесятых улиц, Люк заметил, что впереди мигают многочисленные огоньки. Он с любопытством присоединился к толпе зевак, собравшихся у желтой ленты, протянутой через улицу у музея Метрополитен.

Пятую авеню заправили машины «Скорой помощи» и полицейские автомобили. Движение было перекрыто. Врачи оказывали помощь пострадавшим, полицейские тащили хорошо одетых окровавленных мужчин и заталкивали их в бело-голубые фургоны.

— Что здесь произошло? — спросил Люк молодого латиноамериканца, стоявшего рядом.

— Да какая-то заварушка, — ответил тот. На нем была фуражка с эмблемой музея и форменная рубашка. — Говорят, ее замутила команда крутых выпускников.

— Выпускников? — удивился Люк. — Но я не вижу здесь никаких выпускников.

— Да это не ребята. Взрослые мужики. Один из классов частной школы отмечал двадцать пять лет выпуска и пошел вразнос.

Люк почувствовал, как внутри у него все похолодело.

— А... убитые есть?

— Да вроде нет, но... о, черт! Что он делает?

Люк посмотрел в сторону, куда указывал его сосед, и увидел там одного из смутьянов — растрепанного, окровавленного, с эмблемой своей школы на пиджаке. Он был пристегнут наручником к полицейской машине и сидел на корточках, уткнувшись лицом в окольцованную руку.

— О господи! — воскликнул сосед Люка. — Он и впрямь пытается... — Он окликнул ближайшего полицейского: — Эй, командир! Посмотри на того парня у машины! Да остановите его, пока он не загнулся!

Люк увидел, что у ног прикованного человека разливается лужа крови. Только теперь он с ужа-

сом заметил, что тот вцепился зубами в запястье, пытаясь перегрызть себе руку.

Подошедший полицейский вызвал врачей.

— Черт, я слышал, что так поступают попавшие в капкан звери, — с испугом проговорил человек в форменной фуражке, — но чтобы человек...

Люк не ответил. Горло у него одеревенело.

Когда сбежавшиеся врачи «Скорой помощи» попытались остановить пленника, он стал визжать и брыкаться. Они сгрудились над ним, но он продолжал сопротивляться и вопить. Люку показалось, что полицейский взмахнул дубинкой, и буян вдруг затих. Один из врачей дал знак, чтобы принесли носилки.

Чувствуя себя совершенно разбитым, Люк повернулся и заковылял прочь. Какая ужасная, трагическая сцена. И виноват в этом он.

3

— Кажется, уснула, — прошептала Джиа.

Она сидела на краю кровати, держа дочь за руку. Джек стоял с другой стороны.

— Да уж пора, — произнес он, глядя на хрупкое тельце, вырисовывавшееся под одеялом. Джек протянул руку и погладил темные волосы. — Бедная девочка.

В такси Вики забилась на заднее сиденье и проплакала всю дорогу. Она не успокоилась даже в родных стенах своей комнаты.

— Это какой же сволочью надо быть, чтобы так напугать ребенка! — возмущалась Джиа.

Она не видела, что произошло, и не знала, что тот тип вовсе не пугал Вики — он и в самом деле хотел сбросить ее с лестницы, чтобы она разбилась, возможно, даже насмерть. Джек решил не посвящать Джиа в подробности. Она и так уже вне себя. Зачем окончательно сводить ее с ума?

— Никогда не видел ничего подобного, — задумчиво произнес Джек. — Как будто все они одновременно рехнулись.

— Кто же они такие? — спросила Джиа, но тут же сжала губы. — Впрочем, это не важно. Остальные меня не интересуют, даже тот хам, который пытался меня облапить. Я только хочу знать, кто так напугал бедную Вики. Подам на него в суд, и пусть его посадят.

— В камеру со стопудовым серийным убийцей, который будет звать его «моя девочка»?

— И причем пожизненно, — кивнула Джиа.

— Ты что, действительно на это надеешься? — мягко спросил Джек.

— Я *все* для этого сделаю.

— А ты хоть опознать его сможешь?

Джиа посмотрела на Джека:

— Нет. Я его не разглядела. Но ведь ты... Нет, ты тоже его не опознаешь. Как можно получить свидетельские показания от того, кого не существует?

— Ведь ты не захочешь втягивать Вики во всю эту чехарду — опознания, допросы. И ради чего? В лучшем случае он получит мизерный срок, да и то условно. Адвокат его отмажет.

Джиа покачала головой и вздохнула:

— Это нечестно. Он напал на меня, до смерти напугал мою дочь, и все сойдет ему с рук?

— Ну, не совсем. Ноги-то он уж точно переломал.

— Этого мало, — заявила Джиа, глядя на спящую дочь. — Он заслужил большего.

— Я тоже так думаю, — согласился Джек, целуя Джиа в макушку. — Но сейчас я должен бежать.

— Куда?

— Да с парнем одним надо повидаться.

— Кого ты хочешь обмануть?

— Не волнуйся. Я скоро вернусь.

— Ладно, — кивнула Джиа. — Но будь осторожен.

Джек вышел на Саттон-сквер и пошел к площади, чтобы поймать такси. Обычно это Джиа останавливала его, прося успокоиться и не пороть горячку. Но сегодня все было иначе. Какой-то подонок напугал ее дочь, посмел ее *тронуть*, и она не собиралась ему это спускать.

Джек тоже не собирался.

Он-то знал, что этот подлец вполне мог убить ребенка и был к этому близок. Джек старался оценивать факты объективно, как бы со стороны. Нелегко, конечно, но, если поддаться эмоциям, представить, что могло случиться с Вики, опоздай он на одно биеение сердца, можно совсем голову потерять.

Нет, здесь надо действовать трезво и осмотрительно. Сделать парню такое внушение, чтобы у него навсегда отбило охоту приближаться к детям, и в особенности к мисс Виктории Вестфален. Джек считал Вики своей дочерью. Генетически у нее был другой отец, но во всем остальном Вики была его маленькой девочкой, и он ощущал это всем своим сердцем и разумом. И вот некто, похожий на поросенка, попытался убить ее.

Зря ты это сделал, Поросенок.

4

Рядом с музеем находился медицинский центр «Маунт-Синай», и Джек подумал, что драчунов и их жертв могут отправить именно туда. Его предположение оказалось верным: прийдя туда, он увидел множество полицейских и нескольких закованных в наручники мужчин с гербами на пиджаках.

Все отделение «Скорой помощи» было на ногах. Доктора, сестры и санитары торопливо осматривали пострадавших, отбирая тех, кто нуждался в экстренной помощи. Весь приемный покой был заполнен ранеными: мужчины, женщины и дети с ошеломлен-

ным видом сидели по углам или кружили по вестибюлю. Парни в синих пиджаках все никак не могли уgomониться: они выкрикивали ругательства и пытались напасть на полицейских. В общем, в медицинском центре царил суматоха.

Пока Джек прохаживался по вестибюлю, пытаясь найти обидчика Вики, он успел кое-что узнать из обрывков разговоров. Все эти буйные мужики были выпускниками частной школы Святого Варнавы. Джек был о ней наслышан: заведение для богатых детишек, расположенное в районе восьмидесятих улиц. Похоже, обед по поводу двадцать пятой годовщины выпуска ограничился лишь закусками. Уже за коктейлем возникли споры. О чем? О качестве пирожков? О количестве хрена в соусе? Да о чем угодно. Спор перешел в потасовку, которая выплеснулась на улицу и завершилась беспорядками.

Они называют это «беспорядками». Ничего себе.

Но где же Поросенок? Джек принял озабоченный вид и пошел по кабинетам. Он заглядывал за занавески и видел, как врачи зашивают раны на головах и лицах, накладывают на руки шины и изучают рентгеновские снимки. Однако этого ублюдка он там не обнаружил.

Джека остановил охранник — крупный чернокожий мужчина, не расположенный к шуткам.

— Я могу вам помочь, сэр?

— Вот, ищу своего друга, — объяснил Джек.

— Если вы сами не пострадали, ждите в приемном покое, — указал он куда-то назад. — Обратитесь в регистратуру, там вам подскажут, где он может находиться.

Джек развернулся в сторону вестибюля.

— По-моему, он сломал ногу.

— Тогда ему, вероятно, накладывают гипс в процедурной, но вам туда нельзя.

— О'кей, — произнес Джек, делая шаг вперед. — Возвращаюсь в приемный покой.

На полпути туда он остановил девушку азиатского вида в зеленых резиновых перчатках.

— А где находится процедурная?

— Да вот же она.

Она указала на дверь и пошла дальше.

Вот балда, подумал Джек, глядя на деревянную дверь, на которой большими буквами было написано «Процедурная». Чуть мимо не прошел.

Он посмотрел по сторонам. Охранник, отвернувшись, говорил по рации. Джек толкнул дверь и вошел.

Вот он. Грязный, растерзанный, залитый кровью Поросенок лежал на столе, а доктор с сестрой бинтовали его правую ногу какой-то сеткой. Глаза у него остекленели, а челюсть отвисла — видимо, здесь его накачали чем-то успокаивающим. Теперь он выглядел совсем иначе, но Джек его узнал. Поросенок. Джек почувствовал, как у него сводит челюсти. Надо бы дать доктору возможность попрактиковаться и на другой ноге и обеих руках, а вдобавок нарезать бекона из жирной туши, но коп, стоящий в изголовье, наверняка будет возражать.

Джек молча оглядывал комнату. У него было всего лишь несколько секунд. Не стоит попадаться на глаза Поросенку — тот может вспомнить, кто сбросил его с лестницы, и предъявить обвинение. Сейчас Джеку нужно лишь его имя. На столике у двери он заметил папку, брошенную поверх рентгеновских снимков. Прихватив ее с собой, Джек ретировался в коридор.

Сверху лежала регистрационная форма, в которой были указаны имя и адрес: Роберт Б. Батлер, Шестьдесят седьмая улица. Джек знал этот дом — роскошный небоскреб всего в одном квартале от его собственного жилища. Запомнив номер квартиры Батлера, Джек прислонил папку к двери и направился к выходу.

Джек и Роберт Б. Батлер, выпускник частной школы Святого Варнавы, бог знает сколько времени жили рядом. Пока, наконец, их пути не пересеклись.

Четверг

1

Несмотря на ранний час, Джек был уже в пути, наслаждаясь теплой летней погодой. Слишком хорошее утро, чтобы тратить его на выяснение отношений с толстым выпускником частной школы. Джек еще не решил, как подступиться к мистеру Батлеру, но в любом случае тот от него не уйдет. Сейчас же он направлялся к новому клиенту. Он согласился встретиться с доктором Радзмински на ее территории, потому что ее порекомендовал надежный человек. Ее территория представляла собой диабетическую клинику на Семнадцатой улице между Юнион-сквер и Ирвинг-Плейс, неподалеку от прачечной-автомата.

Войдя внутрь, Джек увидел толпу бедно одетых людей, где смешались представители всех рас и полов. Темнокожая сестра в белом халате, сидящая на стойкой, с первого взгляда определила, что он здесь белая ворона. Нельзя сказать, что Джек был так уж хорошо одет, но его выцветшая фланелевая рубашка, потертые джинсы и стоптанные рыжие ботинки были намного приличнее тех тряпок, что носила здешняя публика.

— Чем я могу помочь? — спросила сестра.

— Я к доктору Радзмински. Она меня ждет.

Порывшись в бумагах на своем столе, сестра выудила желтый листок.

— Да. Вы Джек? Она просила сразу же проводить вас к ней.

Девушка повела его по коридору мимо занавешенных дверей — из-за одной из них доносился запах спирта — и остановилась у небольшого кабинета в торце здания. За столом сидела молодая женщина с короткими темными волосами. Взглянув на вошедших, она улыбнулась. Совсем девчонка — никак не больше двадцати. Какой из нее доктор?

— Вы, должно быть, Джек? — спросила она, поднимаясь и протягивая руку.

— А вы — доктор Радзмински?

— Просто Надя, — поправила она его. — Доктором меня зовут только пациенты.

Открытое лицо, приветливая улыбка, темные блестящие глаза — Джек сразу же почувствовал к девушке симпатию.

— Спасибо, Жасмина, — поблагодарила она сестру.

Та вышла, закрыв за собой дверь. Надя указала на стул, заваленный бумагами.

— Сбросьте их на пол и садитесь.

Из кофеварки, стоящей на полке, девушка налила в пластмассовый стаканчик кофе.

— У нас есть сахар и сухие сливки.

— Два кусочка, пожалуйста.

— Это мой единственный порок, — сообщила она, прихлебывая кофе из огромной черной кружки, на которой большими белыми буквами было написано «НАДЯ». — Пристрастилась в ординатуре.

— Можно спросить?

— Конечно.

— Не обижайтесь, но не слишком ли вы молоды для доктора?

Она понимающе улыбнулась:

— Меня все об этом спрашивают. Да, лицо у меня детское. Большая удача для манекенщицы или актрисы, но для врача, который должен вызывать доверие и уважение, это совсем не подарок. Но уверяю

вас, я самый настоящий дипломированный эндокринолог.

— Это что-то связанное с гормонами?

— Совершенно верно. Моя специальность — это железы: щитовидная, паращитовидная, поджелудочная, надпочечник, гипофиз и так далее. Диабет — один из основных объектов эндокринологии, и поэтому я здесь. Но меня, прежде всего, интересуют стероиды.

— Накачка мускулов?

Она опять улыбнулась:

— Анаболики — лишь один из видов стероидов. Есть еще кортизон и эстроген. Помните, что прошептал Дастина Хоффману тот парень из «Выпускника»?

— Конечно. «Пластика».

— Правильно. То же самое я слышала от одного из моих профессоров. Он любил повторять: «За стероидами будущее». Со временем мне стало ясно, что он прав. Я даже провела кое-какие исследования в этой области. Но хватит обо мне. Поговорим о вас. Чем вы так поразили Алисию Клейтон? Она с таким энтузиазмом рекомендовала именно вас.

На этот вопрос Джек отвечать не стал.

— А вы откуда се знаете?

— По университету. Тогда мы еще не дружили, но обе были отличницами и занимались в группе для продвинутых студентов. После университета она уехала преподавать в колледже, но недавно вернулась, и мы с ней сошлись и часто видимся. Я рассказала ей о своей проблеме, и она дала мне ваш телефон. — Надя нерешительно взглянула на Джека. — Она сказала, что вам можно доверить даже свою жизнь.

Надеюсь, она не вдавалась в подробности, подумал Джек.

— А что, ваша жизнь в опасности?

— Нет. Но она *так* это сказала... Что же вы все-таки для нее сделали?

— Уверен, Алисия сама посвятит вас во все подробности, если захочет.

— Да в том-то и дело, что она не хочет. Что-то с ней стряслось на прошлое Рождество — вот все, что я знаю, — улыбнулась Надя. — Еще она говорила, что вы не из болтливых, и теперь я вижу, что это правда.

Беседовать с Надей было приятно, но Джеку не терпелось перейти к сути дела.

— Чем же я могу быть вам полезен?

— Это касается моего шефа.

Только не сексуальные домогательства, подумал Джек. С откровенным хамом он еще может справиться, но всякие косвенные намеки и провокационное поведение — дело слишком скользкое.

— Это ваш главный врач?

— Нет. Клиника открыта при больнице, и я работаю здесь на общественных началах.

— Колете больным инсулин?

— Нет. Этим занимаются сестры. Я заполняю карты, определяю, насколько повреждены органы, назначаю лечение. Здесь лечатся в основном бродяги. Представьте, каково приходится бездомному диабетiku, — негде хранить инсулин, невозможно контролировать уровень сахара в крови, нет денег на одноразовые шприцы.

Да, несладко, подумал Джек. Теперь он понял, что объединяет этих двух женщин. Алисия руководила детской клиникой для больных СПИДом в Сент-Винсенте, всего в нескольких кварталах отсюда.

— Моя основная работа — я получила ее всего две недели назад — в фармацевтической компании «ГЭМ-Фарма». Слышали о такой?

Джек покачал головой. «Мерк» и «Пфайзер» — этих он знал, но какая-то ГЭМ...

— Это небольшая компания, — продолжала Надя. — Они занимаются производством и продажей самых распространенных лекарств — антибиоти-

ков, таблеток от давления — в общем, всего того, что есть в любой домашней аптечке. Но в отличие от большинства подобных компаний они пытаются вести самостоятельные исследования, правда в небольшом объеме. Для этого меня и взяли.

— Не прошло и двух недель, а шеф уже донимает вас?

— Нет, кто-то донимает *его*. Во всяком случае, мне так кажется.

Слава богу, подумал Джек. Никаких сексуальных игр.

— А отчего вам так кажется?

— Я видела, как он спорил с каким-то человеком в офисе компании. Они стояли далеко, и я не слышала, о чем идет речь, но тот человек в бешенстве толкнул шефа и выскочил вон.

— Это был работник фирмы?

— Нет, но его лицо показалось мне знакомым. Потом я весь день пыталась вспомнить, кто это, и, наконец, меня осенило. Милош Драгович!

Так-так-так, подумал Джек. Совсем недавно к нему обратился еще один пострадавший от Драговича. Два клиента интересуются Драговичем почти одновременно. Популярная личность.

Надя внимательно посмотрела на Джека. Она по-своему истолковала его молчание.

— Не может быть, чтобы вы о нем не слышали.

— Да нет, слышал. Кто же не знает пройдоху серба?

Именно так окрестила Милоша Драговича газета «Пост» пару лет назад. И он вполне соответствовал прозвищу. Ему неоднократно предъявлялись обвинения в незаконной торговле оружием, вымогательстве, сводничестве и даже в убийстве, но он всякий раз выходил сухим из воды. Одетый с иголки за всегдатай закрытых ресторанов и модных ночных клубов, где он был на дружеской ноге со всеми знаменитостями, Милош Драгович стал новым Джоном

Готти, сменив этого мафиозного франта на городской ярмарке шика.

— Вы уверены, что это был он? — спросил Джек.

— Абсолютно. Я нашла старый номер «Нью-Йорка» с его фотографией на обложке. Милош Драгович — его ни с кем не спутаешь.

— И он напрягает вашего босса. Как вы думаете, почему?

-- Именно это я и хотела бы узнать.

— Ну, раз ваш босс работает в фармацевтической компании...

— Он один из ее владельцев.

— Не надо большого ума, чтобы догадаться, что здесь пахнет криминалом. Почему бы вам не сообщить в полицию, что пройдоха серб наехал на вашего шефа?

— У Драговича может быть на него компромат, что-то такое, что он использует для шантажа. Возможно, он уже втянул беднягу в какое-то темное дело. Мне бы не хотелось, чтобы он как-то пострадал или угодил за решетку.

Джек заметил, что, когда Надя говорит о своем шефе, с которым не проработала и месяца, голос у нее как-то меняется, а в глазах появляется особый блеск. Возможно, их связывает не только работа.

— И кто же он, этот ваш шеф, о котором вы так печетесь?

Надя в нерешительности закусил верхнюю губу и пожала плечами:

— Черт, если я уже столько вам выложила, нет смысла скрывать его имя. Это доктор Люк Монне.

— Тезка известного художника?

— Произносится так же, но пишется с двумя «н».

Ну вот, подумала Надя, я все и выболтала. Только бы потом не пожалеть.

Меньше всего на свете Надя хотела бы, чтобы у доктора Монне начались неприятности. Поэтому она и обратилась к Наладчику Джеку.

Спокойно, приказала она себе. Алисия сказала, что этому человеку можно доверять. А доверие Алисии Клейтон не так-то легко заслужить.

После восторженного отзыва Алисии она ожидала увидеть внушительного вида мужчину, высокого и атлетически сложенного. Но человек, потягивающий кофе за ее столом, не представлял собой ничего особенного — тридцать с небольшим, приятная, но совсем не впечатляющая внешность, темные волосы, карие глаза, непринужденные манеры. Одет как сотни мужчин, которых она ежедневно встречает на улице. В общем, полная заурядность.

Человек, которому я доверяю свою жизнь, должен быть похож на Клинта Иствуда или Арнольда Шварценеггера, подумала Надя. А не на героев Кевина Костнера, молодых и неприметных.

Но потом она вспомнила слова Алисии: «Пусть тебя не вводит в заблуждение его скромная внешность — кусается он гораздо лучше, чем лает».

— Сдается мне, он для вас не просто шеф, — заметил Джек.

Надю задела бесцеремонность этого замечания. Неужели так заметно? Она небрежно пожала плечами:

— Мы давно знакомы. Он преподавал у нас на медицинском факультете.

— Тот самый профессор, который говорил, что за стероидами будущее?

Она кивнула, с удовольствием отметив, что от него ничего не ускользает.

— Это благодаря ему я стала заниматься эндокринологией.

Джек внимательно посмотрел на нее, как бы говоря: «Давай, давай, рассказывай... Я-то знаю, что дело тут совсем в другом».

Да, действительно. Дело в другом. Но Надя вовсе не собиралась рассказывать незнакомому человеку, как отчаянно влюбилась она в Люка Монне, когда училась в университете. В его темные вьющиеся во-

лосы, черные сияющие глаза, тонкие черты лица, стройную фигуру, но более всего в его *манеры*. Его аристократические повадки и чуть заметный французский акцент прямо-таки *источали* аромат европейской культуры. Надя так увлеклась им, что стала строить планы соблазнения. Она припомнила одну из своих прежних фантазий...

Она входит в его кабинет и запирает за собой дверь. Надя трезво оценивала свою внешность — далеко не фотомодель, но и не урод. Она не раз ловила на себе взгляды доктора Монне, и потому план ее не казался столь уж нереальным. На ней блузка в обтяжку и мини-юбка, открывающая пупок. Она просит объяснить взаимосвязь между уровнем гормонов и сексуальным влечением. Обойдя вокруг стола, она становится рядом с доктором, чуть задевая его бедром. Если он продолжает возиться со своими молекулярными структурами и не понимает намека, она просто берет его руку и кладет ее между своих голых ног. Кровь у них закипает, они срывают друг с друга одежду, и он овладевает ею прямо на своем столе, демонстрируя незаурядные познания в искусстве любви, которыми так славятся французы.

Но все оставалось на уровне фантазий, пока однажды, в конце семестра...

Надя заерзала на стуле, чтобы унять томительное ощущение внизу живота. Даг Глисон — вот кто сейчас герой ее романа.

— Чем же вы ему так обязаны, что решили играть роль ангела-хранителя?

— Я вовсе не Кертис Слива. Но когда человека, который определил мой жизненный выбор и дал первую в жизни работу, втягивают во что-то незаконное, я не могу молчать.

— А почему вы думаете, что его втягивают против воли? — поинтересовался Джек.

— Да полно вам. Если известный мошенник в прямом смысле толкает его на моих глазах, я вы-

нуждена предположить, что он толкает его на что-то сомнительное и в переносном.

Джек медленно кивнул:

— Логично. Чего же вы хотите от меня?

— Ряд вещей.

Надя разработала свой алгоритм для спасения доктора Монне, похожий на те, что печатают в медицинских журналах для диагностики и лечения болезней. Она мысленно нарисовала несколько квадратов, соединив их логическими связями.

— Сначала надо определить, что связывает доктора Монне с Милошем Драговичем. Если их взаимоотношения лежат в рамках закона — в чем я сильно сомневаюсь, — мы оставляем все как есть. Если же *нет*, мы идем дальше. И если доктора Монне шантажируют, я намерена это пресечь.

Джек быстро взглянул на нее:

— А если он сам влез в это дело и никто его туда не втягивал, тогда что?

Это был последний член алгоритма, пустой, еще не заполненный квадрат. Надя надеялась, *молила Бога*, чтобы заполнять его не пришлось. Она не допускала мысли, что доктор Монне может заняться чем-то предосудительным по своей воле. Он был достаточно обеспечен и не нуждался в деньгах.

Но тут она вспомнила о тех мошенниках, которые в восьмидесятые годы ободрали сотни миллионов людей, провернув аферу с поддельными облигациями. Разве они успокоились, когда сорвали *огромный* куш? Нет, они уже не могли остановиться. Деньги перестали иметь для них значение. Риск — вот что волновало им кровь, и они завязали все глубже, пока не попались.

Возможно, внешняя сдержанность доктора — всего лишь маска, за которой таится жажда риска, сильных эмоций и адреналина в крови.

Ее гость может найти ответы на те вопросы, которые она бы предпочла не задавать. Но надо же что-

то делать. И при этом не терять веры, что близкий ей человек находится вне подозрений.

Надя вздохнула:

— Вряд ли. Сначала раскопайте это дело, а там видно будет.

— Согласен, — коротко ответил Джек. — Но мне нужны адреса и телефоны — его, ваши, рабочие, домашние — словом, все.

Надя вытащила из сумочки конверт:

— Здесь все, что вам нужно. И, кроме того, я написала все, что знаю о его биографии, образовании, научной работе, плюс все сведения о компании «ГЭМ-Фарма».

Джек улыбнулся:

— Вполне деловой подход. Это мне нравится.

— Есть еще одна проблема, — замялась Надя, чувствуя, как внутри у нее все напряглось. Алисия предупредила ее о расценках Наладчика Джека. — Это деньги.

— Да, мои услуги чего-то стоят.

— Конечно, никто и не ожидает, что вы будете работать даром. Но я только что закончила ординатуру и совсем недавно получила эту работу, так что, может быть...

Джек не шевельнулся, но она почувствовала, что он как-то ушел в себя.

— Не могу ли я снизить цену? — Он покачал головой. — Обычно я не торгуюсь, особенно когда дело касается таких типов, как Драгович. Иногда яставляю счет позже, но не в таких случаях.

Ну что ж, во всяком случае, я попыталась, подумала Надя.

— Хорошо, а можно заплатить в рассрочку?

Джек сидел и молча смотрел на нее. Наде показалось, что прошла целая вечность.

— Вот что я вам скажу, — наконец заговорил он. — Ко мне уже обращались по поводу мистера Драговича — как раз на прошлой неделе. Если я

смогу как-то объединить два этих дела, возможно, сделаю вам скидку.

— А если не сможете?

Он пожал плечами:

— Я не предоставляю рассрочек. В моем положении я просто не смогу привлечь должника к ответственности, если он решит меня надуть. Но для подруги Алисии я готов сделать исключение.

Надя с облегчением вздохнула.

— И вы мне поможете?

— Я займусь этим делом. Это все, что я могу вам пообещать.

Надя нерешительно вытащила из портмоне еще один конверт. В нем похрустывали десять банкнотов по сто долларов. И эти немалые деньги она отдает человеку, с которым знакома всего несколько минут. Но за его неприметной внешностью угадывалась железная воля. Она инстинктивно чувствовала, что сделала правильный выбор.

— Ну хорошо. Вот тысяча долларов в качестве... чего? Задатка?

Он улыбнулся и, не заглядывая в конверт, опустил его в карман.

— Задаток, первоначальный взнос — называйте, как вам больше нравится.

— А расписку вы мне дадите?

Он снова улыбнулся и покачал головой:

— Никаких расписок или письменных документов. Никаких свидетельств нашей встречи. — Он поднялся и протянул ей руку. — Только это.

Она протянула свою.

— Вот наш контракт, — добавил он, не разжимая руки. — Вы доверяете мне в этом деле, а я доверяю вам в вопросе оплаты.

— Доверие, — тихо проговорила она. — Какое чудесное слово.

Он выпустил ее руку и шагнул к двери.

— Я буду держать с вами связь.

Он ушел, и Надя погрузилась в раздумья. Любой, кто узнал бы, что она отдала тысячу долларов совершенно незнакомому человеку, счел бы ее сумасшедшей. Но беспокоили ее не деньги. Она понимала, что договор этот будет крепче каменной стены и без письменных документов.

Нет, ее грызли сомнения, а стоило ли вообще все это затевать. И вдруг возникло предчувствие, что дело это добром не кончится.

2

Когда Джек шел в сторону Парк-авеню, надеясь поймать такси, его кто-то окликнул:

— Эй, Джек!

Обернувшись, он увидел Одноногого Ленни, стоящего у стены театра на Юнион-сквер; одной рукой он опирался на костыль, а в другой держал пластиковый стаканчик с мелочью на дне. Правая нога у него заканчивалась чуть ниже колена.

— Привет, Ленни, — отозвался Джек. По-настоящему парня звали Джерри, но он предпочитал более благозвучный вариант. — Что ты здесь делаешь?

— Что всегда... Получаю пособие по безработице.

На Ленни был потрепанный пиджак, его спутанные седеющие волосы выглядели так, словно он потерял расческу еще во Вьетнаме, да так и не купил новую. На изрезанных морщинами щеках торчала трехдневная щетина. Довершали картину слишком большие джинсы и несколько рваных рубаш, одетых одна на другую. На вид ему было лет пятьдесят, но могло быть и сорок, и все шестьдесят.

— Всегда, да всякий раз по-новому, — заметил Джек, указывая на то, что осталось от правой ноги

Ленни. — Насколько я помню, раньше у тебя не было левой ноги. Что случилось?

— Да что-то бок у меня стал побаливать в последнее время, пришлось сменить ногу.

Джек до сих пор не мог понять, как Ленни умудряется подтягивать ногу так, чтобы ее не было видно. Должно быть, чертовски неудобно, но Ленни утверждал, что собираемые им деньги того стоят.

— Послушай, Джек, — понизил голос Ленни. — У меня есть кое-что новенькое.

— Не сегодня.

Джек знал, что Ленни приторговывает наркотиками.

— Да это совсем новый товар, и такой клевый. Хочешь, дам попробовать? Бесплатно.

— Нет, спасибо.

— Моим клиентам нравится. Голова после него не гудит и не трясет совсем.

— Здорово. Но как-нибудь в другой раз.

— О'кей. Только свистни.

Махнув рукой на прощание, Джек пошел дальше, сразу же забыв о Ленни. Он думал о своей недавней встрече с клиентом, где речь тоже шла о Драговиче. Пришлось попусту тащиться на Стейтен-Айленд.

Раньше Джек встречался с клиентами в баре у Хулио, но месяц назад, когда он стоял у стойки, потягивая пиво, в бар вошел какой-то парень и спросил Наладчика Джека. Хулио, как всегда невозмутимый, ответил, что сюда приходят десятки парней по имени Джек. Вы договорились здесь встретиться? Парень сказал, что нет, он просто слышал, что этот Джек здесь постоянно околачивается, а ему надо с ним поговорить. Хулио сказал, что парень, видимо, ошибся, и поскорее спровадил его.

Джек вовсе не хотел, чтобы кто-то знал, где он все время «околачивается», — может быть опасно

для него самого, да и для Хулио тоже. Он старался сохранять инкогнито, но это не всегда удавалось. За все эти годы он приобрел немало врагов. Гораздо больше, чем хотелось бы.

Поэтому, когда на прошлой неделе ему позвонил некто по имени Сол Витуоло, Джек назначил встречу на Стейтен-Айленде. Оказалось, что Сол хочет, чтобы Джек замочил Милоша Драговича — он прямо так и заявил без всяких обиняков. Джек объяснил, что он не мочит людей за деньги, и вернулся в Манхэттен.

Но теперь он подумал, что стоит опять заглянуть к старине Солу: может, он согласится на что-нибудь менее радикальное. Раз уж Джек все равно будет охотиться на Драговича по Надиному заказу, почему бы Солу Витуоло не оплатить часть работы?

Но сначала надо поговорить с Эйбом и выяснить, что ему известно о пресловутом сербе.

Выйдя на Парк-авеню, Джек хотел было остановить такси, но его опередила женщина в красном плаще. Когда она открывала заднюю дверь, на нее налетел мужчина в темно-синем костюме. Оттолкнув женщину, он быстро проскочил в машину. Но дама с ругательствами выхватила у него из рук кейс и отбросила на тротуар. Растерянный мужчина выскочил из такси и побежал за своим кейсом.

Джек не мог сдержать улыбки. Молодец, дамочка. Так этому нахалу и надо.

Кто-то рядом с ним воскликнул:

— Ай да девчонка!

Джек стал ловить другое такси, но вдруг заметил, что вместо того, чтобы сесть в машину, женщина погналась за своим обидчиком. Выхватив из кармана ножницы, она принялась наносить удары. Мужчина закричал от ужаса и боли, а ножницы все вонзались ему в плечи, спину и бедра. Дама уже нацелилась в шею, но тут подбежал водитель такси и с помощью прохожего отташил ее от бедняги

и сумел разоружить. Громко взвизгнув, она набросилась на него с кулаками.

Пойду-ка я лучше пешком, подумал Джек.

3

— Ты там был? — спросил Эйб, жуя бублик. — Видел этот бунт выпускников?

Магазин спортивных товаров Эйба Гроссмана был еще закрыт, но Джек знал, что Эйб — ранняя птичка и все свое время отдает работе. Он постучал в витрину, помахав пакетом с бубликами, и Эйб открыл ему дверь.

— Ну, бунт — это сильно сказано, — возразил Джек, выковыривая кунжутные семена из бублика и разбрасывая их по прилавку, где их тут же склевывал голубой попугай Эйба. — Просто уличный мордобой. Но там были кое-какие неприятные моменты.

Эйб, лысеющий мужчина за пятьдесят, с круглым брюшком, обтянутым белой рубашкой, сидел на высоком стуле за своим обшарпанным прилавком. Вокруг него на стеллажах, на полу, на прилавке были беспорядочно навалены велосипеды, роликовые коньки, хоккейные клюшки и прочие товары, имеющие отношение к спорту. Казалось, по магазину промчался ураган.

Когда Джек рассказал ему, что приключилось с Вики, он, поморщившись, спросил:

— А этот шутник... он все еще жив и здоров?

— Пока да.

— Но ты, конечно, поправишь ситуацию?

— Я работаю над этим, — коротко ответил Джек. Сейчас ему не хотелось говорить о Батлере. — Ты что-нибудь знаешь о Милоше Драговиче?

Бублик в руке Эйба застыл на полпути ко рту.

— Ну, симпатягой его не назовешь.

- Расскажи мне о нем.
- Он пачинал в моем бизнесе.
- Торговля оружием?

Эйб кивнул:

— На Балканах. Типичное порождение девяностых этот Драгович. Нажил капитал во время войны в Боснии; они с братом продавали оружие обеим сторонам. Оба там родились, но выросли здесь. Во время Второй мировой их отец служил в сербской милиции, так что нужные связи у них были. Они сколотили банду из бывших военных и пробились во все виды криминального бизнеса — наркотики, мошенничество, проституция, ростовщичество — словом, все, на чем можно сделать деньги.

— Середина девяностых? Прекрасно помню все эти разборки и убийства. Не знал, что это дело рук Драговича.

— Ну, не все, конечно, но свою лепту он внес. Братья тогда объединились с русской мафией и использовали Брайтон-Бич как плацдарм против гаитян и доминиканцев. Насколько я знаю, война была беспощадной.

— Некоторая этническая чистка?

— Можно сказать и так. Когда начались события в Косове, Милош с братцем — не помню, как его звали, — опять стали торговать оружием, но того убили в какой-то переделке. После Косова Милош еще больше разбогател и приобрел влияние.

— А как он ведет дела?

— Все контролирует сам. Никаких помощников и посредников. Не особенно маскируется — считает это признаком слабости. Любит светскую жизнь.

— Да, он обожает мелькать в газетах.

— Собирается открыть клуб на месте бывшей «Реджины», так что скоро вся блестящая публика повалит к нему валом. А как он будет называться, знаешь?

— «Логово Милоша»?

— Еще хуже. «Белгравия».

— Только не это! — рассмеялся Джек.

— Но он откроется только осенью, так что успеешь забронировать себе место. — Эйб посмотрел на Джека поверх очков. — А какие у тебя с ним дела?

Джек пожал плечами:

— Ко мне уже двое обратились с просьбой познакомиться с ним.

— Будь осторожен. Он большая сволочь. Не боится запачкать руки. Говорят, даже любит это дело.

— Запачкать кровью?

— Именно.

Джек вздохнул:

— Но я не собираюсь сталкиваться с ним вплотную.

— Вот и хорошо. Быть от него на расстоянии вытянутой руки — уже опасно.

Эйб доел бублик и стряхнул крошки с рубашки. Попугай бросился их подбирать.

— Посмотри на Парабеллума. Эта птица лучше, чем веник. — Эйб покачал головой. — Я от нее тащусь.

— Тебе надо почаще бывать на улице, Эйб.

— Что я, лох какой-нибудь, чтобы ходить и нарываться на бандитов? Фью! Я ведь читаю газеты.

Эйб махнул коротенькой ручкой в сторону толстой пачки; он читал все ежедневные газеты: «Таймс», «Дейли ньюс», «Пост», «Ньюсдей», «Виллидж войс» и даже розовый листок «Обсервера».

— Здесь настоящие джунгли. Я уж лучше посижу дома и посмотрю очередной ремейк «Я люблю Люси».

— Да полно тебе, Эйб. Сейчас в городе безопасно, как в детском парке.

— Да, так говорит наш мэр и его ребята, но я-то знаю, что все это брехня. На самом деле все обстоит как раз наоборот. И вообще, когда в городе слишком спокойно, это плохо для бизнеса.

— Это прекрасно для бизнеса, кроме твоего, конечно.

Доход от торговли спортивными товарами не покрывал даже арендной платы, не говоря уже об остальном. Поэтому Эйб нелегально приторговывал оружием — его настоящий товар не был выставлен в витрине.

— Упали доходы?

Эйб пожал плечами:

— Упали? Да нет, скорее застыли на месте. Но это даже хорошо. Значит, мы приближаемся к цели.

— Общество взаимного уважения?

Эйб кивнул. С его точки зрения, идеальным могло быть только то общество, члены которого никогда не расстаются с оружием. Он искренне верил в поговорку, что оружие — лучший учитель вежливости.

— А как у тебя дела? Есть ли спрос на услуги Наладчика Джека?

— Как никогда. Похоже, мой бизнес не скоро накроется.

Эйб рассмеялся:

— Ну, тогда тебя ожидает блестящее будущее. А если серьезно, то, сдаётся мне, город стал уж слишком безопасным, и потому у людей крыша едет. Они так привыкли к опасностям, что теперь, когда их нет, лишний адреналин сносит им башни.

Джек посмотрел на него в упор. Что ему особенно нравилось в Эйбе, так это его безумные идеи. Но самому старику он об этом не говорил.

— Ну, что скажешь? — поднял на него глаза Эйб.

— Никогда не слышал ничего глупее.

— А тогда чем ты объяснишь, что почтенные и законопослушные джентльмены вдруг устраивают дебош, как это случилось вчера? А на это ты что скажешь? — ткнул он в «Нью-Йорк пост», лежавшую на прилавке. — Ах, чтоб тебя!

— Похоже, твой пернатый веник оставил тебе благодарственную записку.

Эйб схватил тряпку и вытер помет Парабеллума.

— Вот, — указал он на какую-то заметку. — Директор рекламного агентства узнает, что от них уплыл заказ. И что же он делает? Берет пресс-папье и начинает дубасить своего подчиненного, который этот заказ упустил. Избивает его до полусмерти. Это нормально?

Джек вспомнил, в какое неистовство впала дамочка, ловившая такси, но говорить об этом не стал. Эйб сочтет это подтверждением своей теории.

— Мы живем в большом городе. Здесь всякое бывает.

— Это не отдельные случаи. Такое происходит постоянно, я же вижу. Все одно к одному. Люди слетают с катушек без всякой видимой причины — или из-за какого-нибудь пустяка. И все потому, что город стал слишком безопасным. Избыток адреналина. Слишком много злости накопилось. Надо что-то с этим делать.

Эйб оседлал любимого конька. Джек с удовольствием послушал бы его рассуждения, но надо было спешить.

— Есть предложения?

— Пока нет.

— Могу подсказать один ход, — усмехнулся Джек, направляясь к двери. — Начинай собирать подписи под петицией о превращении Нью-Йорка в опасный город. А пока ты этим занимаешься, я пойду встречу еще с одним клиентом.

— Будь осторожен, — напутствовал его Эйб. — Вокруг сплошная агрессия.

4

Когда Надя вошла в роскошный вестибюль тридцатистажного здания на Тридцать четвертой улице, у нее закружилась голова. Все прежние сомнения

развеялись, как дым, сменившись радостным ожиданием: после двух недель подготовки и испытаний она, наконец, приступит к работе над долгожданным проектом.

Но когда Надя вошла в лифт, внутри у нее все похолодело. Там стоял мужчина лет пятидесяти, в бежевом клетчатом костюме, стоившем не меньше двух тысяч долларов, а возможно, и больше, если учитывать, что он был сшит на заказ и идеально сидел на слишком широких плечах. Сверкающие черные ботинки из кожи ящерицы, гремучей змеи или другой экзотической рептилии, рубашка без галстука, с бриллиантовой запонкой на высоком пасторском воротничке. Блестящие черные волосы, зачесанные назад и густо напомаженные, оттеняли румяное скуластое лицо с крупным носом и тонкими губами. Холодные карие глаза, оглядывавшие кабину, равнодушно скользнули по Надиному лицу. Удав, оценивающий степень доступности окружающих его кроликов.

Милош Драгович.

Настроение у Нади совсем упало, когда она увидела, что он нажал кнопку шестнадцатого этажа — ту самую, которую несколькими секундами раньше нажала она.

Он тоже идет на фирму «ГЭМ-Фарма». Зачем? Опять трести доктора Монне? Пора положить этому конец. Нет, все-таки хорошо, что она обратилась к Джеку. Все сомнения исчезли. Она поступила правильно.

Надя искоса поглядывала на Драговича. Впечатляющая внешность — таким она ожидала увидеть Наладчика Джека. От него исходила сила — настоящий супермен, который доказывает это всем своим видом. В отличие от неприметного Джека сразу бросается в глаза — и стремится к этому.

Теперь Надя поняла, почему к нему так тянутся знаменитости, манекенщицы и начинающие кино-

дивы. В его чертах, волосах, фигуре было что-то первобытное. Милош Драгович обладал чисто животным магнетизмом. Вся кабина пропиталась его мускусным запахом — туалетная вода под названием «Тестостерон».

Похоже, он ехал один. Надя оглядела кабину. Все остальные были похожи на обычных служащих. Неужели такие крутые парни, как Драгович, ездят без охраны и шестерок?

Лифт остановился на шестнадцатом этаже, где находился офис компании «ГЭМ-Фарма». Драгович вышел первым и остановился у стеклянной двери с логотипом ГЭМ.

Увидев Надю через стекло, секретарша фирмы Клодин улыбнулась и помахала рукой. Но Драгович оказался проворнее.

— Извините, сэр... — начала Клодин.

— У меня встреча с вашими шефами, — с легким акцентом произнес Драгович, даже не взглянув на нее. Голос у него был низкий и резкий.

Клодин заглянула в ежедневник:

— Но у меня ничего не записано.

— Это потому, дорогая, что встречи назначаю я.

Драгович уверенно пошел по коридору — казалось, он хорошо знает это место.

— Никакая я вам не «дорогая», — бросила ему вслед Клодин.

— Вызови охрану, — сказала Надя.

Клодин пожала плечами:

— Что толку? Никто не смеет ему перечить.

Надя негодуяще уставилась нахалу в спину. Какое право он имеет так нагло лезть напролом? Ее так и подмывало последовать за ним и тайно проникнуть на эту встречу. Но это слишком рискованно. Если ее обнаружат, дело может закончиться увольнением.

Глубоко вздохнув, Надя решила не портить себе праздник и направилась напрямик в лабораторию. Компания арендовала два этажа: на верхнем распо-

лагались корпоративные службы, отделы маркетинга и сбыта, нижний был занят научно-исследовательской лабораторией — детищем доктора Монне. В целях безопасности пройти в лабораторию можно было только через верхний этаж — лифт там не останавливался.

Надя опустила карточку в электронный замок, и он со щелчком открылся, пропуская ее внутрь. Она побежала вниз по лестнице, на ходу приветствуя коллег. Добравшись до своего кабинета, она надела белый халат и устремилась к кофейнику.

Руки, державшие чашку, предательски дрожали. Слишком много кофеина или это злость на Милоша Драговича?

...Это потому, дорогая, что встречи назначаю я...

Какое высокомерие. Почему он так подмывал руководителей ГЭМ? Надя все готова была отдать, лишь бы узнать, что же сейчас происходит в комнате для переговоров.

5

— Не желаю слушать никаких отговорок! — отрезал Милош Драгович, стукнув кулаком по столу. Он с удовольствием отметил, как вздрогнули Гаррисон и Эдвардс. И только этот мудака Монне лишь чуть скривил рот, словно проглотил что-то кислое. — Мне нужен товар, и немедленно!

Милош грозно посмотрел на владельцев «ГЭМ-Фарма», сидящих напротив него. Он хорошо знал этих гарвардских мальчиков — лет десять назад Гаррисон, Эдвардс и Монне создали собственную компанию, назвав ее начальными буквами своих фамилий — ГЭМ. Неплохо придумано.

Слева от Драговича сидел Кент Гаррисон, рыжий, круглолицый и вечно измятый бакалавр медицины, который занимался в фирме организаци-

онными вопросами. Рядом расположился Брэд Эдвардс, стройный красавчик брюнет, весьма состоятельный адвокат, который вложил в эту фирму значительную сумму денег. Он заведовал юридическим отделом и исполнял функции сетевого администратора.

Последним (по месту за столом, но отнюдь не по значимости) был доктор Люк Монне, руководитель научно-исследовательской лаборатории. Монне, доктор медицины и философии, успел опубликовать несколько сенсационных работ, понять которые были в состоянии лишь три человека в мире.

Монне... Один вид этого типа приводил Драговича в раздражение. Так и подмывало расплющить его лягушачий нос. Возможно, Милоша бесило высокомерие, с которым держался Монне, словно он был персоной королевских кровей, или его пренебрежительная манера смотреть на Драговича как на некое пресмыкающееся, неожиданно выползшее из-под камня. Двоих других Милош мог поставить на место одним движением бровей, а этого Монне...

Доктор Монне скрестил руки на груди, откинулся на спинку стула и в упор посмотрел на Драговича.

Тот стиснул зубы. Эй, Монне, я могу купить тебя со всеми твоими потрохами. Мои родители тоже были эмигрантами. Мы оба начинали с нуля, но я сумел сколотить капитал, пока ты сидел на учительской зарплате и изображал благородную бедность. Да, сейчас и у тебя появились деньжата, но только благодаря мне и моим связям. Без меня ты давно бы вылетел в трубу.

И все же Монне смотрел на него свысока, словно восседая на некоем почетном пьедестале, до которого Драговичу никогда не дотянуться.

— К сожалению, Милош, очередная партия «локи» будет готова не раньше следующей недели, — произнес Монне безукоризненно вежливым тоном.

— Да, да, — поспешно подтвердил Гаррисон. По его пухлым щекам стекали струйки пота. Прямо жареный молочный поросенок, не хватает только яблока во рту. — Будь у нас товар, мы бы сразу же передали его вам, как это обычно делается.

— И... и... давайте рассуждать здраво, — подал голос Эдвардс. — Мы ведь тоже в убытке, если нет продаж, верно? Прежняя партия кончилась, а подготовку новой мы сможем начать лишь в конце этой недели.

— А мне плевать на ваши проблемы. Ясно? — рявкнул Драгович с внезапно появившимся акцентом. Он повернулся, поднял стул и отшвырнул его к стене. — Никаких проволочек! Я хочу получить «локи» прямо *сейчас*.

Родители вывезли Милоша из Герцеговины в пятилетнем возрасте. Во время Второй мировой отец его служил в армии и после прихода коммунистов к власти сбежал в Штаты и осел со всей семьей в Бруклине. Приживались они там с трудом. Все свое детство и юность Милош посвятил искоренению акцента. В конце концов, ему это удалось. Заканчивая среднюю школу, он говорил по-английски совсем чисто. Но, попав в определенные круги, быстро понял, что небольшой акцент может быть весьма полезен для обольщения или угроз — в зависимости от обстоятельств. В общем, к двадцати годам Милош Драгович дал задний ход и начал копировать отцовский выговор.

— Но нам пока нечего вам предложить, — заскулил Эдвардс, ерзая на стуле.

— Почему? Вы спустили товар кому-то другому? Да? И теперь для меня ничего не осталось?

— Избави бог! — простонал Гаррисон. — Да нам такое и в голову не могло прийти!

— И правильно! Если узнаю, что вы сплавляете «локи» на сторону, посворачиваю вам шеи, как цыплятам.

Драгович сложил кулаки и показал, как он это делает.

Эдвардс заморгал.

— Хорошо, но если вы не толкнули «локи» кому-то другому, тогда где он? — спросил Драгович, упершись руками в бока.

— Да у нас его просто нет, — чуть не плача проговорил Эдвардс.

Милош с трудом удерживал улыбку. Ему нравилось издеваться над этими слабаками. Он прекрасно знал, что к концу месяца их запасы истощаются, и вовсе не потому, что они толкают товар налево, однако считал нужным держать в страхе Божьем их жалкие душонки (Богом в данном случае был грозный Милош).

Он с нетерпением ожидал этих встреч. И комната для переговоров с полной звукоизоляцией, отсутствием окон и электронной защитой подходила для этой цели как нельзя лучше. Там он мог кричать и бросать предметы, не рискуя быть услышанным снаружи. Милош предпочитал приходить без предупреждения и без охраны — он не хотел, чтобы его люди знали, откуда берется «локи», — и, нагнав страху на этих слизняков, столь же неожиданно исчезать, оставляя их трястись в обмоченных штанах.

Но с Монне эти номера не проходили.

Можешь сколько угодно пыжиться, доктор, подумал Драгович, но я припас для тебя подарочек, нечто такое, отчего с твоей противной морды разом слетит вся спесь.

Монне вздохнул:

— Ну сколько можно об одном и том же? Молекула «локи» очень неустойчива. Когда она распадается, мы вынуждены создавать новую формулу. Она будет у нас уже завтра, и мы сразу же начнем над ней работать. Определим ее потенциал и начнем полномасштабное производство.

Милош наклонился над столом и впился взглядом в своего собеседника:

— Доктор Монне, очевидно, держит меня за дурака?

Монне выдержал этот взгляд.

— Напротив. Вы гораздо умнее, чем хотите казаться. Тем более непонятно, зачем вам вся эта наигранная свирепость. Это совершенно излишне.

Самоуверенность Монне привела Милоша в бешенство. Так бы и свернул ему шею. Но он сдержался, решив, что момент сейчас неподходящий. Он разберется с доктором по-другому. И пусть они считают его законченным психом.

Драгович выпрямился и одарил присутствующих ослепительной улыбкой.

— Да, вы правы, — мягко произнес он. — Не будем конфликтовать. Мы ведь как братья, верно? Короче, когда ваш брат получит новую партию товара?

Гаррисон с Эдвардсом тревожно посмотрели на Монне.

— Завтра мы получим новую формулу, в пятницу вечером или в субботу утром закончим испытания. Если все пойдет хорошо, сразу же запустим препарат в производство. Из-за праздников первая партия отодвинется на вторник. Но объем будет значительным.

— Отлично! В конце недели я уеду из города, но буду на связи.

Гаррисон и Эдвардс заметно повеселели.

— Летите в Европу? — с надеждой спросил Эдвардс.

— Нет, в Ист-Хемптон. Обживаю новый дом на побережье. Устраиваю вечеринки для друзей. Рад бы и вас пригласить, но вы же будете по горло заняты моим «локи», верно?

— Вне всякого сомнения, — с готовностью подтвердил Гаррисон, а Эдвардс энергично закивал.

Милош в упор посмотрел на Монне. Угрозами и руганью его не проймешь. Но Милош приготовил для доктора кое-что другое, и сейчас настало время вытащить главный козырь.

— Особенно жаль, что ко мне не сможет приехать доктор. Я намерен угостить друзей необыкновенным вином, которое недавно купил по случаю. Это бордо. Вы ведь слышали о «Шато Петрю»?

Он заметил, как напрягся Монне. Но голос его прозвучал безучастно:

— Да.

— Конечно же слышали. Его ведь делают у вас на родине. Как глупо с моей стороны спрашивать вас об этом. Ну так вот, вчера вечером я купил шесть бутылок «Шато Петрю» 1947 года класса «Крю Эксепсьонель» и буду пить его в выходные. Какая жалость, что вы не сможете приехать и попробовать мое приобретение. Судя по всему, это отменное вино.

Милош злорадно наблюдал, как бледнеет доктор Монне. Глаза его широко раскрылись. Казалось, он потерял дар речи.

— Всего хорошего, господа, — попрощался Драгович и вышел в коридор.

6

Когда за Драговичем закрылась дверь, Люк почувствовал, что теряет голову. Будь у него пистолет, он не задумываясь выбежал бы в коридор и пристрелил этого подонка. Люк никогда не держал в руках оружия, но по такой цели, как Драгович, он бы не промахнулся.

От слов Драговича у него просто подкосились ноги. Неужели эта обезьяна следит за ним? Иного объяснения он не находил. Вероятно, кто-то из людей Драговича шел за ним до самого «Сотбис» и

сообщил своему боссу, что Люк участвует в торгах. Драгович немедленно вмешался и перебил цену.

Но зачем? Вряд ли его славянская глотка способна оценить коллекционное бордо. Значит, единственной его целью было досадить Люку.

Но почему? Потому что он не трясется от страха под свирепыми взглядами Милоша?

Если вся эта история с вином понадобилась Драговичу для того, чтобы продемонстрировать свою крутизну, то он зря потратил деньги. Люк и без того знал, как опасно вести с ним дела.

Брэд Эдвардс со стоном запер дверь.

— И как нас угораздило связаться с этим маньяком?

— Ты знаешь как, — отозвался Кент Гаррисон, вытирая лицо рукавом рубашки. — И главное, отлично знаешь почему, черт бы тебя побрал.

Брэд горестно кивнул.

— Да, знаю, — вздохнул он, опускаясь в кресло. — Но вот как от него теперь избавиться — этого я не знаю.

— Зато я знаю, — наконец подал голос Люк.

— Как? — в один голос завопили его компаньоны, подскочив в своих креслах.

— Просто не будем продавать ему «локи».

— Это совсем не смешно, Люк, — остановил его Брэд, как бы отмахиваясь ухоженной рукой от этих слов. — Не совсем удачная тема для шуток.

— А я не шучу, — возразил Люк, чувствуя, как по спине пробегает холодок. — Возможно, у нас просто не будет выбора.

Кент нервно сглотнул.

— Ты говорил, что наш источник мелеет. Неужели он совсем истощился?

— Пока нет. На этот раз обойдется. Еще рано впадать в панику.

Люк был уверен, что, случись самое страшное, Оз обязательно позвонит ему.

— Но в отношении следующего раза у меня большие сомнения.

— О господи! — взвыл Брэд, весь трясаясь. — Ты это серьезно? Через месяц мы будем на мели? Но ведь Драгович нас убьет!

— Да, вероятно, убьет, — спокойно подтвердил Люк. — Или, по крайней мере, попытается.

Но пусть сначала меня найдет, мысленно добавил он.

Сам Люк мог уехать в Прованс, где эта сербская свинья никогда до него не доберется, но вот Кент с Брэдом...

Кент издал звук, похожий на рыдание.

— Но надо же ему сказать, как-то подготовить. Убедить, что это не наша вина.

— Думаешь, у тебя получится? — засомневался Люк. — Это же настоящее животное. Но, несмотря на все его угрозы, нам нечего бояться, потому что никто, кроме нас, не сможет сделать «локи». Если мы перестанем снабжать его этим средством, он подумает, что мы либо набиваем себе цену, либо нашли другого покупателя — по-другому просто не бывает. А если он не сможет получать то, что хочет, он нас попросту прикончит. Наша последняя надежда — попытаться стабилизировать молекулу «локи». Если мы...

— Но ты же *не смог*! — возразил Брэд. — Ты пытался стабилизировать ее сразу же после того, как обнаружил, и у тебя ничего не получилось. Мы потратили *кучу денег* на твою лабораторию. И что же? Да ничего! И этот парень, Макинтош, тоже ничего не смог сделать. Давай смотреть фактам в лицо — молекулу «локи» вообще невозможно стабилизировать!

— Возможно. Просто требуется другой подход. Я пригласил новую сотрудницу, она талантливый ученый и...

— И — что? — ехидно спросил Гаррисон. Лицо у него покраснело и слилось с рыжими волосами.

— Если она такая умная, то скоро обо всем догадается и будет шантажировать нас, как Макинтош.

— Надя совсем не такая.

Когда их менеджер по продажам Глисон предложил вместо Макинтоша взять Надю Радзмински, Люк сразу заинтересовался этой идеей. Он хорошо помнил ее, и не только из-за того, что произошло между ними, когда он преподавал в университете. Она была способной студенткой, проявлявшей особый интерес к молекулярной биологии. В последние годы ее имя не раз появлялось среди авторов наиболее заметных работ по этой теме. После собеседования, где она, в свою очередь, обнаружила близкое знакомство с его последними публикациями, Люк понял, что Надя — их последняя надежда.

— И, кроме того, я поставил дополнительную защиту на свои файлы. Она будет знать только то, что я сочту нужным. — Люк посмотрел на своих компаньонов: — У нас нет разногласий по поводу ее зарплаты?

Компаньоны кивнули — Брэд с некоторой неохотой.

— Ничего себе зарплата, — пробурчал он.

Кент откинулся назад, запустив руки в огненную шевелюру.

— Если у нее получится, она оправдает каждый вложенный в нее цент. Если только не попытается нас надуть, — сказал он, подозрительно взглянув на Люка.

Но на этот счет Люк был совершенно спокоен. Надя смотрела на него с трогательным обожанием. Это обстоятельство, подкрепленное высокой зарплатой, а также теплотой и участием с его стороны, — что сулило довольно приятную перспективу, — заставит ее пахать как трактор.

— Господи, у нас осталось только четыре недели. Когда она приступает к работе? — спросил Брэд.

— Сегодня я покажу ей молекулу «локи», и завтра она уже начнет работать над новой формулой.

— Четыре недели, — прошептал Брэд. — Мы не успеем.

— Успеем, — уверенно произнес Люк.

Должны успеть, подумал он. Ему вдруг показалось, что стены маленькой комнаты смыкаются, погребая его внутри. Брэд оборудовал это помещение вскоре после того, как они связались с Драговичем. Неплохая идея — ведь теперь они часто собирались, чтобы обсуждать деликатные темы с криминальным душком, — и комната со звуковой и электронной изоляцией пришлась для этого как нельзя лучше. В этой комнате без окон Люк всегда чувствовал себя как в клетке, а сейчас и вообще там стало нечем дышать.

Люк поднялся и пошел к двери.

— Она как раз ждет меня в лаборатории.

Он отпер дверь и осторожно приоткрыл ее, чтобы не задеть шедших по коридору. Дверь была на пружинах и захлопывалась автоматически, не выпуская наружу ни один звук. Люк вышел в коридор и с удовольствием вдохнул прохладный воздух. Во всяком случае, таким он ему показался. Он все еще чувствовал себя неважно.

Прислонившись к стене, Люк стал вспоминать, как попал в эту западню.

Когда Кент с Брэдом пригласили его во вновь созданную фирму, чтобы заполучить его имя и репутацию, будущее представлялось таким безоблачным. Все казалось возможным. А теперь все летит к черту. Хотелось кричать от досады.

Подумать только, безобидные эксперименты с кроною некоего странного существа сломали ему жизнь, превратив в торговца наркотиками, в убийцу. Крайняя степень падения, дальше уж некуда.

Теперь все зависело от Нади. Он пытался стабилизировать молекулу всеми мыслимыми способами,

но потерпел неудачу. Возможно, ему просто не хватило интеллекта или иссякли творческие силы. А может быть, сказывался постоянный стресс от общения с Драговичем или давило чувство обреченности, сознание того, что все его благополучие может в любую минуту разлететься вдребезги. Но какова бы ни была причина, пробить эту стену он так и не смог.

Однако свежая голова, светлая и ничем не отягощенная, возможно, разгадает то, что ему оказалось не по силам.

Четыре недели... Люк зажмурился. Надя. Не подведи меня, девочка. Сейчас все зависит от тебя.

7

Надя сидела в темном кабинете и смотрела на сферическую структуру, которая висела в воздухе перед ее глазами. Это была молекула ловастатина, препарата, снижающего уровень холестерина в крови. Лекарство это, разработанное компанией «Мерк», выпускалось под торговой маркой «мевакор», но у него закончился срок патентования, и «ГЭМ-Фарма» стала продавать его аналог по гораздо более низкой цене.

Не отрывая глаз от молекулы, Надя пробежала пальцами по клавиатуре, подвигала шаровым манипулятором, и в воздухе появилась дополнительная метиловая группа, которая сразу же прилепилась к краю молекулы. Надя повернула трехмерное изображение на 360 градусов в двух плоскостях, чтобы убедиться, что новая группа сориентирована в нужном направлении, и — вуаля! — ловастатин превратился в симвастатин, еще одно липидопонижающее средство компании «Мерк», именуемое «зокор». Но «зокор», в отличие от «мевакора», был все еще защищен патентом и поэтому недоступен для ГЭМ. Во всяком случае, пока.

Наде очень нравилась эта чудо-лаборатория, оборудованная по последнему слову техники. Никаких банок с реактивами, пипеток, термостатов и сушильных шкафов — все эксперименты и химические реакции были виртуальными и осуществлялись с помощью голографической установки. Подобная техника стоила огромных денег, и далеко не всякая фармацевтическая компания могла себе позволить такую роскошь. Но доктор Монне объяснил Наде, что ГЭМ делает ставку на собственные научные разработки. Нельзя же вечно оставаться в роли простых продавцов. И голографическая лаборатория была шагом на пути к самостоятельности.

Надя тихонько вздохнула. Все это время она без устали осваивала сложную технику, и теперь голографическое моделирование не представляло для нее никакой трудности. Сейчас она была готова к любому заданию.

— Эй, — раздался позади нее знакомый голос. — А в стрелялки можно играть на этой штуке?

Надя резко повернулась на крутящемся стуле. Увидев вошедшего, она быстро заговорила, едва переводя дыхание:

— Даг! О господи, что ты тут делаешь? Как ты сюда попал? Тебя же уволят, если увидят здесь.

Сильные руки подняли ее из кресла и сжали в объятиях. Она обняла Дага и сразу узнала запах его одеколона — это был «Вудс», который она подарила ему на день рождения. Надя прижалась к сильному телу, ей нравилась его основательность и надежность.

Дуглас Глисон, высокий блондин с обаятельной улыбкой и смеющимися голубыми глазами. Но за привлекательной внешностью и непринужденными манерами скрывался острый как бритва интеллект.

Одет он был в тот самый серый костюм, который был на нем в день их первой встречи.

Это произошло в прошлом году на ежегодном заседании Медицинского общества. Даг сидел за стойкой компании «ГЭМ-Фарма» в выставочном павильоне. Надя проходила мимо с сумкой через плечо и ноутбуком в руках. Она слышала, что доктор Монне оставил преподавание и основал с друзьями компанию, и потому решила взглянуть на их экспозицию. Когда Даг поднял глаза и улыбнулся, ее словно ударило током. Вообще-то она не собиралась там останавливаться, но как было пройти мимо — эти чудные глаза и густые пшеничные волосы притягивали как магнит. Ее окутало облако феромонов, лишив способности сопротивляться...

Она прошла за стойку и долго слушала, не понимая ни слова, как Даг превозносит достоинства «трисефа», нового антибиотика третьего поколения, разработанного компанией ГЭМ. Когда он закончил свою восторженную речь, она взяла блестящий рекламный листок и пообещала при первом же случае опробовать это магическое средство. Но феромоны все не отпускали ее, и она спросила об аналогах патентованных лекарств, которые выпускает их фирма. Когда и эта тема была исчерпана, ей не оставалось ничего иного, как поблагодарить молодого человека и направиться к выходу.

— Скажите, а это не 486-й? — вдруг спросил Даг, указывая на ее ноутбук. — Я таких сто лет уже не видел.

Он хочет, чтобы она осталась! Надя с облегчением вздохнула.

Стараясь не выдать своего волнения, она сказала, что сейчас его можно использовать разве что в качестве пресс-папье. Утром он никак не хотел загружаться. Даг устроил себе перерыв, сел рядом с ней и за считанные минуты привел ноутбук в чувство, да так, что он стал загружаться быстрее, чем раньше. Молодой человек заговорил о каких-то *ini* и *win.ini* файлах, которые почему-то «зависли», но

для Пади это было китайской грамотой. К компьютерам она относилась так же, как к машинам: умела с ними обращаться и использовать для своих надобностей, но понятия не имела, что там у них под капотом.

Они разговорились, и Надя узнала, что Дуглас Глисон на самом деле программист, а вовсе не торговый агент. У него есть своя небольшая компания «Глисофт», но она пока бездействует. Вот почему он работает торговым агентом: надо же на что-то жить, пока он набирается опыта и познает все тонкости фармацевтического бизнеса, чтобы в дальнейшем разрабатывать новые программы, которые произведут революцию в торговле лекарствами.

Даг пригласил ее поужинать вместе — чисто деловое мероприятие за счет фирмы ГЭМ, — и она согласилась. Ужинали они в «Вонге», французско-вьетнамском ресторане, совершенно недоступном для тех, кто живет на ординаторскую стипендию. Еда там была просто сказочная, а их общение — полубожественным. Даг был блестящим собеседником с весьма разносторонними интересами, но больше всего ей понравилась его целеустремленность. У этого человека была цель в жизни и твердая воля, чтобы ее достигнуть. Если для начала надо поработать торговым агентом — он будет им работать. Но Даг ничего не делал впустую, просто не мог. Он с головой уходил в любое дело, и скоро его стараниями объем продаж в компании вырос до рекордного уровня.

За первым ужином последовали другие, и вскоре они уже завтракали вместе. Дело явно шло к свадьбе.

Но сейчас Надя не на шутку испугалась. Она высвободилась из его рук и отступила к стене.

— Даг, это ведь закрытая зона. Как ты сюда попал?

Он протянул кредитную карту «Мастер-кард»:

— С помощью вот этого.

— Кредитная карта? Но каким образом?

— Это моя старая карточка. Я стащил твой пропуск и переписал на нее магнитный код.

— Но это же нарушение закона!

Еще не хватало, чтобы его посадили.

Он пожал плечами:

— Возможно. Я просто попробовал, что получится. И, кроме того, уж очень захотелось посмотреть на этот агрегат, о котором ты столько рассказывала.

Он прошел мимо нее и остановился перед голографической установкой, над которой висела трехмерная голограмма. На лице у него появилось восторженное выражение.

— Это потрясающе. Хотел бы я знать, что там за программа.

— Зря я тебе вообще о ней рассказала.

Зная любовь Дага ко всякой компьютерной технике, Надя рассказала ему о молекулярных голограммах. Он просто умирал от любопытства, но ей и в голову не могло прийти, что он отважится на подобный шаг.

Даг сновал вокруг установки, оглядывая электронные блоки.

— Ой, Надж, Надж, Надж, — бормотал он с каким-то сексуальным восторгом. — У тебя здесь программа «Силикон крафикс ориджин 2000»! Все бы отдал, чтобы поработать с этой штукой.

— Даже не думай об этом. Если она сломается...

— Не волнуйся, — успокоил он ее. — Я не буду ничего трогать. Разве я посмею. Мне просто захотелось ее увидеть. И тебя тоже.

— Меня? Почему?

— Сегодня ведь знаменательный день, правда? Начало твоей первой серьезной работы. Я пришел пожелать тебе удачи и преподнести вот это.

Он полез во внутренний карман пиджака и извлек оттуда желтую полураспустившуюся розу.

— О, Даг!

Надя взяла цветок и понюхала плотно свернутые лепестки. На душе у нее потеплело. Одна-единственная роза, но как глубоко тронул ее этот подарок. Она поцеловала Дага.

— Как мило с твоей стороны.

— Надеюсь, ты будешь работать над другой проблемой, не той, над которой потел Макинтош.

— Отчего бы и нет?

— Потому что он называл ее «сучья работа».

— Ты его знал?

— Так, пропускали иногда по кружке пива. Том был не слишком веселый парень. И друзей у него почти не было. Он не вдавался в подробности, но все время повторял: «Что за сучья работа». В конце концов ему надоело, и он слинял.

Счастливым днем, подумала Надя. А началось все с того, что Даг сообщил доктору Монне, что одна из его бывших студенток заканчивает ординатуру и вполне может заменить Макинтоша.

Если бы она знала, что замышляет Даг, то, конечно, остановила бы его. А когда выяснилось, что он предложил доктору Монне взять ее на работу, Надя была близка к панике. Ее роман с доктором продолжался всего один день, да и романом-то вряд ли можно было это назвать...

Как-то в конце семестра, получив высший балл за успеваемость (чтобы он не думал, что у нее корыстные мотивы), она пришла к нему в кабинет и стала раздеваться. Он с изумлением смотрел на нее, да она и сама едва осознавала, что делает. Но на ней было так мало надето, что передумывать было некогда. Через тридцать секунд она стояла перед ним в костюме Евы, соски у нее отвердели, и он колебался всего пару мгновений...

Они провели остаток дня, занимаясь любовью на всех горизонтальных поверхностях, имевшихся в билете, а также у стен и дверей. Вечером он пригла-

сил ее в ресторан и сказал, что все было прекрасно, но продолжения иметь не будет. Да, он потерял голову, но у него есть жена, и он не имеет обыкновения заводить интрижки на стороне.

К его и своему собственному удивлению, она ответила, что все отлично понимает и сама не хочет никаких длительных отношений. Ей просто захотелось переспать с таким роскошным мужчиной.

Надя до сих пор изумлялась, как у нее хватило духу сказать такое — и сделать такое. Вся эта авантюра была совершенно не в ее характере. Никогда в жизни, ни до, ни после этого, она не позволяла себе ничего подобного. Возможно, это было желание отпустить тормоза и выкинуть какой-нибудь фортель. Смелости ей придавал тот факт, что курс обучения у нее закончился и она больше никогда не увидит доктора Монне.

Но случилось иначе. Когда Даг сообщил ей, что доктор Монне приглашает ее на собеседование, он был так горд собой и счастлив, что Надя просто не решилась сказать «нет». Она с ужасом ждала этой встречи, но доктор Монне оказался на высоте. Он и виду не подал, что их связывает нечто большее, чем обычные отношения преподавателя и студентки. Ее профессиональные навыки интересовали его гораздо больше, чем тот давний эпизод, и он засыпал ее вопросами о влиянии анаболических стероидов на уровень серотонина — тема ее совместных публикаций с доктором Петрилло.

После этого собеседования ее многолетнее обожание доктора Монне сменилось безмерным к нему уважением.

Через два дня он позвонил и на этот раз упомянул их мимолетный роман. Сказал, что прекрасно помнит ту «интимную встречу», но все это следует оставить в прошлом. Ему нужен человек для разработки очень важной проблемы, и никакие былые увлечения не должны этому мешать. Если она га-

рантирует чисто профессиональный подход к работе, можно считать, что ее приняли в штат.

Надя не нашлась что ответить. Вот это мужчина. Просто король.

Доктор Монне обговорил ее кандидатуру с руководством компании, и через несколько дней она уже сидела в лаборатории.

Мало того, Даг предложил не афишировать их отношения.

— Я сказал ему, что мы просто старые друзья, и ничего больше. Так что поддерживай эту версию. Им может не понравиться, что мы встречаемся. Могут подумать, что это мешает работе.

Надю это вполне устраивало, хотя она не совсем понимала, как Даг может мешать ее работе.

«Сучья работа» — так, кажется, выразился ее предшественник, прежде чем исчезнуть. Сама она никогда не уйдет отсюда, какой бы трудной ни оказалась эта проблема. Работать с доктором Монне — это такое счастье.

Единственным человеком, не разделявшим ее восторгов, была ее мать, которая считала, что «настоящий врач» не должен заниматься какими-то там исследованиями. Она хотела, чтобы Надя лечила больных, как и положено «настоящему доктору».

Подожди немного, мама. Сначала я должна внести свой вклад в науку. Ну а тогда уже можно становиться практикующим врачом — я тебе это обещаю, мама.

— А ты виделся с Макинтошем после того, как он ушел? — спросила Надя.

Даг покачал головой:

— Нет, он как в воду канул. Я же говорил, что он не слишком общительный парень.

— Надеюсь, он все-таки успел решить эту «сучью проблему».

— Но даже если он спасовал, тебе-то это раз плюнуть, — усмехнулся Даг.

— Благодарю за доверие, — сказала Надя, взяв в руки розу. — И спасибо за подарок. Но теперь, будь добр, сматывай удочки.

— Эй, Надж, ты имеешь дело с главным менеджером по продажам. Они за меня держатся. И, кроме того, тебе не кажется, что они перегибают палку с этой безопасностью?

— Ничуть, — возразила Надя. — Мы ведь работаем с человеческими гормонами.

— Ну и что? Все с ними работают.

— Правильно. Но представь, что ты нашел способ изменить эстроген таким образом, что, предотвращая остеопороз, приливы во время климакса и повышение уровня холестерина, он больше не создает опасности появления тромбов или рака груди и мочевого пузыря. Или мы, к примеру, берем анаболический стероид и устраняем все нежелательные побочные эффекты, одновременно увеличивая его способность сжигать жиры. Как ты думаешь, чего будет стоить подобное средство?

Даг присвистнул.

— Можно увольнять всех торговых агентов. Люди и так будут стоять в очередях.

— Верно. Вот почему все, что мы разрабатываем здесь, должно оставаться в этих стенах, пока не будет официально запатентовано.

Даг поднял руки:

— Сдаюсь. Ты меня убедила. — Он выглянул за дверь. — Но мне кажется, здесь есть и другая подоплека.

— Какая?

— Я не знаю, что тебе известно о ГЭМ, но они начинали с продажи аналогов известных антибиотиков и пару лет назад купили у японской компании «Ногата» права на «трисеф». Если бы на «трисеф» не было спроса, они бы разорились, но случилось обратное, и прибыли поползли вверх. По данным «Фармацевтического форума», сейчас это

самое модное лекарство. Все покупают «трисеф». Уж я-то знаю — мы зарабатываем кучу денег только на одних этих пилюлях. Но ГЭМ не выплачивает дивидендов. И, кроме того, сокращает торговых агентов. Я уже еле справляюсь.

— Значит, тебе доверяют. Раз этот антибиотик и так идет нарасхват, нет нужды впаривать его публике.

Даг взглянул на нее:

— Не выплачивают дивидендов, увольняют торговых агентов — создается впечатление, что компания прогорает, а не гребет деньги лопатой. Ты читала годовой отчет?

— Нет...

— Там говорится, что почти вся прибыль вкладывается в фундаментальные разработки.

Надя подняла руку:

— Эй, это про меня.

Фундаментальные разработки — это научно-исследовательский центр, как раз то место, где они сейчас находятся. Она показала на голографическую установку:

— Вот наглядное тому подтверждение.

— Но на то количество денег, которое, по их словам, тратится на научные разработки, можно купить дюжину таких установок. Несколько странно, тебе не кажется?

Надя пожала плечами:

— Балансовые отчеты — не мое дело.

— И не мое тоже. Но мне кажется, если я собираюсь стать главной мартышкой в программных джунглях, мне надо понимать, как работают компании. И будь я проклят, если что-нибудь понимаю, — улыбнулся Даг. — Впрочем, это не моя забота. Через год меня здесь уже не будет, а пока продолжим торговать как ни в чем не бывало. — Он притянул ее к себе и поцеловал. — Поужинаем вместе?

— Как насчет «Койота»?

— Ничего не имею против техасско-мексиканской кухни. Я тебе позвоню.

Даг направился к двери, но Надя схватила его за руку:

— Вау! А что, если ты наткнешься на доктора Монне? Я пойду вперед и выясню обстановку.

Она проводила его к выходу. По дороге им попала пара сотрудников, которые не обратили на Дага никакого внимания. Раз он здесь, да к тому же с доктором Радзмински, значит, так надо.

Надя вышла в коридор и огляделась. Никого. Она помахала Дагу.

— Давай уноси скорее ноги, — сказала она, быстро целуя его. — И не вздумай прийти снова.

Улыбнувшись и помахав рукой, он пошел по коридору в сторону приемной. Повернув назад, Надя едва не столкнулась с доктором Монне.

— Надя! Вот вы где. Я только что звонил в лабораторию, чтобы предупредить, что задерживаюсь. Но через полчаса я освобожусь, и мы начнем работать.

Он выглядел расстроенным и выбитым из колеи. Тут явно не обошлось без Драговича. Она почувствовала, как в ней закипает гнев. Как смеет этот бандит приставать к уважаемому ученому? Ему необходима спокойная обстановка, чтобы полностью сосредоточиться на своей работе.

Не волнуйтесь, доктор Монне, мысленно успокоила она его. Я знаю, что у вас неприятности, и я нашла того, кто вам поможет.

Интересно, а Джек уже приступил к работе? По силам ли ему это дело? И чем он сейчас занят?

8

Ближайший путь на Стейтен-Айленд лежал через мост Бейонн. Сол Витуоло, к которому направлялся Джек, был владельцем автомобильной свалки у Рич-

мони Террас. У дороги, тянувшейся вдоль старых доков, было разбросано множество таких свалок. По краю дороги лепились дешевые магазинчики запчастей, но Джек в таких не отоваривался.

Во времена его детства жители Нью-Йорка называли этот каменистый берег Ричмондом и использовали под свалку. В семидесятые он получил название Стейтен-Айленда. Но его обитатели предпочитали говорить, что они из Джерси, избегая упоминать это убогое место.

Поставив свой пятилетний «бьюик-сенчури» на стоянке, Джек вышел из машины. В воздухе стояли морская вода, ацетилен и окиси углерода. Перепрыгивая через лужи, он направился к конторе, но тут раздался громкий возглас «Берегись!».

Обернувшись, Джек увидел, как вилочный погрузчик пытается поднять стопку старых шин высотой никак не меньше двадцати футов. Стопка наклонилась, как Пизанская башня, и на мгновение показалось, что она удержится. Но она все-таки рухнула, и шины, подпрыгивая, покатались в разные стороны. Полдюжины из них понеслись в сторону Джека. Зрелище не для слабонервных, так что Джеку пришлось уворачиваться и делать зигзаги, чтобы избежать столкновения. Но от грязных брызг уберечься не удалось. Оказавшись в безопасности, он с улыбкой наблюдал, как рабочие гоняются за шинами, словно пастухи, собирающие разбежавшееся стадо. Потом Джек вошел в контору.

Сол Витуоло не слишком обрадовался его приходу. Контора представляла собой тесную комнатунку, душную и темную — два крошечных оконца заросли грязью. За столом сидел мужчина лет сорока, с низким лбом, седоватой двухдневной щетиной на щеках и большим животом.

— Ты тот парень, что приходил на прошлой неделе? Джек, так ведь?

— Так.

- Тот, который отказался мне помочь.
- Совершенно верно.
- А зачем тогда вернулся? Передумал, что ли?
- Отчасти.

Сол не дал ему договорить. Глаза у него загорелись, он стал рубить руками воздух.

— Тем лучше, я уже нашел способ, как проверить это дело. Я знаю парня, который будет кормить всю эту сербскую шайку в выходные. Он возьмет тебя официантом. Подсыплешь этой сволочи яду. Проще простого, верно?

— В кусок торта? — поинтересовался Джек.

— Я и сам бы это сделал, если бы был к нему поближе. Рубишь фишку?

— Кажется, да, — ответил Джек. Он сбросил на пол пачку каталогов запчастей и уселся на стул. — Но сначала, Сол, ты мне расскажешь, чем тебе так насолил мистер Драгович.

На прошлой неделе разговора у них не получилось. Когда Джек заявил, что он не мочит людей за деньги, Сол сказал, что ни на что другое он не согласен. На том они и расстались.

— Помнишь то дело об убийстве, по которому его привлекали зимой?

— Его, кажется, закрыли, потому что всех свидетелей поразила болезнь Альцгеймера?

— Точно. А знаешь, почему они вдруг потеряли память? Потому что одного из них пришили за пару дней до суда.

— Насколько я понял, убитый был твоим другом?

— Корво? — с отвращением произнес Сол. — Да он просто кусок дерьма. На свете стало меньше вони, когда он сдох. Таких только могила исправит. Нет, речь идет об убитом свидетеле — это был сын моей сестры Розанны — Арти.

— А как его угораздило попасть в свидетели?

— А бог его знает, — вздохнул Сол. — Арти связался с дурной компанией. Рано или поздно он все

ришно свернул бы себе шею. Я его предупреждал, работу ему предлагал, но он только фыркал: «Что-бы я работал на свалке? Да пошел ты...» Как будто и тягивал его во что-то дурное. Ну, в общем, он что-то знал о том убийстве, где был замешан Драгович. Во время следствия они там все раскопали и начали давить на парня.

— И он раскололся?

— Нет, Арти был не из таких. Железное нутро, — ткнул себя в грудь Сол большим пальцем. — Может, и голове у него и было пустовато, но он никогда не стучал. Да только Драгович об этом не знал и убрал его перед судом.

В тот вечер Драгович допоздна светился в клубе «21», обеспечивая себе алиби. Но Джеку хотелось знать, что еще известно Солу об этом деле.

— Но ты же не можешь сказать точно, что это был Драгович.

— Мне рассказывали, как это произошло. Машина схала прямо на Арти. Когда он попытался отскочить, она свернула за ним. Это не был несчастный случай.

— Допустим, что так. Но ты ведь сам сказал, что он спутался с дурной компанией. Возможно...

— Нет, это дело рук проклятого серба. Мне рассказывал один парень, который там был. Конечно, в спидетели его не заманишь, но он видел, что за рулем был один из головорезов Драговича. Так что это его работа. Я это точно знаю, и, что хуже всего, Розанна тоже знает. Всякий раз, когда мы встречаемся, она смотрит на меня, и в ее глазах я читаю вопрос: «Ты отомстишь за моего мальчика?» Она моя старшая сестра, но сейчас глава семьи я и все лежит на мне. Раньше наши семьи помогали друг другу в таких делах. Но сейчас времена другие. Поэтому я должен либо отомстить сам, либо найти кого-нибудь, кто сделает это за меня. Но этот серб совсем отвязный. Если я попытаюсь его достать и он догадается,

откуда ветер дует, все, я — покойник и мои родные тоже.

— Но ты можешь оставить все как есть.

Сол взглянул на Джека:

— И кто же я буду после этого?

— Зато останешься в живых.

— Да. Останусь в живых, чтобы всякий раз, когда встречается семья, — на Рождество, на Пасху, на дни рождения и на первое причастие, — видеть глаза Розанны, спрашивающие меня: «Когда, Сол? Когда ты это сделаешь?» — Он тяжело вздохнул. — Быть главой семьи — настоящий геморрой, прямо тебе скажу.

Джек промолчал. Нечего возразить.

— Ну так вот, — продолжал Сол, потирая лицо рукой. — Я рассказал Эдди о своих бедах, и он посоветовал позвонить тебе. — Он вытянул руки и посмотрел на Джека. — Так что давай действуй.

Джек хорошо помнил этого Эдди. Несколько лет назад он вытащил его из весьма затруднительного положения. И Эдди его не забыл.

— У меня есть кое-какие соображения, Сол.

— Валяй выкладывай.

— Убийство из мести, конечно, восстанавливает равновесие, но очень часто не приносит облегчения. Ты просто вымещаешь на обидчике все то горе, что он принес тебе и твоим близким. Но когда ты его убиваешь, для него все кончается. Все. Он уходит туда, где нет боли и страданий, а ты остаешься со своей бедой.

— Но я, по крайней мере, знаю, что он заплатил по счетам.

— Разве это расплата? Он уже ничего не чувствует, а твоя сестра по-прежнему страдает. Подумай об этом, Сол.

Сол последовал совету; некоторое время он молчал, глядя на пустую подставку для авторучек. Неужели его удалось убедить...

— Я так понимаю, ты говоришь о том, что хуже смерти, верно?

— Верно.

Сол нахмурился:

— Значит, опять старая волынка про то, что ты не мочишь людей за деньги.

— Вроде того.

— Знаешь, я уже думал о твоих словах на прошлой неделе. Он не мочит людей за деньги. Скажите, какие нежности.

— Ты так считаешь? — спросил Джек. Ему не очень нравился этот разговор.

Сол взглянул на него и пожал плечами:

— Ну и что ты предлагаешь? Искромсать его, как последнюю скотину? Исполосовать ему шкуру?

— Не совсем так. Я...

— Тогда небольшая ампутация конечностей. Эх! Отрезать ему ноги по колено. Окоротить его по всем статьям, — усмехнулся Сол. — Ха! Пусть ползает, как гном, и тычется носом в чужие гульфики.

Ничего себе, подумал Джек.

— Нет, я имел в виду кое-что другое. Может быть, подойти к нему с той стороны, где он наиболее уязвим. Драгович -- человек светский, любит крутиться среди знаменитостей, видеть свои фотографии в газетах рядом со всякими шишками...

Сол хлопнул рукой по столу и ткнул грязным пальцем в сторону Джека:

— Плеснуть кислотой в лицо! Он ослепнет и станет уродом! Здорово! Самое оно. Мне *нравится* ход твоих мыслей!

Джек прикусил язык. Скорее всего, его план не сработает.

— С кислотой мы всегда успеем, — осторожно начал он. — Слишком уж это просто. Я поищу что-нибудь позакovskyристей. Ты говорил, что Драгович устраивает вечеринку в выходные. Где?

— На своей новой хате в Хемптоне. И не одну, а две.

— Вот с этого мы и начнем. Адрес у тебя есть? Сол потянулся к телефону.

— Нет, но мой друг-ресторатор знает, где это. Думаешь поджечь его халупу во время их тусовки? — высказал предположение Сол, набирая номер. — Рожа у него загорится и расплавится. Меня это вполне устроит.

— Оставим поджог как крайнюю меру, — ответил Джек, стараясь, чтобы голос его звучал ровно.

Сол Витуоло занял бы первое место на конкурсе самых кровожадных заказчиков года. Что же ему такое предложить, чтобы обойтись без умерщвления, членовредительства и обезображивания жертвы? Джек покачал головой.

Возможно, вид нового жилища Драговича наведет его на какую-нибудь мысль. Но чтобы не застрять в субботних пробках, ехать надо сегодня.

9

— Я назвал ее «локи», — сказал доктор Монне.

Стоя рядом, Надя смотрела, как он манипулирует голограммой молекулы, висевшей в воздухе перед их глазами. Поначалу Надя опасалась, что столь близкое общение наедине вызовет всплеск прежнего сексуального влечения. Но, благодарение Богу, этого не случилось. Она по-прежнему восхищалась им как ученым, но вожделение ушло.

Надя напряженно всматривалась в изображение, но не потому, что оно было мелким или не в фокусе. Просто она никогда не видела ничего подобного.

— Вы ее синтезировали?

— Нет, я ее нашел.

— Где? На Луне?

Здесь, на Земле, но, будьте добры, не требуйте от меня объяснений. По крайней мере, сейчас.

Надя прикусила язык. Прежде чем поместить образец с молекулой «локи» в голографическую установку, доктор Монне потребовал от доктора Радзински соблюдения полной секретности: то, что она сейчас увидит, должно остаться в этих стенах. Теперь, глядя на молекулу, Надя поняла почему. Это было что-то совершенно уникальное.

Надя в изумлении смотрела на странное образование. Похоже на анаболический стероид, который столкнулся с серотонином, а потом вращался в органической среде, где подобрал незнакомые боковые цепочки в самых немыслимых комбинациях.

Форма этой молекулы шла вразрез со всеми законами органической химии и молекулярной биологии. Это было настолько чудовищно, что Надя почувствовала неприятный холодок внутри, словно она стала свидетельницей преступления.

Она попыталась превозмочь это ощущение. Как глупо. Молекулы не могут быть правильными или неправильными, они просто *существуют*. Эта имеет необычный вид, который поначалу сбивает с толку. Вот и все.

И тем не менее...

— Такая молекула не может быть устойчивой.

Доктор Монне взглянул на нее:

— И да и нет.

— Простите? — не поняла она.

— Она сохраняет эту форму в течение четырех недель...

— Четырех *недель*! — воскликнула Надя, но тут же взяла себя в руки. — Извините, доктор Монне, но такая структура не может просуществовать и четырех секунд.

— Согласен. И тем не менее, она сохраняется в течение двадцати девяти дней, а затем спонтанно распадается, превращаясь вот в это.

Он нажал несколько клавиш, и справа от парящей в воздухе молекулы появилась вторая. Увидев ее, Надя почувствовала облегчение. Эта молекула имела гораздо более естественную структуру. Тот факт, что патологическое образование приняло более нормальную форму, почему-то поднял Наде настроение.

Ну вот, опять, подумала она. *Нормальная* форма? С каких это пор я оцениваю химические структуры с точки зрения морали?

— А какие у нее свойства?

— Сейчас мы как раз проводим опыты на животных. Похоже, это вещество подавляет чувство голода.

— Что ж, нам это может пригодиться. А как насчет побочных эффектов?

— Пока не обнаружено.

Надя кивнула, почувствовав легкое волнение. Создать средство, снижающее аппетит, да еще без побочных эффектов, — все равно что получить лицензию на печатание денег.

— Но не слишком перегружайте нашу аппаратуру, — заметил доктор Монне, словно читая ее мысли.

— Не буду.

Взглянув опять на чудо-молекулу, Надя подумала, что вряд ли рискнула бы вводить в свой организм нечто подобное даже ради самой стройной фигуры.

— Нам еще надо решить проблему ее устойчивости. Мы не можем выпускать препарат со сроком годности двадцать девять дней, каким бы чудодейственным он ни был.

— Насколько я понимаю, распавшаяся молекула становится биологически инертной?

— Полностью. Вот почему я называю ее «локи».

— Это ведь какое-то скандинавское божество?

— Бог коварства и раздора, — подтвердил Монне. — И к тому же «локи» был оборотнем и мог принимать разные обличья.

— О, теперь я понимаю, в чем будет состоять моя работа: не дать оборотню изменить свой вид.

Доктор Монне развернул кресло и посмотрел на Надю:

— Да. Чрезвычайно важная для нас работа. Эта проблема должна быть решена *во что бы то ни стало*. От нее зависит будущее нашей компании.

Ой, только не это, подумала Надя.

— Будущее компании... Но это такая ответственность.

— Знаю и очень на вас рассчитываю.

— Но ведь у вас есть и другие лекарства...

— Все они ничто по сравнению с этим средством.

— Думаете, это выполнимо?

— Молюсь об этом. Но есть кое-что еще, что вы должны знать об этой молекуле. Она... она меняется очень необычным способом, еще неизвестным науке.

Взгляд доктора Монне стал таким напряженным, что Надя почувствовала неловкость.

— И как же?

Доктор облизнул губы. Почему он так нервничает?

— То, что я вам скажу, прозвучит невероятно, но я испытал это на собственном опыте.

Не похоже, подумала Надя. Уж слишком неуверенно выглядел доктор.

— Когда «локи» распадается, все свидетельства о ее бывшей структуре — цифровые, фотографические, пластиковые модели и даже человеческая память — меняются вместе с ней.

Надя прищурилась. Извините, доктор Монне, но вы, кажется, перехватили.

— Не хочу обидеть вас, сэр, но это совершенно невозможно.

— И я так сказал, когда впервые столкнулся с этим явлением. Я видел, что молекула изменилась, пропали боковые цепочки, но не мог вспомнить

какие. Нет проблем, подумал я, все это есть в компьютере. Но молекула в памяти компьютера выглядела точно так же, как распавшаяся.

— Как такое может быть?

Он пожал плечами:

— До сих пор не могу понять. Сначала я подумал, что это какая-то ошибка, и взял новую пробу...

— А где?

Монне поморщился:

— Это не имеет значения. Когда все повторилось, я решил подстраховаться. Записал исходную молекулу на диски, сделал распечатки и убрал их подальше. Когда молекула снова распалась, я достал все копии и... — Доктор остановился и сглотнул, словно у него пересохло во рту. — Все они изменились, и на них снова была уже распавшаяся молекула.

— Невероятно.

— То же самое подумал и я. Но такова была реальность. Что за этим крылось? Чей-то злой умысел или озорство? Но кому это нужно? Я принял соответствующие меры. Получив новую пробу, я сделал множество фотографий молекулы в ее первоначальном виде и спрятал их в самых разных местах, на работе и дома. Кроме того, изготовил пластиковую модель и запер ее в сейфе.

— Более чем достаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности.

Доктор Монне медленно покачал головой:

— Ничего подобного. Позже все они изменились: и компьютерные данные, и фотографии, и даже структурная модель.

— Возможно, я напоминаю вам заигранную пластинку, но, тем не менее, повторяю, что такое совершенно невозможно!

Надя никак не могла поверить, что доктор Монне способен нести подобную чушь. Он что, повредился в уме?

Доктор невесело улыбнулся:

— Я тоже все время твердил это, как заклинание. Тысячу раз повторял с тех пор, как начал работать с «локи», но в конце концов был вынужден принять всю эту мистику как непреложный факт. Раньше у меня был выбор? Свойства этой молекулы вполне предсказуемы и постоянны. А я был вынужден сидеть и смотреть, как все мои фотографии, модели и рисунки меняются у меня на глазах, не оставляя в памяти никаких следов.

— Но это... — Надя осеклась, не желая повторять уже сказанное. .

— Вы мне не верите, — произнес доктор с иронической усмешкой. — Это хорошо. Иначе я бы серьезно озабочился вашим здоровьем. Будь вы на моем месте, я бы порекомендовал вам интенсивную психотерапию и большие дозы торазина. Вот почему я не сразу показал вам «локи». Сегодня как раз двадцать девятый день с момента взятия пробы. Придя завтра на работу, вы обнаружите, что молекула распалась, а сами вы не можете восстановить в памяти ее первоначальный вид.

Ну уж нет, подумала Надя. Такое не забудешь.

— Вот тогда и начнется ваша работа. Я дам вам новый образец — возможно, последний, — и у вас будет двадцать девять дней, чтобы стабилизировать молекулу. Уверен, вы нас не подведете, как это сделал ваш предшественник.

— Я не привыкла отступать.

— Знаю. И поэтому весьма на вас надеюсь.

Да, она не привыкла отступать, но терпеть всю эту чертовщину не намерена. Слишком уж много тумана здесь напущено, попахивает псевдонаукой и некомпетентностью. Но ее на эту удочку не поймашь. Распадающаяся молекула — не такая уж диковина, но как быть с изменением всех свидетельств ее первоначальной формы? Просто абсурд какой-то.

Доктор Монне сказал, что это явление вполне предсказуемое и повторяющееся? Посмотрим. Она

сделает копии молекулярной структуры и возьмет распечатки домой. А завтра утром докажет, что он заблуждается.

— Вы сказали, что она изменится сегодня ночью. А вы не знаете, в котором часу это произойдет?

— С точностью до минуты.

— Вот как? И что же послужит детонатором?

— Небесное явление, — чуть поколебавшись, ответил доктор Монне.

О боже!

— Какое именно?

— Пока это тоже секрет, — проговорил он извиняющимся тоном. — Не хочу напускать таинственности, но будет лучше, если вы узнаете об этом завтра, когда сами во всем убедитесь.

Ее насторожило то, как он это сказал, — с обреченностью человека, смирившегося с неизбежным и даже не пытающегося бороться.

— Все это кажется нереальным и почти сверхъестественным.

— Знаю, — вздохнул доктор. — Это еще одна причина, почему я назвал молекулу именно так. Ведь «локи» — это божество, а значит, существо сверхъестественное.

10

— Я так рада, что ты взял нас с собой, — сказала Джиа.

Она сидела за рулем их «бьюика» в светло-голубых джинсах и розовой рубашке поло. Официально машина принадлежала ей. Она была зарегистрирована на ее имя, и Джиа могла пользоваться ею в любое время, но купил машину Джек, он же занимался ремонтом и платил за гараж. Однако ездить в машине, принадлежащей не столь законспирированному человеку, было как-то спокойней.

Я тоже, — ответил Джек, но не столь уверенно.

Приехав к Джиа, Джек застал ее за работой — она писала картину. Если бы он мог предположить, что она тоже захочет в Хемптон, никогда бы не заикнулся об этой поездке. Но он имел неосторожность об этом сказать, и она так загорелась этой идеей, что у него не хватило духу ей отказать.

Ничего страшного, успокаивал он себя. Просто невинная поездка к месту проживания Драговича. Возможно, небольшая прогулка по берегу, чтобы посмотреть, как смотрится его дом с моря, и сразу же назад в город. Никакого риска, никакой опасности для Джиа и Вики, просто семейный выезд на природу.

— Никогда не была в Хемптоне, — сообщила Джиа. — А ты?

На руках, уверенно державших руль, были заметны пятнышки краски. Вики сидела на заднем сиденье, погрузившись в чтение книжки о Нэнси Дрю, которую Джек купил в букинистическом магазине. После крепкого ночного сна от ее вчерашнего испуга не осталось и следа. Хотя кто знает, как она отнесется к новому походу в музей.

.. Был пару раз просто из любопытства.

Они выехали из города через Лонг-Айленд, а потом свернули на Монток и покатали на юг, к побережью.

Их путь пролегал мимо Вест-Хемптона, Бридж-Хемптона и всяких прочих Хемптонов, между которыми тянулись бесконечные поля кукурузы и картофеля. Молодая зелень искрилась в лучах майского солнца, сменяясь чернотой вспаханной земли. Во всех домах были открыты окна. Свежий ветерок трепал короткие волосы Джиа, ласково перебирая золотые колечки.

— «Саут-Хемптонский колледж», — прочитал Джек дорожный указатель. — «Учебное заведение для задиристых поросят».

— Что? — засмеялась Джиа. — Так и написано? Не сочиняй.

— Именно так и написано. Зачем мне сочинять?

— Знаю я твои штучки, — ударила по тормозам Джиа. — Вот сейчас поверну обратно и посмотрю, что там было на самом деле...

— Ну ладно, ладно. Про задиристых поросят я придумал. Но их выпускники и вправду такие. Вспомни того нахала, который к тебе приставал.

— Хватит о нахалах. Расскажи лучше о своих вылазках сюда. Ты ездил не один?

Джек улыбнулся. Джиа всегда проявляла повышенный интерес к его прежней личной жизни.

— Один. Как-то раз добрался до самого Монтока. Позвонил Полу Саймону, Билли Джоэлу, Стингу, Полу Маккартни и Ким Бейсингер, чтобы предупредить, что я к ним еду, — они все ведь здесь живут.

— Я тоже читаю газеты.

— Но ты ведь у нас из Айовы, так что можешь и не знать здешний расклад. Короче говоря, никто из них мне не ответил. Должно быть, их не было дома.

— Они люди занятые. Ты должен был предупредить их заранее.

— Наверное. Но зато я видел мотель «Мемори», помнишь эту песню «Роллинг стоунз»? Погулял среди дюн. Ничего особенного, за исключением размера некоторых особняков. Вообще-то я не большой охотник до морских пейзажей.

— А я люблю море. И очень рада, что мы поехали с тобой. В такой чудный день хочется вырваться из города... особенно после вчерашних событий. — Джиа взглянула на Вики, все еще занятую чтением, потом снова повернулась к Джеку. — А ты нашел того, кого искал?

Джек кивнул:

— Теперь у меня есть его имя и адрес. А сам парень сломал ногу.

Так ему и надо. И что ты собираешься с ним сделать?

— А что ты хочешь?

— Вчера я хотела, чтобы ты подвесил его вниз головой и отдал на растерзание «Янки», чтобы они лупили по нему мячом для разминки.

— Но «Янки» — это бейсбольная команда. Они не бьют по мячу ногами.

— Мне все равно. Сейчас я уже остыла. Может, хитит с него сломанной ноги?

— Может быть... — вслух согласился Джек, а про себя добавил: *для кого как.*

Он не оставил намерения посетить мистера Батлера, но никак не мог втиснуть его в сегодняшнее расписание. Завтра уж точно для него найдется время.

— Давай теперь я поручу, — предложил Джек, заранее зная ответ.

Джиа всегда предпочитала водить сама. Джек не имел ничего против — она, в отличие от него, имела настоящие права.

Джиа покачала головой:

— Нет уж.

— Может быть, просто посмотришь в окно? Там такие виды.

— Ничего, обойдусь. Думаешь, только ты умеешь чувствовать дистанцию? Всегда так близко подъезжаешь к машинам, что у меня внутри прямо все обрывается — ну, сейчас врежемся. Но сейчас легко вести машину.

— Завтра в это время все шоссе будет забито. Пришлось бы всю дорогу упираться в чужие бамперы.

Джек положил руку Джиа на колени, откинулся на сиденье и закрыл глаза. Какой чудесный день, прямо как по заказу: погода, прекрасные виды, присутствие близких людей, ощущение покоя.

— Что нас ждет впереди, Джек? — вдруг спросила Джиа.

— Ист-Хемптон.

— Нет, не сегодня. В жизни вообще. Тебя, меня, нас. Что?

Джек открыл глаза и посмотрел на ее профиль. Какой у нее хорошенький треченый носик.

— А зачем об этом думать? Разве сейчас нам плохо?

Джиа улыбнулась:

— Нет, конечно. Но порой, когда мне бывает хорошо, вот как сейчас, я начинаю думать, как долго это будет продолжаться.

— А почему это должно кончиться?

— Ну, при твоей работе рано или поздно что-нибудь стрясется.

— Не обязательно. Я стал гораздо осторожнее, не лезу на рожон, научился ходить окольными путями.

— Но когда-то все равно наступит конец. Не вечно же ты будешь Наладчиком Джеком.

Очень верное замечание.

— Согласен. Не могу быть уверен на все сто, но лет через пять я думаю завязать. Мне стукнет сорок. В эти годы реакция уже не та и трудно обходиться без очков. Кризис среднего возраста. Вот тогда я задумаюсь о своей непутевой жизни и займусь чем-нибудь другим. Стану, к примеру, бухгалтером или биржевым маклером.

— Аналитик Джек, — засмеялась Джиа. — Так и вижу, как ты изобретаешь всякие хитрые схемы, чтобы задобрить налоговое управление.

Но Джеку было не до смеха. Будущее не сулило ничего веселого. У него не было официального статуса — налоговое управление и все прочие федеральные и местные ведомства не догадывались о его существовании. Сейчас это его вполне устраивало, но что будет потом, когда он устанет скрываться и хитрить и захочет возвратиться в мир законопослушных болванов? В молодости он не за-

думавшийся вычеркнул себя из членов общества. Тогда ему казалось, что навсегда.

Возможно, так оно и есть. Сможет ли он когда-нибудь смириться с тем, что обязан платить подоходный налог? Он ведь тратит самое дорогое, что у него есть, — часы, дни и недели своей жизни — рискует этой самой жизнью, чтобы заработать себе на хлеб. Разрешить государству отбирать часть заработанного — все равно что отдать ему кусок своей жизни. Если ты теряешь независимость в какой-то доле своего существования, даже самой незначительной, считай, что проиграл. После этого ты уже не сможешь распоряжаться *всей* своей жизнью. Должен отказаться от прав на какую-то ее часть. И уже не ты решаешь, как велика она будет.

Но если он хочет связать свою жизнь с Джиа и Вики, он должен войти в их мир. Брать их в свой он просто не имеет права. Но как ему теперь нарисоваться? Он же не может появиться из ниоткуда, не объяснив, где он пропадал все эти годы.

Ладно, когда наступит срок, он что-нибудь придумает. В конце концов, время еще есть...

-- А ты не рассердишься, если я куплю ферму? Ты же у нас вегетарианка.

— Почему я должна рассердиться?

— Но я же буду разводить отбивные.

Она рассмеялась. Ему понравился этот звук.

-- Отбивные не разводят.

— О'кей, тогда я буду на них охотиться — на дикое филе миньон и шашлык на ребрышках.

— Ты, наверное, имеешь в виду коров, — включилась в игру Джиа. — На фермах разводят коров, потом их забивают и делают из них бифштексы.

— Ты хочешь сказать, что их надо убивать? А если у меня не поднимется на них рука?

-- Тогда у тебя будет целое стадо домашних питомцев.

Внезапно Вики перегнулась через спинку сиденья, указывая рукой на переднее стекло:

— Смотрите! Ветряная мельница. Уже вторая. Мы что, в Голландии?

— Нет, — успокоил ее Джек. — Мы все еще в Нью-Йорке. Этот пригород называется Ист-Хемптон. Сейчас мы его найдем...

Развернув карту, он определил их местонахождение. И сразу понял, что сделать это надо было раньше.

— На первом же развороте поворачивай обратно. Мы проехали поворот. Возвращаемся на Оушен-авеню и там сворачиваем на Лили-Понд-Лейн.

— Благодарю тебя, Чингачгук, — улыбнулась Джиа, увозя их все дальше от цели. — Лили-Понд-Лейн... Это о ней поет Боб Дилан?

— Кажется, да.

— Я читала, что там живет Марта Стюарт.

— Надеюсь, она ждет нас к обеду.

Чем ближе подъезжали они к океану, тем больше и роскошнее становились особняки, все выше поднимались живые изгороди и заборы, на которых красовались таблички с названиями охранных агентств, оберегающих данную территорию.

— А кто *здесь* живет?

— Да всякие Келвины Клайны и Стивены Спилберги.

— И Милоши Драговичи в придачу.

— Да, и они тоже. Его дом как раз на Фаро-Лейн. Поворачивай налево.

В конце Фаро-Лейн, короткого и прямого проезда, стоял трехэтажный дом, закрывающий весь вид на море и добрую половину неба. Голубые оштукатуренные стены венчала ярко-синяя черепичная крыша в средиземноморском стиле.

— Какая любовь к синеве, — заметил Джек.

Он внимательно осмотрел ограду. Высокая каменная стена с битым стеклом наверху — что ж,

выглядит лучше, чем колючая проволока. Повсюду натканы видеокамеры. У чугунных ворот не видно охраны — вероятно, Драгович полагается на своих телохранителей. Однако через приоткрытые створки Джек заметил немецкую овчарку.

Неожиданно Джиа остановила машину.

— Чудовищно, — произнесла она, покачив головой. На лице у нее появилось отвращение. — Другого слова не подберу. Из всех мыслимых цветов он выбрал именно этот. Если ему хотелось произвести впечатление, то он явно прогадал.

— Нет, нет, не останавливайся! — заволновался Джек.

Взглянув наверх, он заметил камеру, нацеленную прямо на него, и быстро отвернулся.

— А в чем дело? — спросила Джиа.

— Да ни в чем. Просто поезжай вперед и давай побродим по песочку.

Проклятье! Интересно, эта камера работает постоянно или ее включают по мере необходимости? Неужели его записали на пленку?

Нужно было ехать одному, подумал он. Но кто знал, что она захочет остановиться? Ладно, что сделано, то сделано. Не стоит впадать в панику. Никто ничего не заподозрит. Просто парочка на старом «бьюике» остановилась поглазеть на роскошный дом. Наверняка такое случается ежедневно.

Проехав еще немного к западу, они наткнулись на стоянку около пляжа Джорджика. Все трое сбросили туфли (Джек незаметно расстегнул ремень на ноге и засунул свой «земмерлинг» в карман) и босиком побежали по песку. Джек и Джиа, взявшись за руки, бродили среди дюн, а Вики резвилась у воды.

— Вода холодная! — кричала она.

— Смотри не намокни, — останавливала ее Джиа.

Они забрались на дюну, откуда открывался вид на синюю громаду летнего дома Драговича. В нем было не меньше двадцати комнат. Здание, изогнутое в виде подковы, чем-то напоминало синего краба, тянущего клешни в сторону моря. Между клешней блестел овальный бассейн, отделанный тиковым деревом. В углу притулилась стеклянная постройка — солярий или оранжерея. Повсюду сновали мужчины в черном: они расставляли столы, устанавливали зонтики и протирали стулья.

— Похоже, здесь будет званный обед, — заметила Джиа. — А тебя пригласили?

— Нет.

— Но ты все-таки пойдешь?

Почувствовав напряжение в ее голосе, Джек обернулся и увидел, что Джиа с тревогой смотрит на него.

— Возможно.

— Не ходи. У него дурная репутация, ты же знаешь.

— Драгович утверждает, что он честный бизнесмен, которого не в чем упрекнуть.

Джиа нахмурилась:

— Знаю я эти сказки: все ополчились на него, потому что он серб. Но кто этому поверит? Чем он на самом деле занимается?

— Темными делами. Правда, не знаю, какими именно. Жду, когда «Пипл» напечатает отчет о его деятельности.

— Ты от меня что-то скрываешь?

— Честное слово, я ничего о нем не знаю. Не слишком интересуюсь фраерами.

— Его ведь обвиняли в убийстве.

— Но дело было закрыто.

— Прощу тебя, будь осторожней с этим типом.

— Могла бы об этом и не говорить. Но все же давай подойдем поближе.

Они спустились с дюны, распугав сидевших на песке чаек.

— Вблизи он еще уродливей.

Джек мысленно нарисовал план территории. Если он собирается нагрянуть к Драговичу, подходить надо с берега. Он внимательно изучил бассейн и повернулся к морю. Глядя на Вики, собиравшую ракушки, он почувствовал, как в голове у него рождается идея.

— О-ля-ля, — пропела Джиа. — Похоже, на нас обратили внимание.

Джек обернулся. К ним приближались двое качков в темных очках и мешковатых черных костюмах. Они шли по песку, загребая ногами. Широкие плоские физиономии, короткие военные стрижки — один черный как смоль, другой тоже, вероятно, был брюнстом, до того как перекрасился в апельсиновый цвет. Судя по тому, как сидели их пиджаки, оба были вооружены.

— Сматывайтесь отсюда, ребята, — скомандовал черноволосый с сильным акцентом.

— Тут вам не место для прогулок, — подтвердил другой с тем же самым выговором.

— Красивый дом, — сказал Джек с обезоруживающей улыбкой. — А кто его хозяин?

Рыжий самодовольно усмехнулся:

— Тот, кому не нравится, что вы торчите у него под носом.

Джек пожал плечами:

— О'кей. — Он повернулся к Джиа и взял ее за локоть: — Пойдем, дорогая, не будем задерживать молодых людей.

— Но-но-но! — фыркнула Джиа, вырывая руку.

Глаза ее сузились, а губы вытянулись в тонкую ниточку. Джек по опыту знал, что это не предвещает ничего хорошего. В ярости она могла наломать дров.

— Джиа...

— Нет, подожди. Это общественный пляж. Мы можем сидеть здесь хоть целый день.

Ну надо же. Только этого не хватало. Вначале он был для них лишь безликим прохожим, которого им велели турнуть с пляжа. Теперь же они его запомнят. И что еще хуже, запомнят Джиа.

— Уходите отсюда, мадам.

— Нет, это вы уходите. Здесь вам не Косово.

Удар попал в цель — Джек заметил, что у рыжего дернулась щека. Чернявый повернулся к Джеку. Глаза его были спрятаны за черными очками, но выражение лица говорило: «Не нарывайся, парень».

Джек догадывался, чем это может кончиться. Поэтому он подошел к Джиа и, осторожно приподняв хрупкую фигурку, перевалил ее через плечо.

— Пока, ребята, — отсальтовал он, направляясь со своей ношей к дюнам.

Позади раздался смех, и один из охранников сказал:

— Неглупый мужик.

Джиа колотила его по спине, громко крича:

— Отпусти меня, слышишь! Немедленно поставь на землю!

Он так и сделал — на вершине дюны. Джиа была вне себя от возмущения.

— Как ты мог? Утащил меня, как какой-нибудь дикарь!

— Наоборот, я старался вести себя *не* как дикарь и избежать драки.

— Какой драки?

— Которая бы началась, как только рыжий толкнул бы тебя и велел убираться к черту.

— Пусть бы только попробовал. Я бы съездила ему по физиономии.

— Нет, дорогая, этим пришлось бы заняться *мне*, а это значит ввязаться в драку с двоими громилами и здорово схлопотать.

— Но вчера же ты не уклонялся...

— Эти двое совсем не то, что пьяные джентльмены средних лет. Это не наемная охрана. Они явно

бывшие военные — по выправке видно. Крепкие ребята, крутые, наверняка воевали. Рукоприкладства они, конечно, не хотели, но были к этому готовы. Все могло очень плохо кончиться.

— А тебе не обязательно было вмешиваться.

— Не говори ерунды, Джиа. Ты думаешь, я бы стоял и смотрел, как эти парни тебя оскорбляют.

Джиа подняла руки вверх:

— Все, сдаюсь. Сыта по горло этой хреновой болтовней про настоящих мужчин.

Ого, Джиа позволяет себе крепкие выражения. Видно, здорово завелась.

— А как ты представляешь себе «настоящего мужчину»? Какой-нибудь Тони или Эрнандо с татуировкой на бицепсах и стилетом в руках? Я что, похож на таких парней?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю. Меня бесят все эти разговоры о том, что «мужчина должен то, мужчина должен сё».

— Ты хочешь, чтобы я вел себя иначе?

Джек вспомнил слова Сола Витуоло, сказанные несколько часов назад: «Быть главой семьи — настоящий геморрой, прямо тебе скажу».

Верно, Сол. Я тебя вполне понимаю.

— Я хочу, чтобы ты был *жив*, черт тебя побери!

— Я тоже хочу. Вот поэтому мы и убрались с линии огня. — Он поднял руку, изобразив знак победы, и постарался придать лицу самое приятное выражение. — Ты же меня знаешь — я человек мирный.

Джиа чуть заметно улыбнулась.

— Ты тот еще фрукт, — вздохнула она. — Терпеть не могу, когда на меня давят.

Джек указал в сторону моря:

— Вот еще одна причина, по которой не стоило попадать в историю.

На дюну, пыхтя, взбиралась Вики. В руках у нее был крабий панцирь, полный ракушек.

— Смотрите, что я нашла!

Они пошли на стоянку, не переставая восхищаться найденными сокровищами.

Усевшись в пропахшую морем машину, Джек стал обдумывать свои дальнейшие действия. Раз уж его засекала охрана Драговича, работать придется подпольно.

У Хиксвилла его внимание привлек указатель поворота на Джерико. Он вспомнил, что здесь живут два парня, с которыми он имел дело несколько лет назад. И это натолкнуло его на мысль...

— Давай остановимся, — попросил он Джиа.

Она взглянула на него:

— Обычно об этом просит Вики.

— Нет, не в этом дело. Просто я хочу провести моих старых знакомых. Следующий поворот направо.

Они свернули с шоссе и поехали по изрытой грунтовой дороге, пока не уперлись в ангар, на котором виднелась красная надпись: «Авиакомпания «Близнецы».

— Это здесь?

— Да. У них частный аэродром. — Джек указал на вертолет и два небольших самолета. — Они сдают их в аренду.

— А зачем мы сюда приехали? — спросила Джиа.

— Мне надо поговорить с этими ребятами. А вы с Вики пока погуляйте и посмотрите на самолеты.

Джек вылез из машины и пошел к ангару. Там он нашел обоих братьев Эш — долговязых близнецов слегка за тридцать. У обоих были светлые волосы до плеч, но Джо отрастил щетинистую бороду, а Фрэнк щеголял длинными усами.

— Смотри-ка, кто к нам пришел, — пробасил Фрэнк с сильным южным акцентом.

Джо протянул вошедшему руку.

— Где ты пропадал, старик?

Последовал небольшой обмен любезностями — близнецы обожали светское обхождение, — и только после этого Джо спросил:

— Зачем пожаловал, Джек?

— Да так, небольшое дельце. Нужно будет пару раз слетать неподалеку.

— Ты не обижайся, — прямо заявил Фрэнк, — но я лучше сразу спрошу: опять будешь лезть на рожон?

— Не слишком сильно.

— Никакого кипеша, а то страховщики перекроют нам кислород. Зачем нам такая хрень?

— Нет-нет, — поспешно произнес Джек. — Ничего похожего. Гораздо безопаснее, чем в прошлый раз. Слово даю.

— Ну, тогда по рукам, — согласился Джо. — Что там у тебя?

11

Выйдя из офиса доктора Элкотта в Грейт-Нек, Даг Глисон мысленно поздравил себя с победой. Взял еще один барьер, прежде казавшийся непреодолимым. Он прорвал круговую оборону доктора и добился личной встречи. Большая удача для торгового агента.

В будущем Даг не собирался заниматься торговлей, но сейчас окунулся в работу с головой, пытаясь выжать из этого занятия как можно больше пользы для себя. Он действовал как истинный программист: составлял программу, устанавливал отношения между объектами и затем разлагал их на составляющие, исходя из принципа функциональности. Такой подход быстро принес ему успех.

Самое главное открытие, сделанное Дагом за два года работы, заключалось в том, что для проникновения к докторам мало знать имена их секретарш, а

также имена детей и внуков этих дам, умиляться над фотографиями младенцев и улыбаться, пока не сведет скулы. Необходимо секретное оружие.

Им оказалось всего лишь угощение.

Слоеные пирожки или бублики со сливочным сыром по утрам, пицца или что-нибудь низкокалорийное днем, а для закаленных в боях ветеранов, выставленных на передовой, изысканный десерт в виде клубники в шоколаде.

Подобная тактика сделала свое дело. Стражи подняли белый флаг и убедили своего шефа уделить приятному молодому человеку пять минут.

Даг убрал образцы в чемоданчик и сел в машину компании, которая больше напоминала передвижной офис. Помимо сотового телефона здесь у него был факс, модем для ноутбука и небольшой струйный принтер.

Даг проверил мобильник — на приеме у доктора Элкотта он его отключил — и увидел, что ему пришло голосовое сообщение. Аптекарь из Шипсхед-Бей желал знать, куда он может возвратить «трисеф», у которого кончается срок годности. Джек сразу же перезвонил, удивляясь, как это могло произойти. Они торговали «трисефом» уже два года, но при той скорости, с которой он раскупался, ни о каких просроченных партиях не могло быть и речи.

Дозвонившись до аптекаря, Даг представился и спросил:

— Что случилось? Завалилась в шкаф у какая-нибудь случайная баночка?

— Вовсе нет, — ответил голос с легким ямайским акцентом. — Просто «трисеф» у меня никто не берет.

— Самый популярный антибиотик в стране?

— Я тоже читаю «Фармацевтический форум», но у меня он не расходуется. И в соседних аптеках тоже. Только двое из наших врачей выписывают его.

Обеспокоенный, Даг посоветовал вернуть просроченный товар на фирму и попрощался.

Насколько это серьезно? Неужели падают продажи? Вовсе нет, если судить по его комиссионным. Однако комиссионные в ГЭМ выплачивались с объема продаж в денежном выражении, а не с количества проданных лекарств. Компания сама занимается сбытом и по-прежнему имеет высокий доход. С падением продаж усохли бы и его комиссионные.

Наверно, в Шипсхед-Бей какая-то аномальная зона.

Но любая аномалия — это своего рода сбой, а программист Даг не терпел сбоев. Он открыл адресную книгу компьютера и сделал наугад несколько звонков. Три, пять, десять. И в каждой аптеке ему отвечали одно и то же.

«Трисеф» продается плохо. И никогда не пользовался спросом.

Такой ответ настораживает, но еще ничего не значит. Получается какой-то абсурд. Цены остаются на прежнем уровне, прибыли ГЭМ не снижаются, значит, *кто-то* покупает «трисеф».

Интересно, что на это скажут шефы. Как главный торговый представитель компании, он регулярно встречался со всей троицей. Нельзя сказать, что Даг особо стремился к этим встречам (он еще не знал, что Надя боготворит Монне), но, по крайней мере, начальство было вполне доступно. Во всяком случае, раньше. В последние несколько месяцев они все больше отдалялись от сотрудников, скрываясь за крепостными стенами комнаты для переговоров.

Что-то происходит? А ему ничего не известно...

Даг понял, что не успокоится, пока не разгадает этой загадки. Возможно, это касается и Нади.

Надж... еще одна загадка. Вот уж действительно повезло. Каждый день он благодарил Бога, что

встретил ее и каким-то чудесным образом сумел ей понравиться.

Сегодня он собирался закончить работу пораньше. Почему бы не посвятить остаток дня решению этого ребуса? До ужина с Надей оставалось несколько часов. Этого хватит. Ведь ключ к разгадке он будет искать в компьютере, а уж это дело он знает досконально.

Должно же быть какое-то логическое объяснение происходящему. И он его найдет. Даг улыбнулся, включая стартер: впереди его ждал увлекательный поиск.

12

— Сколько старых шин ты сможешь наскрести для меня? — спросил Джек, позвонив Солу из конторы братьев Эш.

Они с Фрэнком и Джо уже обговорили, где и как будут летать, и теперь дело было за грузом.

— Старых шин? — удивился Сол. — Господи, да у меня их навалом. Они ни на что не годятся, хоть выкидывай в океан.

— Я найду им другое применение. На грузовик наберется?

— Шутишь? Да хоть на три. А что ты будешь делать с этой кучей старья?

— Будешь доволен, даю слово. Набросай побольше в грузовик, я заберу их позже.

— Это как-то связано с тем дельцем, о котором мы толковали?

— Да.

— Отлично! Они твои.

Интересно, какие садистские идеи возникли в мозгу у Сола, когда он услышал о шинах, подумал Джек, повесив трубку. Он повернулся к братьям:

— Порядок.

Фрэнк ухмыльнулся в усы:

— Вечно ты что-нибудь удумаешь, старик.

— Ну, брат, ты и чума, — протянул Джо.

Они скрепили договор рукопожатием, и Джек возвратился к машине. Там его уже ждали Джиа и Вики, успевшие познакомиться со всеми образцами летательных аппаратов. Надо будет позвонить Наде и сообщить, что ее заказ частично профинансирует другой клиент, так что она заплатит только половину. Сол, разумеется, заплатит по полной.

Джек обнял Джиа и поцеловал. Он был доволен сегодняшним днем.

— Почему ты улыбаешься? — спросила Джиа.

— Рад тебя видеть.

— Вот оно что, — усмехнулась она. — Ты похож на кота, съевшего канарейку.

— Мне удалось решить одну небольшую проблему.

— Связанную с тем самым сербом?

— Да.

— Не хочу никаких подробностей, — отрезала она, садясь за руль. — Это опасно? Вот единственное, что меня интересует.

— На этот раз нет. Эту халтурку я буду делать под прикрытием.

Во всяком случае, вначале, подумал Джек. Если все пойдет гладко, высовываться не придется. Но был ли хоть один раз, когда все шло гладко?

13

За ужином Даг был непривычно молчалив. Он гонял по тарелке «чили релленос» и не обращал внимания на пиво, на котором уже успела осесть пена. Вокруг смеялись, разговаривали, окликали друзей, а их столик был островком безмолвия среди всеобщего веселья.

— Земля вызывает Дага, — нарушила молчание Надя. — Даг Глисон, ответьте.

Он поднял голову и с улыбкой провел рукой по светлым волосам.

— Извини, задумался.

— О чем? Что-нибудь не так?

— Не знаю.

Даг рассказал Наде о звонке из аптеки и своих попытках прояснить ситуацию.

Надин коктейль вдруг как-то сразу потерял свой вкус.

— У компании неприятности?

— Это было моей первой мыслью, — кивнул Даг. — Я подумал, что зря мы работаем в одном месте. Если что-нибудь случится с ГЭМ, мы оба окажемся не у дел.

Если что-то случится с ГЭМ... Страшно даже подумать об этом. Ведь она только что начала работать...

— Но ты ведь говорил, что в журнале... как он называется?

— «Фармацевтический форум».

— Там ведь было написано, что «трисеф» занимает первое место в своей категории.

Даг кивнул.

— Но это вранье.

Надя внутренне напряглась.

— Откуда ты знаешь?

Настороженно оглядевшись, он наклонился к ней:

— Мой ноутбук подключен к компьютерной сети компании, чтобы я мог скачивать необходимые данные, почту и информацию о лекарствах и сбрасывать туда свои отчеты. Сегодня днем я потратил несколько часов, чтобы проникнуть в закрытую часть сети.

Надя прикоснулась к его руке.

— Даг, у тебя могут быть неприятности.

— Не обязательно. Я же не пытался взломать их сеть. Просто мой ноутбук помог мне пройти сквозь стену, не разрушая ее. Я был очень осторожен и ни к чему не прикасался. Полз, как змея, а не лез напролом.

— Все равно это опасно.

Он отпил из кружки.

— А что мне было делать? Не могу же я сидеть в неизвестности, ничего не предпринимая. Ты же меня знаешь.

Да, Надя уже изучила его натуру. Раз вцепившись в проблему, он ни за что не выпустит ее, пока не решит. Бывали случаи, когда он по двое суток не отходил от компьютера, пытаясь найти ошибки в программе.

— И ты обнаружил нечто, о чем тебе знать не положено.

— То-то и оно. Я нашел официальные отчеты о продажах. — Даг опять оглянулся по сторонам. — Оказалось, что не такой уж я классный торговый агент. Мои показатели по «трисефу» довольно плачевны. Единственное утешение — я такой не один. Сбыт «трисефа» идет из рук вон плохо.

В голосе его послышалась обида.

— А как же твои комиссионные?

— Дутые, как и у всех остальных.

— Звучит невероятно.

— Ты *мне* это говоришь? — вздохнул Даг.

— Значит, компания разоряется?

Он посмотрел на нее:

— Да в том-то и дело, что нет. Официальные цифры весьма впечатляют. «Трисеф» — рекордсмен продаж за границей, приносит огромные доходы. Прибыли просто зашкаливают.

— Такие высокие, что они могут выплачивать тебе комиссионные за антибиотики, которые ты не продал?

— Выходит, что так. Но отчего такая разница между заявленным и реальным объемом продаж?

Почему «Фармацевтический форум» печатает дутые цифры?

— Очевидно, чтобы скрыть тот факт, что «трисеф» провалился в Штатах.

— Но он пользуется бешеным спросом в других странах. В чем же дело?

Надя пожала плечами:

— Может, таким образом держат цену?

— Но как? Они же действуют в тени.

— А как насчет профессиональной гордости?

Надя знала, что доктор Монне очень самолюбив. Но разве это причина, чтобы участвовать в мошенничестве такого масштаба? Наверняка его собственная репутация ему дороже, чем успехи компании.

— Возможно, разгадка в следующем, — предположил Даг, отхлебнув пива. Он взял чипс и обмакнул его в соус. — ГЭМ начинала с торговли аналогами раскрученных лекарств. «Трисеф» — их первая попытка конкурировать с крупными компаниями, и они, естественно, хотят выглядеть победителями.

— Уверена, что дело в этом.

— А я вот не уверен. У меня есть ряд вопросов, на которые я хотел бы получить ответ, — усмехнулся Даг. — Поедем ко мне после ужина. Я сделаю из тебя хакера.

Надя натянуто улыбнулась:

— Ладно.

Она знала, что Даг будет грызть эту кость, пока не обглодает дочиста. И ей неизбежно придется ему помогать.

14

Контора «Дома чудес» располагалась в передней части фургона. Сидя там, Люк Монне то и дело поглядывал на часы. Уже скоро.

Узнав, что чудовище все еще живо, он почувствовал облегчение.

Люк оглядел крошечный офис: там стоял шаткий стол и два стула, для остального места уже не было. Задняя часть фургона, где, по всей видимости, жил сам Пратер, была задернута занавеской. Любопытно, как живет эта странная личность, занимающаяся не менее странным бизнесом. Люка так и подмывало заглянуть за занавеску, но он сдержался. Еще не хватало шпионить.

Хватит с него и конторы. Она была обклеена старыми афишами, самая потрепанная из которых приглашала на представление Джекоба Пратера и его «адской машины». Видимо, это был папаша Озимандиаса. Над столом висела карта США с нарисованным на ней маршрутом, который опоясывал всю страну.

— Нашли что-то интересное? — произнес низкий голос у Люка за спиной.

Доктор вздрогнул. Он не слышал, как вошел Пратер. Для человека такой комплекции тот двигался удивительно бесшумно. Люк, не оборачиваясь, продолжал изучать карту.

— Вы уже побывали во всех этих местах? — спросил он.

— Нет, это мой будущий маршрут, можно сказать, мечта. Когда наберу новую труппу из самых лучших артистов. Вот тогда мы совершим это грандиозное турне, и оно будет последним.

Что-то в его голосе заставило Люка обернуться. Глаза у Пратера блестели, на губах играла какая-то плотоядная улыбка.

Люк поспешно опустил голову и посмотрел на часы. Стрелки показывали 8.43. Прошла уже минута после условленного срока.

— Вы его подготовили? — спросил он.

Пратер кивнул:

— У нас все в порядке. Дело за вами.

— Тогда пойдем.

— Плата вперед, — потребовал Пратер, протягивая широкую ладонь с длинными пальцами.

Люк заколебался. Он всегда платил после отбора проб.

— С ним что-нибудь неладно?

— Да. Он умирает, и мы оба об этом знаем. Не волнуйтесь, пока он жив.

Зачем тогда Пратер требует деньги вперед? Люк застыл, пораженный страшной догадкой. Если существо умирает и это последний забор крови, то Люк Пратеру больше не нужен. А раз их дела закончились, то Люка, как свидетеля убийства, лучше... убрать.

Люк не забыл, как легко расправился Пратер с Макинтошем.

— Какой у вас испуганный вид, доктор, — заметил Пратер, обнажая в улыбке желтые зубы. — Словно вы за свою жизнь опасаетесь.

— Нет, я...

— Не волнуйтесь. Я всегда держу слово, особенно в делах. Просто не хочу, чтобы нас видели мои подопечные. Раз мы в конторе, так давайте займемся делом.

И Пратер снова протянул руку.

Люк вынул конверт.

— Я включил сюда аванс для троих ваших рабочих на случай, если придется брать пробу повторно.

Пратер кивнул, пересчитывая деньги.

— В прошлый раз что-то не получилось?

— Не совсем.

Какое там «не совсем». Две пробы уже пошли на смарку. Люк прикусил губу от досады. Впереди маячила катастрофа.

Пратер со вздохом закрыл конверт.

— Не хочется никого увольнять, но посетителей у нас сейчас стало меньше. В хорошие времена людям незачем глазеть на тех, кому живется хуже, чем

ним. Выкручиваемся как можем, чтобы сводить концы с концами.

Пратер сунул конверт в карман и тихо пробормотал:

— В лепешку расшибусь, а трунну сохраню.

Уловив нотку отчаяния в голосе Пратера, Люк с недоумением взглянул на него и вышел из фургона. Со стороны пролива доносился запах воды, под ногами шелестела болотная трава. Пратер повел его к большому шатру.

— Здесь не слишком многолюдно, — заметил Люк, недоумевая, почему Пратер решил остановиться в таком месте.

— Конечно, где-нибудь в рабочем районе дела у нас пошли бы лучше, но и здесь мы неплохо устроились. Арендную плату берут по-божески, да и городок мне этот по душе.

— Монро? А что в нем такого особенного?

— Вам не понять, — задумчиво произнес Пратер. Тут к ним с криком подбежала женщина.

— Оз! Оз!

Маленькая, худенькая, с длинным конским хвостом на крошечной головке. Люк заметил, что она плачет. Схватив Пратера за руку, женщина оттащила его в сторону и, захлебываясь от рыданий, жалобно затараторила тоненьким голоском. Слова вылетали так быстро, что Люк ничего не мог разобрать, кроме того, что «Рена такая плохая».

Пратер покивал, потрепал ее по плечу и постарался утешить. Малышка улыбнулась, потом захихикала и побежала прочь, забыв о своих огорчениях.

— Что там случилось? — поинтересовался Люк, когда Пратер вернулся.

— Небольшая семейная ссора, — объяснил тот. — Мы ведь своего рода семья, а какая семья без конфликтов?

— И они бегают к вам жаловаться, как к отцу семейства?

— Не все. Многие вполне самостоятельны и решают свои проблемы сами. Лена и ее сестра Рена имеют мозги шестилетних детей. Их детские ссоры быстро кончаются. Я играю роль царя Соломона.

— Да, я заметил у нее признаки микроцефалии. Пратер кивнул:

— В нашем деле таких называют «булавочными головками». У меня они выступают под именем «близняшки-букашки».

Люка передернуло, и Пратер это заметил.

— Не нравится, доктор? — криво усмехнулся он. — Эксплуатация умственно отсталых, вы ведь так подумали?

— Ну...

Именно так Люк и подумал.

— Но вы же не знаете, как они жили в Далласе до того, как я их подобрал. Лена и Рена ютились в картонной коробке, рылись вместе с крысами в мусорных бачках, их постоянно насиловали и подвергали издевательствам уличные бродяги.

— Боже правый!

— Сейчас у них свой фургон, они путешествуют по всей стране, поют и читают стихи посетителям, у которых не многим больше в голове. Здесь они в безопасности. Мы следим, чтобы их никто не обижал.

Люк промолчал. Возразить было нечего.

Пратер откинул брезентовую дверь, и они вошли в шатер.

Через минуту Люк уже стоял у клетки человека-акулы. Два служителя с волчьей внешностью держали его черную руку. Люк вздрогнул: один из них мог быть убийцей Макинтоша. Их могучие тела, казалось, отдыхали — справляться с необычным существом больше не составляло труда. Теперь для этого хватило бы и одного силача. Даже отвратительный запах стал гораздо слабее.

Люк почувствовал, что земля уходит у него из-под ног, и закрыл глаза. Это конец. Сегодняшняя проба будет последней. Человек-акула вот-вот протянет ноги.

Дрожащими руками он приготовил флеботомическую иглу, проколол вену и стал следить, как пробирка заполняется темной жидкостью. Закончив, он отступил назад. Служители отпустили черную руку, но на этот раз существо даже не сделало попытки выдернуть ее из прутьев.

Люк покачал одну из пробирок. Черная жидкость напоминала консистенцией воду.

— Как насчет следующего раза? — спросил он Пратера.

— Вряд ли бедняга до него доживет, — ответил тот. — Но если вы захотите нас провести, просто так, по старой дружбе...

Перед Люком вдруг возникла искаженная гневом физиономия Милоша Драговича, и хриплый голос произнес: *«Где мой товар? Где?»*

— Не уверен... — пробормотал Люк, чувствуя, как у него пересыхает во рту. Он сглотнул. — Но вы позвоните мне, если... когда это случится?

— Конечно, — тихо произнес Пратер. — Мы вместе будем оплакивать нашего брата.

Люку показалось, что в голосе у него прозвучала неподдельная печаль. Он удивленно посмотрел на Пратера, но тот был совершенно серьезен.

Люку почудилось, что стены шатра нависают над его головой. Он повернулся и пошел к выходу. Вдруг в мозгу пронеслась молнией мысль, что и его сейчас может сразить удар, унесший Макинтоша в могилу. Он втянул голову в плечи и ускорил шаг, но за ним никто не последовал.

Выскочив из шатра, Люк с облегчением вдохнул ночной воздух, но не сбавил шаг. Нельзя терять ни минуты. Надо немедленно поместить пробу в синтезатор.

— Иди сюда, — позвал Милош, хлопнув рукой по дивану рядом с собой. На нем был двубортный пиджак из белого кашемира и серебристая водолазка из тончайшей шерсти. — Садись, я хочу тебя кое-чем угостить.

К нему, покачивая бедрами, подошла молоденькая фотомоделль. Она шла по пушистому ковру, словно дефилируя по подиуму. Милош не знал ее настоящего имени. Она называла себя Чино, но вряд ли это имя фигурировало в ее свидетельстве о рождении. Скорее всего, она звалась Марией Диас, Кончитой Гонсалес или как-нибудь еще в этом роде. Она никогда не говорила об этом. Да и какое ему дело до ее настоящего имени? Достаточно того, что у нее были черные глаза, сверкавшие из-под шелковистой челки, высокие скулы и гибкое, как у пантеры, тело.

Милош смотрел, как под обтягивающим черным платьем ходят стройные бедра. Он познакомился с ней на открытии клуба. Она поразила его худобой — прямо кожа да кости. На фотографиях она выглядела лучше — камера каким-то образом сглаживала острые углы. Тощие девушки никогда не вдохновляли Драговича. В душе он предпочитал пышных красавиц, у которых было за что подержаться. А эта вот-вот переломится, как прутик.

Но такие, как Чино, были в моде, и все вокруг мечтали обзавестись подобными подругами. А Милошу Драговичу всегда хотелось того, к чему стремились другие.

Всегда самое лучшее, высший класс во всем — таким был его девиз, неписанный закон, по которому он выстраивал свою жизнь.

Его часы, золотой брегет на тридцати семи камнях, считались лучшими в мире. Но разве они шли точнее, чем какой-нибудь «таймекс»? Вряд ли. Раз-

не нужно ему было знать фазы Луны? Сейчас часы показывали новолуние — а кому это надо? Но люди, мнением которых он дорожил, знали, что такие часы стоят не меньше тридцати штук.

Разве ему был нужен пятидесятидюймовый плазменный экран, висевший на стене гостиной? Сам Милош никогда не смотрел телевизор. Но люди, которые придут к нему в воскресенье, знают, что это лучший экран, который можно купить за деньги.

Дом и участок, где волны бились о берег прямо за стеклянными дверями комнат, были тоже самого высшего класса. Однако это не мешало местным властям вмешиваться не в свое дело. Обществу архитектурного надзора выказало недовольство его ярко-синей крышей. Сначала Драгович решил, что его разыгрывают, но делегация оказалась самой настоящей, и санкции грозили нешуточные. Пришлось откупаться.

Этот дом вообще влетел ему в копеечку. Он переплатил за землю, его ободрал подрядчик, строивший дом, шайка педиков-декораторов вообще имела его как хотела: несколько месяцев они роились по всем комнатам и вытворяли черт знает что. И в довершение всего его участок находился всего в сотне ярдов от океана, и любой ураган, прорвавшийся с юга, мог не оставить там камня на камне.

Но Милошу было наплевать. Это всего лишь вопрос денег, а он-то знает, как они делаются. Главное — иметь самое лучшее. Если у тебя все самое лучшее, значит, ты знаешь в этом толк, и люди, во всяком случае здесь, в Америке, считают, что ты знаешь тон. Все они болваны. Сам он не видел разницы между дизайнерским диваном и теми кушетками, что предлагают каталоги дешевой мебели, и антикварное трюмо для него мало чем отличалось от рухляди, продающейся на барахолках. Ну и что? Он ведь мог нанять тех, кто разбирается в этом лучше. А что для этого нужно? Только деньги.

В общем, все сводится к деньгам.

Но порой для того, чтобы произвести впечатление на нужных людей, одних денег мало. Требуется нечто большее. Происхождение, манеры, класс, известность — много чего. Любой компьютерный придурок может основать компанию и через несколько лет продать ее за сто миллионов долларов, но все равно он останется придурком. В приличное общество его не допустят. Милоша тоже не принимали в приличном обществе, но он делал все возможное, чтобы туда пробиться. Для этого требовалось много усилий и смекалки, но, тем не менее, дело двигалось.

Репутация Милоша (некоторые называли ее сомнительной, сам же он предпочитал слово «громкая») работала на него, придавая ему ореол таинственности. Это была своего рода зацепка в том мире, куда он так стремился. Он обнаружил, что некоторые его обитатели любят упоминать его имя, и ухватился за это. Вот почему он пригласил Чино на выходные. Она будет его трофеем, украшением, одинаково ценным для обеих сторон.

Но главное, она будет *болтать*, когда вернется в город. Женщины обожают посплетничать. Поэтому все, что она увидит у него в доме, должно быть первоклассным. Даже секс. Чино была вдвое моложе его, но в свои двадцать два уже приобрела довольно причудливые сексуальные привычки. Она любила, чтобы с ней обращались грубо (без синяков, конечно), и Милош с большим удовольствием потакал ее капризам. Ведь она будет всем рассказывать, какой он мужчина, и нужно, чтобы отзывы были самыми восторженными. Ее слова будут передаваться из уст в уста, распространяясь в нужных кругах, и скоро все небожители будут знать о легендарных вечеринках Милоша Драговича и стремиться туда попасть. Постепенно от желающих не будет отбоя.

Потом весь этот ажиотаж перекинется на его клуб. Когда осенью откроется «Белгравия», она будет местом, где собираются избранные.

Чино опустилась на диван, почти не придавив подушку.

— Чем же ты меня угостишь? — спросила она, сверкнув безупречными зубами. — Это секрет?

Он взглянул на нее. Ты хочешь секретов, дорогая? Могу сообщить тебе нечто такое, от чего ты пулей вылетишь отсюда.

— Нет... никаких секретов. — Он указал на широкий хрустальный графин, стоявший на стеклянном кофейном столике. — Просто немного вина.

— Вообще-то я не любительница красного. Предпочитаю шампанское. Ты же знаешь.

— Конечно. Твоя неизменная любовь. «Дампьер».

— Не просто «Дампьер» — «Дампьер Кювье де Престиж».

— Ну да. И только урожая 1990 года.

— Разумеется. Оно самое лучшее.

Милош не знал, что ей нравится больше: вкус «Дампьер Кювье де Престиж» 1990 года или тот факт, что оно в два раза дороже, чем «Дом Периньон», и его гораздо труднее найти. Если для нее важна лишь цена и уникальность, она придет в восторг от «Петрю».

— У меня есть кое-что получше. — Подняв графин, он посмотрел его на свет. — Очень редкое красное вино, бордо из винограда, собранного задолго до твоего рождения. В сорок седьмом году.

— В сорок седьмом! — удивилась она. — Тогда еще мой отец не родился. И до сих пор не испортилось?

— Оно великолепно, — заверил ее Милош. — Я вылил его в графин, чтобы немного подышало.

По правде говоря, вино он еще не пробовал, но раз оно стоит таких денег, то должно им соответствовать. И в графин вино вылил не он, а Ким.

Ким был живым подтверждением того принципа, который взял на вооружение Драгович: не обязательно во всем разбираться самому, достаточно нанять знающих людей.

А Ким Сунг, казалось, знал все и обо всем — о еде, вине, одежде и прочих важных вещах. Как косоглазый мог разбираться в таких тонкостях, оставалось для Милоша загадкой, но Ким стал для него поистине незаменимым. Когда Милош показал ему полдюжины бутылок «Петрю» 1947 года, Ким просто заплясал от восторга. Милош и сам предполагал, что это стоящий товар, раз на него нацелился Монне; реакция Кима лишь подтвердила догадку. Он был знатоком красных вин.

Ким посоветовал ему перелить «Петрю» в графин (он сделал ударение на последнем слоге, и Милош поспешил это запомнить). Наливать такое вино из бутылки — значит нанести ему оскорбление. Оказывается, у вина есть чувства! Подумать только. Такому вину необходим графин и свечи. Милош ни черта не понял, но решил не спорить и с изумлением стал наблюдать, как Ким медленно переливает вино в хрустальный графин, глядя сквозь горлышко бутылки на горящую свечу.

И теперь Драгович наливал вино из графина в два широких бокала в форме тюльпана, которые Ким специально подал для этой цели. Наполнив бокалы ровно наполовину, один он подал Чино, а другой поднял сам.

— За выходные, полные сюрпризов, — провозгласил он, пристально глядя ей в глаза.

— С удовольствием присоединяюсь, — проворковала Чино.

Милош сделал глоток. Какая гадость... Но он и виду не подал, только задумчиво посмотрел на свой бокал.

Потратить две с половиной штуки на такое дерьмо!

Он сделал еще один глоток. Уже не так противно, но все равно с души воротит.

Милош взглянул на Чино, которая, казалось, вот-вот выплюнет вино в бокал.

— Вау! Как будто пепел в рот попал!

— Не глупи, — оборвал ее Милош. — У него изысканный вкус.

На самом деле она была близка к истине. Вино и вправду отдавало золой.

— Какая дрянь! — фыркнула Чино, отставляя бокал как можно дальше. — Как резиновая подметка.

— Попробуй еще, — сказал Милош, с трудом деля третий глоток. Как же можно это пить? — Превосходное вино.

— Будто тряпку жуешь. Где мой «Дампьер»? Хочу «Дампьер»!

— Ну хорошо.

Он нажал кнопку на кофейном столике. Через мгновение в комнате появился Ким в накрахмаленной белой рубашке и черном жилете. Войдя, он слегка поклонился:

— Да, сэр?

— Даме не понравился «Петрю».

Последовал еще один поклон.

— Какая жалость.

— Ваша святая вода слегка протухла, — заявила Чино.

Милош решил поставить ее на место.

— Попробуй ты, Ким, и скажи даме мнение специалиста.

— Большая честь для меня, сэр, — улыбнулся Ким.

Он извлек из жилетного кармана большую серебряную ложку и налил в нее пол-унции «Петрю». Понюхал, осторожно втянул в себя, словно это был горячий суп, и стал перекатывать во рту. Каков подлец, с восхищением подумал Драгович.

Наконец Ким проглотил вино, после чего закатил глаза и крепко их зажмурил. Спустя мгновение он их открыл с видом человека, узрившего Бога.

— О, сэр, как это прекрасно! Волшебное вино! — Казалось, он сейчас заплачет. — Божественный нектар! Нет слов, чтобы описать его достоинства!

— Вот видишь, — повернулся Милош к Чино. — Я же говорил тебе, что это классное вино.

— Кислятина, — стояла на своем она.

— Возможно, мисс не привыкла к элитным винам. Чтобы оценить старое бордо, требуется некоторый опыт, как у мистера Драговича например.

Ты заслужил премию, Ким, подумал Милош. Но на Чино слова корейца не произвели ни малейшего впечатления.

— Я вполне могу оценить «Дампьер» 1990 года. Когда мне дадут такую возможность?

— Прямо сейчас, мисс, — уверил ее Ким, кланяясь и пятясь к выходу. — Я принесу его вам через минуту.

Разъяренный Драгович вскочил со стаканом в руках, еле сдерживаясь, чтобы не врезать ей по физиономии. Ей нравится, чтобы с ней обращались грубо? Сегодня ночью она свое получит.

Он сделал вид, что рассматривает одну из картин, которыми декораторы увешали все стены. Какая-то мешанина из тусклых красок. Что, черт возьми, это может означать? Но зато дорогая.

Он снова пригубил вина. Неужели Монне и ему подобным нравится эта дрянь? Или они просто делают вид?

— Ты должна попробовать еще разок, — сказал Милош. — Все-таки две с половиной штуки за бутылку...

— Две с половиной тысячи долларов! — воскликнула она. — За вино, отдающее мокрыми опилками? Не может быть!

— Может, — отрезал Милош. — И оно того стоит.

Даже если ее воротит от этого вина, про цену она обязательно всем сообщит.

— Кто это? — вдруг спросила она. — Как на тебя похож.

Обернувшись, Милош увидел, что она стоит у книжных полок, держа в руках рамку с фотографией — единственное, чем украсил комнату сам Драгович.

— Ничего удивительного. Это мой покойный старший брат.

— Покойный?

— Да. Он умер несколько лет назад.

— Ой, извини. — В голосе ее прозвучало искреннее сочувствие. — Вы дружили?

— Да, мы были неразлучны.

При мысли о Петре Милош невольно загрустил. Они так лихо торговали оружием в Боснии, а в Косове случилась осечка. Петр не захотел поставлять оружие албанцам. Только сербам, и никому другому. Как же они ссорились тогда, только братья умеют так враждовать. Петр кричал, что он скорее умрет, чем будет вооружать албанцев, чтобы они убивали его соотечественников.

Как благородно.

Милош до сих пор не мог понять этой идиотской позы. Они всегда продавали оружие обеим сторонам. Армия освобождения Косова имела неограниченный кредит от арабов и могла покупать все, что заблагорассудится. И платили они гораздо больше сербов. Как можно было упускать такую возможность?

Но Петр вбил себе в голову, что он прежде всего серб, а потом уже бизнесмен. Ладно. Милош решил вести дела самостоятельно. И тогда Петр переступил черту. Мало того что он не хотел иметь никаких дел с албанцами, так он еще принялся вставлять Милошу палки в колеса...

Милош до сих пор сожалел, что убил брата. Единственным утешением было то, что Петр так и

не узнал, кто его убийца, и умер без мучений. Автоматная очередь буквально снесла ему голову.

Милошу приходилось убивать и раньше, и потом. С Корво он прокололся, и сидеть бы ему за решеткой, если бы он не убрал одного из свидетелей, чтобы заткнуть рот остальным. Как звали того парня, которого он велел прикончить? Кажется, Арти. Фамилии он уже не помнил.

Так уж повелось. Убийство решало все проблемы и расставляло все по своим местам. В этих делах Милош предпочитал обходиться своими силами. Не потому, что питал вражду к своим жертвам, нет, он не вкладывал в убийства ничего личного, просто хотел, чтобы его боялись.

Но с Петром все обстояло иначе. Здесь было дело семейное, настолько личное, что он не мог передоверить его никому другому. Он долго горевал и до сих пор с тоской вспоминал старшего брата.

Ах, Петр, думал Милош, глядя на фото, которое Чино держала в руках. Как жаль, что нельзя заглянуть в будущее. Знай он тогда о «локи» и миллионах, которые принесет препарат, ни за что не связался бы с албанцами. Брат остался бы жив, и они вместе наслаждались бы богатством.

У Милоша сдавило горло. Подняв бокал, он произнес:

— За моего любимого брата.

Втайне сожалел, что это не водка, Милош проглотил оставшееся вино, стараясь не обращать внимания на комок в горле.

16

Надя открыла глаза и приподнялась на кровати. Вокруг темнота. А где ее одежда? И где находится она сама?

Взглянув в окно, она увидела Манхэттенский мост. Все ясно. Она у Дага в постели — и причем одна.

Господи, который час? Судя по красным цифрам на электронных часах, уже довольно поздно.

А где Даг? Она окликнула его по имени.

— А, спящая красавица проснулась, — отозвался он откуда-то издалека.

— Ты где?

— В кабинете. Иди сюда. Я тебе кое-что покажу.

Надя потянулась, выгнув спину под простыней. Вчера они пришли сюда, чтобы вместе проникнуть в компьютерную сеть ГЭМ, но по дороге в кабинет завернули в спальню. Она улыбнулась. В постели Даг не выглядел рассеянным. Все его внимание сосредоточилось на ней.

Потом, лежа в его объятиях, она задремала. Раньше такого не случалось. Почти никогда. Но в последнее время она так не высыпалась.

Выскользнув из-под простыни, она оделась и отправилась на кухню, где обнаружила в холодильнике кока-колу. Вообще-то она предпочитала диетическую пепси, но сейчас сойдет и это. Прихватив бутылку с собой, она пошла в кабинет.

Даг сидел в гусах у монитора и жевал кукурузные хлопья. Она невольно залюбовалась широким разворотом его плеч.

— Вкусно? — спросила она, наклонившись над ним и вглядываясь в цифры, мелькавшие на экране.

Не отрывая глаз от монитора, он протянул ей коробку. Надя с удивлением заметила на этикетке знакомое с детства косоглазое существо с пропеллером на голове.

— Это «хрустики»? — Она вспомнила старый рекламный ролик «Хрустик против Трясучки». — Я думала, их давно уже не делают.

— Я тоже так думал, но оказалось, что где-то в захолустье их еще выпускают. Удалось заказать через Интернет.

Она положила в рот несколько хрустящих пятачков и чуть не поперхнулась.

— Какие сладкие! Раньше они такими не казались.

— Это же сплошной сахар. Но у меня есть кое-что получше, — показал он на свое запястье. — Видишь, что может получить их покупатель.

— Часы от Хрустика?

— И даже более того! — сообщил Даг, протягивая ей золотое колечко с фигуркой того же странного персонажа. — Сгодится, пока я не куплю тебе то самое бриллиантовое?

Надя рассмеялась:

— Ну, ты совсем чокнулся.

— Не чокнулся, а *хрустнулся*.

Надя кивнула в сторону экрана:

— Как идут дела?

— Пытаюсь найти хоть какие-нибудь данные о финансовом положении ГЭМ. Не ту липу, которую они толкают в годовых отчетах, а реальные цифры.

— Господи! Тебя же накроют.

— Не волнуйся. Я вышел на них обходным путем через Чикаго.

— Через Чикаго? Почему?

— Старый хакерский трюк.

— Прошу тебя, Даг, — взмолилась Надя, стараясь отогнать дурное предчувствие. — Остановись. Добром это не кончится.

Он вздохнул:

— Наверное, ты права. Но пойми, Надж, меня это все время грызет. Они выплачивают мне коммиссионные за продажи, которых нет. Прибыль, которую они якобы пускают на исследования, настолько велика, что на нее можно построить десятиэтажный научный центр, доверху набитый обо-

рудованием и сотрудниками. Однако, как нам известно, исследовательский центр ГЭМ занимает всего один этаж и народу там раз-два и обчелся. Значит, деньги идут куда-то еще. Если не на науку, то тогда на что? Или кому?

— Если ты угодишь за решетку, это не будет иметь значения.

— Я буду осторожен.

— Почему бы не отнестись к этому как к необъяснимой загадке?

Даг улыбнулся:

— Знаешь, на уроках богословия в начальной школе я прямо-таки забрасывал монахинь вопросами о Боге, небесах и преисподней. И очень часто они отвечали мне, что «это чудо». И все, вопрос закрыт. Таких объяснений мне всегда было недостаточно — и тогда и сейчас.

Надя вспомнила, как она училась в католической школе. Таких, как Даг, там тоже было полно. В каждом классе обязательно находился ученик, на которого не действовали увещевания типа «надо просто верить» и сентенции из Нагорной проповеди. Они все время задавали вопросы, сомневались и пытались дойти до сути. Весь класс с готовностью проглатывал очередные куски Божественных откровений и двигался дальше. Но только не эти ребята. Им требовалось объяснение. Они хотели знать *наверняка*.

— О'кей, тогда попробуем другой вариант: нас это не касается.

— Очень даже касается, раз наше благополучие зависит от ГЭМ.

Наше благополучие здесь ни при чем, подумала Надя. Даже если Даг выиграет в лотерею миллион долларов, он все равно не успокоится и будет долбить компьютерную сеть ГЭМ до упора. Просто у него зуд в одном месте.

Она наклонилась и поцеловала его в губы.

— Вызови такси. Мне надо ехать.

— А как же хакерская практика?

— В другой раз. Я должна быть с утра в клинике; как штык.

Даг взял мобильник и заказал такси. Он жил в самом неудобном районе Бруклина — под Манхэттенским мостом такси можно было ждать часами.

Отключив телефон, он усадил Надю к себе на колени.

— Если бы ты жила здесь, то была бы уже дома, — пробормотал он, уткнувшись носом ей в шею.

Надя надула щеки и со свистом выпустила воздух.

— Ты опять за старое?

— Но ты же все равно будешь жить здесь, когда мы поженимся, — возразил он. — Почему бы не сдвинуть срок на несколько месяцев вперед?

— На год. Хочешь поговорить об этом с моей мамой?

— Нет уж, уволь, — засмеялся он.

Надя переехала к матери, когда училась в ординатуре. Тогда это казалось хорошей идеей. Она целыми днями пропадала в больнице, а мамина квартира находилась от нее всего в нескольких кварталах. Какой смысл снимать отдельное жилье и платить за него чужому человеку?

Сейчас Надя об этом сожалела, но не потому, что им плохо жилось вместе.

Наоборот, они прекрасно ладили. Маме было уже за шестьдесят, а Надин отец умер пять лет назад. Она приехала в США из Польши еще до войны, но гражданства так и не получила — слишком крепко была привязана к своей оставленной родине. Стены ее квартиры были увешаны портретами Иоанна Павла II, а сильный акцент всю жизнь выдавал в ней иностранку.

Если не считать религии (мама ходила в церковь ежедневно, Надя же давно перестала бывать даже на воскресной мессе), то во всем остальном они легко находили общий язык. Ну разве что мама была недо-

вольна, что ее дочка занимается какими-то там исследованиями вместо того, чтобы стать «настоящим доктором», но это были мелочи.

Отделиться от мамы не представляло никакой проблемы — та была вполне самостоятельна и могла жить одна. Но переехать к Дагу — это совсем другое дело. Мама будет переживать, что ее дочь живет в грехе, и непрестанно молиться Богу, чтобы спасти ее душу.

Зачем мучить старую женщину? Они с Дагом скоро поженятся. А до этого можно придерживаться уже сложившейся практики, что совсем не сложно. Они и так часто видятся, и раздельное проживание никак не отражается на их интимных отношениях.

— Да нет, я ничего тебе не навязываю, — тихо сказал Даг.

— Знаю, — вздохнула Надя, нехотя слезая с его колен. — Пора идти.

— Позвони мне, когда приедешь.

Даг всегда просил ее позвонить, чтобы он знал, что она добралась благополучно.

— Как же я позвоню, когда у тебя работает модем?

Он взял со стола сотовый телефон и нажал на кнопку.

— Он будет включен все время.

Послав Наде воздушный поцелуй, Даг возобновил атаку на клавиатуру.

Спускаясь вниз к такси, она пожалела, что они живут врозь. Ее снова охватили дурные предчувствия.

17

Одетый в дешевое тряпье Джек сидел на куске картона в крытом переходе напротив дома доктора Монне на Восемьдесят седьмой улице. Голова его была низко опущена, но не из опасения быть уз-

нашим — просто его теперешний вид как-то не вязался с Карнеги-Хилл, где обитал сам мэр. Час был поздний, и в этом районе дорогих магазинов, роскошных офисов и элитных жилых домов движение почти замерло.

Видимо, дела у фармацевтов идут неплохо, подумал Джек, глядя на фасад дома, где жил доктор Монне. Восемь этажей, высокие потолки, башни пентхаусов на крыше. Три вида кирпича и огромные балконы. В таком доме даже самая скромная квартирка тянет на семизначную цифру.

Ввиду недоступности Драговича, который, вероятно, уже укатил в свой Хемптон, Джек решил понаблюдать за Монне. Он не стал спорить с Надей, но отнюдь не разделял ее уверенности, что доктор — лишь невинная жертва пройдохи серба. Такие типы, как Драгович, конечно, мастера выкручивать руки, но иногда эти руки протягивают им добровольно. Интересно, что может связывать этих столь разных людей?

Но где же наш добрый доктор? Прежде чем прийти сюда, Джек позвонил ему домой, а потом пару раз перезванивал из автомата на углу. И всякий раз натыкался на автоответчик.

Это вовсе не означало, что доктора нет дома. Возможно, у него стоит определитель номера, и он не берет трубку, когда звонит «неизвестный абонент». Поэтому Джек решил расположиться напротив и следить за входом: возможно, Монне все же появится — выйдет на улицу или вернется домой.

Джек пришел сюда в девять, а сейчас была уже полночь. Нет смысла торчать здесь дольше. Если Монне дома, вряд ли он куда-нибудь пойдет в такое время. Если же его нет, то что можно узнать, наблюдая, как он входит в дом? Пора сматывать удочки.

Раздосадованный потерей времени, которое он мог провести с Джа, Джек поднялся и, сложив картонку, зашагал в западном направлении. На Во-

семьдесят шестой улице он свернул в Центральный парк и пошел по большому газону, сжимая в руке пистолет, на тот случай, если какому-нибудь придурку придет в голову напасть на бродягу. Однако обошлось без приключений.

Дома он разделся, принял душ и включил видеомагнитофон, чтобы посмотреть что-нибудь из своей коллекции фильмов о докторе Моро. Кассеты были расставлены в хронологическом порядке, значит, лучшие фильмы стояли первыми. По мнению Джека, «Остров потерянных душ» с Лоутоном, Лагоши и Эръемом был самой удачной экранизацией знаменитой книги. Несмотря на свой ужасный венгерский акцент, Бела оставался лучшим исполнителем роли человека-волка, Толкователя Закона.

Не проливать кровь! Таков Закон! Разве мы не люди?

В ответ раздавался гортанный вопль, вырывавшийся из множества глоток, непривычных к человеческой речи...

Разве мы не люди?

Но усталость взяла свое, и Джек заснул, когда Чарльз Лоутон, тряся жидкой бородкой, сокрушался, что «упрямая звериная плоть так и лезет наружу».

Во сне Джек увидел Сола Витуоло, ставшего Толкователем Закона и беспрестанно повторявшего: «Разве мы не люди?.. Разве мы не люди?»

Пятница

1

Господи Иисусе!

Формула изменилась.

Присев на край кровати, Надя рассматривала распечатку. Руки у нее тряслись.

Структура молекулы выглядела по-другому. Она действительно изменилась. Надя не могла сказать,

что именно с ней произошло, но некоторые боковые цепи, которые она видела вчера, сегодня уже отсутствовали. И она никак не могла вспомнить, как они выглядели.

Она собиралась проверить отпечатки вчера вечером, но, вернувшись домой, даже не вспомнила об этом. Возможно, не придавала всему этому большого значения, подозревая, что доктор Монне просто дурачит ее.

В мире, где она жила, распечатки не менялись сами собой.

До сегодняшнего дня.

Нет, нет, нет. Даже не думай. Это невозможно.

Одну минуточку. Она ведь ввела в память компьютера формулу и сделала распечатку. Надя вынула из сумки листок бумаги. На нем стояло $C_{24}H_{34}O_4$. Но ведь это не та формула. Та выглядела как $C_{27}H_{40}O_3$. Или атомов кислорода было шесть? Черт! Она не помнила точно. Раньше с ней такого не случалось.

Надя сравнила формулу с молекулой на распечатке. Они полностью совпадали.

Она почувствовала дурноту и зажмурила глаза. Этого не может быть. Просто чья-то шутка.

Кто-то залез к ней в сумку и поменял распечатки. Но кто? И когда? Она сделала их, уходя с работы, и с того времени не выпускала сумку из поля зрения. Да и кому понадобился весь этот спектакль?

И как объяснить эти провалы в памяти? Запомнить хотя бы одну из боковых цепей было совсем не сложно, но в голове у нее не осталось ничего.

Надя почувствовала странное волнение. Действительно, происходит что-то непонятное. Молекула «локи» ни на что не похожа. Да, сейчас она не в состоянии объяснить ее свойства, но это вовсе не значит, что их нельзя понять вообще. У нее есть все необходимое, чтобы разгадать эту тайну. Это будет настоящий прорыв в биологии. Надя представила, сколько докладов она напишет о «локи»,

сколько лекций прочтет. В свои тридцать она станет знаменитостью.

Среди молекулярных биологов, конечно.

Да к тому же ей будут платить за работу, которую она готова делать бесплатно.

Надя начала одеваться. Мысленно она уже была в лаборатории. Но сначала надо заглянуть в диабетическую клинику. Сделать быстрый обход, и скорее в ГЭМ.

Проходя через холл, увешанный портретами папы Иоанна Павла и сухими пальмовыми ветками, свернутыми в кольцо, она услышала мамин голос:

— Надя, я все слышала!

— Что ты слышала, мама? — спросила Надя на ходу.

— Как ты произносила имя Господа всуе. Ты не должна так делать. Это грех.

И когда это я успела, подумала Надя. Но времени на обсуждение уже не было.

— Извини, мама.

Даг прав. Пора переезжать к нему. И как можно скорее.

2

Даг откинулся на стул и потер глаза. Казалось, в них насыпали песок. Он всю ночь пытался прорвать оборону вокруг компьютерной сети ГЭМ. Кое в чем он преуспел — к примеру, откопал отчеты о расходах владельцев фирмы. Потерял массу времени, но не нашел в них ничего интересного.

Но финансирование фундаментальных исследований было спрятано за семью печатями. Он проследил, как деньги направляются в научно-исследовательский отдел, но дальше их след терялся. Данные о том, как и на что они используются, были заперты в электронном сейфе, ключ к которому он так и не смог подобрать.

Пока не смог. Несмотря ни на что, он продвигался вперед, хотя тропа и обледенела.

— Надо передохнуть, — пробормотал Даг, закрывая ноутбук.

Он походил по комнате, потягиваясь и разминая онемевшие члены. Еще повоюем. Он уже подобрался к секретным кодам ГЭМ. Их разрабатывал неглупый парень, но ведь и Даг был не промах в этих делах. В колледже он слыл компьютерным асом и просиживал ночи напролет, проникая в корпоративные и академические сети и оставляя хулиганские записки в электронных почтовых ящиках. Ничего серьезного, просто своего рода компьютерные граффити.

Даг взглянул на часы. Черт, уже почти восемь, а он еще должен сделать пару звонков и накормить завтраком медицинский персонал в Бэйшоре.

Так не хотелось прерываться, но, если он сейчас не поспит, весь день пойдет насмарку. Но с другой стороны, почему он должен беспокоиться о каких-то там деловых встречах и угощении для сестер и секретарш, если его комиссионные никак не зависят от продаж?

Хороший вопрос. Но не в его правилах отменять встречи. И, кроме того, в его распоряжении сегодняшний вечер и еще три выходных дня. Хватит, чтобы добить дело до конца.

Даг неохотно выключил компьютер и побрел в спальню. Поставив будильник на половину десятого, он рухнул на кровать. Простыни все еще сохраняли Надин запах. С улыбкой на губах он погрузился в сон.

3

— Посмотри-ка, — сказал Эйб, ткнув мокрым от сока пальцем в лежавшую на прилавке газету. — Ты только погляди на это!

— На что? — спросил Джек.

Он опять завтракал с Эйбом, сидя напротив него за прилавком. На этот раз Джек принес две папайи. Потягивая кофе, он наблюдал, как Эйб ловко разрезает их на части и очищает от семян своими толстыми корявыми пальцами.

— Да на эту заметку. Еще одно проявление людской агрессии. Здесь говорится, что преподаватель из Джексон-Хайтс выкинул двух студентов из окна второго этажа.

— Наверное, это была лекция по физике и он объяснял им закон всемирного тяготения.

— Один студент сломал руку, а другой ногу. понадобилось четыре копа, чтобы утихомирить преподавателя. И знаешь, что он сказал, когда они его повязали? «Они болтали во время лекции! Все должны молчать, когда говорю я. В следующий раз они будут меня слушать!»

— Видимо, следующего раза уже не будет... Эй, что ты делаешь?

Эйб вытряхнул сердцевину с семечками прямо на раздел спортивных новостей в «Таймс».

— А что, я должен вывалить все это на чистый прилавок?

Прилавок с большой натяжкой можно было назвать чистым, но Джек не стал обсуждать эту тему.

— А как я теперь прочитаю про спорт?

— Подумаешь, какой фанат. Какое отношение ты имеешь к спорту?

— Я был нападающим в юношеской лиге. А если я хотел узнать, как сыграли «Никсы»?

— Они не играли.

— Ладно. Тогда как насчет «Нетс»?

— Они проиграли ребятам из «Джаза». 109:101.

Джек взглянул на Эйба. Ему можно верить. Эйб всегда слушал радио. За утро счет, наверное, успели передать раз десять. Но Джек не собирался сдавать позиции. Обычно он читал спортивные ново-

сти только во время чемпионата мира или игр за суперкубок, но здесь было дело принципа. Не важно какого.

— Но я люблю *почитать* про игру.

Эйб вычистил все семена и стал резать папайю на небольшие кусочки.

— Ты же знаешь счет. Что тебе еще нужно? Хочешь почитать, как какой-нибудь писака разводит бодягу насчет того, почему они выиграли или проиграли? Кому это интересно, кроме тренера? Команда А победила, команда Б проиграла — все, конец — когда следующая игра? — Эйб ткнул ножом в папайю. — Давай ешь.

Джек взял оранжевый кусочек и положил в рот. Вкусно. Когда он потянулся за следующим, Эйб показал на Парабеллума, внимательно изучавшего странную массу, лежащую на спортивных новостях. Попугай в нерешительности крутил головой: ему хотелось семечек, но что делать с остальным?

— Какая разборчивая птица, — с уважением произнес Эйб.

— Просто ты вывалил эту кашу прямо на статью Джорджа Вечи, и теперь он не может дочитать ее до конца.

Эйб молча посмотрел на него поверх очков.

Джек вздохнул:

— Ладно, дай мне тогда «Пост». Надеюсь, их спортивную колонку ты еще не успел заляпать.

Эйб протянул руку за газетой, но вдруг остановился:

— Стой, стой, стой. Здесь есть кое-что интересное для тебя.

— Что-нибудь о «Метах»?

— Нет, совсем о других спортсменах — о твоих друзьях-выпускниках, устроивших погром.

— Надеюсь, их отправили в Синг-Синг?

— Вовсе нет. Их отпустили — и причем всех.

Джек помрачнел:

— Дай я посмотрю.

Эйб сложил газету и ткнул пальцем в маленькую заметку рядом с результатами лотерей. Джек быстро пробежал текст, потом, не веря своим глазам, прочел снова.

— Никого не отдали под суд! Ни единой души! Не предъявили никаких обвинений!

— Ввиду «нового поворота дела», там ведь так сказано? Хм... что, по-твоему, это означает?

Джек понял, к чему клонит Эйб: богатенькие ребята, наверняка со связями в мэрии и в полиции, позвонили куда надо и отбыли домой как ни в чем не бывало.

И среди них Роберт Б. Батлер-Поросенок. Сукин сын, который чуть не убил Вики, ни дня не провел в тюрьме — ему даже не предъявили обвинение.

— Мне надо позвонить.

Эйб не предложил свой телефон, да Джек и не стал бы им пользоваться. Сейчас почти у всех определитель номера.

Джек пошел к автомату на углу. Вынув из портмоне листок с номером телефона, он опустил в аппарат несколько монет и вскоре дозвонился до квартиры Роберта Б. Батлера, бывшего питомца школы Святого Варнавы и злого обидчика маленьких девочек.

Когда горничная подняла трубку и с африканским акцентом спросила, кто звонит, он представился как Джек Гевин.

— Я адвокат Ассоциации выпускников школы Святого Варнавы. Хотел бы поговорить с мистером Батлером о том неприятном инциденте в среду вечером. Кстати, как он себя чувствует?

— Прекрасно, — ответила женщина.

— У него сильные боли?

— Да нет, ничего у него не болит.

Проклятье! Джек почувствовал, как у него сводит скулы. Пора навести порядок.

— Можно его к телефону?

— У него сейчас доктор. Я пойду спрошу.

Через минуту она вернулась.

— Сейчас мистер Батлер не может подойти к телефону, но он будет рад видеть вас сегодня в любое время.

Джек вежливо сообщил, что он придет около часу.

Напугал Вики, чуть не убил ее и благополучно утек от ответственности...

Ну ничего, он еще поговорит с мистером Батлером по душам.

4

Надя сидела в темноте и смотрела на объемное изображение, парящее в воздухе. Придя в лабораторию, она первым делом включила установку и вызвала из памяти изображение молекулы. Появилась знакомая распавшаяся структура, которую Надя уже мысленно окрестила «локи»-2.

Да, ее строение изменилось, точно так же, как и на распечатке.

Хорошо. Это вполне можно объяснить тем, что кто-то лазал в память установки. Но у нее есть козырь в рукаве. Вчера перед уходом она выскребла из установки остаток пробы и поместила его в пробирку.

Вынув пробирку из кармана, Надя высыпала частицы в пробоприемник. Ее насторожил их цвет... что-то было не так, хотя она и не могла сказать, что именно. Надя откинулась на спинку стула и замерла, потом нажала клавишу. Во рту у нее пересохло — перед ней опять появилась та же проклятая молекула.

В лаборатории на мгновение стало светло — это позади нее открылась и закрылась дверь.

— Ну что, поверили, наконец?

Услышав голос Монне, Надя резко обернулась. Вид у доктора был измученный, как после бессонной ночи.

— Скажите, что это была шутка. Ну пожалуйста.

— Мне бы и самому этого хотелось, — вздохнул он. — Вы даже не представляете, как я мечтаю, чтобы все это оказалось мистификацией. Но к сожалению, это не так.

— Но это *должно быть* так. Если вы хотите, чтобы я поверила, что эта молекула меняет свое строение под воздействием каких-то «небесных явлений», я могу это принять. Хотелось бы, конечно, знать, как именно эти «явления» влияют на ее изменение, но в принципе я могу согласиться, что гравитация или что-то в этом роде может сыграть роль катализатора. Но здесь совсем другой случай. Если, конечно, нам не морочат голову. Эта молекула не только меняется сама, но вслед за ней изменяются и все свидетельства ее первоначального вида. Происходит подмена реальности, а мы оба знаем, что такое невозможно.

— Знали раньше, — уточнил Монне. — То есть считали это аксиомой. Но теперь мы думаем иначе.

— Только не я.

Он слабо улыбнулся:

— Я знаю, что вы чувствуете. Вы растеряны, напуганы, подозреваете подвох и в то же время настроены решительно и готовы бороться. И все эти разнообразные эмоции доводят вас до слез. Разве я не прав?

Надя почувствовала, как к горлу подкатывается комок, а на глаза наворачиваются слезы. Утерев их, она кивнула, не в силах произнести ни слова.

— Но ведь это *правда*, Надя, — прошептал Монне. — Поверьте мне, никто нас не разыгрывает. Мы столкнулись с явлением, которое опровергает основополагающие представления о природе физического мира и самом существовании.

Именно это и сбивало ее с толку. Что, если способность видоизменять реальность и саму память о ней присуща не только этой единственной молекуле? А вдруг это случается постоянно? Сколько раз, напечатав или написав слово, она останавливалась в нерешительности: ей вдруг начинало казаться, что оно пишется по-другому. Она проверяла правописание и, убедившись, что слово написано верно, двигалась дальше. Но ощущение «неправильности» все же оставалось.

— Мы должны понять, что с ней происходит, — донесся до нее голос Монне. — А для этого ее, прежде всего, надо стабилизировать.

— Но как это сделать, если мы даже не помним, как она выглядела изначально?

Вытащив из кармана пробирку, доктор протянул ее Наде:

— Теперь у нас есть новая проба.

Надя буквально выхватила у него пробирку и трясущимися руками стала готовить пробу для голографической установки. Заправив ее в аппарат, она стала ждать.

Наконец в воздухе появилась молекула, и Надя чуть не закричала от радости. Это была *та самая* молекула, что стерлась из ее памяти. Сейчас она ее вспомнила и сразу почувствовала себя лучше.

— А где вы нашли изначальную «локи»?

— Позаимствовал у носителя. Внутри носителя она не меняется, пока ее не извлекут на свет божий.

Надя повернулась к Монне:

— Вы по-прежнему держите источник в секрете?

— Пока да.

Надя чуть не заплакала от досады. Ей так хотелось узнать все до конца. Это должна быть какая-то органическая субстанция. Растение? Животное? Что?

— А таинственное «небесное явление»? Это тоже секрет?

— Я просто не хотел говорить, пока вы сами не убедитесь в изменениях. Само по себе это явление вполне заурядно и случается двенадцать—тринадцать раз в год — это новолуние.

Надя облизнула губы.

— Новолуние? А когда оно наступило?

— Вчера вечером. Ровно в 8.42.

Лунные фазы. Они определяют многие биоритмы на нашей планете. Новолуние — это время, когда на землю не льется лунный свет, самая темная ночь месяца.

По ее телу пробежал озноб.

— Я бы хотел, чтобы вы начали работу немедленно, — сказал доктор Монне. — Нам нельзя терять время. В следующий раз носитель «локи» может быть для нас уже недоступен, и мы навсегда утратим возможность разгадать эту загадку.

— Может быть, прибегнуть к посторонней помощи? Ну, раз у нас только двадцать девять дней в запасе...

Доктор Монне энергично затряс головой:

— Нет. Абсолютно исключено. «Локи» не должна покидать эту лабораторию. По-моему, я достаточно ясно дал это понять.

— Да, но...

— Никаких но и никаких консультаций на стороне.

Монне побледнел, но был ли это гнев или страх, Надя не поняла.

Но он не должен перекладывать всю ответственность на начинающего исследователя.

— Надеюсь, вы мне поможете, — жалобно сказала Надя.

— Конечно. Чтобы сэкономить время. Покажу вам все тупики, в которые я уже упирался. А дальше вы будете двигаться самостоятельно.

— Но вряд ли вы так уж можете рассчитывать... — неуверенно начала Надя.

Монне протестуяще поднял руку:

— Я не говорил вам, но, прежде чем взять вас на работу, я позвонил доктору Петрилло.

Надя застыла. Ее научный руководитель в ординатуре, царь и бог в мире анаболических стероидов.

— Что же он сказал?

— Чего он только не наговорил. Я никак не мог его остановить. Он был очень рад, что вы занялись исследовательской работой, а не зарываете свой талант во врачебную практику. Вы недооцениваете себя, Надя. Я же, наоборот, отдаю вам должное. Но у вас будет и дополнительный стимул: если вы сумеете стабилизировать молекулу в течение ближайших четырех недель, вы получите премию.

— Но в этом нет необходимости.

Он улыбнулся:

— Не торопитесь, пока не узнаете сумму. Что вы скажете о миллионе долларов?

Надя онемела. Она открыла рот, но слова застряли в гортани.

— Вы... вы сказали?..

— Да. Круглая сумма в один миллион долларов. Вы можете...

Раздался стук в дверь, и в лабораторию заглянула седоватая женщина. Это была Пат, работавшая в компании техником.

— Извините, доктор Монне, но вас просит к телефону мистер Гаррисон, — сообщила она.

— Передайте, что я ему перезвоню, — раздраженно отозвался Монне.

— Он говорит, что это срочно. «Непредвиденные обстоятельства», так он выразился.

— Ну хорошо. — Монне повернулся к Наде: — Я скоро вернусь. Сейчас нет ничего важнее нашей работы.

Еще бы, подумала Надя. Миллион долларов... миллион!

Цифра эта все время вертелась у нее в голове, пока она сидела и мечтала, на что потратит эту сумму. Они с Дагом смогут сразу пожениться, купить дом, раскрутить его компанию, решить все проблемы и начать *жить*.

Прошло десять минут, а Монне все не появлялся. Надя выглянула за дверь.

— Где доктор Монне? — спросила она Пат.

Та показала на дверь.

— Он поговорил с мистером Гаррисоном и побежал наверх.

«Сейчас нет ничего важнее нашей работы». Она усмехнулась. Значит, все же есть. Будем надеяться, что «непредвиденные обстоятельства» не окажутся слишком серьезными.

Подойдя к установке, она стала вращать трехмерное изображение, стараясь привыкнуть к его несуразному виду.

Я тебя доконаю, думала она, глядя на молекулу. И вовсе не из-за денег... Ты мне бросила вызов, но победа все равно будет за мной.

Но и от премии отказываться не стоит. Ни за что.

5

— В нашу компьютерную сеть залез хакер! — сообщил Кент Гаррисон, как только Люк запер за собой дверь.

Раскрасневшийся Кент стоял у стола, сняв пиджак. На голубой рубашке темнели пятна пота.

— Не совсем так, — поправил его Эдвардс. Одетый в безукоризненно сшитый синий костюм, он сгорбился за столом, положив изящные руки на темно-коричневую поверхность. — Похоже, кто-то пытался взломать защиту, но уверенности пока нет.

Ошеломленный Люк опустился в кресло.

— Что? Каким образом? Я считал, что у нас лучшая в мире защита.

— Видимо, нет, — процедил сквозь зубы Кент, бросив мрачный взгляд в сторону Брэда, который отвечал за компьютерную сеть.

Когда рядом не было Драговича, Кент вел себя очень агрессивно.

— Меня уверили, что защита у нас самая современная, — оправдывался Брэд. Его всегда тщательно уложенные волосы были в беспорядке, словно он все время запускал в них руки. — Но это было в прошлом году. Хакеры тоже не стоят на месте.

— А почему нет уверенности? — спросил Люк.

— Они обнаружили, что коды временно менялись, что само по себе еще ничего не значит, — ответил Брэд, проведя рукой по губам. — Честно говоря, я в этом не слишком разбираюсь.

Кент никак не мог успокоиться и все вышагивал вокруг стола.

— Если это четырнадцатилетний балбес, которому нечем заняться, то черт с ним. Даже если он что-нибудь и откопает, то вряд ли сообразит, что это значит.

— А если это не ребенок? — засомневался Люк. — Если кто-то намеренно копает под нас?

— Кто, например?

— Кто-то из конкурентов. Мы ведь играем в серьезные игры. Может быть, Драгович кого-то нанял. Или еще хуже — какой-нибудь корпоративный шпион ищет информацию, чтобы потом на нас наехать.

Наконец Кент уселся и начал тереть глаза.

— О господи, — пробормотал он.

Люк повернулся к Брэду:

— Какие меры мы приняли?

Брэд оживился:

— Программисты собираются подключиться к нашей системе и держать ее под контролем. Если кто-нибудь взломает защиту, они его вычислят.

— И что потом?

— Впаяем ему по полной, — отрезал Кент. — Если только это не наш приятель Милош. Его мы просто вежливо попросим больше так не делать, чтобы не трепать нам нервы.

— А что, если хакер узнает, что мы делаем с деньгами, которые якобы идут на научные разработки?

За столом воцарилась тишина. Такое разоблачение повлечет за собой аудиторскую проверку, которая неизбежно приведет к «локи», а это значит, что все они угодят за решетку, и очень надолго.

Брэд Эдвардс издал громкий мучительный стон и замотал головой.

— Сил больше нет все это терпеть. Я вовсе не собирался становиться преступником. Все так хорошо начиналось. У нас был честный, прозрачный бизнес...

— Который вылетел в трубу! — ехидно вставил Кент.

— И мы связались с самим дьяволом, чтобы его спасти.

— Я что-то не вижу, чтобы ты пытался с ним *развязаться*.

Брэд посмотрел на свои руки.

— Иногда мне хочется, чтобы гром все-таки грянул. Когда это дело накроется, я, наконец, смогу спать по ночам. Вы можете вспомнить, когда вы последний раз нормально спали?

Вопрос по существу, подумал Люк. Сам он давно не мог заснуть, не выпив на ночь несколько бокалов вина.

— Хватит трепаться, — оборвал его Кент. Лицо его пылало тем же цветом, что и волосы. — Если все вылезет наружу, не думай, что власти отправят тебя на курорт! Речь идет о наркотиках и кое о чем похуже. На нас уже столько висит, что остаток жизни ты проведешь в Рикерсе или Аттике, где тебя будут трамбовать, как последнее дерьмо.

— Меня? — переспросил Брэд дрожащими губами. — Только меня? А ты куда денешься?

Кент покачал головой:

— Я пуцую себе пулю в лоб, как только запахнет жареным.

Люк чуть не застонал от досады. Все это он уже слышал не один раз.

— Давайте вернемся к теме нашего разговора. Что мы будем делать, если этот хакер все-таки взломает нашу сеть и узнает много лишнего?

— Его постигнет участь Макинтоша, — отрезал Кент, ни минуты не колеблясь, и с вызывающим видом посмотрел вокруг.

Люк вспомнил лицо умирающего Макинтоша... вылезшие из орбит глаза, судорожно искривленный рот...

Нет, только не это...

— Будем надеяться, что так далеко дело не зайдет, — сказал он. — Скорее всего, какой-то хакер просто развлекается, не имея никакой определенной цели. Возможно, завтра он будет атаковать уже другую сеть.

— Если он опять сунется, мы его выследим и поймаем, — успокоил партнеров Брэд.

Повисло молчание. Совещание закончилось, но никто не торопился уходить. Мир за пределами этого бункера был полон опасностей и угроз, словно гигантская мышеловка, готовая прихлопнуть их в любую минуту.

Люку так не хотелось покидать этот уютный кокон, за пределами которого его ждала неизвестность.

6

Джек все утро провел за компьютером, пытаясь изготовить визитку юриста. Он пользовался этой программой всего дважды и еще не успел ее осво-

ить. Первые попытки окончились неудачей, но потом дело пошло на лад. Визитка получилась как настоящая. На листе уместилось двадцать штук — более чем достаточно.

Ровно в час, приняв душ, побрившись и надев темный костюм, белую рубашку и галстук в полоску, Джек Гевин, адвокат, вошел в высотное здание «Миллениум» на Шестьдесят седьмой улице и предъявил визитку швейцару. Тот позвонил в квартиру и, убедившись, что посетителя ожидают, проводил его к лифту.

Батлер жил на двадцать первом этаже. Поднимаясь в лифте, Джек обдумывал план действий. Он еще не решил, что именно он сделает с Батлером — вывесит его из окна или сломает ему вторую ногу. Будет зависеть от настроения. Сейчас он был в прекрасном расположении духа. Не хочется его портить, но есть вещи, которые спускать нельзя.

В дверях его встретила медсестра. Белоснежный халат подчеркивал черноту кожи. Джек услышал знакомый акцент. Значит, это она разговаривала с ним по телефону. Сестра проводила его в кабинет и оставила наедине с мистером Батлером.

Увидев этого ублюдка, Джек почувствовал, как в нем закипает прежняя ярость. На Батлере была трикотажная фуфайка с эмблемой Принстона и такие же брюки, одна штанина у которых была отрезана чуть повыше гипса. Он по-прежнему был похож на поросенка.

— Мистер Гевин? — произнес Батлер, протягивая руку. — Я Боб Батлер. Спасибо, что пришли.

Джек не ответил на рукопожатие.

— Что-нибудь не так? — огорчился Батлер.

— Вы меня не узнаете? — спросил Джек.

— Нет, — виновато улыбнулся Батлер. — Вы, вероятно, тоже учились у Варнавы, раз работаете в

Ассоциации выпускников, но я подчас не узнаю даже ребят из моего класса, не говоря уже...

— Вспомните позавчерашний вечер, — проговорил Джек сквозь зубы.

Улыбка сползла с лица Батлера. Он отвел глаза.

— Ох уж этот позавчерашний вечер. Вы, вероятно, хотите узнать подробности?

— Подробности мне не нужны, — отрезал Джек. — Я сам там был, если помните.

Батлер поднял на него глаза:

— Были?

Джек наклонился ближе и показал на свое лицо.

— Вспомнили меня?

— Нет, все было как в тумане.

Если он врет, то довольно правдоподобно, подумал Джек.

Батлер потер небритую щеку.

— Я помню, как мы собрались в зале. Мы отмечали двадцать пять лет со дня окончания школы и решили сделать свой традиционный пунш «Всякая всячина». Притащили металлический таз, наложили туда льда и налили разных соков и самой дешевой водки и рома, как в былые времена. Помню, что пропустил пару стаканов этой штуки. Ребята стали шуметь, кое-кто даже пустил в ход кулаки. А вот потом... — Он пожал плечами.

— Разве вы не помните, как с толпой хулиганов напали на людей, стоявших на лестнице музея?

Батлер со вздохом кивнул.

— Я помню, как вышел на улицу, потом оказался на лестнице и с кем-то подрался. Но это все. Деталей не помню. Врачи сказали, что у меня сотрясение мозга. Я очнулся в больнице со сломанной ногой и без малейшего представления, как это произошло. Вы говорите, что там были. Вы меня видели?

Джек кивнул, внимательно наблюдая за Батлером. Он обязательно себя выдаст.

— Я... я что-нибудь натворил?

Джек с трудом сохранял самообладание.

— Вы пытались убить восьмилетнюю девочку.

— *Что?* — переспросил Батлер с таким неподдельным ужасом, что стало ясно, что он не врет. Он умоляюще посмотрел на Джека. — *Что* я сделал? Ради бога, скажите, что с ней все в порядке. Ведь я не мог причинить зло ребенку.

— Вы собирались сбросить ее с лестницы, но, к счастью, ее успели у вас отнять.

— Слава богу!

Искренность, с которой были сказаны эти слова, остудила гнев Джека, но спускаться с крючка он его не собирался.

— Судя по тому, что творили там ваши ребята, вы все наглотались чего-то похуже дешевой водки с ромом.

— Да, действительно, но тогда мы об этом не знали. Во всяком случае, большинство из нас. Но этот гад Докинс, он-то прекрасно знал.

— Докинс?

— Да. Бертон Докинс. Вы о нем слышали?

— Боюсь, что нет.

— Я думал, вы пришли из-за него. Полицейские сразу заподозрили, что в пунше был наркотик. И точно, анализ показал, что он там есть. Поэтому нас и отпустили. Зато арестовали Докинса. Кто бы мог подумать, что этот тихоня может выкинуть такой номер. Но копы поймали его с поличным — у него с собой был целый пакет дури.

— Какой дури?

— Официальных сведений пока нет, но я позвонил знакомому парню из комиссариата полиции, и он сказал, что это, видимо, новый синтетический наркотик, который в последнее время наводнил всю страну.

— А как он называется?

— Его продают под разными названиями. У них еще нет результатов анализа, но он подозревает,

что это сильно концентрированная разновидность, которую называют «берсерк»¹.

— Подходящее название.

— Еще игра такая есть. Я обожал играть в нее в детстве. Но наркотик этот вовсе не игрушечный. Забирает как черт. Между нами говоря, я в молодости покуривал травку, пару раз нюхал кокаин, пробовал кое-какое зелье. То есть я уже бывал под кайфом, но никогда не чувствовал себя так, как в тот вечер. Ощушаешь безграничную силу, словно ты властелин мира. Великолепное чувство, но оно вскоре сменяется гневом... *яростью*. Ведь это *мой* мир и все в нем принадлежит мне. А вокруг мельтешат какие-то людишки, которые мешают мне им владеть. — Батлер смущенно улыбнулся. — Я знаю, это звучит глупо, но в тот момент мне так не казалось. Я чувствовал себя богом.

Джеку было странно, что у людей так может ехать крыша, но ведь он никогда не прикасался к наркотикам.

— Похоже, вы приняли изрядную дозу, как бы там эта штука ни называлась.

— Вероятно. Но больше не хочу. Ни за что. — Он покачал головой. — Подумать только... Поднять руку на ребенка. Да я своих сорванцов ни разу в жизни не отшлепал. Вот что я вам скажу: Берт Докинс так просто не отделается. Когда его выпустят, я снова потащу его в суд и уж тогда вытрясу из этой задницы все до последнего пенни.

— Желаю успеха, — сказал Джек.

Его гнев иссяк, оставив чувство опустошенности. Джек шагнул к двери.

— Что ж, я выяснил все, что меня интересовало. Свяжусь с вами позже.

¹ Б е р с е р к — дикое неуправляемое буйство, в которое перед битвой намеренно приводили себя древние скандинавские воины.

— Подождите, — остановил его Батлер. — Раз вы там были, так, может быть, вы видели, как меня угораздило так покалечиться?

— Гм. Когда кто-то выхватил девочку у вас из рук, вы... потеряли равновесие и скатились по ступенькам.

Батлер побледнел:

— Я же мог расшибиться насмерть. Еще дешево отделался.

— Так тебе и надо, — пробормотал Джек, выходя из комнаты.

7

— Ты почему не ешь? — спросила мама с сильным польским акцентом. — Тебе не нравится, как я готовлю?

Надя посмотрела на свою нетронутую тарелку.

— У тебя самые вкусные пирожки на свете, мамочка. Мне просто не хочется есть.

Они с матерью сидели за шатким столом на кухне, пропахшей тушеной капустой и шпекачками. Худая угловатая женщина с морщинистым лицом выглядела старше своих шестидесяти двух, но в глазах ее светился молодой огонек.

Мама уже поела и сейчас допивала вторую порцию «ерша». Она каждый вечер принимала по паре стаканчиков, смешивая «Будвайзер» с водкой «Фляйшман». Налив пару унций пива в высокий стакан, она осушала его до дна. Потом наливала еще, перемежая с водкой, которую отпивала маленькими глотками. Раньше она еще курила «Уинстон», но Надя уговорила ее бросить, убедив, что именно от них умер их дорогой папочка. Что касается «ерша», то здесь мама проявила твердость. Она пила его всю жизнь, и никто, даже Надя, не заставит ее отказаться от этой привычки.

— Вы с Дагом поссорились? Поэтому ты ужинаешь с матерью в пятницу вечером?

Надя покачала головой, гоняя пирожки по тарелке:

— Нет, просто он занят.

— Так занят, что у него нет времени для невесты?

— Он работает над проектом.

Даг сказал, что сегодня вечером опять займется хакерством. Он был полон решимости прорваться сквозь последние барьеры. Надя представила, как он сидит один, склонившись над клавиатурой, и не отрываясь смотрит на экран, где мелькают бесконечные цифры. Она почувствовала легкую обиду, но ведь подобная одержимость вскоре понадобится и ей.

— Работа, работа, работа. Вы только о ней и думаете. Вся молодежь сейчас такая. Слава богу, что твоя ординатура, наконец, закончилась и у тебя появились выходные. Увидишь его завтра.

— Возможно.

Мама подняла брови:

— Он что, и в субботу работает?

— Не он, а я.

Мама вытаращила глаза:

— Ты? Разве тебе платят сдельно?

— Нет. У меня зарплата. Но сейчас я работаю над важным проектом.

— Если они не платят тебе сверхурочные, так и нечего бегать туда по субботам. Вот если бы ты работала настоящим врачом и имела пациентов, то получала бы за каждый вызов.

— Здесь я тоже получу премию, если закончу проект к сроку.

Мама пожала плечами:

— Премию? Большую?

Надя решила не называть сумму, чтобы не волновать маму напрасно.

— Очень большую.

— Такую большую, что ради нее стоит работать по субботам? Такую огромную, что ты сможешь бросить эту компанию и стать настоящим доктором с нормальными пациентами?

Надя рассмеялась:

— О да.

— Ну тогда, — улыбнулась мама, — можно по-работать и в субботу.

8

Взбираясь на дюну, Сол Витуоло размышлял, какого черта его сюда занесло. Мало того что пришлось тащиться к черту на кулички, так еще изволь костылять по мокрому холодному песку. Остается лишь надеяться, что путь этот он проделал не зря.

А ведь еще расходы какие. Этот Наладчик Джек обходится недешево. Сол попытался расплатиться запчастями, но парень от них отказался — только наличные, и притом немалые. Откровенно говоря, он не рассчитывал, что придется отдавать такие бабки без всякой расписки или гарантии. А вдруг парень окажется жуликом и смоемся, прихватив денежки. Но бывают случаи, когда надо забыть все, чему тебя учили в школе, и положиться на свое чутье. А оно подсказывало Солу, что Джек парень надежный.

Он, правда, немного с приветом. Потребовал шины. На что ему целый грузовик шин?

Появился сегодня днем, чтобы забрать свои шины и деньги. Велел Солу взять напрокат видеокамеру — профессиональную, с сильными линзами, чтобы можно было снимать в темноте, — и приволочь ее сюда, на эту дюну, откуда виден дом Драговича. «Подойди как можно ближе, но старайся, чтобы тебя не заметили» — вот как он сказал. Сол

ничего не понял, но приехал в Ист-Хемптон, как было велено.

Сол огляделся по сторонам, чтобы удостовериться, что его не заметили ребята Драговича. Лучше не думать, что с ним сделают, если застукают здесь с камерой.

Он посмотрел на часы. Десять. Джек велел включить камеру в десять. Сол так и сделал и стал смотреть в объектив. Он успел попрактиковаться, пока ждал, и сейчас все у него выходило отлично. При максимальном выдвижении телескопического видения увеличивал освещенность, и дом был виден настолько хорошо, будто Сол находился совсем рядом. Он стал разглядывать гостей. Похоже, пройдоха серб устроил гулянку для своих парней и заказчиков. Гостями были одни мужчины — некоторые в костюмах, но большинство в свитерах или трикотажных рубашках. Походка и прически были настолько характерны, что Сол сразу распознал, что это за публика, — европейская шваль и местные крутые парни из той категории, которую адвокаты Драговича дипломатично называют в суде «деловыми партнерами».

Сол с завистью наблюдал, как они кормятся у роскошного стола, уставленного омарами, крабами, тарелочками с суши и мясными деликатесами, салатами, икрой и бутылками водки в ведерках со льдом. Сол почувствовал нестерпимый голод и опустил камеру.

Когда он снова посмотрел в объектив, картина несколько изменилась. В бассейне плескалась стайка красоток в бикини. Откуда они взялись? Вокруг столпились гости с сигарами и стаканами в руках.

Сол почувствовал, как у него напрягаются мускулы. Он мог поклясться, что среди этой публики наверняка находятся те, кто размазал Арти по всей Черч-авеню. Возможно, именно на них он сейчас и смотрит.

Что я тут снимаю? И зачем? Где Джек с моими шинами?

И тут послышался шум вертолета.

9

— Ну и публика, — криво усмехнулась Чино.

Ее насмешливый тон задел Милоша. Они стояли на открытой лестнице западного крыла дома с бокалами в руках: Милош пил «Кетель Уан», а Чино свой любимый «Дампьер». Облокотившись о перила, они наблюдали за гостями, сновавшими внизу.

На Чино было вышитое платье с высоким воротником в японском стиле. Красный шелк плотно облегал фигуру и мягко струился вокруг ног. Черные волосы и агатовые глаза усиливали впечатление чего-то восточного.

— Завтрашние гости тебе понравятся больше, — сказал Драгович. — Я знаю, ты любишь шик. Но сегодня у меня те, благодаря кому я построил этот дом и могу давать в нем приемы. Это мои покупатели, продавцы, поставщики и дистрибьюторы.

— А что они покупают и продают? — спросила Чино с ехидной усмешкой, по-кошачьи прижимаясь к Милошу. Она уже изрядно нагрузилась шампанским, и ей было море по колено.

Милош улыбнулся в ответ:

— Те товары, которые я импортирую и экспортирую.

— А какие товары?

— Те, которые пользуются спросом.

— А эти красотки, — проворковала Чино, выставив подбородок в сторону бассейна. — Они тоже твои дистрибьюторы?

— Вовсе нет. Они товар повышенного спроса, который я импортировал из города специально для этого случая.

Драгович нанял самых красивых стриптизерш из лучших клубов города. Работа им предстояла не-сложная: оживлять своим присутствием вечеринку, иметь минимум одежды на теле и быть *очень* любезными с гостями.

— А-а, стриптиз за стеклом, — протянула Чино.

— Скорее приятный сюрприз для гостей.

Чино все это казалось очень забавным, и ее смех звенел, как колокольчик, пока Милош наблюдал за девушками в бассейне. Природа и силикон наградили их фантастическими фигурами. Сейчас они просто забавляли публику — настоящая работа начнется, когда они обсохнут. Девицам были даны инструкции перецеловать всех самых важных гостей и потом уединяться с любым, кто этого захочет.

Сегодняшний вечер был своего рода премией для людей Драговича, торговавших наркотиками и оружием и снабжавших его деньгами на проведение операций. Во внутреннем дворике дома собрались представители всех рас и национальностей: итальянцы, греки, африканцы, корейцы, мексиканцы. Все они были частью его растущей империи. Он вел дела в глобальном масштабе, значит, ему надо стать гражданином мира и никем не гнушаться. Правда, для своих личных дел он держал только чистокровных сербов — суровых, преданных и закаленных в боях мужчин.

Но сегодняшняя вечеринка была не просто развлечением. Это был акт признания его превосходства. Все они были лишь его гостями. Возможно, кое-кто из них в душе считал себя равным ему, но сегодня этому будет положен конец. Здесь вовсе не нейтральная территория, где встречаются равные. Они пришли в *его* дом, где распоряжается *он*. Они гуляют за *его* счет в *его* новом роскошном особняке. И каждая минута, проведенная здесь, должна укреплять их в мысли, что Милош Драгович среди них самый *главный*.

Они там, внизу, с дешевыми девками, а он здесь, наверху, с супермоделью, и этим все сказано.

Послезавтра здесь все будет совсем по-другому. Никаких деловых партнеров, никаких голых тел в бассейне. В воскресенье он устроит строгий прием, на котором обозначит свой статус среди сильных мира сего.

— Что это за шум? — спросила Чино.

Милош узнал стрекотание пропеллера.

— Похоже на вертолет.

Потом он его увидел. Вертолет летел со стороны моря на высоте не более ста футов, и под брюхом у него болталась какая-то сетка. Что было в ней, Милош не разглядел, но она была набита доверху. Какой-то новый способ рыбной ловли? Но сетка была сухая.

Что бы там ни было, но пилот не должен летать с таким грузом над жилыми домами, подумал Милош. А вдруг сетка разорвется...

— Смотри, — проговорила Чино, — он завис прямо над нами.

Милош заподозрил неладное. Подозрение усилилось, когда он заметил, что вертолет был без номеров. Он, конечно, не знал летных правил, но все самолеты, которые ему пришлось видеть в жизни, обязательно имели номера на фюзеляже. У этого никаких цифр не было видно — возможно, их просто замазали.

Веселье внизу как-то сразу увяло. Застыв на месте, все гости уставились на небо. Даже цыпочки в бассейне перестали плескаться и стояли задрав голову кверху.

— Как ты думаешь, зачем ему все эти шины? — спросила Чино.

Шины? Милош снова посмотрел вверх. Черт, а ведь она права. Сетка была набита шинами. Там было штук пятьдесят, не меньше.

Какого дьявола этот кретин развесил свои шины над моим домом?

И вдруг сетка открылась...

Из нее посыпались шины...

И стали падать на его дом...

Чино завизжала.

— Беги в дом! — заорал Милош, собираясь сделать то же самое, но она его опередила, быстро засеменив на высоченных каблуках.

Он успел заскочить в дом как раз в тот момент, когда на его крышу упали первые шины. Раздался грохот, словно какой-то великан заиграл на барабанах телеграфными столбами. Его сопровождал цимбальный звон разлетающихся стекол. Через мгновение шины обрушились на внутренний дворик, ломая ограждение, пересвертывая столы и вдребезги разнося оранжерею.

Но этим дело не кончилось. Упав на землю, шины, высоко подпрыгивая, покатались во все стороны. Те же, что угодили на крышу, отскочив от покато́й поверхности, попадали в бассейн.

Милош резко отшатнулся, когда шина ударила в раздвижную стеклянную дверь, рядом с которой он стоял. Дверь треснула, но уцелела. Снаружи раздавались испуганные крики. Прислонившись к косяку, Милош с ужасом наблюдал, как его вечеринка превращается в кошмар.

Девицам в бассейне повезло больше всех — как только с неба посыпались шины, они нырнули и затаились под водой. Но мужчины, толпившиеся вокруг, оказались не так сообразительны. Они бросились бежать, сбивая друг друга с ног, а сверху все падали шины, прибывая их к земле и сталкивая в бассейн, переворачивая столы и размазывая угощение по земле. Их непредсказуемые траектории и неожиданные удары приводили людей в ужас, еще более усиливая царивший вокруг хаос.

А где же охрана? Окинув взглядом поле битвы, Драгович обнаружил двоих еще не поверженных бойцов. Заляпанные всеми видами десертов, они припали к земле рядом с опрокинутым столом и, выхватив оружие, нацелили его в небо. Но вертолет уже улетел.

Преследуемые шинами, гости бросились в сторону моря. Но шины настигали их, опрокидывая на песок.

Казалось, эта гонка никогда не кончится, но вот последняя шина, вихляясь, завалилась набок. Милош вышел наружу и с ужасом уставился на следы побоища, превратившего в руины то, чем он так гордился. Ни один уголок его владений не избежал разорения. Из бассейна, скуля, вылезали девушки, похожие на мокрых куриц. Весь внутренний дворик был усеян обломками и поверженными людьми, которые со стоном пытались подняться на ноги. Кое у кого были сломаны конечности, а несколько человек лежали без движения там, где их настиг удар. Все это было похоже на театр военных действий, где только что взорвалась бомба.

Но самый чувствительный удар был нанесен по самолюбию Милоша. Он был подобен кровоточащей ране и не шел ни в какое сравнение с материальными разрушениями. Его гости серьезно пострадали или, что еще хуже, бросились врассыпную, как зайцы. Какое унижение для их гордых натур. И какой позор для него самого — ведь все это случилось под крышей его дома.

Кому понадобилось так насолить ему? И зачем?

Он взглянул на небо, но вертолет исчез, словно растаяв в воздухе.

Никогда еще Милош не ощущал такого бессилия. Ему казалось, что его смешали с грязью. Хотелось завывать от ярости прямо в безлунное небо. Но надо сохранять внешнее спокойствие, насколько это вообще возможно посреди такого бедлама. Его взгляд

упал на одну из шин, которая застряла в окне его комнаты. Лысая и грязная, она была настолько старой, что из резины торчал металлический корд.

Так они с помойки! Мало того что на него напали в собственном доме, так еще на голову ему сбросили хлам!

С криком, похожим на рычание, он вцепился в шину и протолкнул ее в окно.

Глядя, как она катится по его роскошному ковру, Милош Драгович поклялся найти своего обидчика и отомстить ему за все.

10

Сол так трясся от сдавленного смеха, что ему пришлось выключить камеру. Хотелось лечь на спину и заржать от восторга. Но не стоит привлекать внимание, которое может стоить ему жизни. Он вытер глаза рукавом и поспешил к машине.

Господи, вот это было зрелище. Град шин и крутые ребята, которые разбегаются, как тараканы, и вопят, как испуганные дамочки. Пройдоха серб небось в штаны наложил с испугу! И все это он заснял на пленку!

Подойдя к машине, Сол проскользнул на переднее сиденье и, отдышавшись, стал смотреть в окно на темные дюны.

Да, сегодня Драгович здорово погорел, но за Арти он еще не расплатился. Разве это месть?

Но ничего, это только начало.

11

Джек сидел в проходе напротив дома Монне на Восемьдесят седьмой улице и слушал радио, чтобы скоротать время.

Он следил за доктором уже шесть или семь часов: выйдя из офиса на Тридцать четвертой улице, тот поехал на завод компании, который находился рядом с Бруклинским морским портом, потом зашел на склад и пробыл там довольно долго. Час назад он вернулся домой и больше не показывался.

Джек следил за ним на всякий случай — вдруг обнаружится что-нибудь подозрительное. Но пока усилия его не увенчались успехом.

Он стал крутить ручку настройки и поймал сводку новостей как раз в тот момент, когда сообщалось о скандале в департаменте полиции. Наркотик, изъятый в связи с бунтом выпускников, был похищен и заменен каким-то безвредным веществом. Служба внутренней безопасности начала расследование.

Значит, однокашника Батлера, Берта Докинса, теперь отпустят? Джек покачал головой. Ну и система. Сам он не собирался заниматься Докинсом. Слишком уж тонкая ниточка.

В кармане у Джека завибрировал мобильник. Он взглянул на экран — кто-то из братьев Эш. Джек перезвонил из автомата на углу. К телефону подошел Джо:

— Авиакомпания «Близнецы».

— Ну, как все прошло?

Джо расхохотался:

— Ну ты и засранец! Вот засранец чертов! Фрэнк так гоготал, что мы чуть не свалились в воду! Твои шины все там разметали. Жаль, что тебя там не было, Джек. Было на что посмотреть!

— Еще увижу, — сказал Джек, надеясь, что Солу удалось все заснять. Его охватило радостное волнение. Идея, конечно, безумная, могло и не выгореть.

— Мысль была неплохая, но ведь никогда не знаешь, как на деле получится.

— Джек, получилось так клево, что я вот думаю, почему бы ВВС не взять это дело на вооружение, когда начнется очередная заварушка в Заливе или в

Югославии. Ты же знаешь, какая уйма старых шин скопилась в этой стране. И что с ними делать? Закапывать или топить в море? Вместо этого мы можем загружать их в наши «В-52» и сбрасывать с высоты пятьдесят тысяч футов. Представляешь, какая начнется суматоха, когда с неба свалится миллион шин? Вот это будет паника! Приди такое в голову чуть пораньше, мы бы просто похоронили под ними и Багдад и Белград, а заодно очистили бы не одну свалку.

— Давай пока оставим ВВС в покое, — предложил Джек. — У нас ведь в воскресенье еще один вылет?

— Да мы спим и видим, когда полетим опять! И за это еще деньги заплатят! Знаешь, я подумал, может быть, добавить немного музыки в воскресенье? Что-нибудь подходящее к случаю.

— Джо, прошу тебя...

— Помнишь эту песенку у Бобби Ви? «Резиновый мячик». Он там еще поет: «Прыгай, прыгай, мой дружок». Мы можем запустить это через динамики, когда все эти шины...

Джек улыбнулся:

— Давай не будем усложнять, Джо. Зачем выпендриваться и лишний раз нарываться?

— Понял. Это я так, к слову.

— Хорошая мысль, но давай ничего не менять. Пусть будет все как в прошлый раз. Идет?

— Согласен.

Джек подождал, пока Джо повесит трубку, и стал набирать другой номер.

12

Все его гости разошлись: большинство укувыляло на своих ногах, но некоторым потребовалась помощь. Рассыпаясь в извинениях, Милош проводил их всех и занялся делами.

Он велел Киму усадить Чино в кинозале с плазменным экраном, снабдив ее бутылкой ледяного «Дампфера» и новым фильмом с Киану Ривзом в главной роли. После этого кореец был отправлен руководить официантами, которые принялись за генеральную уборку. Отдав все необходимые распоряжения, Милош собрал своих людей в комнате охраны на первом этаже.

Это был своего рода технический центр, оснащенный самым современным электронным оборудованием. Здесь обрабатывалась информация со всех камер видеонаблюдения и защищались от прослушивания все исходящие звонки. Милош потратил на эту комнату целое состояние, чтобы иметь возможность проворачивать свои дела прямо из Хемптона. Но сегодня вечером вся эта техника оказалась бесполезной.

Иногда в интересах дела Драгович прибегал к внешним эффектам, как это было вчера в ГЭМ. Однако сегодня ему было не до лицедейства. С побагровевшим лицом он расхаживал по комнате, рубя руками воздух и изливая на охрану весь накопившийся гнев. Драгович прекрасно понимал, что они ни в чем не виноваты, но ему надо было выпустить пар, чтобы не взорваться, разлетевшись на тысячу кровоточащих кусков.

Наконец он умолк, обедя тяжелым взглядом побледневших охранников. Он знал, о чем они думали: состоится ли на этот раз показательная расправа, как это случалось раньше?

Милош обожал такие представления. Обвинить кого-нибудь во всех смертных грехах и пристрелить на месте. Но сейчас не время терять нужных людей — все они могут понадобиться для поимки злоумышленника.

— Ну, что скажете? — процедил он, когда молчание стало невыносимым.

Ответа не последовало.

— Вы что-нибудь заметили? Кто-нибудь болтался поблизости? Может быть, проявлял повышенный интерес? Говори, Вук. — Он показал на бывшего капрала Югославской армии с высветленными волосами. Тот моргнул, но внешне остался спокоен. — Ты патрулировал на этой неделе. Кто-нибудь интересовался домом?

— Нет, сэр, — ответил Вук. — Мы с Иво шуганули вчера одного парня с женой, но они просто гуляли по берегу. Когда они остановились напротив дома, мы их прогнали. Жена не хотела уходить, но парень сам уволок ее оттуда.

Милош кивнул.

— А что показали камеры? — спросил он Досифея, который отвечал за видеонаблюдение.

Тот указал большим пальцем на полдюжины мониторов у себя за спиной.

— Я как раз проверял пленки за эту неделю. Пока ничего не обнаружил.

— Ничего? — переспросил Милош, чувствуя, как в нем опять закипает гнев. — *Ничего?*

В это время зазвонил телефон.

Обрадованный Досифей поспешил снять трубку.

— Это Ким, — сообщил он через несколько секунд. — Говорит, что вам звонят.

— Я же приказал меня не беспокоить!

— Он говорит, что какой-то человек интересуется, нет ли у вас старых шин на продажу.

Все в комнате вдруг разом заговорили. Милош как-то сразу успокоился. Теперь не нужно искать врага — он объявился сам.

Вывхватив из рук Досифея трубку, Драгович сделал знак Михайло, лысоватому очкарику, отвечающему за связь.

— Проследи, откуда звонят.

После чего велел Киму соединить его с незнакомцем.

В трубке послышался скрипучий голос с безукоризненным англосаксонским выговором:

— Мистер Драгович? Это вы?

Тот же голос доносился из динамика на пульте коммутатора.

— Да, — ответил Милош, стараясь говорить спокойно. — Кто это?

— Я президент Комитета по охране окружающей среды Ист-Хемптона. Вы получили вчера наше послание?

— Послание? — переспросил Милош, делая вид, что ничего не понимает. — Какое послание? * * *

— Шины, мой друг, *шины*. Вы, конечно, их заметили, хотя человек, построивший столь чудовишный дом, мог и не обратить внимания на такой пустяк. Но все же я решил позвонить вам на тот случай, если вы не поняли намека.

Милош заскрипел зубами.

— *Какого* намека?

— Мы не хотим вас здесь, мистер Драгович. Вы вульгарный и дешевый тип, и мы не потерпим вашего присутствия. Вы ядовитое насекомое, и мы выкурим вас отсюда. Вы мусор, а дом ваш — навозная куча. Мы и дальше будем действовать в том же духе, пока вы не уберетесь отсюда со всей своей шайкой.

Милош сжал трубку и прошипел:

— Кто вы?

Со стороны пульта послышалось радостное «Есть!». Драгович оглянулся и увидел, что Михайло сигналил «о'кей». Он проследил звонок.

— Я же вам сказал: мы из Комитета по охране окружающей среды. Я вас предупредил, господин Драгович. Мы не шутим. Это не игра.

— Вы так думаете? — с улыбкой произнес Драгович. — А я с удовольствием поиграю с вами. — Он повесил трубку и повернулся к Михайло: — Кто это?

— Не могу сказать, — ответил тот, нервно тербя очки в металлической оправе. — Но он звонил из города, из автомата где-то в районе восьмидесятых улиц.

Милош чертыхнулся про себя. Он надеялся узнать имя, но какой дурак будет звонить из собственного дома.

— Я кое-что нашел, — подал голос Досифей.

Милош подошел к кабинке, где тот приник к монитору, чуть не упираясь носом в экран.

— Что именно?

— Я вспомнил. Вчера к дому подъезжала машина. Остановилась у ворот. Я уже хотел послать туда ребят, но она сразу уехала.

На экране Милош увидел мужчину, сидящего рядом с водителем в кабине американской машины.

— Я его узнал, — произнес Иво. — Это тот самый тип, которого мы прогнали с берега.

Милош повернулся к нему:

— Думаешь, это он сейчас звонил?

— Нет, голос не похож, — сказал Вук, покачав головой. — Да к тому же парень, который так испугался, вряд ли мог сотворить что-либо подобное.

— Не уверен, — задумчиво произнес Иво, покосившись на экран. — Видно было, что человек *не хочет* ввязываться в драку, но я бы не сказал, что он испугался.

Милош считал, что Иво умнее Вука. И к тому же он не красил волосы, что тоже говорило в его пользу.

— Мы должны найти этого человека.

— Нет проблем, — отозвался Досифей.

Обернувшись, Милош увидел изображение машины, застывшее на экране.

— Вот ее номер, — указал Досифей на бампер.

Милош, ухмыляясь, посмотрел на табличку. Кем бы ты ни был, от меня все равно не уйдешь, подумал он. И тогда пожалеешь, что на свет родился.

Люк держал в руках бутылку «Шато Лафит-Рот-шильд» 1959 года, качая ее, как грудного ребенка. Он улыбнулся. У них с Лорел не было детей — и слава богу... Она, вероятно, сделала бы из них таких же монстров, каким была сама. Единственным утешением была его коллекция вин. Вино лучше, чем дети. В отличие от детей, которые с каждым годом обходятся все дороже, вино со временем только растет в цене и становится лучше.

Взять, к примеру, этот лафит. Один из лучших в мире, он находится под постоянной опекой своих «родителей». Каждые двадцать лет фирма присылает из Франции своих специалистов, чтобы сменить пробку на своих старых винах. Этой бутылке поменили пробку в середине восьмидесятых; они даже наклеили на нее специальный ярлычок, подтверждающий этот факт.

Вино, в отличие от жен и детей, никогда не рабует тебе сердце.

Когда Лорел подала на развод, она потребовала половину его коллекции вин. Эта сучка ничего не смыслила в вине — сама она лакала белый цинфандель и никогда не могла отличить эксклюзивное коллекционное вино от какой-нибудь бурды.

Она догадывалась, что потеря половины коллекции будет жестоким ударом для Люка, и только поэтому претендовала на нее.

Ей хотелось причинить ему боль. Она простила ему две измены, но третья выбила ее из колеи. Он попытался объяснить, что все они равным счетом ничего не значат, и это было чистой правдой. Клялся, что любит ее, и только ее, и вот это уже правдой не было.

Когда он любил в последний раз? Смешной вопрос. Он занимался любовью, а не любил. Предпочитал короткие бурные связи, после которых обе

стороны мирно расходятся, не имея друг к другу никаких претензий.

Самым незабываемым был тот день с Надей. Такой накал, такая сила страсти. При воспоминании об этом до сих пор напрягалось тело. Тогда Надя не захотела серьезных отношений. Возможно, не захочет их и сейчас. Он бы с удовольствием продолжил, если бы это не помешало ее работе. Но нет, с этим надо подождать. Самое главное сейчас — стабилизировать молекулу.

Сейчас ему предстояло упаковать вино, на которое покушалась Лорел. Она вообразила, что наносит ему коварный удар, но он успел ее опередить. Когда стало ясно, что дело идет к разводу, он стал методично изымать лучшие бутылки, заменяя их рядовым пойлом. В итоге Лорел получила замечательную коллекцию *ординарных вин*. Она, конечно, попыталась поднять скандал, но так и не смогла сказать, какие именно бутылки исчезли.

Люк осторожно опустил лафит в деревянный ящичек с мягкой упаковочной стружкой и, отпив из бокала, куда он налил другое вино, стал перекачивать его по языку. Чтобы как-то скрасить утомительный процесс упаковки, он откупорил фантастический гревский «От-Брион» 1982 года. В ближайшую пару недель все шестьсот бутылок придется вынуть из ячеек, упаковать и подготовить к отправке.

Люк не хотел рисковать. Он, конечно, надеялся на Надю, но стабилизация молекулы «локи» может оказаться непосильной задачей даже для нее. Возможно, это вообще не в человеческих силах. Если у нее ничего не получится, он не будет дожидаться 22 июня, когда Драгович узнает, что ему больше ничего не светит. Нет, в это время он уже будет во Франции вместе со своими винами.

Брэду и Кенту он ничего не скажет. Возможно, они сейчас тоже собирают пожитки, подумал он с

улыбкой. Нет, вряд ли. Оба обременены семейством, да и бежать им некуда.

Он оставляет их сербу на растерзание. Что ж, они это заслужили. В конце концов, это они втянули компанию в сомнительные аферы.

Выйдя из винного хранилища, Люк со стаканом в руке прошествовал в кабинет. Жаль, конечно, бросать такой прекрасный дом, но, если в ближайшие несколько недель существо протянет ноги, а Надя не сможет добиться весомых результатов к середине июня, он исчезнет и больше сюда не вернется.

Люку даже хотелось, чтобы это произошло... тогда он начнет жизнь заново — на новом месте, другим человеком.

Он достал из стола пузырек с бледно-голубым порошком. Вот он. Образец вещества, синтезированного из последней пробы крови. «Локи», сделавший его богатым и сломавший ему жизнь.

Люк осушил стакан. Он бы с удовольствием выпил еще, но пора было ехать на склад, чтобы проверить эффективность новой партии.

У него засосало под ложечкой... эта проверка, вероятно, будет последней. Раловаться этому или горевать?

14

Повесив трубку, Джек потер скулы. От этого аристократического выговора сводило челюсти. Но, судя по всему, звонок достиг цели. Во-первых, Драгович будет думать, что он жертва местных снобов, которые прибегли к крайним мерам, чтобы избавиться от его соседства. Выглядит довольно нелепо, но сгодится, чтобы замутить воду на несколько дней. Во-вторых, Драгович будет подготовлен к следующему звонку, который Джек собирался

сделать после воскресного приема. Но если сегодняшний звонок не сработает, весь план полетит к черту.

Джек бросил последний взгляд на дом Монне. Уже поздно, и вряд ли доктор куда-нибудь пойдет в такое время. Пора домой, где его ждет очередной фильм о докторе Моро: версия 1977 года с Бертом Ланкастером и Майклом Йорком. Не такой яркий, как «Остров потерянных душ», — Ланкастер в роли Моро лишь бледное подобие зловещей извращенности Лоутона, — но присутствие Барбары Карре-ры заставляет забыть об этом.

Но когда Джек повернулся, чтобы уйти, он вдруг увидел, как к главному входу подъехало такси. Швейцар распахнул стеклянную дверь, и на улицу вышел доктор Монне. Джек бросился на Лексингтон, где он припарковал свой «бьюик».

Оказывается, вечер только начинался.

15

— Ну наконец-то!

Даг так резко откинулся на спинку кресла, что оно откатилось от компьютера. Его так и подмывало вскочить и пуститься в пляс, но танцор он был неважный. Поэтому он просто встал и направился на кухню, заскочив по дороге в туалет. На кухне он вынул из холодильника бутылку колы, насыпал в чашку «хрустиков» и залил их молоком. Через несколько минут он опять сидел у монитора.

Похрустывая хлопьями, он внимательно смотрел на экран. Блоки, защищавшие финансовые файлы, рухнули под его напором. Он проник в самые сердце сети. Запрос он отправил через Вашингтон, округ Колумбия. Вряд ли его сумеют вычислить, даже если кто-то займется этим всерьез.

Настоящая охота начинается только сейчас: разобратся во всех этих цифрах, найти среди них нужные и проследить, куда на самом деле идут деньги, предназначенные на исследования.

Даг потер руки. Все как в прежние времена. Вспреди длинная ночь, но он бодр и готов к подвигам. Сахар и кофеин позволят ему продержаться до конца.

Суббота

1

Джек полз по стальной балке под крышей склада, все время останавливаясь и зажимая нос, чтобы не чихнуть.

Наверху ворковали и возились голуби. Он потревожил их, пролезая через люк, но, к счастью, не настолько, чтобы они шумно сорвались с места. Судя по заляпанной балке, они гнездились здесь уже давно. Его лохмотья пришлось как нельзя кстати. Не жалко будет выбросить.

Преследуя Монне, Джек проделал неблизкий путь от Карнеги-Хилл на Манхэттене до его экономического антипода — старого морского порта в Бруклине. Конечно, весьма неосторожно ехать на собственной машине, но какой таксист посадит к себе оборванного бродягу.

Сначала Монне остановился у завода компании ГЭМ. Джек с удивлением заметил, что вокруг светло, как на Таймс-сквер. На стоянке было полно машин, а сам завод, судя по всему, работал в три смены, в то время как окружавшие его предприятия были закрыты. Видимо, дела у ГЭМ идут неплохо.

Заскочив на завод, Монне направился к складу. Джек последовал за ним до старого кирпичного здания, которое он уже видел сегодня днем. Тогда

он ждал Монне снаружи, но сейчас, увидев, как в дверь склада, оборудованную металлоискателем, один за другим проходят какие-то оборванцы, он решил заглянуть внутрь. Здесь явно был не только склад. Здание выглядело неприступным, и пробраться на крышу было невозможно. Но к нему примыкал заброшенный дом, и, разбив там окно, Джек поднялся наверх и перепрыгнул на крышу склада.

Внутри было пусто. Огромное, ничем не заполненное пространство высотой в три этажа. Только внизу один угол был отгорожен и разбит на два отсека.

Джек пополз по балке, держа курс на островок света среди моря тьмы, пока, наконец, не оказался над отгороженным участком. Он был ярко освещен. Полдюжины мужчин — тех самых, что проходили через металлоискатель, — стояли вокруг небольшого стола и пили из пронумерованных пластиковых стаканчиков.

В соседнем отсеке было темно. Там маячило несколько неясных фигур, которые, столпившись у перегородки, наблюдали за мужчинами через треснутое стекло.

Из громкоговорителя, установленного над окном, раздался голос:

— Допейте всю воду из своих стаканов. Иначе во время испытания вы будете испытывать жажду.

Это Монне? Джек никогда не слышал его голоса, но готов был поклясться, что это он.

— Все закончили?

Одни подняли пустые стаканы, другие сказали «да».

— Прекрасно. А теперь каждый участник должен занять место у испытательного стенда, соответствующее номеру его стакана.

Участники засуетились, но в конце концов разобрались и заняли места у стенда, который представлял собой панель с красными виниловыми по-

душками размером с большую пиццу. Подушки были расположены на уровне груди, и над каждой горело табло с тремя нулями.

Джек подполз ближе, чтобы рассмотреть участников.

— Отлично. Вам уже объяснили, как будут проходить испытания, но я еще раз напомним правила, чтобы избежать ошибок. Как только вы услышите звонок, начинайте бить по подушкам, под которыми находятся силомеры. Они измеряют силу каждого удара. Вы должны наносить удары как можно сильнее и чаще. Сила и частота ваших ударов фиксируется на табло, которое находится над силомером. Тот, кто наберет самое большое количество баллов, получит лишние двести долларов. Хочу подчеркнуть, что в проигрыше никто не останется. Каждый получит по триста долларов, независимо от счета. Не забывайте об этом. Все готовы?

Мужчины закивали.

— Хорошо. Начинайте, когда услышите звонок. Внимание...

Раздался звонок, и мужчины принялись избивать подушки. Некоторые колотили по ним одной правой, другие чередовали руки.

Джек, весь в голубином помете, в буквальном смысле слова парил над схваткой. Он в полном недоумении наблюдал эту картину. Что здесь происходит, черт возьми?

Те, кто вкладывал в удары всю силу, значительно уступали в темпе тем, кто бил легко и дробно, однако в первые минуты счет у всех оставался равным. Но потом вперед вырвался невысокий плечистый парень с толстыми руками. Он молотил по силомеру с таким остервенением, словно хотел выпустить из него кишки.

Это не осталось незамеченным среди его соперников. Большинство из них постоянно озиралось по сторонам, чтобы видеть результаты других, что

никак не способствовало их собственным достижениям. Увидев, что коротышка вырвался вперед, они энергичнее заработали руками, продолжая тянуть шеи в сторону лидера.

Он определенно обходил всех. Казалось, весь мир для него сосредоточился в этой подушке, и всю свою ненависть он вкладывал в удары.

Постепенно до его соперников стало доходить, что они терпят поражение, — Джек видел это по выражению их лиц, когда они судорожно оглядывались вокруг, не переставая лупить по силомерам. Было ясно, что коротышку им не догнать.

Наконец один из неудачников не выдержал. С яростным криком он набросился на лидера. Обмениваясь полновесными оплеухами, они наскочили на другого участника, который немедленно ввязался в драку. Через мгновение все шестеро ударились в рукопашную.

Джек вспомнил бессмысленное побоище у музея. Однако сейчас дела обстояли еще хуже — эти парни умели драться.

Сейчас кого-нибудь прикончат, подумал он. Вдруг Джек заметил, что в отсеке за клубился какой-то желтый газ. Драчуны закашлялись, перестали махать руками и попадали замертво. Над неподвижными телами навис тяжелый желтый туман, который, впрочем, был быстро удален через вентиляционные отверстия у пола.

Джек подумал, что это явно не первая драка и, возможно, не самая жестокая, судя по трещине на смотровом стекле. Но раз у них был запасен газ, значит, они *ожидали* вспышки насилия?

Чем тут занимается этот чертов Монне? И кто там был с ним в будке?

Чтобы лучше рассмотреть ее, Джек подвинулся еще на несколько дюймов. Однако надо быть осторожным. Над стендом очень светло, и его могут заметить снизу.

Дверь испытательного отсека распахнулась, и туда вошли трое. Довольно странные типы — приземистые, широкоплечие, практически без шей. Короткие стрижки, вздернутые носы, крошечные уши и миленькие блестящие глазки. Какие-то охранники? Похоже, их вывели в одном инкубаторе. Одинаковые водолазки лишь усиливали это впечатление. При виде их Джек вспомнил свору гончих псов из старых комиксов о дядюшке Скрудже.

В контрольном отсеке остался один человек. Это действительно был доктор Монне.

Что ты здесь делаешь, док? Что пытаешься выяснить?

Джек снова посмотрел на рабочих, которые растаскивали неподвижные тела, укладывая их на спину. Где Монне откопал этих подопытных кроликов? И что за странные охранники работают у него под началом?

Джек опять зажал нос рукой, чтобы не чихнуть, и в этот момент увидел, как один из охранников, взглянув наверх, застыл на месте. Он что-то промышчал, указывая на потолок. Двое других задрали голову.

Но они же не могут видеть в темноте, подумал Джек. Или могут?

Один из них издал звук, похожий на лай собаки, напавшей на след, и вся троица бросилась вон из отсека.

Черт, значит, они все-таки видят в темноте.

Джек не стал размышлять, куда они побежали и как собираются до него добраться. Он понял, что пора уносить ноги.

Развернувшись на сто восемьдесят градусов, он пополз обратно, вытирая животом птичий помет и уже не заботясь о бесшумности передвижения.

— Кто там? — послышался голос из динамика. Тот же самый, что давал инструкции «участникам соревнования», но теперь в нем слышалась трево-

га. Видимо, опять Монне. — Кто там наверху? Немедленно спускайтесь!

Джек продолжал ползти. Внизу началось какое-то движение. Три еле различимые фигуры разбежались в разные стороны. Добежав до стен, они полезли наверх.

Господи Иисусе, они карабкаются по стенам!

Нет... все-таки не по стенам, а по трубам и балкам, тянувшимся вдоль них. Эти «гончие псы» обладали недюжинной силой и ловкостью. И к тому же были весьма сообразительны, несмотря на туповатую внешность. Разделившись, они отрезали Джеку все пути к отступлению, кроме одного — наверх.

К счастью, именно туда он и собирался ретироваться. Но ему вряд ли удастся их опередить, если он и дальше будет ползти, как гусеница. Чтобы успеть скрыться, ему придется встать и идти по балке, может быть, даже бежать по ней. Собираться с духом уже некогда — надо подниматься и идти.

Вот когда пришлось пожалеть, что в детстве он не занимался гимнастикой и не ходил по бревну. Приподнявшись и встав на четвереньки, Джек поставил ноги на одну линию и встал во весь рост. Покачнулся, ощущая, как балка уходит из-под ног, но сумел устоять. Расставив руки в стороны, двинулся вперед осторожным шагом канатоходца.

Не смотреть вниз — только на балку... не смотреть вниз — только на балку, твердил он про себя, как закливание, скользя по балке и задыхаясь от запаха помета. Наконец он добрался до вертикальной опоры. Она уже доставила ему несколько неприятных минут, когда он огибал ее в первый раз, хотя тогда он двигался не торопясь. Сейчас же времени для маневра не было. Положившись на инстинкт самосохранения и силу мускулов, Джек, стиснув зубы, крутанулся вокруг опоры и поспешил дальше. Его качнуло вперед, но он сумел сохранить равновесие. До стены оставалось футов двадцать. По ней в обе стороны от

балки шел узкий карниз. По левому можно добраться до люка. Бросив взгляд в сторону, Джек увидел, что два «гончих пса» забрались по стене уже довольно высоко. Третий был где-то внизу слева. Оглядываясь назад Джек не рискнул.

Он почти пробежал последние три шага до стены и, не замедляя темпа, двинулся по карнизу. Теперь, когда под ногами была более надежная опора, он мог идти быстрее. Подняв глаза, Джек обнаружил, что третий «пес» уже ступил на карниз на соседней стене. Джек поднажал. Надо добраться до люка первым.

Дойдя до угла, он, не замедляя шага, свернул и поспешил дальше. К нему с угрожающей скоростью приближался «гончий пес». Казалось, он совсем не боится высоты. Если он доберется до люка раньше...

Сделав отчаянный рывок, Джек добежал до люка и подпрыгнул вверх. Расстояние было небольшим — когда он спускался, то преодолел его без особого труда: повиснув на краю люка, раскачался и спрыгнул на карниз. Но теперь люк находился вверху, а на пятки ему наступал «гончий пес». Вцепившись в край люка, Джек стал раскачиваться, пытаясь достать ногами противоположный край. Когда ему это удалось, он вытянулся и откатился в сторону. Очувшись на крыше, он развернулся и моментально захлопнул люк.

Снизу послышался раздосадованный вой. Открыть люк изнутри можно было только шестом, но вряд ли он был у его преследователей.

— Извини, борзой, — пробормотал Джек, продолжая отступление.

Перепрыгнув на крышу соседнего здания, он быстро спустился вниз. Снаружи никого не было, и Джек рванул к машине. Прыгнув на сиденье, он запер дверь и позволил себе немного отдышаться.

Ну и что он узнал сегодня? Стоило это такого риска?

Безусловно. Монне явно испытывал какой-то наркотик, и, судя по всему, нелегальный. То, как вели себя эти бедолаги, напоминало давешнее буйство выпускников, а значит, это не что иное, как «берсерк», о котором ему рассказывал Роберт Батлер.

Надя не слишком обрадуется, когда узнает, что ее любимый шеф экспериментирует с «берсерком». Она говорила о нем как о святом с нимбом над головой. Но нимбы имеют обыкновение исчезать, когда вы начинаете приглядываться к их обладателям.

Замешан ли здесь Драгович? Вне всякого сомнения. Тут явно торчат его уши.

Джек завел мотор. Пора домой...

Внезапно машину потряс страшный удар — кто-то ломился в водительскую дверь. Джек вскрикнул от неожиданности. Темная фигура барабанила в стекло в нескольких сантиметрах от его лица. Другая пыталась сокрушить противоположную дверь. Третья бросилась на капот. Джек схватился за рычаг.

Собачьеголовые охранники все-таки настигли его.

Включив передачу, Джек нажал на газ. Ему удалось стряхнуть охранников с флангов, однако тот, что лежал на капоте, продолжал бить кулаком в стекло. Но при первом же резком повороте слетел и он.

Сердце у Джека бешено стучало. Сегодня «Остров доктора Моро» смотреть уже не придется.

2

— Ну что, поймали? — спросил Люк, когда служители показались в дверях.

Все трое одновременно покачали головой.

— Вы хоть знаете, кто он и что тут делал?

Троекратное пожатие плечами.

— Хорошенькое дело, — с раздражением сказал Люк и указал на подопытных субъектов, которые

стали приходить в себя. — Поставьте их на ноги, заплатите и выставьте вон.

Люк вернулся на наблюдательный пункт. Опустившись на стул у затемненного стекла, он стал размышлять, кто же за ним шпионил. Наверняка не полиция, иначе вся улица была бы уже заперта их машинами.

Кто-то из людей Драговича? Но с какой целью? Милош знал, что Люк испытывает каждую новую партию, но никогда не интересовался где и как.

Скорее всего, обычный воришка, который искал, чем поживиться. Его счастье, что он не попался служителям Пратера.

Бог с ним. Какая разница, кто это был, раз он все равно скрылся и уже ничего не скажет. Как хочется послать все к черту.

Результаты испытания показали, что сегодня «локи» действовал слабее, чем раньше. Надо сказать Драговичу, чтобы он увеличил дозы.

А впрочем, наплевать. Он все равно уезжает.

Глядя, как служители поднимают участников испытаний, Люк вдруг почувствовал радостное волнение.

Когда он смотрел, как эти несчастные тузят друг друга, в глубине сознания все время маячила некая смутная мысль, которая только сейчас обрела определенность:

Я выхожу из игры. Что бы там ни было, но я выхожу из игры.

А это значит, что он испытывал «локи» в последний раз. Даже если Надя стабилизирует молекулу, он все равно поставит точку.

Конечно, было бы лучше, если бы у нее получилось. Тогда он смог бы продать свои акции и отойти от дел вполне открыто. Если же она потерпит неудачу, придется удариться в бег.

Но так или иначе, через месяц Люк Монне будет уже во Франции.

Он даже начал нетерпеливо насвистывать (когда он делал это в последний раз?), глядя, как служители расплачиваются с испытуемыми и выпроваживают их за дверь.

Люку хотелось домой. Там его ждало вино, которое нужно упаковать.

3

— Не может быть, — прошептала Надя пересохшими губами.

— Тем не менее это так, — пожал плечами Джек.

Надя растерянно взглянула на него. Утром Джек без предупреждения пришел к ней в диабетическую клинику с отчетом о проделанной работе. Надя провела его в свой кабинет, чтобы они могли поговорить без свидетелей. Усевшись на стул, Джек начал рассказывать ей совершенно фантастическую историю о том, как доктор Монне тайком поехал на склад в Бруклине, где руководил группой людей, которые сначала били в стену, а потом намяли бока друг другу...

Как прикажете понимать все эти басни, да еще из уст малознакомого человека? Это уже слишком. Что-то на грани сумасшествия.

Джек выглядел усталым. Может быть, он принимает наркотики, какие-нибудь галлюциногены? Тогда понятно, откуда эти фантазии.

— Я, конечно, ничуть не сомневаюсь в ваших словах, но...

— Думаю, он испытывает «берсерк», — сказал Джек.

— А что это такое?

— Новый синтетический наркотик.

— Наркотик? — Надя просто задохнулась от негодования. Она уже хотела спросить, не попробовал ли он его сам, но вовремя прикусила язык. — По-моему, вы перехватили.

— Я видел, как он действует во время «бунта выпускников». Вчера вечером подопечные Монне вели себя точно так же.

— Но при чем здесь доктор?

Джек опять пожал плечами:

— Вы хотели узнать, что связывает вашего доктора с сербом. Теперь вы знаете.

Почувствовав дурноту, Надя откинулась на спинку кресла и зажмурила глаза. Милош Драгович с его репутацией темного дельца, не брезгующий ничем, что приносит деньги... Доктор Монне, со-владелец фармацевтической компании... Что еще, кроме наркотиков, может их связывать?

— Хорошо, — произнесла Надя, открывая глаза. — Даже если он имеет какое-то отношение к «берсерку», — в чем я сомневаюсь, — значит, у него не было выбора.

— Считайте как хотите.

— Но вы-то уверены, что он влез в это дело добровольно. Ведь так?

— Мне неизвестно, как это произошло. Я просто рассказал вам о том, что видел своими глазами.

— А я *видела*, как Драгович грубил доктору Монне.

— Возможно, они не поделили барыши.

Надя стиснула зубы, чтобы не закричать.

— Он *не может* заниматься этим по своей воле. Драгович его заставил.

Джек наклонился вперед:

— О'кей. Я поработаю над этой версией. Но и вы, со своей стороны, покопайтесь в делах фирмы. Если Монне производит наркотики, то, вероятно, делает это на оборудовании компании.

— Все производство находится в Бруклине.

Джек кивнул:

— Да. В двух шагах от склада, где дерутся подопытные кролики.

Надя вздохнула:

— Неприятная история.

— Да уж, хорошего мало.

— Мы должны ему помочь. Как этот «берсерк» действует на людей?

— Точно не знаю, но, судя по тому, что я видел, они становятся безумно агрессивными.

— Но тогда зачем его принимают?

— Логичный вопрос. Но наркоманы не руководствуются логикой. Приятное ощущение — вот что для них главное. И плевать им на побочные эффекты.

— Вы можете мне его достать?

Джек прищурился:

— Зачем? Хотите попробовать?

— Вот уж нет. Но у меня есть прибор, на котором можно сделать анализ любого вещества. Зная состав этого «берсерка», я попытаюсь отыскать его следы в базе данных компании.

— А если найдете?

Надя вздохнула:

— Тогда мы разгадаем загадку.

Джек резко поднялся со стула.

— Ну что ж, продолжим наши поиски. Я позволю вам, когда обнаружу что-нибудь еще.

Когда Джек ушел, Надя совсем расстроилась. Ее вдруг забил озноб, хотя в комнате было тепло. Она обхватила себя руками, чтобы согреться. Вместо того чтобы помогать доктору Монне, Джек, в сущности, собирал против него улики. Ее мучило предчувствие, что все эти поиски закончатся катастрофой.

4

Наливая себе старого «Полтини» пятнадцатилетней выдержки, Даг невольно улыбнулся. Восемь утра — не слишком подходящее время для виски, но что такое «рано» для человека, не спавшего всю ночь?

Он раскусил-таки этот орешек. Сидел всю ночь до зари, но зато теперь мог точно сказать, где оседают деньги, направляемые на научные разработки.

— Хо-хо-хо, — произнес он, поднимая стакан. — Какой же я умный!

Но какая радость от победы, если ее не с кем разделить?

Он позвонил Наде в клинику. Именно там ее можно было найти по утрам в любой день недели и при любой погоде. Но сестра сказала, что она уже ушла. Даг позвонил ей домой, но ее мать ответила, что она в лаборатории и пробудет там весь день.

В лаборатории? В субботу? Но тут он вспомнил о премии в один миллион долларов. Да он и сам бы работал все субботы и воскресенья, если бы ему посулили такое!

Даг позвонил в ГЭМ, но Надя не снимала трубку, и он решил отправить ей голосовое сообщение.

«Привет, зайчик, это я. У меня получилось. Я нашел ответ на вопрос. За обедом все тебе расскажу. Встречаемся в 12.30 в таверне «Грамерси». Отметим это дело. А пока думай, как заложить все, что у тебя есть, попрошайничай, занимай, воруй, чтобы вложить все вырученное в ГЭМ. Люблю тебя. Пока».

Даг усмехнулся. Это ее заинтригует. Он зевнул. Пора вздремнуть. Господи, как хочется спать.

Даг допил виски, вырубил компьютер, выключил сотовый и отключил звонок на домашнем телефоне. Теперь никто ему не мешает — он будет спать, спать, спать.

5

— Торговец наркотиками? — переспросил Эйб. — Да ты сам знаешь их не меньше дюжины. Зачем тебе еще?

Он намазал маргарином одну из булочек, принесенных Джеком, и откусил добрую половину.

— Речь идет не о простом торговце, — возразил Джек. — Мне нужен парень, который разбирается в своем деле. Знает все эти синтетические наркотики: из чего их делают, кто что производит.

Джек рассказал Эйбу о своем визите к Роберту Батлеру и вчерашнем приключении на складе.

— Так тебе химика надо? — догадался Эйб, не переставая жевать. — Тогда лучше Крутого Тома никого не найти.

Джеку было знакомо это имя, но с самим Томом встречаться не приходилось.

— Я думал, он занимается только амфетаминами.

— Да, это его основной товар, но он не пренебрегает и всем остальным.

— Думаешь, он знает о «берсерке»?

— Если такой наркотик существует и люди его покупают, Том уж наверняка вычислил, как его делать.

— Стало быть, он мне и нужен. Как его найти?

— Не так-то просто. Том не из тех, кто сидит на месте, — пробурчал Эйб. Достав из кармана рубашки маленький блокнот, он перелистал страницы. — Вот он.

— У тебя есть его телефон?

— Он мой клиент.

Вполне естественно, подумал Джек. Торговцу наркотиками без оружия не обойтись.

— И что же он у тебя покупает?

Эйб саркастически посмотрел на него поверх очков:

— Пищу, конечно. Что же еще?

— Да ладно тебе, Эйб. Просто мне хотелось бы знать, какое у него оружие.

— А что ты у меня покупаешь, я тоже всем должен рассказывать?

— Нет, но...

— Тогда не спрашивай о таких вещах. Я, как священник, храню тайну исповеди.

Джек скривил рот, но больше расспрашивать не стал. Нет так нет.

Эйб набрал номер, поговорил с минуту и повесил трубку.

— Он согласен с тобой встретиться, но не бесплатно.

— Я что, должен платить, чтобы просто поговорить с ним?

— Он говорит, что он деловой человек. Сто баксов за пятнадцать минут. Он называет это консультацией. Сегодня в два часа. И только вместе со мной, потому что он тебя не знает.

— А с тебя он тоже возьмет сотню?

— Для меня бесплатно, — ответил Эйб, снова вцепляясь в булочку, с которой посыпался мак.

Глядя на Парабеллума, клюющего маковые зерна, Джек прикидывал, как он распорядится сегодняшним днем, а заодно размышлял, кайфуют ли птицы от мака. Если он встречается с Крутым Томом в два, то успеет заскочить к Солу и заказать еще одну партию сюрпризов для завтрашней тусовки у Драговича.

Интересно, как выглядели хоромы серба сегодня утром? Да уж, вид наверняка подпорчен.

6

Все еще бардак, думал Милош, стоя у окна спальни и глядя на свои владения. Но уже не такой, как час назад, а скоро будет и совсем прилично.

Уборщики потрудились на славу, но найти их было непросто. Вчера вечером Милош провисел на телефоне не один час, угрожая, уговаривая и суля золотые горы, чтобы залучить к себе этих людей

на выходные, не говоря уже о том, что пришлось предложить тройной тариф и тридцатипроцентную надбавку за срочность.

Но территория должна быть убрана к завтрашнему вечеру, чего бы это ни стоило. Нельзя допустить, чтобы влиятельные обитатели Хемптона увидели его дом в беспорядке.

И ни единого слова о вчерашнем кошмаре не должно просочиться в печать. Впрочем, его люди будут держать язык за зубами: вчера он нагнал на них страху. Гости тоже будут молчать: все они выглядели не самым лучшим образом во время налета.

Что касается уборщиков, то они видели лишь шины и беспорядок и вряд ли догадаются, что здесь произошло. Единственное, что они могут разболтать, — так это то, что пройдоха серб устраивает у себя крутые тусовки.

Милош невольно сжал кулаки. *Кто?*

Вопрос этот преследовал его всю ночь. Версия о том, что его атакowali некие люди, именующие себя Комитетом по охране окружающей среды Ист-Хемптона, сначала показалась ему абсурдной. Однако когда он осознал, что в результате пострадало лишь его самолюбие, а не он сам, она стала казаться ему более правдоподобной. Тот, кто все это затеял, обладал не только отчаянной смелостью, но и безжалостным и изобретательным умом. И это больше похоже на разъяренных местных жителей, чем на его твердолобых конкурентов. Те скорее сбросили бы ему на голову напалм.

— Можно войти?

Услышав голос Михайло, Драгович повернулся к двери. Вид у парня был взволнованный.

— В чем дело, Михайло?

Связист вошел, оглядывая комнату через толстые очки. Надеется застать Чино не одетой, подумал Милош. Но после того как она вчера расха-

живала вокруг бассейна в бикини из двух тонких ленточек (Милош не сомневался, что все мужики в доме разглядели ее во всех подробностях), что еще там можно увидеть?

— Помните тот номерной знак, что мы видели вчера на пленке? Я выяснил, кому принадлежит машина.

— Кому?

— Она зарегистрирована на имя Джиа Ди Лауро, проживающей в Нью-Йорке на Саттон-сквер.

— Ты хочешь сказать, на Саттон-Плейс.

— Я тоже сначала так подумал, — проговорил Михайло, приглаживая свои редешшие волосы. — Но потом проверил. Саттон-сквер — это такой маленький отросток Саттон-Плейс в самом конце Пятьдесят восьмой улицы. Всего восемь небольших особняков. Очень престижных.

— Но ты же мне сказал, что звонили из автомата в районе пятидесятих улиц.

Михайло пожал плечами:

— Да, звонок был оттуда.

Милош вспомнил невзрачный «бьюик» на пленке.

— Довольно скромная машина для живущих в таком фешенебельном районе.

— Знаю. Но может быть, она принадлежит их прислуге?

— Возможно.

Милош задумался. Если бы владелица машины жила на Джексон-Хайтс или в Левиттауне, ее можно было бы сбросить со счетов. Но раз эта Джиа Ди Лауро достаточно богата, чтобы жить в таком дорогом районе Истсайда — и всего в тридцати домах от того места, откуда вчера звонил этот вонючий сноб, — значит, она запросто может быть связана с кем-нибудь из его здешних соседей. Следовательно, она или кто-то из ее друзей могут иметь отношение к этому пресловутому комитету.

— Позови сюда Вука и Иво.

Они видели ту парочку на берегу. Пусть поедут в город и посмотрят на эту Джиа Ди Лауро. Если это та самая дамочка, они смогут выяснить имя мужчины.

И если он или она действительно в этом замешаны...

Милош со всей силой уперся кулаком в ладонь.

На память ему вдруг пришли слова «выжженная земля».

7

«А пока думай, как заложить все, что у тебя есть, попрошайничай, занимай, воруй, чтобы вложить все вырученное в ГЭМ».

Слова эти все время звучали в голове у Нади, когда она шла по освещенной солнцем Парк-авеню. Южная оконечность улицы отличалась от ее центральной части в районе Уолдорф, где располагались роскошные особняки. Здесь же была деловая часть города, и вдоль тротуаров тянулись бесконечные офисы и бизнес-центры.

Надя дважды прослушала голосовое сообщение, присланное Дагом, и только потом удалила его. Голос Дага звучал как-то странно. Наверное, потому, что он провел бессонную ночь. Иногда ее пугала его маниакальная одержимость.

Все это отвлекало ее от собственной работы. Правда, успехов здесь пока не наблюдалось. Весь вчерашний день и сегодняшнее утро она анализировала неудавшиеся попытки доктора Монне, и ей стало казаться, что он уже перепробовал все возможные подходы. Надя перечитала все записи своего предшественника. Он предложил свои варианты, но ни один из них не увенчался успехом. И что, черт возьми, хотят от нее? Она была в полной растерянности.

Свернув на Двадцатую улицу, Надя вскоре вышла к таверне «Грамерси».

Пройдя через переполненный передний зал с деревянными полами и голыми столами, она увидела Дага, махавшего ей из второго зала, где на столах были скатерти, а на полу ковры.

В его поцелуе был запах виски, а глаза торжественно блестели.

— Как тебе удалось найти свободный столик? — спросила Надя, садясь на стул.

«Грамерси» был одним из самых модных ресторанов в городе.

— Конец недели, — объяснил Даг. — Все завсегдаи уехали за город. Ты будешь пить шардоне?

Надя покачала головой:

— Нет, только чай со льдом.

После обеда она намеревалась вернуться в лабораторию.

— Да брось ты, — улыбнулся Даг. — Надо же отметить это дело.

— Что отметить, Даг? — спросила Надя срывающимся голосом. — Ты звонишь и оставляешь какое-то странное послание, а когда я пытаюсь перезвонить, ни один телефон не отвечает...

— Я всю ночь проторчал у компьютера и решил немного соснуть.

— Понимаю, но все же мне хотелось бы знать, что происходит.

Даг взял ее за руку:

— Извини. Последние два дня я просто выпал из жизни. Когда взламываешь сеть, нельзя работать вполсилы — посидел немного за компьютером, передохнул, перекусил, опять немного посидел. Нет, это как жонглирование, когда запускаешь в воздух все больше шариков. Если поймал ритм и будешь непрерывно их подбрасывать, то сможешь продолжать сколько угодно. Но стоит лишь на секунду остановиться, сбиваешься с ритма, и шары

ки падают на пол. Приходится начинать все сначала.

Официант принес меню и корзинку с хлебом. Даг заказал Наде чай со льдом.

— Но к чему все это? — спросила она, когда они вновь остались одни. — Ты ведь так рискуешь...

— Потому что меня водят за нос, — криво усмехнулся Даг. — От меня что-то скрывают, и я хочу знать, что именно.

— Но теперь ты успокоился? — спросила Надя, сжав его руку. Она молила Бога, чтобы он ответил утвердительно.

Даг покачал головой:

— Не совсем.

— Но, Даг, ты ведь не собираешься это продолжать? — взмолилась Надя, чувствуя, как у нее сжимается сердце.

Он чуть заметно улыбнулся:

— Нет. Слишком утомительно. Я до сих пор не понимаю, почему компания платит мне коммиссионные за товар, который я не продавал, но они, по крайней мере, не обманывают меня, так что здесь я умываю руки. Но ответ на свой главный вопрос — тот, который касается тебя, — я все-таки нашел, и самолюбие мое больше не страдает.

Надя почувствовала неладное.

— Меня? Что меня касается?

— Твое финансирование. Я выяснил, куда идут деньги, предназначенные на исследования.

— И куда же?

— На покупку акций, — ответил Даг с ухмылкой. Он был похож на мальчишку, нашедшего пиратский клад. — Все свободные деньги они пускают на покупку акций компании. -- Даг наклонился к Наде и понизил голос: — Давай не будем произносить название компании, ладно? Так, на всякий случай.

Надя посмотрела по сторонам. Уж не думает ли Даг, что за ним следят?

— Нет, я не параноик, — сказал Даг, как бы читая ее мысли. — Но нужно соблюдать осторожность. Ну так вот, я сопоставил время покупок акций с колебаниями их стоимости, и оказалось, что всякий раз, когда их цена падает, они скупают их пачками.

— Поддерживают цену? Но зачем?

— Не имею представления. Но зато я догадался, зачем они сгребают под себя эти акции. Представь: если ты точно знаешь, что акции подпрыгнут в цене, разве тебе не захочется собрать их как можно больше, чтобы ни с кем не делиться?

— Но ведь это незаконно и просто глупо. Они же владельцы компании, значит, у них и так уже есть кучи этих акций.

Даг пожал плечами:

— Человеческая жадность беспредельна. Но главное в том, что они уверены в росте акций. И вот это, моя дорогая, следует принять к сведению.

Надя поймала себя на мысли о возможных источниках кредитования, но тут же спохватилась.

— Зачем? — спросила она с упреком. — Чтобы мы могли воспользоваться украденной информацией и нажиться на акциях?

Даг отвел глаза, потом взглянул на Надю.

— Звучит резковато, — вздохнул он. — Легкие деньги... это такой соблазн. Я ведь не святой. Мне казалось, что это классная идея... получить таким образом деньги на раскрутку и открыть свое дело. Но сейчас, когда ты здесь, мне уже так не кажется.

— Я тоже не ангел с крылышками и уже начала прикидывать, как воспользоваться такой удачей. Мы с мамой зажили бы совсем по-другому.

— Но что нам мешает?

— Совесть, наверное. Хотя многие сочтут нас дураками, если мы упустим такую возможность.

Даг погладил ее по руке.

— С тобой я никогда себя дураком не чувствую. Надя рассмеялась:

— Сколько виски ты уже проглотил?

Даг молча улыбнулся. Любовь, которую она читала в его глазах, отражалась в ее собственных.

Они немного помолчали. Наконец Надя отважилась задать вопрос, который беспокоил их обоих:

— Интересно знать, а почему они так уверены, что акции взлетят в цене?

— Здесь может быть две причины, — предположил Даг, поднимая два пальца. — Либо их собирается проглотить другая компания, либо... они ждут какого-то прорыва, например нового лекарства, которое завоюет весь рынок. — Даг указал поднятыми пальцами в сторону Нади. — Эй, может быть, это тот самый проект, над которым ты работаешь? Возможно, *именно от тебя* зависит будущее компании.

От меня? Надя почувствовала, как у нее внутри все сжимается. Если бы Даг знал, как плачевно обстоят дела с этим проектом.

— Ну, если так, — задумчиво произнесла она, — тогда лучше оставить деньги в банке. И я, пожалуй, выпью немного шардоне.

8

— Не знаю, как ты ухитришься всегда приходить последним, — раздраженно произнес Кент Гаррисон, когда Люк вошел в комнату для совещаний. Кент был втиснут в розовую рубашку гольф того же оттенка, что и румянец на его толстых щеках.

Тебя забыл спросить, подумал Люк, изобразив приветливую улыбку.

— Просто мне везет.

Кент позвонил ему час назад.

— Мы застучали этого мерзавца, — сообщил он и пригласил Люка на экстренное совещание. Боль-

ше он ничего не сказал, но Люк догадался, о чем идет речь: программисты вычислили хакера, взломавшего сеть компании.

Кент недобро усмехнулся:

— Чем ты там занимался? Бытки свои пересчитывал?

Люк остолбенел. Неужели они знают? Он быстро взглянул на франта Эдвардса. Тот выглядел ужасно. Мятая рубашка, всклокоченные волосы, мутный взгляд, отсутствующее выражение лица — наверняка сидит на транквилизаторах.

— Бытки пересчитывал, — повторил Брэд с вялым смешком. — Неплохое занятие.

— Мне пришлось отложить дела, — объяснил Люк. Очередная ложь. Его единственным делом была упаковка вина. — К тому же я поздно пришел с испытаний.

— Да, да, понимаю, — извиняющимся тоном сказал Брэд. — Ну и как там дела?

Кент протестующе поднял руку.

— Сначала закройте дверь.

— Но сегодня же суббота, — возразил Люк. — Кроме нас, здесь никого нет.

Кент покачал головой:

— Не совсем так. Твоя новая сотрудница с утра сидит в лаборатории.

— Правда? — улыбнулся Люк. Премия в миллион долларов делает свое дело.

Он захлопнул дверь и запер ее на ключ.

— Разве мы не могли обсудить все по телефону?

— Нашу компьютерную сеть взломали, — строго сказал Кент. Наклонившись вперед, он одернул рубашку, обтягивающую его круглый живот. — Очень может быть, что телефоны тоже прослушиваются.

Люк поежился — очень неприятная ситуация, особенно в свете последних событий на складе. Он рассказал своим партнерам о том, что случилось на испытаниях.

— Кто-то шпионил за нами? — испуганно спросил Брэд, вытянув нижнюю губу.

— Не могу сказать точно, — ответил Люк. — Возможно, это просто какой-то бродяга, решивший, что здание пустует. Мы же бываем там раз в месяц.

Брэд повернулся к Кенту:

— Думаешь, он как-то связан с Глисоном?

— С Глисоном? — переспросил Люк, чувствуя, как у него замирает сердце. Он знал только одного Глисона. — Надеюсь, это не наш торговый агент?

— Именно он и влез в нашу сеть, — сообщил Кент.

Люк откинулся на спинку стула.

— О нет.

— Да, — отрезал Кент. Лицо его покраснело. — Наш собственный работник.

— Что происходит с людьми? Где их порядочность? — запричитал Брэд, отглядываясь по сторонам, словно он ожидал найти там ответ. — Сначала Макинтош, теперь этот Глисон. Я этого не понимаю.

— Он выдвинул какие-то требования? — спросил Люк.

Кент потряс головой:

— Пока нет. Но за этим дело не станет.

— Почему ты так думаешь?

— Он взломал финансовые коды.

— Черт! — выругался Люк, закипая. — Я надеялся, что программисты его остановят.

Брэд заерзал на стуле.

— Мы же попросили выследить его, а *потом уже* остановить. Они всю ночь пытались его поймать. Старший программист сказал, что Глисон классный хакер. Его удалось вычислить только по опознавательному коду его компьютера.

— Не понял, — сказал Люк.

— Он работал на ноутбуке компании! — завопил Кент, ударив кулаком по столу. — Поэтому ему и удалось пробиться в сеть. Этот сукин сын поймел нас на нашем же чертовом компьютере!

— Но зачем ему это? — робко спросил Брэд.

Люк сделал вид, что не слышит.

— Значит, ему известно о нецелевом использовании фонда научных разработок?

Нецелевое использование. Хорошее слово он придумал для обозначения их махинаций.

— Кто его знает, — ответил Кент. — Программисты говорят, он добрался до всех цифр. Если он искал именно их, то его можно поздравить.

— Ну и что нам теперь делать? — вступил в разговор Брэд.

— То же самое, что с Макинтошем, — отрубил Кент, пристально глядя на Люка. — Прибегнем к услугам твоего дружка Пратера.

— Нет, — поспешно проговорил Люк. Хватит с него одного убийства. — Ты же сам говорил, что он ничего не требует и не пытается нас шантажировать. Он...

— Это только вопрос времени, — заметил Кент. Брэд закивал.

— А зачем тогда он копался в нашей сети?

Люк не нашел что ответить.

— У меня есть версия похуже, — заявил Кент. — Глисон и тот шпион на складе работают вместе — на «Глаксо», «Роше» или кого-нибудь еще.

— По-моему, мы начинаем потихоньку сходить с ума.

— Есть от чего, — подал голос Брэд. — С одной стороны на нас давит этот ненормальный серб, с другой — караулит Управление по борьбе с наркотиками. Просто некуда податься!

Кент хлопнул по столу.

— Послушайте меня. Не важно, кто такой этот Глисон — шпион, аферист или стукач. В любом случае его надо убрать.

— Но ведь речь идет о человеческой жизни, — заметил Люк.

— Да, черт возьми! — заорал Кент, багровея. — О *моей* жизни! И если мне придется выбирать между своей шкурой и каким-то не в меру любознательным ублюдком, отгадай, за кого я отдам свой голос?

— Подумать только, — тихо сказал Брэд, прикрывая ладонями глаза. — Мы решаем вопрос об убийстве человека, словно голосуем по какому-нибудь незначительному изменению в политике компании.

— Знаешь, что я тебе скажу, — оборвал его Кент. — Второй раз все будет гораздо проще. Мы уже прошли через это один раз. Семь бед — один ответ. — Он поднял руку. — Я голосую за.

К нему присоединился Брэд.

— Я тоже. Не вижу другого выхода, — сказал он, переводя слезящиеся глаза с Кента на Люка. — Но знаете, в кого мы постепенно превращаемся? В шайку Драговичей.

Ужасная правда, прозвучавшая в этих словах, заставила Люка содрогнуться.

— Пропади он пропадом, этот «локи». И зачем я только с ним связался?

— Ты? — взвизгнул Кент, ткнув пальцем в сторону Люка. — А что нам тогда говорить? Это ты во всем виноват! Если бы ты не выеживался с кровью этой скотины, мы бы не сидели сейчас в таком дерьме.

Люк вспомнил прошлую осень, когда дома у него раздался странный телефонный звонок. Некто по имени Сальваторе Рома представился профессором антропологии и посоветовал ему сходить в бродячий балаган, который остановился в местечке Монро на Лонг-Айленде. Профессор Рома сообщил, что среди

экспонатов находится странное существо с очень необычным составом крови.

— Сделайте анализ, доктор, — произнес мягкий интеллигентный голос. — Я уверен, вы найдете в этой крови *много интересного*.

Обзвонив знакомых, Люк выяснил, что в Монро действительно раскинул шатер некий «Дом чудес». Подозревая, что его разыгрывают, Люк, тем не менее, поддался любопытству и поехал на Лонг-Айленд. Увидев странное существо, Люк сначала решил, что это ряженый, однако подделка выглядела слишком уж натурально. Он обратился к Пратеру, но тот и сам не знал, что это за зверь. Поэтому он согласился, чтобы Люк взял у существа кровь на анализ, но потребовал за это плату.

В этой крови Люк обнаружил то, что впоследствии назвал молекулой «локи». Выделив и синтезировав субстанцию, он начал испытывать голубой порошок на мышах и крысах. Результаты оказались весьма настораживающими. Мыши, которые обычно мирно жались друг к другу, вдруг начали бешено носиться и нападать на своих собратьев. Их клетки превратились в маленькие бойни. Крысы, сидевшие поодиночке, ожесточенно грызли решетки, превращая свои морды в кровавое месиво, и злобно кидались на всякого, кто открывал дверь клетки.

Люк попытался разыскать профессора Рому, но ни в одном нью-йоркском колледже такого не оказалось. Он проклинал себя за то, что не взял у профессора никаких координат.

Люк не подозревал, что один из его ассистентов сидит на кокаине. Чтобы подмазать своего поставщика и заработать на лишнюю дозу, тот незаметно стащил несколько проб «локи». Так порошок попал к Драговичу.

Тогда Люк еще ничего не знал. Он был слишком занят, чтобы как следует изучить свойства этой

странной молекулы. К тому же «ГЭМ-Фарма» переживала финансовый кризис, и Люку было не до экспериментов.

— И пропади пропадом этот ваш «трисеф»! — в ярости закричал Люк, возвращаясь из прошлого в невеселую действительность. — Не я довел компанию до финансового краха, сделав ставку на единственное лекарство!

— Но решение об инвестировании в «трисеф» было принято единогласно, — напомнил ему Брэд.

— Да, я пошел у вас на поводу, — согласился Люк. — Но только потому, что вы мешали мне работать, приставая со своими проблемами.

Поначалу, когда «ГЭМ-Фарма» торговала аналогами известных лекарственных средств, дела у нее шли прекрасно. Но Кенту с Брэдом этого показалось мало: они мечтали выбиться в лидеры и превратить свою маленькую компанию в крупное фармацевтическое предприятие с собственными научными разработками. Поэтому они решили купить права на мировую продажу нового цефалоспоринового третьего поколения, который должен был затмить собой все другие антибиотики широкого профиля. Чтобы выпустить «трисеф» на рынок, компания влезла в долги. Но «трисеф» с треском провалился.

И вот тогда на горизонте появился Драгович с предложением о покупке того самого голубого порошка, с которым экспериментировал Люк. Он сказал, что будет брать у них все, что они сумеют произвести, и продавать где-то за рубежом. Конечно, им следовало быть осторожней. Но тогда они знали о Драговиче лишь то, что писали в газетах, а там он фигурировал как некий блестящий светский персонаж с несколько сомнительной репутацией. И он предлагал им *большие* деньги...

— Если бы ГЭМ была платежеспособной, когда появился Драгович, мы бы просто подняли его на смех, — продолжал Люк. — Но дела обстояли так,

что пришлось выбирать — либо связаться с Драговичем, либо попасть под одиннадцатую статью.

Деньги Драговича удержали бы их на плаву, поэтому они согласились выделить часть своего оборотования на производство вещества, которое Люк называл «локи».

— Это было то самое предложение, от которого нельзя отказаться, — заметил Кент.

— Но выбор у нас все-таки был, — возразил Люк. — Мы могли послать его подальше и смириться с судьбой. Однако мы предпочли другое.

На самом деле Люк горячо поддержал своих партнеров и с энтузиазмом проголосовал за. Он готов был на что угодно, лишь бы поправить дела компании и спасти свою финансовую шкуру.

— Если бы мы только знали, как он распорядится этим зельем, — вздохнул Брэд.

— Давайте не будем обманывать себя, — сказал Люк. — Вам было известно из моих отчетов, что у мышей и крыс от него в десятки раз повышается агрессивность. И вряд ли вы были столь наивны, чтобы обольщаться насчет Драговича.

Позже Люк узнал, что Драгович испытывал голубой порошок на людях. Он обнаружил, что небольшое количество вызывает необычайную эйфорию, ощущение всемогущества. Большие дозы провоцировали вспышки немотивированного насилия, возникавшие по малейшему поводу, а иногда и без него.

Драгович быстро наладил сбыт среди своих воюющих клиентов и вскоре отправил первые партии товара на Балканы. Слух о новом наркотике распространился со скоростью лесного пожара, и вскоре все вооруженные группировки — в Иране, Ираке, Израиле и Палестине — требовали регулярных поставок.

Драгович организовал в Риме подставную компанию, которая получала «локи» под видом «три-

сефа». Там его люди набивали капсулы и прессовали таблетки, чтобы потом распространять «локи» по всему миру.

— Ты прав, — согласился Кент. — Но мы-то думали, что он сбывает наш товар кучке воинственных сумасшедших в странах третьего мира, которые убивают друг друга, и дело на этом кончится.

— Вот именно, — вставил Брэд. — Кто мог подумать, что им будут торговать в каждой подворотне в нашем же собственном городе.

Люк не смог удержаться от смеха.

— Что здесь такого смешного? — повысил голос Кент.

— Надо позвонить мистеру Пратеру и предложить ему в качестве экспонатов парочку моральных уродов.

— Не зли меня, Люк, — прошипел Кент.

— Это несправедливо, — запротестовал Брэд. — Меня всегда это *мучило*.

— Неужели? — с издевкой спросил Люк. Он чувствовал растущую враждебность к своим партнерам, словно сам наглотался этого чертового порошка. — Я что-то не заметил, чтобы ты стоял в стороне, когда делили прибыль.

Брэд отвел глаза.

На самом деле гигантские доходы, которые приносил «локи», просто усыпили их совесть. Наркотик превратил «ГЭМ-Фарма» в машину по выкачиванию и отмыванию денег. Все доходы от «локи» проходили как прибыль от международной торговли «трисефом».

Кент разработал блестящую схему. Компания изготавливала наркотик на своем автоматизированном предприятии в Бруклине, немногочисленные работники которого были уверены, что производят антибиотик. В отчетах ГЭМ он фигурировал как «трисеф», поставляемый огромными партиями в Рим. Там его дробили, расфасовывали и упаковывали.

нали. Процедура эта была столь сложной и запутанной, что, когда таблетки возвращались в Америку, проследить их принадлежность к компании ГЭМ было практически невозможно.

К тому же неиспользованный «локи» при каждом новолунии превращался в инертное вещество, что тоже давало гарантию безопасности.

Благодаря «локи» все они баснословно разбогатели, но жили в постоянном страхе, с чувством вины, переходящим в отчаяние.

Они стали настоящими параноиками.

И дело было не только в Драговиче. Несколько месяцев назад Брэд сообщил им о возможности недружественного поглощения другой компанией. Покупка контрольного пакета акций неизбежно привела бы к разоблачению их подпольной деятельности. Чтобы предотвратить такую возможность, они стали скупать собственные акции, используя для этого средства, выделяемые на научные разработки.

Какое роковое стечение обстоятельств!

Люк вздохнул и закрыл глаза. Он представил, как будет сидеть в маленьком сельском кабачке в Провансе с чашкой черного ароматного кофе, а рядом будет греться на солнышке хозяйская кошка.

Через три недели я выхожу из игры. Всего через три недели.

Но если Глисон настучит на них... Мирная картина сельской жизни во Франции сменилась видом тюремной камеры здесь, в Манхэттене.

Люк открыл глаза и посмотрел на Брэда, финансового директора компании.

— Пратер потребует аванс наличными. Сегодня суббота. Где ты собираешься...

— Я достану деньги, — поспешно заверил его Брэд. — Думаю, он возьмет не больше, чем за Макинтоша. После обеда деньги у тебя будут.

— Остается еще один вопрос. У Глисона какие-то отношения с нашей новой сотрудницей.

Кент схватился за голову, взъерошив свою рыжую шевелюру.

— А, черт! И насколько близкие?

— Не могу сказать. Это ведь он рекомендовал ее нам, а уж какие там у них отношения... — пожал плечами Люк.

— О господи, — заскулил Брэд. — Час от часу не легче. А что, если у них роман? Ее ничто не должно отвлекать от работы! Ты должен все выяснить.

Люк поднялся.

— Постараюсь.

— А пока давай собирай денежки, — напутствовал Кент Брэда.

Подходя к двери, Люк услышал, как Брэд простонал:

— Когда же это кончится?

Он совсем раскис.

Продержись еще чуть-чуть, Брэд. Всего несколько недель. А потом можешь хоть на куски развалиться, мне наплевать.

9

— Раз за тебя поручился Эйб, мне этого хватит, — заявил Крутой Том. — Но плату за консультацию давай вперед, если ты, конечно, не возражаешь.

— Выписать чек? — спросил Джек.

Услышав столь нелепое предложение, Крутой Том лишь улыбнулся, обнажив мелкие желтые зубы, похожие на зерна кукурузы, торчащие из гнилого початка. Лысиной он не уступал Эйбу, но телом был пожиже. Остатки седоватых волос были заплетены в длинную косичку. На вид ему было около пятидесяти. Его тощая сутулая фигура была облачена в рваные джинсы и майку без рукавов с изображением Храбрых утят. Руки от плеч до запястий покрывала замысловатая татуировка. На левом

предплечье красовалась эмблема «харли-дэвидсона», на правом — огромная красная цифра «1%». Живое воплощение Ангела ада на пенсии.

— Я вижу, вы знаете толк в татуировке, мисгер Крутой, — заметил Джек, вынимая из заднего кармана стодолларовую бумажку. — В мотоциклах тоже?

Увидев, что Джек протягивает руку к Крутому Тому, грузный ротвейлер, сидевший в углу, вскочил на ноги и зарычал.

— Тише, Манфред! — прикрикнул на него Том, не поворачивая головы. — Он просто дает папочке немного денег на пропитание. А ты зови меня просто Том, — обратился он к Джеку. — Крутой — это для понта. Что до мотоциклов, да, я баловался этим делом. Свалил из Беркли и лет десять колесил с бандой из Фриско. Здоровый был парень, тянул на сто двадцать кило. Но все это в прошлом. Сейчас я фармацевт-любитель.

Джек оглядел помещение. Эйб привел его на узкую, мощенную булыжником улочку Китайского квартала, где Крутой Том был, очевидно, единственным жильцом неазиатского происхождения. Он снимал меблированные комнаты под тайским рестораном, хотя *меблированными* назвать их можно было с большой натяжкой. Мебель и ковер выглядели так, будто их выбросили на помойку, где на них не польстились даже старьевщики. Ничего общего с апартаментами, где обитал другой фармацевт-любитель — доктор Монне.

— Что ты хочешь узнать? — спросил Том, пряча купюру. — Собираешься открыть свое дело?

Джек покачал головой:

— Нет, мне просто надо кое-что выяснить о «берсерке». Слышал о таком?

— Спрашиваешь, — фыркнул Том. — Конечно, слышал. Я и сам бы не прочь сварганить такую штуковину.

— Неужели Крутому Тому это не по зубам? — удивился Эйб, опускаясь в потертое кресло. — Ведь говорят, ты можешь сделать все, что угодно.

— Да, так оно и было, пока не появилась эта новая дурь. У меня от нее прямо крыша едет, вот что я вам скажу, — усмехнулся Том. — Да и не у меня одного. Федералы тоже в полном напряге. Они отнесли эту штуку к классу УОВ.

— К какому классу? — переспросил Джек.

— УОВ — умеренно опасное вещество. Но его молекулярную структуру они до сих пор не могут определить. Значит, она *очень* сложная, ведь у этих козлов классное оборудование. Но для нашего брата это просто находка, потому что рано или поздно штука эта превращается в инертное вещество. — Том издал легкий смешок. — Федералы и копы в полном отстое. Они прихватывают тебя с товаром, а когда дело доходит до суда, главная улика превращается в питьевую соду.

— Как у того парня, который шел по делу о «бунте выпускников»? — воскликнул Джек, щелкнув пальцами. — Его пришлось выпустить, потому что кто-то подменил главную улику.

Крутой Том покачал головой:

— Никто ничего не подменял. Просто это вещество изменилось. Так всю дорогу происходит: эта штука враз теряет силу, где бы она ни была. Полный улет! Либо глотай, либо прощай. Чувак, который ее придумал, настоящий Эйнштейн в молекулярной биологии.

Джек вспомнил, как восхищалась Надя талантами своего Монне.

Все складывалось в целостную картину, но Наде она вряд ли понравится.

— Будь я наркоманом, — задумчиво произнес Эйб, — я бы взбесился, если бы меня надули таким манером.

Крутой Том пожал плечами:

— Некого винить. На упаковке стоит срок годности.

— Но что это за вещество? — спросил Джек.

— Спроси что-нибудь полегче. Могу только сказать, что ни к одной известной группе оно не относится. Об амфетаминах я знаю все, но это вещество и близко с ними не лежало. Это не опиат, не барбитурат и не экстази. Что-то совершенно иное. Оно повышает агрессивность.

— А если ее нет? — спросил Джек.

— У всех она есть. В каждом из нас сидит зверь. Просто некоторые слезли с деревьев чуть раньше. Я называю это КЗ — коэффициент звероподобности.

— «Упрямая звериная плоть...»

— Что?

— Да так, это из фильма, который я видел позавчера.

— Так вот, парни, склонные к насилию, ну те, у которых высокий КЗ, от обычной дозы слетают с катушек. А доза побольше может даже Винни Пуха превратить в чудовище.

— Это как раз то, что нужно, — подал голос Эйб. — Побольше злости. А кто эту штуку мог придумать? И с какой целью?

— Я слышал, он впервые появился у вояк в горячих точках, но потом его моментально выбросили на рынок. И тот, кто торгует этой хреновиной, тоже большой спец. Ее продают во всех видах и под разными названиями, чтобы окучить сразу всех. То, что толкают подросткам и всякой шпане, идет под названием «берсерк» — это самая популярная марка, — но есть еще «Терминатор-Х», «Каратель», «Хищник», «Палач», «Узи», «Самурай», «Киллер-В» и так далее.

— И большой у него рынок?

— Нельзя сказать, что очень, но, похоже, это только вершина айсберга. Раз уж спортсмены и пиджаки на него подсели...

— Спортсмены и пиджаки? — удивился Джек. — А им-то это на кой черт?

— Агрессивность, старик. Человеческая агрессивность. Ты можешь почувствовать себя новым Эром Джорданом, Джоном Элви, Уорреном Баффи или Биллом Гейтсом. Немного куражу и этой штуки — тут важно правильно подобрать дозу — и ты в полном порядке. Спортсмены покупают «Гол», «Шлем», «Победу», «Рывок», «Финиш» — названия разные, суть одна. Его принимают вместо анаболиков. Слышали, что вчера произошло, когда играли «Никсы»?

Джек покачал головой, Эйб кивнул.

— Как ты мог пропустить такое, старик? Леон Доукис, этот новый форвард у «Никсов», приложил защитника «Пистонов» — не помню, как его зовут, но он здорово держал оборону, носился как сумасшедший и так зажал Доукиса, что тот выглядел полным слабаком, еле волочащим ноги. Короче, Доукису это надоело, и он сгреб этого защитника и зашвырнул в публику. Подбросил его, как перышко! Парень приземлился в шестом ряду! — загоготал Том. — Я пересмотрел все выпуски новостей, раз пять видел этот улет. Страшное дело. Хотя на что могу поспорить, что оба они врубили по дозе «Гола».

— Ты сказал, что пиджаки тоже подсели?

— Да. Для них делают самые слабые формы: «Успех», «Процветание», «ГЕО». Белые воротнички таскают его к себе на работу. Эта штука скоро заполонит все. Спрос колоссальный. Я бы и сам не прочь этим подзаняться, но состав уж больно сложный, не для моих скромных возможностей.

— А кто тогда его производит?

Крутой Том пожал плечами:

— Не знаю. Попытался выяснить, думал, может, разлобужу формулу, да где там — наткнулся на стену. Там сербский заслон.

— Драгович?

— Угадал. Потому я и перестал рыпаться. С ним связываться никому не посоветую.

Еще одна деталь, дополняющая общую картину.

— А других игроков нет?

— Люди Драговича никого не подпускают к поставкам. Мне кажется, они идут из Европы. Ведь эта дурь там впервые появилась.

Вот это уже не укладывалось в картину. Если за «берсерком» стоит компания Монне, логично предположить, что они производят его здесь, на своем заводе. Что может быть лучше для прикрытия нелегального производства наркотика, чем легальное фармацевтическое предприятие?

— Можешь продать мне дозу?

— «Берсерка»? Сейчас в активной форме ничего нет. Но у меня есть немного инертного материала. Я с ним работал, пока он не накрылся. Причем в то же самое время, что и порошок, за который посадили того выпускника. Я тебе дам немного. Мне-то теперь от него толку мало.

Том увлек Джека в заднюю комнату.

— Я здесь посижу, — сказал Эйб. — Срисую орнамент у тебя со стен. Может, пригодится у меня в магазине.

В задней комнате находилась лаборатория Крутого Тома. Он специализировался на амфетаминах, и, по отзывам знатоков, его продукция была самого высокого качества.

Когда Том включил свет, полчища тараканов в панике бросились по углам.

— Извини за непрошенных гостей, старик. Но когда живешь под рестораном, без этого никак.

Ротвейлер Манфред, последовавший за хозяином, остановился на пороге комнаты. Джек сразу понял почему. Здесь пахло как в школьной лаборатории, где проводил опыты драмкружок, — смесью растворителя с кошачьей мочой. На столах стояли подносы с белой массой, над которыми крутились

вентиляторы. В углу работала вытяжка с новенькой блестящей трубой, уходящей в потолок, но запах все равно оставался.

— Интересно, а сколько ты берешь за унцию?

— За унцию? Ты что, старик, я продаю по граммам. У меня *чистый* продукт, и кайф от него долгий. — Том искоса посмотрел на Джека. — А зачем тебе?

— Да ты ведь личность легендарная. Мог бы прикупить хагу и получше.

— Конечно, мог бы, кто спорит. Может, когда-нибудь и съеду отсюда. Но это для меня не главное. Я человек творческий, и мне надо быть поближе к своей работе.

Сплошные творческие личности, подумал Джек.

— Видишь ли, в своей работе я использую... материалы, особенно растворители, имеющие характерный запах, который может кое-кого заинтересовать. А здесь я подсоединил свою вытяжку к трубе от плиты ресторана. И все мои пары смешиваются с дымом от готовки. Здорово придумано?

— Здорово, — согласился Джек. У него резало глаза, и хотелось поскорей выбраться на свежий воздух. — Так как насчет «берсерка»?

— Сейчас найду, — пообещал Том и начал копаться в куче целлофановых пакетиков. — Я ведь продаю наркотики, чтобы заработать на свое творчество, и знаешь, сейчас я создаю нечто такое, от чего «берсерк» сразу увянет. Он у меня идет под названием «Снег-9». Одной дозы будет достаточно, чтобы словить офигенный кайф на целую неделю. Это мой Святой Грааль. Когда я его найду, — все, могу считать, что я свое дело сделал. Только тогда я завяжу — и ни минутой раньше. Кровь из носу, но «Снег-9» дожду. Так-то, парень.

Валяй, сэр Гавейн, подумал Джек.

— Вот он, — сказал Том, поднимая небольшой прозрачный пакетик, в нижнем углу которого вид-

пелся желтый порошок. — В активном состоянии он вроде бы голубой...

— «Вроде бы» — это как? — попытался уточнить Джек.

— Знаешь, я точно тебе не могу сказать, — растерянно улыбнулся Том. — Странно как-то. Я возился с ним две недели, видел его каждый день, но цвета так и не запомнил. Во всяком случае, он был не желтый. Желтым он становится, когда теряет силу. — Он протянул пакетик Джеку. — На, бери.

— Весь?

— Конечно. Я все равно собирался его выкинуть.

— А как насчет активной формы? Просто для сравнения.

Крутой Том замотал головой, размахивая своей косичкой:

— Сейчас у меня нет. Поставки идут с перебоями, и, когда старая партия теряет силу, новая приходит не сразу. Через денек-другой надеюсь получить.

— Странная манера вести дела, — заметил Джек.

— Не говори. Я бы на их месте запускал новый товар тык в тык, не теряя ни минуты. — Том пожал плечами. — Но кто их знает. Может, у них на то свои причины.

Джек засунул пакетик в карман и повернулся, чтобы идти.

— Постой-ка, — остановил его Крутой Том, поднимая еще один пакетик, наполовину заполненный мелкими прозрачными кристаллами. — Это мой последний продукт. «Снег-7». Хочешь попробовать?

— Нет, спасибо, — поблагодарил Джек, устремляясь к двери.

— За счет заведения. Тебе понравится. Кайф держится три дня, и жизнь становится *значительно интересней*.

Джек покачал головой:

— В последний год, Том, жизнь у меня была такая интересная, что просто не знаешь, куда деваться.

Джиа перестала водить кистью и прислушалась. Кажется, звонят в дверь? Они с дочкой сидели во дворике — Вики в своей беседке, Джиа писала картину — и от входной двери были далеко.

Второй раз звонок прозвучал уже отчетливей. Взглянув на Вики, которая устанавливала маленький стульчик перед маленьким столиком, Джиа вытерла руки и вошла в дом.

Подходя к двери, она гадала, кто это может быть. Джек сказал, что будет весь день занят. Сегодня Джиа не приглашала к Вики ни няню, ни детей, а здесь было не принято заглядывать на чашечку кофе без приглашения.

Прожив в этом фешенебельном особняке несколько месяцев, Джиа так и не почувствовала себя дома. Он принадлежал теткам Вики — Нелли и Грейс, которые с прошлого лета числились пропавшими без вести. Но Джиа знала правду. Обе пожилые женщины были мертвы — их пожрали какие-то индуистские исчадия ада. Если бы не Джек, Вики постигла бы та же участь. Он сжег этих чудовищ вместе с доставившим их кораблем, и их пепел развеялся над Нью-Йоркской бухтой. Когда Грейс и Нелли будут официально признаны умершими, их дом унаследует Вики. А пока за домом присматривала поселившаяся здесь Джиа.

Опять звонок. Пройдя по толстому восточному ковру, устилавшему пол прихожей, Джиа подошла к входной двери. Наверное, это все-таки Джек, забывший ключи. Она посмотрела в глазок и застыла.

Сердце у нее бешено заколотилось — за дверью стояли те самые охранники, которые прогнали их с пляжа у дома Милоша Драговича. Она сразу узнала того противного блондина с кое-как выкрашенной головой.

Что им здесь надо? И как они ее нашли? Почему они здесь?

Джек. Наверняка дело в нем. *Вечно* с ним какие-то проблемы. Он интересовался Драговичем, а объекты его внимания обычно плохо кончали. Но сейчас сам Джек — а вместе с ним и она — привлек внимание самого известного мафиози в городе.

Джиа вздрогнула — в дверь снова позвонили. Она обернулась, опасаясь, что Вики, услышав звонок, побежит встречать Джека. Лучше затаиться, тогда они решат, что никого нет дома. К счастью, особняки плотно примыкают друг к другу, и они не смогут попасть во дворик. Скорее всего, потопчутся и уйдут.

Через дверь Джиа слышала, как они переговариваются. Язык был явно не английский.

В конце концов мужчины отошли к черному «линкольну», стоявшему у тротуара. Когда машина тронулась с места, Джиа облегченно вздохнула, но они не спешили уезжать. Припарковавшись в конце улицы, они закурили.

Они за нами следят. Проклятье!

Джиа почувствовала, как в ней закипает гнев. Они с Вики попали в ловушку в собственном доме. И все из-за Джека.

Она подошла к телефону и набрала его номер. Он их втянул в это дело — вот пусть теперь и выручает.

11

— В чем дело? — спросил Сол Витуоло, сотрясаясь от смеха и вытирая слезы, текущие из глаз. — Почему ты не смеешься? Что-нибудь не так?

Сол только что продемонстрировал Джеку пленку, снятую накануне вечером.

— Нет, все отлично получилось.

Еще десять минут назад он от души посмеялся бы, наблюдая, как головорезы Драговича бросаются врассыпную, спасаясь от шин. Но ему только что позвонила Джиа и сообщила, что двое этих головорезов дежурят у ее дверей.

Джек сразу догадался, как они нашли ее, — машину засекла скрытая камера у ворот Драговича.

Это моя вина, подумал Джек. Я должен был заметить камеру раньше. Они сфотографировали машину и нашли Джиа по номеру на бампере.

Вот черт! И зачем он только взял их с собой.

Вряд ли Драговичу придет в голову, что Джиа может иметь какое-то отношение к вчерашнему шинному граду. Он просто тыкает наугад.

Но может случайно попасть в цель.

Первой мыслью Джека было посоветовать Джиа позвонить в полицию и сообщить о двух подозрительных типах, околачивающихся у ее дома. Копы их, конечно, спугнут, но потом они все равно вернутся.

Значит, придется управляться самому. Его первым побуждением было их убрать, причем совсем, и пусть полиция разбирается с этим делом. Поскольку оба работают на Драговича, все подумают, что это обычные бандитские разборки.

Все, но только не Драгович. Он-то знает, почему они там оказались, и устранить их — все равно что вывесить над дверями Джиа неоновую вывеску «Я к этому причастна».

Нет, нужен более тонкий подход. Но какой?

Голос Сола вернул его на Стейтен-Айленд.

— Я уже сто раз ее посмотрел, но все равно ржу, как лошадь, — сказал Сол, вынимая кассету из плеера. — Сколько сделать копий и куда мы их разошлем? В «Живого свидетеля»?

— Пока не надо никаких копий.

Эй, а зачем тогда я ее покупал? — недоуменно спросил Сол, указывая на новенькую видеокамеру. — Разве не для того, чтобы делать копии?

— Именно для этого, — подтвердил Джек. — Но нам надо собрать побольше материала. Завтра ты опять залезешь на дюну и отснимешь вторую серию.

— Я-то залезу, но, может, мы придумаем что-нибудь почище шин? Как насчет битого стекла? Ух! У меня его целые горы.

Джек постарался, чтобы его голос звучал спокойно.

— Шины — это только первая стадия. На второй мы пригвоздим его по-настоящему.

— Пригвоздим? — В голосе Сола послышалось ликование. — Ты собираешься поработать гвоздями? Вот это другой разговор.

Опять он за свое.

— Нет, не собираюсь.

— А что тогда будет на второй стадии?

— Всему свое время, дружище. Да ты не волнуйся. Я все просчитал.

— Но мы уже *отработали* шины. Хватит с нас шин. Этого мало.

Джек сжал зубы, с трудом сдерживаясь, чтобы не взорваться. Его так и подмывало сказать Солу, что, если тому не нравится его план, он может делать все сам.

Вероятно, сказывалось беспокойство за Джи и Вики.

Он очень нервничал.

Поднявшись, Джек шагнул к окну. Через грязное стекло он с трудом различал горы старых машин и металлолома, наваленных позади конторы.

— Надо найти что-нибудь получше шин, — зашел свою волюнку Сол.

— Ладно, Сол, — проговорил Джек, сдаваясь. — Пойдем посмотрим твое хозяйство. Если найдем

что-нибудь получше, нушим в дело. Если нет — тогда опять шины.

Возможно, он и найдет что-нибудь подходящее, чтобы турнуть ребят Драговича.

Когда обрадованный Сол вывел его во двор, Джек заметил двоих мужчин, складывающих металлолом в старый автопогрузчик, тот самый, на котором он привез шины к братьям Эш.

Он задумчиво наблюдал, как, загрузив очередную порцию металлолома, подъемник опускается на землю. Край его был скошен и напоминал лезвие ножа.

Это натолкнуло Джека на мысль. Оглядев площадку, он заметил несколько ржавых машин, стоявших в ряд у забора.

— Они еще ездят? — поинтересовался он у Сола, указывая на эти развалины.

Тот остановился и посмотрел в ту сторону.

— Думаю, что да. Но только в один конец.

— А мне и не нужно возвращаться.

— Ты что это задумал?

Джек повеселел:

— В конце концов, могу же я взять часть платы натурой.

12

— Сколько нам тут еще торчать? — проворчал Вук Вуйкович, закуривая очередную сигарету «Мальборо».

Весь день они просидели в этой проклятой машине, ожидая, когда покажется дамочка. Вук беспрерывно курил, и язык у него стал как мокрая картонка. Он чувствовал себя усталым, разбитым и с трудом сдерживал раздражение. В «линкольне» хорошо ездить, но жить там не слишком комфортно. Вук взглянул в переднее зеркало и пригладил

свои вытравленные волосы. Они отросли, и у корней пробивалась чернота. Пора снова краситься.

— Сколько можно смотреться в зеркало, — раздался с заднего сиденья голос Иво. — Что, волосы выпадают?

— У меня-то их пока хватает, старина, — отозвался Вук, посмотрев на редющую шевелюру Иво. — А вот ты скоро станешь лысым как коленка.

— Зато я не похож на педика.

Вук засмеялся, чтобы не показать, что его задело замечание приятеля. Кто-кто, а уж Иво гораздо больше похож на бабу, и причем *старую*.

— Женщинам нравятся блондины.

Иво хмыкнул.

Они познакомились, когда служили в Югославской армии, и вместе прошли косовскую мясорубку. Позже, когда от армии и страны ничего не осталось, они нанялись в охранники к Драговичу.

Вук посмотрел вокруг. Элегантные кирпичные особнячки на тихой улочке, упиравшейся в небольшой парк на берегу Ист-Ривер. У него на родине так жили только высшие правительственные чиновники. Он попытался представить, во что обходится подобное жильё.

— Ненавижу ждать.

Иво вздохнул:

— Не самый плохой расклад. Мы могли бы сейчас торчать в Белграде и ждать выходного пособия.

Вук снова рассмеялся:

— Или стоять в очереди за газовыми баллонами.

— Ты вспоминаешь о доме? — спросил Иво дрогнувшим голосом.

— Только когда думаю о войне.

А думал он о ней постоянно.

Какое время! Сколько женщин у него было? Сколько мужчин — бойцов и мирных жителей — выгнал он в поле или поставил у стенки и расстрелял? Не сосчитать. Каким всемогущим он себя ощущал —

хозяин жизни и смерти, бесстрастно внимающий крикам, стонам и мольбам о пощаде и одинолично решающий, кому жить, а кому умереть. Он чувствовал себя равным Богу.

Вук тосковал по этим дням, иногда так сильно, что на глаза его наворачивались слезы.

— А я стараюсь все забыть.

Вук молча посмотрел на своего приятеля. Иво всегда был мягкотелым, а сейчас и совсем размяк. Это случается со всеми, кто приезжает в Америку. Они теряют твердость.

Да я и сам уже не тот, подумал Вук. Он был не-сгибаемым воином, а кем стал? Охранником гангстера, который дает всякие дурацкие поручения вроде сегодняшнего. Да, он серб по рождению, но давно уже стал американцем. И все же ему повезло больше, чем его ровесникам в Белграде.

— Думаешь, эта сучка Ди Лауро имеет отношение ко вчерашнему? — спросил Вук, нехотя возвращаясь к действительности.

— Очень может быть, — отозвался Иво. — Но она явно отчалила на выходные, как и вся здешняя публика.

За все время своего сидения они видели лишь нескольких ребятшек, гуляющих с нянями. Вук уже дважды звонил в Ист-Хемптон в надежде, что им разрешат снять осаду. Но им было велено оставаться на месте.

— Мы просто теряем время, — проворчал Вук.

— Это все из-за тебя.

— Почему из-за меня?

— Ты узнал этого парня на пленке. «Я его знаю. Это тот самый тип, которого мы прогнали с берега», — передразнил Вука Иво. — Вечно ты треплешь своим языком.

Обернувшись назад, чтобы послать Иво куда подальше, Вук увидел, что тот застыл на сиденье. На Саттон-сквер появился автопогрузчик без номеров.

Прогромыхав по улице, он резко остановился, уткнувшись в тротуар.

— Похоже, он заблудился, — заметил Иво, с облегчением откидываясь на спинку сиденья.

Некогда белый автопогрузчик, весь в царапинах и вмятинах, был покрыт толстым слоем грязи. Лицо водителя скрывала густая белая борода, на лоб была надвинута бейсбольная кепка. За пыльным стеклом он был практически неразличим. Вытащив карту, водитель стал внимательно ее изучать.

Вот дурак, подумал Вук. Как можно потеряться в городе, где все улицы под номерами?

Найдя то, что он искал, водитель тронулся с места, чуть не налетев на противоположный тротуар. Когда автопогрузчик стал разворачиваться, Вук заметил, что его задняя платформа опущена и находится всего в двух футах от земли. Оказавшись на середине улицы, он вдруг дал задний ход и стал стремительно приближаться к машине.

Вук вжался в сиденье и стал судорожно сигналить, но погрузчик был уже совсем рядом.

— Сейчас он в нас врежется! — завопил Иво.

Вук закрыл глаза и обхватил себя руками. От удара его бросило вперед, но сила его была меньше, чем он ожидал. Открыв глаза, Вук увидел, что угол платформы пробил решетку радиатора. Лобового столкновения, к счастью, не произошло.

— Ах ты, дерьмо! — заорал Вук, распахивая дверь.

Иво выскочил с другой стороны, изрыгая проклятия. Сейчас этот идиот пожалеет, что сунулся сюда.

Но автопогрузчик рванул вперед.

— Он смывается! — крикнул Иво.

Вук бросился его догонять, но погрузчик уже успел набрать скорость. Вук махнул Иво, чтобы тот садился в машину. Проскочив на красный свет, погрузчик выехал на Пятьдесят восьмую улицу и двинулся по встречной полосе.

— Он ненормальный! — вскрикнул Иво, увидев, как погрузчик виляет из стороны в сторону, стараясь избежать столкновения с идущими навстречу машинами. Завизжали тормоза, загудели сигналы, но погрузчик упрямо продолжал двигаться вперед.

Вук не мог допустить, чтобы какой-то старый *говнюк* на ржавом помойном ведре оставил его в дураках.

Включив фары и отчаянно давя на сигнал, он выскочил на Пятьдесят восьмую улицу. К счастью, машин там было мало, но схать против движения все равно было страшновато.

Погрузчик, маячивший впереди, свернул на Первую авеню. Они доехали туда как раз вовремя, чтобы увидеть, как он опять сворачивает на Пятьдесят девятую улицу.

— Он едет к мосту, — догадался Иво.

Вук поддал газу, и вскоре впереди опять показался погрузчик, въезжающий на мост Куинсборо. «Линкольн» поехал по откосу, с визгом развернулся и тоже выскочил на мост.

— Вот он! — показал вперед Иво.

Вук усмехнулся. Неужели этот старый дурак надеется от них уйти?

Он нажал на акселератор, и машина рванулась вперед, почти поравнявшись с погрузчиком. Но вдруг она как-то странно задержалась.

— Что случилось? — спросил Иво.

Взглянув на приборную доску, Вук увидел, что стрелка температурного датчика ушла на красное поле.

— Мотор перегрелся!

Двигатель чихнул, дернулся и затих. «Линкольн» встал как вкопанный.

— Дерьмо! — выругался Вук, ударив по рулю. Сквозь клубы пара, вырывающегося из-под капота, он увидел, как автопогрузчик исчезает за аркой моста. — Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!

Иво вылез из машины и подошел к капоту. Вук последовал за ним. Сзади засигналили остановившиеся машины.

— Вот в чем дело, — сказал Иво, указывая на продавленную решетку. — Дыра в радиаторе.

— Ублюдок! — заорал Вук, ударив кулаком по капоту. — Вот уж повезло этой сволочи!

— Думаешь, это везение? — задумчиво спросил Иво, глядя вслед ускользнувшему погрузчику.

— А ты считаешь, старый *говнюк* сделал это намеренно?

— А почему старый? Из-за седой бороды? Он мог позаимствовать ее из костюма Санта-Клауса.

— Думаешь, это тот парень с пляжа?

Иво пожал плечами:

— Я просто рассуждаю. Если это тот самый парень и он хотел прогнать нас от своего дома, то ему это вполне удалось.

Вук просто кипел от злости. Иво так спокоен, что так бы и врезал ему разок. Вук сплюнул.

— Дерьмо!

И что они теперь скажут Драговичу?

13

Надя закончила работу и собиралась домой. Пока отключалась голографическая установка, она прослушала голосовую почту. Джек предлагал встретиться в диабетической клинике в пять. У него были для нее какие-то новости. На случай, если она не сможет прийти, он оставил номер своей голосовой почты.

Надя посмотрела на часы. Уже около пяти. Она набрала номер Джека и предложила встретиться в начале шестого в аптеке напротив ее работы. Вешая трубку, она услышала, как кто-то произнес:

— Какая самоотверженность.

Надя вздрогнула, узнав голос Монне. Оглянувшись, она увидела, что он стоит в дверях.

— Как вы меня напугали.

— Извините, — произнес он, подходя к ней. — Я пришел забрать пакет и заметил, что у вас горит свет.

— Я уже собиралась уходить.

— Не буду спрашивать вас об успехах. Еще рано говорить об этом... да?

Его слова застали Надю врасплох. Она внимательно посмотрела на Монне. Вблизи он выглядел очень усталым. Ничего удивительного — ведь, по словам Джека, он несколько часов наблюдал, как дерутся люди.

Но дело было не только в усталости. Казалось, доктор был физически и умственно истощен, морально подавлен и близок к отчаянию.

Чем же его заставляет заниматься этот бандит? Как сумел его опутать?

— Да, — призналась она. — Пока нечем похвастаться. Я только что закончила просматривать результаты ваших экспериментов. Вы перекопали большое поле.

Он рассеянно кивнул:

— Я перепробовал все, что мог. Вот поэтому мы вас и пригласили. Нам нужен свежий взгляд.

Надя опустила глаза и стала собирать свои записи. Не могла же она сказать ему, что пребывает в полной растерянности, что рассказ Джека о странных испытаниях в Бруклине и сообщение Дага о тайных покупках акций выбили ее из колеи и не дают сосредоточиться на работе.

Монне откашлялся.

— Есть еще один вопрос, который я бы хотел обсудить с вами. Он касается Дугласа Глисона.

Надя застыла. О господи! Неужели он узнал, что Даг взломал сеть?

— А в чем дело?

Мне сообщили, что он был в исследовательском центре и даже здесь, у вас в лаборатории. Это нарушение правил.

У Нади отлегло от сердца. Она повернулась к Монне:

— Я думала, это касается только тех, кто не работает в компании.

Ложь... но вполне простительная.

— Нет. Мне кажется, я достаточно ясно дал понять, что сюда могут заходить только работники исследовательского центра. Вы с ним... в близких отношениях? Поэтому и пустили его сюда?

Доктор Монне как-то слишком заинтересованно задал этот вопрос. Почему?

Надя решила скрыть, что Даг впустил себя сам. Она вспомнила, что он не хотел, чтобы об их романе знали на работе.

— В близких отношениях? — с улыбкой переспросила она. — Нет. Мы просто старые друзья.

— Вы часто видите? Обсуждаете свою работу? Куда он клонит?

— Он друг нашей семьи.

Опять ложь.

— Иногда мы обедаем вместе. Он очень интересуется... — она чуть не сказала «компьютерами», — научными разработками. Но я уверена, что он никогда...

— Я тоже уверен, — поспешно сказал доктор Монне. На лице у него было написано облегчение. — Но не стоит забывать, что он торговый агент и по долгу службы много и часто разговаривает с людьми. Может случиться, что в один прекрасный день он в порыве энтузиазма случайно проговорится о продукте, который находится в разработке. А если он ничего не будет знать о нем, то уж точно не проболтается. Вы меня понимаете?

— Вполне, — ответила Надя. Он был абсолютно прав. Она обязательно скажет об этом Дагу за ужи-

ном. — Обещаю, что Дуглас Глисон здесь больше не появится.

Доктор Монне повернулся и вышел не попрощавшись. До нее долетел лишь его вздох.

14

— О нет, — пробормотал Джек, увидев, что Монне сворачивает с Глен-Коув-роуд. — Только не говорите мне, что он едет в Монро.

Эта поездка началась в центре города после того, как Джек вернулся с Лонг-Айленда от братьев Эш, которым он доставил очередной сюрприз для Драговича.

Джек потер подбородок — он все еще чесался от клея. Надо признать, операция с автопогрузчиком Сола прошла как нельзя лучше. В результате парни Драговича застряли на мосту Куинсборо.

Он уже несколько раз звонил Джиа и знал, что они так и не вернулись. Джек встретился с Надей напротив ее офиса, как она просила. Увидев Монне, выходящего из дверей, он быстро сунул ей в руку конверт с инертным «берсерком». Указав на доктора, Джек сказал:

— Вон идет ваш босс. Я, пожалуй, провожу его немного.

Испуганно озираясь вокруг, Надя спрятала конверт в сумку.

— Это наркотик? Меня могут за него арестовать? — шепотом спросила она.

— Нет, — успокоил ее Джек. — Это больше не «берсерк». Он рано или поздно становится инертным, причем сразу. Вот этот потерял силу на днях.

Глаза у Нади чуть не вылезли из орбит.

— *Что?*

— Я сказал...

— Я слышала, что вы сказали. Просто...

Наверное, она решила, что у меня не все дома, подумал Джек.

— Во всяком случае, такие у меня сведения, — сказал он уже на ходу. — Извините, что не смог достать активную форму. Может быть, завтра или чуть позже.

Надя молча смотрела на него.

Помахав ей рукой, он заторопился прочь, чтобы догнать Монне. Его поразила ее реакция. Он ожидал недоверия, а она скорее расстроилась.

Джек проводил Монне до гаража «Авис», где давали машины напрокат. Когда тот исчез в дверях, он поймал такси и поехал в гараж, где стоял его «бьюик». Он подкатил к «Авису» как раз в тот момент, когда Монне, выехав из ворот, направился в сторону Истсайда. Джек последовал за ним. Вынырнув из Центрального тоннеля, машина Монне поехала по Глен-Коув-роуд, а затем свернула к Монро.

После того как он чуть не погиб здесь в прошлом году, Джек поклялся никогда не возвращаться в это проклятое место. Но вот он опять здесь и направляется к Золотому побережью Лонг-Айленда, где расположилось местечко под названием Монро.

Джек попытался себя успокоить. Ведь Монне — ученый, человек, твердо стоящий на земле, и вряд ли он как-то связан со сверхъестественными силами, сосредоточенными в Монро. Но тогда что, черт возьми, он собирается там делать?

Монне медленно проехал по главной улице, стилизованной под поселок китобоев, который здесь, видимо, был раньше, и двинулся на восток к болотистой равнине, огибавшей бухту. Джек поехал за ним по изрытой колеями дороге, ведущей к проливу. За окном мелькали рекламные щиты, еле различимые в сгущающихся сумерках, и стрелки, указывающие вперед.

К счастью, на дороге встречались и другие машины, так что «бьюик» не слишком бросался в гла-

за. Наконец они подъехали к нескольким большим шатрам, сверкающим огнями. На полотнище, растянутом между двумя столбами, было написано: «Дом чудес Озимандиаса Пратера».

Так это цирк? Монне приехал в *цирк*?

Нет, это не цирк. На полотнище были изображены зеленый марсианин, человек-змея, прорицательница с тремя глазами и другие монстры.

Монстры и Монро... это сочетание заставило Джека насторожиться. В прошлый раз парочка таких монстров чуть не отправила его на тот свет.

Он попытался избавиться от неприятных ассоциаций, говоря себе, что это всего лишь бродячий балаган, случайно оказавшийся в Монро... Однако его не покидала тревога.

Джек увидел, как Монне въехал на огороженную веревками стоянку. Сам он припарковался неподалеку. Но, выйдя из машины, доктор не последовал за редкими посетителями, проходившими через ярко освещенную арку. Вместо этого он повернул направо, где стояли грузовики и фургоны.

Дав Монне отойти на приличное расстояние, Джек пополз вслед, скрываясь в высокой траве. Он увидел, как Монне постучал в дверь старого обшарпанного фургона. Дверь открылась, и в проеме показалась высокая нескладная фигура. Отступив в сторону, человек пропустил Монне внутрь. Когда дверь вновь закрылась, Джек увидел на ней табличку «Контора».

Лежа в болотной траве, он размышлял, что делать дальше. Какое отношение это имеет к тому заданию, что дала ему Надя? Монне проделал неблизкий путь, чтобы попасть в какой-то бродячий балаган, причем приехал на машине, взятой на прокат. Он постоянно ездил на такси, почему бы и сюда не приехать точно так же? Обошлось бы не многим дороже, чем прокат машины.

Если только он не пытается замести следы.

Надо бы послушать, о чем они там говорят.

К счастью, ночь была безлунной. Джек уже собрался встать и подойти к фургону, когда увидел, как из-за ближайшего шатра показались две неясные фигуры и тоже направились туда. В них было что-то очень знакомое...

Когда один из них остановился и стал принюхиваться, Джек с ужасом узнал «гончих псов», которые преследовали его на складе. Парень продолжал нюхать воздух, поворачиваясь в разные стороны. Уж не меня ли он вынюхивает, подумал Джек.

Ветер с залива дул Джеку в лицо, значит, он находился с подветренной стороны.

Нет, не может быть.

Через несколько секунд эти двое возобновили свой путь, предоставив Джеку свободу действий. Но тут появился еще один человек, направлявшийся к фургону. Что-то здесь слишком оживленно. Того и гляди, застукают у замочной скважины.

Но почему бродячий балаган вызвал такой интерес у молекулярного биолога? Вряд ли это связано с Надиным расследованием, но опыт ему подсказывал, что между самыми отдаленными явлениями подчас существует весьма тесная взаимосвязь.

Надо посмотреть на это место при дневном свете. Завтра воскресенье. Жаль, что он не может привезти сюда Джиа и Вики. Вики уж точно никогда не была в «Доме чудес». Но присутствие здесь «гончих псов» исключало такую возможность. Завтра у него будет сольное выступление.

Вернувшись к машине, Джек поехал на Манхэттен. Из тоннеля он свернул на Саттон-сквер, чтобы посмотреть, нет ли там парней Драговича, но на улице было пусто.

Интересно, явятся ли они завтра. Они проторчали здесь целый день без всякого толку. Возможно, они решат, что она уехала на выходные, и оставят свои попытки подстеречь ее.

А может быть, и не оставят.

Если они приедут завтра утром, их снова придется убирать. У него созрела еще одна идея, но тут без помощи не обойтись.

Джек доехал до Верхнего Вестсайда и — о, чудо — нашел место для парковки рядом со своим домом. Вот за что он любил выходные. Теперь надо заглянуть к Хулио.

У бара толкалось много народу, но за столиками было пусто.

— Сегодня поспокойней? — спросил Джек, когда Хулио подал ему пиво.

Они стояли у окна под висящими растениями. Джек задел головой высохший аспарагус, и на волосы ему посыпались иголки.

— Не говори, — улыбнулся Хулио, потирая руки. На нем была всегдашняя майка без рукавов, позволявшая видеть, как на руках перекачиваются мускулы. — Тишь да гладь. Как в добрые старые времена.

Вся состоятельная публика укатила из города на выходные. Но клиенты Хулио, рабочие парни, которые ходили к нему с тех пор, как он открыл свое заведение, не имели обыкновения выезжать на природу.

— Завтра мне понадобится помощь, — сказал Джек. — Нужно поработать водилой.

— Нет проблем. Когда?

— Где-то с двенадцати до часу.

— Что надо делать?

Джек объяснил. Хулио одобрил его план, и они договорились встретиться в полдень.

Джек пошел домой с чувством выполненного долга. Не слишком надежное чувство. Из опыта он знал, что, если тебе кажется, что все под контролем, значит, жди неприятностей.

Он сумел не заснуть во время просмотра «Острова доктора Моро» с Ланкастером и Йорком, хотя режиссер ухитрился сделать из захватывающей кни-

и довольно скучное кино. Барбара Каррера была восхитительна, но буйная бутафорская растительность на острове портила всю картину, Ричард Бейсхарт совсем не подходил для роли Толкователя Закона. Но это было официальное открытие фестиваля фильмов о докторе Моро, и Джек заставил себя высиживать до конца. Своего рода епитимья перед предстоящим греховным удовольствием — просмотром легкомысленной версии 1996 года с Брандо и Килмером.

Воскресенье

1

Нет, только не это, думала Надя, глядя на молекулу, висящую в воздухе перед ее глазами. Этого не может быть.

Но как отрицать то, что слишком очевидно.

Прошлой ночью она почти не спала. Ничего удивительного после того, как Джек подкинул ей эту бомбу. *«Это больше не «берсерк»...»*

Становится инертным... так же как молекула, которую доктор Монне пытается стабилизировать. Его образец тоже на днях потерял силу.

Придя в лабораторию утром, Надя первым делом приготовила пробу из желтого порошка, который дал ей Джек. Поместив ее в голографическую установку, она через мгновение увидела перед собой молекулу — точную копию молекулы «локи» после того, как она стала инертной.

Если инертный «берсерк» в точности соответствует инертному «локи», то следует неизбежный вывод, что в активной форме они тоже совпадают. Доктор Монне хочет, чтобы она стабилизировала молекулу синтетического наркотика, который вызывает вспышки насилия.

Почувствовав дурноту, она опустилась в кресло. Надо смотреть правде в глаза: доктор Монне имеет отношение к опасному наркотику. Но какое именно? Производит его для Драговича или просто пытаются стабилизировать для него молекулу?

И насколько добровольно он во всем этом участвует? Вот главный вопрос. Надя видела, как он нервничает. Это говорит о том, что на него давят, ему угрожают. Или она просто ищет для него оправдания?

Нет. Она должна верить, что его заставили. И к тому же логика подсказывает, что деньги здесь не играют роли. Зачем доктору Монне заниматься наркотиками, если он может заработать кучу денег на легальных лекарствах?

Мелькнула мысль, что надо сообщить в полицию, но Надя сразу ее прогнала.

Расследование может и не вывести их на Драговича, но доктор уж точно пострадает. Его могут посадить, а Драгович выйдет сухим из воды.

Нет, надо действовать по-другому. Джек — вот кто ей поможет. Она молила Бога, чтобы ему удалось разузнать что-нибудь еще.

Но одно она знала наверняка: пока не будут получены ответы на все вопросы, к молекуле этой она не прикоснется.

2

На этот раз за рулем сидел Иво. Чтобы не привлекать внимания, он остановился в восточной части Саттон-Плейс, перед жилым домом, облицованным мрамором, как раз напротив Саттон-сквер. Отсюда отлично просматривались все особняки.

Вчерашнее столкновение с автопогрузчиком все не давало ему покоя. Случайность или нечто иное? Как к этому отнести?

Сегодня они тоже приехали в лимузине, но более старом. Припарковавшись, Иво почувствовал какой-то запах.

— Чем это несет?

Принюхавшись, Вук провел рукой по своим крашеным волосам.

— Воняет мочой.

— Точно, — кивнул Иво. — Кто-то описался в машине. Похоже, на заднем сиденье.

Вук улыбнулся:

— Кого-то сильно припугнули, когда он ехал в этой тачке. Может, это была его последняя поездка.

— Ну, если худшим наказанием для нас будет поночая машина, то я согласен.

Вук засмеялся:

— Босс был зол как черт. Хорошо, хоть шкуру свою спасли.

Иво кивнул. Сейчас они шутили, но вчера вечером им было не до смеху. В другое время Драгович не обратил бы внимания на такой пустяк, как пробитый радиатор, но вчера он бушевал, как ураган. Милош еще не отошел после шин и жаждал крови. Иво чуть не обмочился от страха, ожидая своей участи. Он опасался, что они с Вуком станут козлами отпущения во всей этой истории.

Но Драгович вдруг замолчал на полуслове и вышел из комнаты охраны, оставив Вука и Иво — так же как и всех остальных присутствующих — трястись и обливаться потом.

Иво вспомнил одного сержанта в Косове. Тот был таким же непредсказуемым психопатом. Но он служил в армии и должен был подчиняться воинской дисциплине. Драговича же ничего не сдерживало. Он сам диктовал правила и менял их по своему усмотрению.

Иво тосковал по армейской жизни, хотя большую часть времени солдаты сидели без дела, ожи-

дая приказа. Ему не хватало чувства субординации, но о войне он вспоминал неохотно.

Его до сих пор мучили косовские кошмары. Он не участвовал в зачистках. Ни за что на свете он не ворвался бы в дом, чтобы застрелить всех, кто там находится. Этим занималась местная полиция и различные вооруженные группировки. Иногда к ним присоединялись и отдельные солдаты вроде Вука, но большинство армейских предпочитало не вмешиваться.

Это у меня на совести, подумал Иво. Я отворачивался, чтобы не видеть. И еще мародерство.

Мародерство это было совершенно бессмысленным — зачем выносить телевизоры, если их нельзя взять с собой. К грузовикам имели доступ только офицеры, и они отнимали у солдат наиболее ценные вещи, чтобы отвезти к себе домой.

Иво, покидавший Косово, был уже не тем простодушным пареньком, что пришел в этот проклятый край год назад. Перед отъездом туда он молил Бога, чтобы ему не пришлось никого убивать. Но все же в Белград он вернулся, обагрив руки кровью. То была кровь боевиков из Армии освобождения Косова и нескольких мирных жителей. Правда, гражданских он убивал, только когда они сами лезли на рожон.

Его часть стояла между Гнилане и Зегрой. Тот, кто там не бывал, никогда не сможет представить, какой ад им пришлось пережить. Он помнил, как старуха, проковылявшая мимо группы солдат, поворачивая за угол, бросила в них ручную гранату.

Иногда приходилось стрелять первым. Иво знал ребят, которые замешкались. Их привезли домой в цинковых гробах.

Иво научился это делать и поэтому вернулся в Белград невредимым. Но в памяти у него навечно осталось бледное лицо и остекленевшие глаза четырнадцатилетнего мальчишки, которого он

истрелил, потому что ему показалось, что у того в руке пистолет. А парень просто протягивал руку за подающим.

Когда служишь в армии, за тобой стоит государство. А здесь, у Драговича, государство против тебя. Но и там и здесь часто приходится сидеть и ждать. Вот как сейчас, например.

— Как ты думаешь, вчера в погрузчике был тот самый парень с пляжа? — спросил Вук, показывая в сторону особняков.

Иво взглянул на него. Почему он все время оказывается в паре с Вуком? Какой-то он шальной, вечно нарывается. Не буди лиха, пока спит тихо, так ведь говорят.

— Сдается мне, что это был он, но поди проверь.

Вчера вечером они предпочли умолчать о своих подозрениях. Кому хочется выглядеть болваном, которого обвели вокруг пальца. Оба они прекрасно знали, как их босс поступает с недоумками.

— Одно могу сказать наверняка, — добавил Иво. — Когда мы уехали, тот, кто здесь живет, мог спокойно отвалить на все четыре стороны. И вот это уже...

Вдруг машину подбросило от удара в левое крыло. Иво повалился на Вука.

— Дерьмо! — заорал Вук, ударившись о дверь.

Иво выпрямился и посмотрел в окно. Первой его мыслью было: «Опять этот чертов погрузчик!»

Но вместо автопогрузчика он увидел старый ржавый «форд», протаранивший бампером крыло их «линкольна». Но за рулем был уже не бородач. На этот раз в машине сидел приземистый мускулистый латиноамериканец.

— Простите, ребята, — сказал он с извиняющейся улыбкой. — Эта развалина уже не слушается руля.

— Сволочь! — завопил Иво, пытаясь открыть дверь машины, но она оказалась зажатой «фордом».

Вук сумел открыть свою дверь, но, когда он выскочил на тротуар, «форд» уже дал деру, выпустив на них облако дыма из выхлопной трубы.

— Поезжай за ним! — закричал Вук.

Иво уже повернул ключ зажигания и включил передачу. Но когда он нажал на газ, «линкольн» проехал не больше фута и воткнулся в тротуар. Иво выругался и безуспешно попытался вывернуть руль.

— В чем дело? — спросил Вук.

— Руль заклинило!

Выскочив из машины, Вук подбежал к капоту и застыл. Потом лицо его исказилось, он начал ругаться и бить ногой по передней шине.

Иво подошел к нему.

— Ты только посмотри! — кричал Вук. — Посмотри!

Иво сразу все понял: «форд» ударил их машину прямо в колесо, свернув его на сторону. Обернувшись, он проводил взглядом облезлую машину, удалявшуюся по Саттон-Плейс. Потом посмотрел на особняк.

Вук проследил за его взглядом.

— Ты что, думаешь...

— Сегодня нас приложил уж *точно* не тот парень с пляжа. Но все же...

Вук повернулся к машине:

— Да черт с ним. А вот с *этим* мы что будем делать?

Иво только сейчас осознал, что им придется предъявить Драговичу еще одну изуродованную машину. Его гнев тут же сменился страхом.

Вук вдруг побледнел. Очевидно, он подумал о том же.

— Надо ее отремонтировать! Немедленно!

— В воскресенье? — засомневался Иво. — Но как?

— Не знаю как, но мы *должны* это сделать.

Пока Вук названивал по сотовому, Иво лихорадочно думал. Если им удастся отбуксировать маши-

пу в мастерскую, никто ничего не узнает. Что касается наблюдения за домом... они что-нибудь сопрут... скажут, что никого не видели. Все равно там никого нет.

Сейчас *главное* — починить эту чертову машину.

3

— Один детский, — сказал Джек, протягивая десятку в окошечко кассы.

Билетер, крепкий парень в соломенной шляпе, посмотрел вокруг.

— А где ребенок?

— Это я. В душе я по-прежнему дитя.

— Очень смешно, — сказал билетер без тени улыбки, кладя на тарелку взрослый билет и сдачу.

Войдя в главный шатер «Дома чудес Озимандиаса Пратера», Джек первым делом оглядел публику: немногочисленные посетители, типичные представители среднего класса, выглядели так, словно только что вышли из церкви в черном парадном облачении.

Балаган имел довольно жалкий вид. Все в нем было старым и ветхим — от табличек над будками до столбов, на которые был натянут брезент. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь прорехи, напоминали о том, что «Дому чудес» давно пора сменить крышу. Интересно, что здесь делается, когда идет дождь, подумал Джек. Синоптики предсказывали грозы. Надо убраться отсюда пораньше.

Двигаясь по проходам, Джек пытался разобраться, что за экспонаты собраны в «Доме чудес». Здесь было много настоящих уродцев, но встречалась и бугафория.

Сначала Джек увидел «самого толстого человека в мире», «самого высокого человека в мире» и сестер-близнецов с крошечными головками, кото-

рые пели пронзительным фальцетом, — в общем, ничего особенного.

Потом настала очередь других.

Уроды по определению должны выглядеть необычно, но те, которых он увидел, были за гранью возможного. Мальчик-аллигатор, человек-птица, хлопающий крыльями... Эти существа были столь правдоподобны, что не могли быть настоящими.

К примеру, человек-змея. Джек так и не смог определить, где кончается его настоящая плоть и начинается бутафория.

Грим и костюмы, решил он.

Но то, как это существо обвивало хвостом чучело кролика, сдавливая его, невольно вызывало в памяти смертельную хватку удава.

Полная иллюзия реальности, и все же это обман. Чего еще можно ждать от балагана, даже если он расположился в Монро.

Джек еще более укрепился в этой мысли, когда увидел, что уродцы отнюдь не чувствуют себя ущербными. Они не выглядели жалкими и подавленными. Наоборот, с гордостью и даже с некоторым вызовом демонстрировали свои необычные тела, словно уродами были не они, а окружающие их люди.

Джек остановился перед будкой с лилипутом, сидящим на маленьком троне. У него были закрученные вверх усики и гладкие черные волосы, разделенные на прямой пробор. Наверху висела табличка с золотыми буквами: «Карлик Эхо».

— Привет, — поздоровалась с ним маленькая девочка.

— И тебе привет, — ответил лилипут ее голосом.

— Ой, мама! — закричала девчушка. — Он говорит как я!

— Ой, мама! — повторил Карлик Эхо. — Иди сюда и послушай этого дядю!

Джек заметил, что женщина несколько натянуто улыбнулась. Он понял почему. Голос карлика до

мельчайших нюансов совпадал с голосом ее дочери, даже тембр и высота были те же. Если бы Джек стоял к ним спиной, он бы ничуть не сомневался, что это говорит маленькая девочка. Забавно, но немного жутковато.

— Как хорошо у вас получается, — заметила мамаша.

— У меня не просто хорошо получается, — произнес карлик ее голосом. — У меня получается лучше всех. А голос у вас такой же красивый, как вы сама.

— Ой, что вы, — вспыхнула от удовольствия мамаша.

Повернувшись к Джеку, лилипут обратился к нему все тем же женским голосом:

— А вы, сэр Молчун, хотите что-нибудь сказать?

— Ты, грязная крыса! — рявкнул Джек голосом плохого комика, подражающего Джеймсу Кегни. — Это ты убил моего брата!

Женщина рассмеялась. Наверное, это показалось ей нелепым. Впрочем, так оно и было.

— А, так вы его поклонник! — воскликнул карлик, заговорщицки подмигнув Джеку. — У меня есть старая пластинка с его выступлением. Хотите послушать?

Не дожидаясь ответа, сэр Эхо начал говорить. У Джека мороз пробежал по коже, когда он понял, что лилипут воспроизводит не только голос, но и все звуковые дефекты старой поцарапанной пластинки.

— Блестяще, старина! — похвалил его Джек тем же голосом Кегни. — Просто потрясающе.

Он пошел дальше, размышляя, почему он так испугался, что лилипут услышит его настоящий голос. Страх был каким-то подсознательным, как у дикаря, который шарахается от фотокамеры, опасаясь, что она похитит его душу.

Проходя мимо будки с зеленым парнем, над которым красовалась табличка «Марсианин», Джек

поднял глаза и остолбенел. Прямо перед ним над проходом было натянуто полотнище с выцветшей надписью «Человек-акула». Но вздрогнуть его заставил рисунок.

Будь он проклят, если это не ракшаса¹.

После всего того, что он здесь увидел, вряд ли его это удивит.

Но ракшасы Кусума не имели шансов выжить. Все они погибли прошлым летом у острова Говернор. Уж он об этом позаботился. Сжег их всех в трюме корабля, который их привез. Один попытался выбраться на берег, тот самый, которого он окрестил Меченым из-за шрама на губе, но попал в горящую воду и утонул.

Все ракшасы погибли. Все до единого. Этот вид прекратил свое существование.

Возможно, здешний экспонат только похож на ракшасу. Но слава богу, что он не взял с собой Вики. Кусум Бахти, тот сумасшедший, что держал эту нечисть, поклялся уничтожить весь род Вестфаленов. Вики, как его последняя представительница, была его главной целью, и ракшасы неустанно разыскивали ее.

Миновав будку, где сидела женщина с тремя глазами, которая, как утверждала табличка, «видела ВСЕ», Джек вышел к старой цирковой клетке с железными прутьями на передней стенке. Такие обычно используют для перевозки и показа львов, тигров и прочих хищников. Над ней красовалась вывеска: «Удивительный человек-акула!» У веревочного ограждения толпились посетители. Заглянув в клетку, они отходили, недоуменно пожимая плечами.

Стоило посмотреть, что там внутри.

Протолкавшись вперед, Джек попытался разглядеть обитателя клетки. В левом дальнем углу непо-

¹ Р а к ш а с ы — демоны в индуистской мифологии.

дножно сидело какое-то существо, опустив голову на грудь. Очень крупное, ростом никак не меньше семи футов. Темная кожа и вроде бы человеческая внешность, но было в нем что-то сверхъестественное. Джек почувствовал, как по спине пробежал холодок. Знакомый облик. Но только и всего. Это лишь оболочка. И потом, он не двигается. Возможно, просто кукла или обряженный в костюм человек. Правда, костюм этот уж очень хорошо сделан.

Но он никак не может быть настоящим. Не может...

Нырнув под веревку, Джек осторожно подошел к клетке, втягивая ноздрами воздух. Он помнил, что все ракшасы издавали ужасающее зловоние, напоминающее запах гниющего мяса. Здесь он тоже почувствовал противный запах, но так могли пахнуть обычные отбросы. Ничего напоминающего ту ужасную вонь, от которой спирало дыхание.

Джек подошел вплотную к клетке. Скорее всего, мастерски сделанная кукла. Не видно, чтобы оно дышало.

Джек свистнул и окликнул существо:

— Эй, ты, там!

Никакой реакции. Джек постучал по прутьям:

— Эй!

И вдруг существо зашевелилось, подняло голову и открыло глаза. Они загорелись в темноте, как два желтых огонька.

Так, вероятно, выглядело бы потомство от брака безволосой гориллы с голубой акулой. Темно-синяя кожа, мускулистое тело, полное отсутствие шеи и ушей, узкие прорезы вместо носа и трехпалые руки с острыми загнутыми когтями. Желтые глаза уставились на Джека. Нижняя часть огромной рыбьей головы вдруг разверзлась, и в пасти сверкнули острые как бритва зубы, растущие в несколько рядов. Существо поднялось на ноги и скользнуло к решетке.

В памяти всплыли страшные картины: трюм, набитый отвратительными существами с горящими глазами, нечеловеческие звуки, исчезновение и смерть людей...

Джек отступил на шаг. Потом на два. Позади он слышал испуганные возгласы — существо прижалось к решетке, вглядываясь в толпу. Джек попятился еще немного, пока не почувствовал, как люди возбужденно дышат ему в шею. Они не представляли, на что способны эти существа, не подзревали об их чудовишной силе и неуязвимости. Иначе давно бы в панике разбежались.

У Джека бешено забилося сердце — он заметил широкий шрам на нижней губе чудовища. Сейчас он узнал ракшасу. Это был Меченый. Тот самый, что похитил Вики, тот, что сбежал с корабля и почти догнал ее на берегу. Тот, что чуть не убил самого Джека.

Он провел рукой по груди. Даже через ткань рубашки пальцы ощущали три длинных борозды, тянувшиеся через всю грудь. Память о когтях чудовища.

Во рту у него пересохло. Так, значит, Меченый жив...

Но *каким образом* ему удалось спастись? Как он сумел прорваться сквозь пламя, бушевавшее на воде? И как очутился в бродячем балагане?

— Ой, ты только посмотри на него, Фрэд! — воскликнула женщина, стоявшая позади Джека.

— Да это просто парень в резиновом гидрокостюме, — с уверенностью пробасил мужской голос.

— Но погляди, как он выпускает когти.

— Обычная гидравлика, вот и все.

Оставайся при своем мнении, Фрэд, подумал Джек, не отрывая глаз от существа, которое опустилось на колени, вцепившись в железные прутья клетки. Его желтые глаза неотрывно следили за Джеком.

Ты ведь тоже меня узнал, Меченый.

Ракшаса попытался подняться, но ноги его явно не держали. Может быть, его заковали или изуверчили?

Тут появился билетер. На его бритой голове уже не было шляпы. В руке он держал железный багор.

— Ну что, вскочил, наконец? — спросил он ракшасу хриплым голосом. — Видать, урок тебе пошел на пользу.

Оторвав взгляд от Джека, ракшаса перевел его на пришедшего.

— Посмотрите на него, леди и джентльмены! — кричал билетер, обращаясь к толпе. — Это единственный в мире человек-акула! Таких больше нет нигде! Вы можете увидеть его только здесь, у господина Озимандиаса. Расскажите о нем своим друзьям и недругам. Ничего подобного вы в жизни не видели и никогда не увидите. Гарантирую вам.

Вот в этом ты прав, подумал Джек.

Тут билетер заметил Джека, зашедшего за веревочное ограждение.

— Эй, вы! Выйдите оттуда. Этот зверь очень опасен. Видите, какие когти? Махнет своей клешней и раскроит вам череп. Мы не хотим, чтобы наших посетителей кромсали, как помидоры, — прохрипел он, бесцеремонно подталкивая Джека багром. — Отойдите назад.

Не спуская глаз с Меченого, Джек отступил за веревку. Сейчас, когда тот стоял на свету, было видно, как он изможден. Его кожа потускнела и поблекла. От блестящей тугой синевы, которую помнил Джек, не осталось и следа.

Ракшаса снова посмотрел на Джека и опустил глаза. Он втянул когти, сгорбился и, отвернувшись, снова забился в дальний угол клетки.

Его явно чем-то накачали. Вот почему он такой вялый. Видимо, ему дают транквилизаторы, чтобы держать в узде. Но и со здоровьем у него пробле-

мы. Возможно, из-за железных прутьев. Огонь и железо — единственное, чего боятся ракшасы.

Но в любом случае Меченый узнал Джека. вспомнил его. Значит, может вспомнить и Вики. И если ему удастся вырваться на свободу, может снова прийти за ней, чтобы завершить ту миссию, что возложил на него умерший хозяин.

Билетер принялся колотить багром по решетке и кричать, пытаясь расшевелить ракшасу. Но тот не обращал на него внимания, и толпа стала расходиться в поисках более интересного зрелища.

Джек повернулся и пошел к выходу. Он приехал сюда, чтобы узнать, что привлекло Монне в старом балагане, но сейчас это уже не имело значения. Первоначальный шок сменился холодной решимостью. Он знал, что нужно делать.

4

Люк дал себе слово не контролировать Надю, пока она работает, чтобы не сковывать ее инициативу. Если все время заглядывать ей через плечо, она не сможет в полной мере реализовать свой творческий потенциал и изобретательность. Но любопытство и желание знать, как подвигается дело, пересилили доводы разума.

Увидев ее подпись в книге регистрации уходов, он огорчился, но решил все же пойти и посмотреть, что там у нее в компьютере. Первым делом он вызвал из памяти последнюю молекулярную модель, с которой она работала.

Увы, в воздухе возникла до боли знакомая молекула инертного «локи». *Таких* он уже перевидал немало. Люк уже хотел было нажать клавишу «выход», но, взглянув на монитор, застыл от неожиданности. Там он увидел цифры, свидетельствующие, что данное изображение было получено сего-

ния в 9.20 утра. Не извлечено из памяти, а *создано* заново.

Но это невозможно. Надя не могла формировать изображения без образцов, а Люк не давал ей инертного «локи». Здесь какая-то ошибка.

Проверив отделение, куда помещались пробы, Люк обнаружил там остаток желтого порошка. Сердце у него упало. Как такое может быть? Единственным объяснением могло быть то, что Надя использовала инертный «локи», который он сам здесь оставил. Но он не помнил за собой ничего подобного.

Должно быть, стресс сыграл с ним злую шутку. Он притупляет память и способность сосредоточиться. А у него за последнее время было более чем достаточно стрессовых ситуаций.

Но все же окончательной уверенности у Люка не было. Возможно, она услышала о наркотике, который каждый месяц распадается, и решила купить дозу, чтобы проверить его на установке? Нет, не похоже. Надя не принимала наркотики и не интересовалась ими.

Не стоит сообщать об этом Кенту с Брэдом. Они впадут в истерику и потребуют решительных мер, опасаясь, что Надя догадается о причастности ГЭМ к «берсерку». Он уже убедился в их кровожадности.

Нет, лучше подождать. Надя слишком ценный сотрудник.

Но теперь нельзя сводить с нее глаз.

5

— Черт! — воскликнула Надя, бросая трубку.

— Что-то случилось? — донесся с кухни мамин голос.

Надя стояла в гостиной. Маленькая квартирка пропахла голубцами, которые тушились на плите в

большой кастрюле. Зная особую любовь Дага к этому блюду, мама предложила пригласить его на ужин.

Но как это сделать, если его телефон постоянно занят?

— Не могу дозвониться. Даг все время сидит в сети.

Надя довольно рано ушла с работы и весь остаток дня пыталась связаться с Дагом — и не только для того, чтобы пригласить его на ужин. Но к нему было невозможно пробиться. Его сотовый тоже не отвечал. Вероятно, он его отключил, как часто делал в выходные.

Возможно, Даг ушел в очередной компьютерный запой. Надя уже знала, как это происходит. Даг снимал трубку с телефона, прятал ее под подушку и начинал стучать по клавиатуре. Постепенно он сливался с компьютером в одно целое и выпадал из жизни. В этом было что-то пугающее.

Но почему именно сегодня надо было уходить в подполье? С самого утра, когда она увидела молекулу «берсерка», Надя пребывала в подавленном состоянии. У нее пропало всякое желание ее стабилизировать.

О господи, я оставила образец в установке, вдруг вспомнила она, холодея.

Надя так расстроилась, увидев молекулу, что забыла об осторожности.

Она постаралась себя успокоить. До вторника никто в лаборатории не появится. Завтра утром она пойдет туда и все уберет.

А сейчас ей так надо с кем-нибудь поделиться. С мамой об этом не поговоришь. Здесь требовался Даг.

— Иди поешь, — позвала ее мать. — Тебе и полегчает.

Почему бы и нет? Все равно больше нечем заняться.

Но, сев за стол, Надя поняла, что есть не сможет. Ковыряя вилкой голубцы, она посмотрела на

пиво и водку «Фляйшман», стоящие рядом с маминной тарелкой.

— Мам, а ты мне не нальешь немножко? — спросила она тихо.

6

Бросив взгляд на свои владения, Милош Драгонич остался доволен. Меньше чем за двое суток армия уборщиков и рабочих сотворила чудо. Они еле уложились в срок. Последние штрихи наносились прямо перед приходом первых гостей.

Милош смотрел, как они кружат вокруг бассейна и собираются в стайки на газоне. Большинство женщин были в черном, мужчины же шеголяли разноцветными пиджаками. Совсем другая публика. Среди светских персонажей, приехавших из города, мелькали и представители хемптонской элиты. Не все сливки общества приняли его приглашение, но те, что пришли, давали все основания считать прием удавшимся.

Милош улыбнулся. Для непосвященных могло показаться странным, что на вечеринку, устроенную гангстером, пришло столько светской публики. Но надо было знать стратегию Милоша. Изучив хемптонское общество, он разделил его верхний эшелон на три потока. Потом разослал приглашения, но не сразу всем, а в три захода, причем с двухдневными перерывами. Он знал, что, когда будет получена первая порция приглашений, о них пойдут разговоры в местных светских кругах. Он так и слышал, как они говорят друг другу: «Знаете, этот неотесанный Драгович пригласил *меня* на свою вечеринку. Вы *представляете?*»

Конечно, те, кто еще не получил приглашения, будут думать: «А почему *меня* не пригласили? Разумеется, и речи нет, чтобы туда идти, но почему именно я оказался в стороне?»

Когда будет разослана следующая порция приглашений, обойденные вздохнут с облегчением. О них тоже не забыли. Просто почта не доставила приглашения вовремя. И то же самое произойдет при третьей рассылке.

Таким образом, приглашения не будут отвергнуты сразу. Их станут обсуждать. «Интересно было бы сходить, своего рода приключение, вроде посещения дикарей. Будет над чем посмеяться потом... Отчего бы не позабавиться?»

Но, увидев, как безупречно и с каким вкусом организован прием (об этом позаботится Ким), и обнаружив там самое первоклассное угощение, они вряд ли найдут повод для насмешек. И все последующие разговоры сведутся лишь к обсуждению того факта, что вечер превзошел все ожидания.

И в следующем году уже никто не откажется от приглашения.

Со временем Милош почистит список гостей, вычеркнув из него всех, кто недостаточно респектабелен. Приглашение на ежегодную ассамблею Милоша Драговича станет предметом зависти, его станут жаждать и домогаться, как членства в клубе «Мейдстоун».

Интересно, думал Драгович, пришел ли кто-нибудь из членов Комитета по охране окружающей среды? Вряд ли. Те, кто так его ненавидят, что готовы сбрасывать ему на голову всякую дрянь, не рискнут к нему прийти.

С другой стороны, есть старая поговорка: ночью все кошки серы. Враги Милоша могут решить, что если они здесь отметятся, то будут вне подозрений. Но вот тут они ошибаются.

Никто не может быть вне подозрений. Ни одна живая душа.

— Извините, мистер Драгович, — послышался голос у него за спиной.

Обернувшись, Милош увидел высокого светлоглазого человека. В левой руке он держал бокал с красным вином, а правую протягивал Драговичу. Лицо его показалось Милошу знакомым, но имя он никак не мог вспомнить.

— Джас Слобжан, — представился мужчина, пожимая Драговичу руку.

Ну конечно. Джастин Карл Слобжан. Знаменитый кинорежиссер, снимающий триллеры и боевики. Нью-йоркский миллионер, живущий в Латинской Америке, но проводящий каждое лето в Амагансете.

— Мистер Слобжан, я всегда восхищался вашими фильмами, — поспешил сообщить Милош. Это была правда. Хотя героями этих фильмов часто были наркобароны и мафиози, которых всегда ждал кровавый конец, Милош не пропускал ни одной слобжановской картины. — Очень рад с вами познакомиться.

Драгович был действительно рад его видеть, особенно после того, как Майк Николс и Диана Соьер проигнорировали его приглашения.

— И я рад, что пришел. Чудесный вечер. — Слобжан наклонился к Милошу: — Я слышал, что у нас позавчера были неприятности.

Милош пристально посмотрел на режиссера. Уж не связан ли он с этим пресловутым комитетом? Маловероятно. Он проводит здесь слишком мало времени, чтобы переживать из-за нежелательных соседей. Слобжан и сам был здесь чужаком. Он ведь, кажется, родился на Украине. Так что происхождение у них схожее.

— Да так, небольшой вандализм со стороны местных жителей, — небрежно обронил Милош. — Ничего страшного.

— Это хорошо, — обрадовался Слобжан. — По слухам, у вас были большие разрушения, но теперь я вижу, что они сильно преувеличены. У вас

прекрасный дом. Стол просто великолепный, а это вино... — Он поднял бокал. — Если вы пьете такое красное каждый день, то что тогда у вас в погребах?

— Вы разбираетесь в винах?

Слобжан пожал плечами:

— Немного. Как любитель.

По опыту Милош знал, что истинные знатоки обычно не кичатся своими познаниями.

— Ну, тогда у меня кое-что для вас есть. Пойдемте.

Проходя через гостиную, Драгович услышал какой-то звук, раздававшийся снаружи.

— Что это?

— Это вы о чем? — спросил Слобжан.

Звук все усиливался, и Драгович поспешил к двери. Вертолет! Так он и знал! Внутри у него все оборвалось. Выскочив наружу, он стал вглядываться в ночное небо.

— Что-нибудь случилось? — осведомился Слобжан, выходя вслед за Милошем.

— Вертолет! Я слышу вертолет!

Слобжан рассмеялся:

— Естественно, старина. Береговая охрана постоянно контролирует побережье.

Звук стал удаляться и затих. Милош вымученно улыбнулся:

— Береговая охрана. Да, конечно.

Где же, черт возьми, была эта береговая охрана в пятницу вечером, когда его бомбили?

Милош немного успокоился. Он думал об этом весь день и пришел к выводу, что сегодня вечером ему не стоит опасаться этого чертова комитета. Здесь собрались люди их круга. Как бы ни раздражал их сам Милош и его присутствие на их заповедной территории, они не рискнут нападать на драгоценных представителей своего класса. Они отлично понима-

ют, что если — или, скорее, *когда* — их инкогнито будет раскрыто, они моментально станут изгоями в своем собственном кругу.

Во всяком случае, сегодня его дом в безопасности. Но что будет дальше?

Поэтому так важно найти этих ублюдков, и в первую очередь того, кто звонил в пятницу вечером. Милош займется им персонально.

Он провел Слобожана в комнату, где в хрустальном графине «дышал» «Петрю» 1947 года. Рядом стояла пустая бутылка. Когда Слобожан нагнулся, чтобы прочитать название на этикетке, Милош повернул бутылку обратной стороной.

— Сначала попробуйте. А когда вы мне скажете свое мнение, я покажу вам этикетку.

— Дегустация вслепую? — спросил Слобожан с неуверенной улыбкой. — Хорошо, я готов.

Милош налил вино в один из хрустальных бокалов, стоявших рядом с графином, и подал его режиссеру. Он внимательно наблюдал, как тот проделывает обязательный ритуал помешивания и вдыхания аромата. Интересно, что он скажет, когда, наконец, попробует вино. Этот человек, судя по всему, разбирается в вине, но не знает, откуда оно — из Франции, Калифорнии или с одного из винных заводов Лонг-Айленда.

Наконец Слобожан отпил из бокала и со странным звуком проглотил вино. После чего Джастин Карл закрыл глаза, и на лице его появилось выражение иступленного восторга.

— О боже мой, — пробормотал он. Открыв глаза, Слобожан с благодарностью посмотрел на Милоша. — Сначала я подумал, что вы купили здесь виноградник и это ваша первая проба сил. — Он поднял бокал и посмотрел на рубиновую жидкость. — Но это определенно французское вино. Изумительное бордо. Не могу сказать, откуда

именно, но это лучшее вино, какое мне доводилось пить.

Милош был в восторге. Он до сих пор не понимал, как люди могут пить такой уксус и еще получать от этого удовольствие, но, по крайней мере, теперь он знал, что не зря потратил деньги. Повернув бутылку, Драгович показал Слобожану этикетку.

В глазах у режиссера зажегся огонек.

— «Петрю»! Я так и знал. — Тут он увидел год изготовления и вытарашил глаза. — Тысяча девятьсот сорок седьмой! Мне едва исполнилось два года, когда этот виноградный сок стал превращаться в вино!

Милош протянул графин Слобожану:

— Возьмите. Я дарю его вам.

— О нет. Я не могу его принять. Оно стоит не одну тысячу.

Милош пожал плечами.

— Тот, кто хочет иметь самое лучшее, не думает о цене, — сказал он, вручая графин Слобожану. — Берите. Прошу вас.

— Но тогда мы должны выпить его вместе.

Милош поморщился. При одной мысли об этом у него сводило скулы.

— У меня есть еще несколько бутылок. Это лично для вас. Выпейте это вино с теми, кто сможет его оценить.

И потом расскажет об этом другим, мысленно добавил он.

— Спасибо, — поблагодарил Слобожан. — Такой щедрый подарок.

— Какие пустяки, — небрежно произнес Милош, глядя, как режиссер уносит свое сокровище.

Кажется, прием удался, думал Милош, выходя из комнаты. Он даже почувствовал легкое головокружение от успехов. Его гости надолго запомнят этот вечер.

Наблюдая за гостями с центральной террасы, Драгович заметил молоденькую блондинку. Это была Кирин Адамс, актриса, которая только что снялась с Брэдом Питтом в его последней картине. Стоя в одиночестве на дальнем балконе, она задумчиво смотрела на океан. Пользуясь тем, что Чино куда-то отошла, Милош устремился к киноленте. Он был уже почти рядом, как вдруг опять раздалось стрекотание вертолета.

Драгович остановился. Опять береговая охрана или...

Он посмотрел на море, но ничего не увидел. Звук шел откуда-то сзади. Обернувшись, он увидел вертолет, вынырнувший из темноты в дальнем конце его владений. Застыв, Милош смотрел, как он парит над крышей, словно огромная черная стрекоза.

О нет! Они не посмеют!

Гости, забывшие об угощении, молча смотрели на приближающийся вертолет, показывая на странную гондолу, свисавшую из-под шасси.

— Нет! — завопил Драгович, когда вертолет завис в сотне футов над его головой. В передней части гондолы открылась дверца и оттуда хлынула черная жидкость.

Нееееееееет!

Гости, как зачарованные, смотрели, как огромные капли медленно летят вниз, растягиваясь в воздухе длинными лентами. Когда они достигли земли, действие начало разворачиваться, как при ускоренной съемке.

На гостей обрушился черный маслянистый ливень. Отовсюду послышались крики — испуганные женские и разъяренные мужские. Милошу облило все лицо. Задыхаясь и отплевываясь, он стал протирать глаза.

Судя по запаху, это было моторное масло, но не свежее, а отработанное — густое, черное и мерзкое.

И оно было везде. Весь газон был покрыт этой гадостью, а вода в бассейне потемнела от грязных разводов.

Снова слышался шум вертолета. Взглянув наверх, Милош увидел, что он, сделав круг, возвращается снова. Он заметил, что его люди достают оружие.

— Сбейте его! — заорал Драгович. — Сбейте немедленно!

И тут началось столпотворение. Вид оружия и страх перед новыми потоками грязи повергли гостей в панику, и они бросились врассыпную. Но от масла деревянное покрытие стало скользким, и люди падали, сбивая друг друга с ног. Даже его молодцы не могли устоять на ногах.

Все повторилось — перевернутые столы, разбросанная посуда и угощение, барахтающиеся в бассейне люди. Но на этот раз Милош оказался в самом эпицентре хаоса — среди масла, растоптанной еды, битого стекла и разбегающейся светской публики. И что хуже всего, он был бессилен остановить этот погром.

Когда над ним открылась задняя дверца гондолы, Милош завертелся в поисках убежища. Он заметил, что белокурая актриса заползла под стол. Неплохая идея. Нагнувшись, он примостился рядом с ней.

— Убирайтесь отсюда! — закричала девушка, пытаясь вытолкнуть Драговича из-под стола. — Найдите себе другой стол!

— Это *мой* стол! — прорычал Милош. — Здесь все столы *мои*!

Дав волю душившему его гневу, он схватил ее за плечи и вышвырнул из-под стола. Покатившись по траве, она упала ничком на деревянную дорожку у бассейна.

— Ах ты, ублюдок! — закричала актриса, но вдруг осеклась, широко раскрыв глаза.

Милош повернул голову, пытаясь понять, что ее так напугало, и в этот момент крышка стола рухнула вниз, придавив его к земле.

Преодолевая боль, он открыл глаза и увидел, как громадный мужчина в промасленном пиджаке со стоном скатывается со стола на скользкую дорожку. Сквозь гул в ушах до него донесся презрительный смех актрисы.

Драгович лежал ничком, не в силах двинуться с места, но к земле его пригвоздил не стол. Унижение и чувство бессилия не давали ему подняться. И вместо разъяренного крика, столь естественного в такой ситуации, из горла его вырвался звук, похожий на рыдание.

7

Сол ковылял по берегу с блаженной ухмылкой на лице. Трудно поверить, но сегодняшний вечер превзошел пятницу по всем статьям. Зрелище Драговича, забившегося под стол, как перепуганная дамочка, да вдобавок расплющенного упавшей крышкой — *Матерь Божья!* За одно это стоило заплатить деньги. Этот ходячий кусок дерьма готов был провалиться сквозь землю.

Но это еще цветочки по сравнению с тем, каково ему придется, когда все местные станции получат эту видеозапись. Убойные хиты Драговича!

Надо отдать должное Джеку. Как только он увидел бочонки с отработанным моторным маслом, у него сразу возникла идея, тем более что у Сола этого добра было навалом. Ему приходилось сливать масло из каждой машины, привезенной на свалку, и платить за его вывоз. А Джек нашел ему *гораздо лучшее* применение.

Эти кексы, что притащились к Драговичу на вечеринку, получили по полной программе. Так им

и надо. Еще дешево отделались. Вместо переломанных костей и разбитых голов всего-то несколько синяков и царапин да попорченная одежда.

Сол оглянулся на сверкающий огнями дом.

Эй, вы, задницы, будете теперь знать, как якшаться с убийцей.

А этот сукин сын вот у меня где, думал Сол, поглаживая видеокамеру. Скоро все будут знать, какой он слизняк. Пожалее, что на свет родился.

И все же радость его была неполной... Чего-то по-прежнему не хватало.

8

Звонок раздался через час. Милош уже успел отмыться и теперь сидел в комнате охраны на первом этаже. Он ждал этого звонка, так же как и Михайло, застывший у компьютера.

— Мистер Драгович? — вежливо осведомился интеллигентный голос. — Это представитель Ист-Хемптонского комитета по охране окружающей среды. Должен признать, вы умеете развлекать гостей.

Милош ожидал насмешек и был к ним готов. Он заранее обдумал, как будет говорить с этими людьми.

— Вы меня удивляете, — невозмутимо начал он. — Я никак не ожидал, что вы нападете на людей своего круга.

— *Моего* круга? Ха! Вы меня оскорбляете, мистер Драгович. Эти парвеню скорее принадлежат к *вашему* кругу.

А что такое парвеню? — озадаченно подумал Драгович.

— Кстати, парвеню — это такой выскочка с кучей денег, сомнительным социальным статусом и дурными манерами, — пояснил голос. — Но вам и

но них далеко, мистер Драгович. Сегодня вечером они получили наглядный урок: если околачиваться у выгребной ямы, рано или поздно тебя окатит нечистотами.

С трудом сдерживаясь, чтобы не разразиться рушью, Милош стал произносить заранее подготовленные фразы:

— Вам не удастся меня выжить отсюда. Вас уже ищут. Я лично переверну каждый камень на Лонг-Айленде, чтобы вас найти. А когда вы попадетесь, не надейтесь, что вас сдадут в полицию. Нет, вас приведут ко мне, и вот тогда посмотрим, кто здесь парвеню. А пока я буду устраивать вечеринки, когда захочу и с кем захочу.

Звонивший рассмеялся:

— Отлично! Я так рад это слышать. Было бы жаль ограничиться всего лишь двумя представлениями. Ведь это так забавно. Когда у нас следующее барбекю для парвеню?

— Завтра вечером, — процедил Милош сквозь зубы.

— Прекрасно! — Последовала пауза. — Вы ведь не будете обращаться к властям, мистер Драгович?

— Нет. Я сам себе власть.

— Замечательно. Мы сами разберемся, как это принято у настоящих мужчин, не так ли?

Что за чушь несет этот дурень?

— Насчет вас не уверен, но я себя таковым считаю и буду собирать гостей, когда мне заблагорассудится. Завтра вечером, послезавтра вечером и вообще каждый день до самого сентября. И катитесь вы все к черту!

Милош бросил трубку и посмотрел на Михайло, сидевшего в дальнем углу комнаты.

— Он звонит с другого автомата, — сообщил тот, пожав плечами. — Откуда-то с Рослин-Хайтс.

— А где это?

— В Куинсе. Похоже, он звонил с автозаправки.

Конечно, Милош и не мечтал поймать этого под-
леца так быстро, но все же он был разочарован.

— Ну что ж, надеюсь, вы поняли, чем вам пред-
стоит заниматься следующие двадцать четыре ча-
са, — обратился Милош к охранникам.

— А что нам делать, мистер Драгович? — послы-
шался голос за его спиной.

Обернувшись, Милош увидел Иво и Вука, нерешительно топтавшихся у стены. Он был недоволен этой парочкой. До недавнего времени на них все-
гда можно было положиться. Но за два прошедших
дня у них уже дважды ломалась машина. Послед-
ний случай они попытались скрыть, но он все равно об этом узнал.

Два столкновения за два дня. Вряд ли это совпа-
дение. И главное, дом на Саттон-сквер оказался
пуст.

— Вы двое останетесь здесь. Нечего попусту тра-
тить время и разбивать мои машины.

Все в комнате засмеялись. Иво с Вуком, жалко
улыбаясь, закивали.

— У нас и здесь дел хватит. Те, кто нам нужен,
явятся сюда завтра вечером. Мы должны быть к
этому готовы.

Милош потерял руки. Членам Ист-Хемптонского
комитета по охране окружающей среды окажут са-
мый горячий прием.

9

Закончив диалог с Драговичем, — как он и ожи-
дал, разговор пошел в нужном направлении, — Джек
выехал с автозаправки и покатил в Монро.

Парвеню... Эйб подкинул ему это словечко. Кра-
сивое, ничего не скажешь.

Приехав в Монро, Джек остановился на краю
болота у изрытой колеями дороги, которая вела к

крюночной лачуге на берегу пролива. Интересно, кто может жить в таком месте?

Все вокруг было окутано туманом. Единственное окошко лачуги тускло светилось за белой пеленой. В ее заброшенности было что-то зловещее. Похоже на обложку книги о тайнах Средневековья.

Джек высунулся в окно машины. На небе, усеянном звездами, горел узкий серпик месяца. Достаточно светло, чтобы обойтись без фонарика. Ему предстояло пересечь лужайку, где парковались посетители «Дома чудес». Там стояла всего пара машин. Буквально через минуту, помигав фарами, уехали и они.

Похоже, дела здесь идут неважно. Прекрасно. Значит, балаган закроется пораньше.

Подождав еще немного, Джек выскользнул из машины и, вытащив из багажника канистру с бензином, направился к главному шатру, темневшему вдали. Обитатели балагана и рабочие жили в фургонах, стоявших поодаль.

Охраны не было видно. Джек нырнул под брезент и прислушался. Тихо. В шатре горела лишь пара тусклых лампочек под потолком. Прячась в тени, Джек пробрался между будками к клетке Меченого.

План его был прост: разлить бензин по полу и чиркнуть спичкой. Конечно, он никогда бы не решился сжечь живое существо, но это был ракшаса. Если бы проблему можно было решить выстрелом в голову, он пришел бы сюда с пистолетом. Но ракшасу можно уничтожить только огнем... очистительным пламенем.

Джек уже знал по опыту, что ракшасы сгорают очень быстро. Как только пламя охватит чудовище, он побежит к фургонам с криком «пожар!», а затем скроется на машине.

Оставалось надеяться, что люди Пратера успеют затушить пожар прежде, чем загорится шатер.

План этот был не слишком хорош, но выхода у него не было. Он должен защитить Вики, чего бы

это ни стоило, а другого надежного способа он не знал.

Подойдя к клетке с задней стороны, Джек осторожно обошел ее вокруг. Меченый спал, растянувшись на полу, его правая рука бессильно свисала между прутьев. Услышав шаги, он открыл потускневшие глаза и нехотя махнул рукой в сторону Джека, лишь наполовину выпустив когти. Потом закрыл глаза и уронил руку. На большее сил у него не хватило.

Джек остановился и внимательно посмотрел на существо. Он все понял.

Оно умирает.

Джек все стоял и смотрел на Меченого, дремлющего в своей клетке. Что же его сгубило? Болезнь или какая-то другая причина? Некоторые животные не могут жить вне стаи. Джек разорил его логово и уничтожил всех его братьев и сестер. Возможно, этот последний ракшаса умирает от одиночества или просто настал его срок. Сколько вообще живут ракшасы?

Джек перехватил канистру. Нужна ли она здесь вообще? Здорового агрессивного ракшасу он сжег бы без всяких колебаний, ведь, окажись Джек на его месте, тот мгновенно свернул бы ему шею. Но, судя по всему, Меченому и так осталось жить недолго. Тогда зачем устраивать пожар и подвергать опасности других обитателей балагана?

С другой стороны... а что, если Меченый поправится и сумеет освободиться? Такую вероятность исключать нельзя. Он никогда не простит себе, если ракшаса погубит Вики. Прошлый раз, спасая девочку, он чуть не погиб сам. Помогло лишь чудо. Может ли он ожидать такого же везения сейчас?

Никогда не стоит надеяться на чудо.

Джек уже начал откручивать колпачок канистры, как вдруг услышал приближающиеся голоса. Он быстро нырнул в темноту.

— Послушай, Хэнк, — произнес голос, который показался Джеку знакомым. — Видел бы ты этого гада сегодня днем. Что-то его взбесило, и он вскочил на ноги. И сразу вокруг клетки собралась куча народу.

Джек узнал лысого билетера, который сегодня днем отогнал его от клетки. С ним был молодой пысокий блондин, такой же крепкий и мускулистый. В руках он держал бутылку дешевого вина. Билетер принес с собой острый железный прут, в котором было не меньше шести футов. Оба они нетвердо держались на ногах.

— Видать, вчерашний урок не пропал даром, а, как думаешь, Бонди? — проговорил тот, кого звали Хэнк.

— Это только первый урок, — отозвался Бонди. — И далеко не последний. Да, сэр, не последний.

Они остановились у клетки. Отхлебнув из горлышка, Бонди протянул бутылку Хэнку.

— Ты только глянь на него, — возмутился Бонди. — Здоровенная синяя скотина. Думает, что может сидеть здесь весь день без дела, а ночью дрыхнуть без задних ног. Не выйдет, красавчик! Ты должен отрабатывать свои харчи, подлец! — Просунув прут через решетку, он ткнул острым концом неподвижного ракшасу. — На, получи!

Прут вонзился Меченому в плечо. Он замычал, как корова, у которой болит горло, и отполз в сторону. Лысый стал тыкать его прутом, заставляя стонать все громче. Хэнк стоял рядом и скалил зубы.

Джек отвернулся и пошел прочь. Эти двое придурков, сами того не зная, нашли убийственное оружие против ракшасы — железо. Огонь и железо — для всего остального он был неуязвим. Возможно, это объясняет, почему Меченый так хиреет, — прутья клетки были железными.

Идя по проходу, Джек слышал голос Хэнка, заглушающий стоны умирающего ракшасы:

— Дай и мне поучить его, Бонди! Теперь моя очередь.

Хриплые вопли преследовали Джека до самой машины. Поставив канистру в багажник, он открыл дверь. Но вдруг остановился.

— Черт! — выругался он, ударив по крыше машины. — Черт! Черт! Черт!

Захлопнув дверь, он побежал обратно к шатру, не переставая ругаться.

На этот раз он не стал прятаться. Подойдя к шатру, поднял брезент и вошел внутрь. Железный прут был по-прежнему в руках у Бонди. Возможно, Хэнк уже получил свою порцию удовольствия. Джек оказался рядом с билетером, когда тот примерялся, как побольнее ткнуть поверженного ракшасу. Он выхватил прут из рук Бонди.

— Кончай это дело, засранец!

Бонди вытаращил глаза и наморщил лоб. С ним так давно никто не разговаривал.

— А ты кто такой?

— Не твое дело. Проваливай отсюда.

Оскалившись, Бонди бросился на Джека с кулаками. Но тот успел поднять железный прут. Угодив в него костяшками пальцев, Бонди завизжал, как свинья, и, засунув разбитую руку между ног, согнулся пополам и закружил по песку, оглашая шатер громкими стонами.

Кто-то обхватил Джека сзади, сжав как в тисках.

— Я его держу, Бонди! — закричал Хэнк у Джека над ухом. — Держу!

Бонди прервал свой танец, поднял глаза и, усмехнувшись, пошел на Джека. Но тут Джек резко дернул головой, ударив Хэнка затылком в лицо и разбив ему нос. Тиски сразу разжались. В руках у него все еще был прут, и он направил его тупой конец в сторону приближавшегося Бонди, попав точно в солнечное сплетение. Бонди поперхнулся и со стоном рухнул на колени. Он весь позеленел,

и даже его голый череп приобрел нездоровый оттенок.

Подняв глаза, Джек увидел, что Меченый подполз к краю клетки и, вцепившись в прутья, переводит взгляд с него на стонущего Бонди, как бы стараясь понять, что здесь происходит. По его телу тонкими струйками стекала темная кровь.

Повернув прут, Джек приставил острие к груди Бонди.

— А как *ты* завопишь, когда я всажу в тебя этот прут?

Позади него раздался гнусавый голос Хэнка:

— Эй, звери! Сюда! На помощь!

Прикидывая, что бы это могло значить, Джек ткнул скорчившегося Бонди острием прута — не сильно, только чтобы припугнуть. Тот упал на спину и завопил:

— Не надо! Не надо!

А Хэнк все продолжал выкрикивать «Эй, звери!». Повернувшись, чтобы заткнуть ему глотку, Джек понял, что тот имел в виду.

Шатер заполнился уродцами. Все они бежали к нему и через мгновение окружили плотным кольцом. С рабочими он еще мог бы договориться, но полуодетые экспонаты, столпившиеся в полутьме, были крайне возбуждены. Человек-змея, мальчик-аллигатор, человек-птица, зеленый марсианин и все прочие были по-прежнему в своих костюмах — во всяком случае, хотелось в это верить — и выглядели весьма недружелюбно.

Держась за кровоточащий нос, Хэнк ткнул пальцем в Джека.

— Ну, сейчас ты схлопочешь! Сейчас схлопочешь! — повторял он.

Бонди почувствовал прилив сил. Поднявшись на ноги, он устремился к Джеку с поднятыми кулаками:

— Ах ты, сукин сын...

Джек легонько ударил его прутом по голове. Бонди зашатался. Уродцы с недовольным ропотом обступили их еще тесней.

Выставив прут, Джек повернулся вокруг оси.

— Ну, кто следующий? — грозно спросил он в надежде, что это произведет впечатление.

Что делать дальше, он не знал. Джек занимался боевыми искусствами и умел обращаться с бамбуковым шестом и нунчаками. Конечно, до Брюса Ли ему было далеко, но все же прут этот мог стать грозным оружием в его руках. К сожалению, здесь было мало места для маневра: круг все сужался, затягиваясь, как петля.

Джек стал искать в нем слабое звено, где бы он мог прорваться и дать деру. В конце концов, он всегда мог прибегнуть к последнему средству — «земмерлингу» 45-го калибра, пристегнутому к ноге.

Но тут недовольный ропот собравшихся перекрыл громкий бас:

— Тихо, тихо! В чем дело? Что здесь происходит?

Экспонаты притихли, послышался шепот: «Это хозяин, Оз идет». Они расступились, чтобы пропустить высокого мужчину с темными гладкими волосами и нездоровым цветом лица. Его грушеобразное тело было закутано в просторный шелковый халат с восточным орнаментом. С грузным телом как-то не вязались тонкие костлявые руки, торчащие из рукавов.

Хозяин — по-видимому, это был сам Озимандиас Пратер — остановился внутри круга и огляделся. На лице его было какое-то сонное выражение, но глаза, блестящие, темные и холодные, смотрели живо и внимательно.

— Кто вы такой и что здесь делаете? — спросил он Джека.

— Охраняю вашу собственность, — ответил Джек, решив идти напролом.

— Неужели? — усмехнулся Пратер. — Как это мило с вашей стороны. — Вдруг лицо его потемнело. — Отвечайте на вопрос! Иначе я вызову полицию или мы сами с вами разберемся.

— Ладно, — согласился Джек, бросая прут к ногам хозяина. — Возможно, я был не прав. Может быть, вы специально платите этому лысому, чтобы он дырявил ваши экспонаты.

Застыв на мгновение, мужчина повернулся к билетеру, который потирал шишку на затылке.

— Послушайте, шеф... — начал Бонди, но Пратер остановил его взмахом руки.

Посмотрев на прут, к мокрому острию которого прилипли опилки, он перевел взгляд на скорчившегося ракшасу, покрытого кровотокающими ранами. Лицо его побагровело.

— Это вы изувечили его, мистер Бонди?

В голосе хозяина звучала откровенная угроза, и лысый вдруг задрожал.

— Мы только хотели, чтобы он вел себя поживее перед публикой.

Взглянув вокруг, Джек заметил, что Хэнк незаметно слинял. Уродцы столпились у клетки, выражая сочувствие ракшасе. Когда они вернулись, Джек был забыт. Все их негодование обратилось на Бонди.

— Ты поранил его, — сказал зеленый марсианин.

— Он ведь наш брат, — прошипел человек-змея. — А ты сделал ему больно.

Брат, удивился Джек. О чем это он говорит? И что вообще здесь происходит?

Хозяин балагана продолжал смотреть на Бонди испепеляющим взглядом.

— И вы считаете, что истязаниями добьетесь от него живости?

— Мы думали...

— Я знаю, о чем вы думали, мистер Бонди. И многие из нас прекрасно представляют, како-

во пришлось человеку-акуле. Все мы сталкивались с дурным обращением в нашей прошлой жизни, но здесь мы его не потерпим. Немедленно возвращайтесь в свой фургон и ждите меня там.

— Да пошел ты со своим балаганом! — огрызнулся Бонди. — Я вообще сваливаю отсюда. Куда захочу, туда и пойду.

Хозяин сделал знак мальчику-аллигатору и человеку-птице:

— Проводите мистера Бонди к моему фургону. Пусть подождет меня снаружи.

Бонди попытался прорваться сквозь толпу, но зеленый марсианин преградил ему путь, а его друзья схватили билетера за руки. Бонди стал вырываться, но они были сильнее.

— Ты не имеешь права, Оз! — закричал он, когда его поволокли прочь. Глаза его расширились от ужаса. — Не имеешь права держать меня здесь против воли!

Оз остался равнодушным к его воплям и переключился на Джека:

— Мы вам признательны, мистер...

— Джек.

— А ваша фамилия?

— Просто Джек.

— Пусть будет так, мистер Джек. Но что вас побудило это сделать?

— Не люблю садистов.

Это был, конечно, не ответ, но другого он не придумал. Не мог же он сказать хозяину балагана, что пришел сюда, чтобы поджарить его человека-акулу.

— Кто же их любит. Но почему вы защищали именно это существо? И что вас сюда привело?

— А где еще увидишь настоящего живого ракшасу?

Увидев, как резко повернулся хозяин к клетке, Джек вдруг почувствовал, что совершил ошибку. Насколько она была серьезной, он пока не знал.

— Что вы сказали? — переспросил Пратер, переводя взгляд на Джека. Глаза у него заблестели. — Как вы его назвали?

— Никак, — быстро ответил Джек.

— Нет, я все слышал. Вы сказали, что это ракшаса.

Оз подошел к клетке и заглянул в желтые глаза Меченого.

— Так вот ты кто, мой дорогой... Значит, ракшаса? Поразительно. — Он повернулся к своим подопечным: — Все в порядке. Можете отправляться спать. Все под контролем. Я просто хочу поговорить с этим джентльменом наедине.

— А вы разве не знали, кто это? — спросил Джек, когда все ушли.

Оз продолжал смотреть на ракшасу.

— Нет. Я думал, они существуют только в мифах.

— Как вы его нашли? — поинтересовался Джек. Ему хотелось это знать — до сегодняшнего дня он был уверен, что убил Меченого.

— В результате телефонного звонка. Прошлым летом мне позвонил незнакомец — разбудил меня среди ночи — и сказал, что у острова Говернор я могу выловить «интереснейший экспонат для своей коллекции».

Прошлым летом... Именно тогда Джек в последний раз видел ракшасу и его братьев.

— А кто вам звонил? Женщина?

— Нет. А почему вы так решили?

— Да я просто так спросил.

Кроме Джиа, Вики, Эйба и его самого о ракшасах знала только Калабати.

— Он назвался профессором Ромой. Никогда не слышал о таком ни до, ни после звонка. Я пытался его разыскать, чтобы поподробнее расспросить об этом существе, но он как в воду канул.

Джек судорожно глотнул. Рома... ну конечно.

— Голос незнакомца звучал столь убедительно, что я не задумываясь последовал его совету. Едва рассвело, я отправился со своими людьми к острову. Там мы обнаружили множество охотников за сувенирами, выуживающих остатки корабля, который взорвался и сгорел накануне. Там, среди мусора, мы и обнаружили нашего друга. Сначала мне показалось, что он мертв, но, заметив, что в нем еще теплится жизнь, мы вытащили его на берег. Он был такой страшный, что я решил посадить его в клетку, где раньше сидел тигр.

— Ваше счастье.

Хозяин улыбнулся, обнажив желтые зубы:

— Вы правы. Он чуть не разнес эту клетку. Правда, с тех пор он здорово ослабел. Чем только мы не пытались его кормить: и рыбой, и птицей, и говядиной, и кониной, даже овощами, хотя, судя по зубам, это стопроцентный хищник. Но ему становится все хуже.

Теперь Джек понял, почему Меченый умирает. Ракшасам требуется особое мясо, а он его не получал.

— Я позвал ветеринара, — продолжал Оз. — Очень опытного специалиста, судя по отзывам, но и он ничем не смог помочь. Кровь этого существа брал на анализ один ученый. Он обнаружил там очень интересные вещи, но бедняга продолжал угасать.

Джек вдруг понял, что это был Мошпе. Кто же еще. И он нашел в крови Меченого «кое-что интересное».

Неужели «берсерк» берет свое начало от Меченого?

Наркотик, усиливающий агрессивность, произведен из крови самого злобного и коварного существа на земле...

Неплохой ход.

— А вы уверены, что это ракшаса? — спросил Оз, перебивая лихорадочный поток мыслей, проносящихся в голове у Джека.

— Ну, я видел картинку в одной книге, — осторожно начал Джек. — Мне показалось, что он похож на этот рисунок. Но я не уверен. Может, я и ошибаюсь.

— Нет, вы *не ошибаетесь*, — произнес хозяин, пристально посмотрев на Джека. Опустив глаза, он уставился на его грудь, исполосованную когтями чудовища. — И мне кажется, вы знакомы с ним гораздо лучше, чем хотите показать.

Джек пожал плечами, огорченный такой пронизательностью. Он уже не в первый раз ловил на себе такие взгляды.

— Но какое это имеет значение! — засмеялся Оз, разводя руками. — Ракшаса! Вот так удача! Теперь он принадлежит мне!

Джек посмотрел на скрючившегося ракшасу. Да, но ненадолго...

Услышав звук, похожий на рычание, Джек обернулся. У входа стоял один из дюжих молодцов, которых он видел на складе у Монне. Он делал какие-то знаки хозяину. Джек быстро отвернулся, чтобы не быть узнанным.

— Извините, — бросил Оз и заторопился к выходу, путаясь в своем шелковом халате.

Повернувшись к клетке, Джек увидел, что желтые глаза Меченого неотрывно следят за ним. По-прежнему хочешь меня угробить? Что ж, я разделяю твоё чувство, дружок. Но похоже, я все-таки переживу тебя на несколько лет. Возможно, что и не на один *десяток*.

Глядя на изможденное существо, он все больше склонялся к мысли, что Меченый не жилец на этом свете. Зачем палить его огнем, если он и так скоро протянет ноги?

Краешком глаза Джек следил за Озом. Тот приглушенным голосом давал какие-то указания, а служитель лишь молча кивал. Через минуту хозяин вернулся.

— Извините. Пришлось вносить поправки в одно важное поручение. Я хотел бы вас поблагодарить. Вы несколько скрасили наше неудачное турне. — Он отвел глаза. — Обычно дела у нас идут хорошо, но в этот раз... Знаете, здесь в прошлом месяце исчез дом — просто растворился в воздухе вместе с фундаментом, ночью, среди странных вспышек света. Местные жители до сих пор напуганы.

— Сочувствую, — сказал Джек, поворачиваясь к выходу. — Мне пора идти.

— Но позвольте как-то отблагодарить вас за то, что вы спасли этого беднягу и подсказали нам, кто он такой. Может быть, вам нужны бесплатные билеты?

— Нет, спасибо, — поблагодарил Джек и направился к выходу.

— А кстати, как с вами связаться, если понадобится?

— Никак, — бросил Джек через плечо.

Меченый проводил его взглядом. Джек откинул брезент и вышел наружу.

Когда он сел в машину, его охватили противоречивые чувства. Он был рад, что Меченый скоро заглохнет, но, пока он жив, есть все основания опасаться за Вики, хотя сейчас он и не представлял для нее особой угрозы. Однако мертвый он будет еще безопасней. Джек решил не спускать глаз с ракшасы, пока тот еще жив. Он будет приезжать сюда каждый вечер, пока не убедится, что Меченый испустил дух.

Было еще одно обстоятельство, которое вызывало у него беспокойство. Внутренний голос подсказывал ему, что не стоит сюда возвращаться.

Вдали над городом бушевала гроза, и вспышки молний лишь усиливали его тревогу.

Все еще занято! Надя чуть не выбросила телефон в окно с четвертого этажа своего дома на Тридцать пятой улице. За окном вспыхивали молнии, но грома не было слышно.

Она рано пошла спать, надеясь, что сон разгонит ее тревогу и завтра она встанет совсем в другом настроении. Но сон все не шел, и она снова позвонила Дагу.

— Не может же он работать в такую поздноту, — пробормотала Надя.

Но она отлично знала, что может. Порой он просиживал у компьютера всю ночь напролет.

Вот и сейчас он либо работает, либо вырубился, забыв положить трубку.

— Надо ехать, — сказала себе Надя.

Наскоро одевшись, она вышла в прихожую.

— Ты что, уходишь? — окликнула ее мать из своей спальни, где она смотрела телевизор. — Так поздно?

— Я еду к Дагу, мама. Мне надо с ним поговорить.

— Разве нельзя подождать с этим до завтра?

Нет. Невозможно. Ей надо поговорить с Дагом прямо сейчас.

— Ну куда тебя несет? — недовольно сказала мама. — Сейчас гроза начнется.

— Ничего страшного. — Вытащив из шкафа зонтик, Надя заглянула в мамину комнату. — Я скоро вернусь.

Чмокнув ее в щеку, она поспешила вниз. На улице гремело, но дождь еще не пошел. Через дорогу был виден парк Сент-Вартан, маленький островок зелени, где она гуляла в детстве.

Надя пошла в сторону Первой авеню и вскоре поймала такси.

Так даже лучше, чем приглашать Дага на ужин, подумала она, сказав водителю адрес.

Дома, в присутствии мамы, они вряд ли смогли бы поговорить о причастности доктора Монне к «берсерку». А так они обсудят все без свидетелей.

Почувствовав, как внутри у нее разливается тепло, Надя улыбнулась. Оказавшись наедине, они смогут заняться не только разговорами...

11

— Только не это! — ахнул Даг, когда вдруг погас монитор, а вместе с ним и все электричество в доме. К счастью, он успел сохранить информацию, иначе пропали бы все новые коды, которые он записал для своей поисковой программы. И все же он лишился целой страницы. В такие моменты он жалел, что не потратился на резервную систему питания.

Он беспомощно заморгал в темноте. Вдруг комнату осветила вспышка молнии и зарокотал гром. Он так увлекся программированием — это состояние было сродни дзен-буддийской медитации, — что полностью потерял чувство времени и пространства.

— Черт, — пробормотал Даг. — Гроза начинается.

Он встал и подошел к окну. С улицы врывался холодный ветер — предвестник дождя. Опять полыхнула молния, и сразу же послышался раскат грома. Похоже, сейчас накроет. Даг заметил, что в доме напрогив горят окна. Значит, у них есть электричество. А почему у него темно? Он не помнил, чтобы во время грозы у него когда-нибудь отключали электричество.

Даг поднял трубку, чтобы позвонить Наде, но телефон молчал. Как, и телефон тоже? Невероятно. Наверное, Надя уже звонила. Но у него же есть сотовый...

Даг вздрогнул, услышав, как загремела пожарная лестница. Такой сильный ветер? Или там кто-то есть? Надо посмотреть.

Окно спальни было по-прежнему распахнуто настежь, ветер раздувал занавески. Даг высунулся в окно и посмотрел вверх. Его квартира была на последнем этаже, под самой крышей. Наверху никого, и внизу тоже. Значит, это ветер. Сильный порыв вполне мог раскачать перила. Справа от него за рекой яркой лентой протянулся Нижний Манхэттен.

Упали первые капли дождя. Даг закрыл окно и вышел из спальни.

В квартире царил темнота, лишь изредка разрываемая вспышками молний. Даг пошел на кухню за свечами. Надо зажечь свет и позвонить Наде. Он чувствовал себя виноватым.

Обшаривая ящики, Даг вдруг почувствовал какое-то движение в коридоре. Он застыл, вглядываясь в темноту. Вспыхнувшая молния осветила пустую кухню. Даг вышел в коридор и проверил входную дверь — она была заперта.

Наверное, все эти страхи — следствие грозы и погасшего света.

Даг вернулся на кухню и вскоре нашел две обгоревшие красные свечи, оставшиеся после их рождественского ужина с Надей. Теперь надо найти спички. С тех пор как он бросил курить, спичек никогда не было под рукой.

Но тут из спальни опять донесся какой-то шум... словно что-то упало...

По спине пробежал озноб. Достав из стола нож, Даг подошел к спальне.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросил он, понимая всю нелепость подобного вопроса.

Никто не ответил, да он и не ждал ответа. *Не дай бог*, чтобы там кто-то действительно оказался. Нож он взял просто для храбрости. Он даже не знал, как с ним обращаться. Даг не умел драться и вряд ли смог бы ударить кого-то даже кулаком, не говоря уже о ноже.

Он осторожно вошел в спальню.

— Эй, кто там?

В комнате было темно. Он вдруг почувствовал какой-то затхлый запах, которого здесь раньше не было. Кажется, никого...

Сверкнувшая молния осветила две массивные фигуры, прижавшиеся к стене.

Даг с криком бросился к входной двери.

— Помогите! Помогите!

Раскат грома заглушил его вопли.

Выскочив в коридор, он столкнулся еще с одним громилой и отлетел назад. Казалось, он наткнулся на бетонную стену. С трудом удержавшись на ногах, Даг повернул назад, но тут свет молнии выхватил из темноты две фигуры, выходящие из спальни.

— У меня нож! — закричал Даг, поднимая руку.

Кто-то ударил его по запястью, и нож отлетел в сторону. Даг хотел закричать, но толстые пальцы зажали ему рот. Вторая пара рук вцепилась в его лодыжки, оторвав ноги от пола. Брыкающегося Дага внесли в спальню, словно капризного непослушного ребенка.

Почему? — лихорадочно думал он, пытаясь совладать со своим мочевым пузырем. — Кто это? Откуда? Чего хотят? Я никого не трогал. Почему вдруг...

Его хакерские проделки! Неужели они из ГЭМ?

Внеся Дага в спальню, незнакомцы вдруг застыли. Опустив его на пол, они стали прислушиваться. Что там?

И вдруг Даг услышал стук, доносившийся из коридора. Кто-то стучал в дверь.

Кровь застыла у него в жилах, когда он услышал знакомый голос:

— Даг? Даг, ты дома?

Надя! О господи, это Надя. У нее же есть ключ. Если он не откроет, она им обязательно воспользуется.

Надо ее предупредить!

Чтобы отвлечь своих похитителей, Даг начал шиваться и брыкаться, пытаясь сбросить руки, жжимавшие ему рот. Он должен крикнуть ей, чтобы она скорее бежала отсюда и звонила в полицию.

Вдруг руки, державшие правую лодыжку Дага, ослабили свою хватку, и он отчаянно дрыгнул ногой, угодив в торшер. Он с грохотом свалился на пол, и нога Дага снова оказалась в тисках.

Даг с ужасом осознал, что шум заставит Надю войти скорее. Он попытался закричать, но сквозь жжимавшие его рот пальцы прорвался лишь слабый стон. Те же пальцы вдруг сдавили ему нос, лишив возможности дышать.

Пытаясь освободиться, он услышал, как Надя окликает его из-за двери:

— Даг? Это ты?

Но сознание уже покидало его, а вместе с ним исчез и Надин голос.

12

— Даг, ты здесь? С тобой все в порядке?

Надя приехала, чтобы высказать Дагу все, что она думает о его поведении, но сейчас забыла о своих обидах.

С ним что-то случилось, думала она, копаясь в сумке, чтобы найти ключ.

Наконец она его обнаружила и, поковырявшись в замке, распахнула дверь.

Но, войдя в квартиру, в нерешительности остановилась. Там было совершенно темно.

— Даг?

Нашупав выключатель, Надя попыталась зажечь свет, но из этого ничего не вышло. Оставив входную дверь открытой, чтобы с лестничной площад-

ки падал свет, Надя прошла по коридору в комнату. Там она опять попыталась включить свет. Безуспешно.

Странно. На площадке свет был. И только у Дага было темно.

Она принюхалась. Какой-то странный запах... так пахнет мокрая шерсть...

Вдруг сверкнула молния и загрохотало. Надя вздрогнула. Ей стало жутко. Выйдя на площадку, она отыскиала в сумочке маленький фонарик. Нажав на выключатель, она нахмурилась. Лампочка была еле жива, должно быть, садилась батарейка.

Вернувшись в квартиру, она в нерешительности остановилась. Что ей здесь делать? Если бы Даг был дома, он бы ответил.

А почему его *нет*? Ведь уже полночь.

Возможно, он пошел пропустить стаканчик, когда отключили электричество. Но все же надо проверить квартиру. И потом, она ведь слышала какой-то глухой звук, словно что-то упало. А вдруг он споткнулся в темноте и расшибся?

— Если с тобой все в порядке, Даг... — шептала она, двигаясь по коридору. — Если ты где-то шатаешься, пока я тут с ума схожу в этой крошечной тьме, то я тебя просто убью.

Надя обвела слабым лучом фонарика всю комнату, но не обнаружила ничего необычного. Так же как и в кабинете. Странно было видеть его компьютер погасшим. Он практически никогда не выключал его.

Когда луч фонарика выхватил из темноты телефон, Надя почувствовала прежнюю обиду. Он ведь мог хотя бы прослушать сообщения, перед тем как уйти. Задумчиво подняв трубку, Надя приложила ее к уху.

Тишина. Вот это уже действительно странно. Последнюю остановку она сделала у Дага в спальне. Постель была не убрана, но это было скорее

правилом, чем исключением. Все выглядело как обычно.

Но что тогда упало за дверью?

И почему ее терзают мрачные предчувствия? Откуда это смутное ощущение, что она здесь не одна?

Надя подошла к шкафу и уже взялась за ручку двери, как вдруг фонарик погас.

Этого только не хватало, подумала она. За окном вспыхнула молния, разбросав по углам злоеущие тени. Надю вдруг охватил панический ужас. Надо скорее бежать отсюда.

Но сначала... Выйдя на освещенную площадку, она нацарапала на листке из блокнота:

«Даг!

Я к тебе приезжала. Где ты был? Позвони мне, когда вернешься.

Люблю тебя.

Н.».

Войдя в кабинет, Надя прилепила записку к экрану монитора и выбежала в коридор. Запирая дверь, она не могла отделаться от ощущения, что от нее ускользнуло что-то очень важное.

День поминовения

1

Надя схватила трубку после первого звонка:
— Даг?

На том конце провода какое-то время молчали. Затем послышалось покашливание и раздался знакомый голос. Но это был не Даг.

— Это доктор Монне.

— А, доктор Монне... Доброе утро.

Надя откинулась на спинку старенькой маминной софы, стараясь скрыть разочарование. Она пыталась дозвониться Дагу уже несколько часов — и

дома, и в клинике, но вчерашние частые гудки сменились голосом автомата, который сообщал, что номер отключен.

— Доброе утро, — поздоровался доктор. — Надеюсь, я вам не помешал.

— Нет, что вы. Я только что вернулась из клиники.

И ждала совсем не вашего звонка.

— Какая преданность делу.

— Ну, мы же оба знаем, что для диабета не существует праздников.

— Это верно. — Доктор еще раз откашлялся. — Я просто хотел узнать, придете ли вы сегодня на работу.

— Вообще-то я не собиралась.

На самом деле она хотела прийти, но только чтобы убрать «берсерк» из голографической уставки. После этого она вообще не покажется на работе, во всяком случае, до тех пор, пока ей не объяснят, почему инертная форма наркотика полностью совпадает с молекулой, которую ей предстоит стабилизировать.

Вдруг в голове у нее мелькнула тревожная мысль.

— А вы сейчас там?

— Да, я заехал на фирму. Думал застать вас там и обсудить наши успехи.

Сердце у Нади бешено забилося. Она никак не ожидала, что доктор Монне пойдет на работу в День поминовения. Значит, ей тоже надо бежать туда? Нет, сначала она должна найти Дага и убедиться, что с ним все в порядке.

— Но... у меня другие планы.

— Я понимаю. Извините, но вы, кажется, назвали имя Дага, когда сняли трубку?

Да... Даг. Она вдруг остро почувствовала свое одиночество. *Где ты?*

После того как она в субботу ввела доктора в заблуждение относительно своих отношений с

Дагом, как объяснить, что он запросто звонит ей домой?

— Да. Он... э-э... пригласил меня на ужин вчера вечером, но так и не появился. А сейчас у него почему-то не работает телефон. Я очень беспокоюсь.

— Потому что он старый друг.

Надя не поняла, вопрос это или утверждение. Во всяком случае, в голосе Монне слышалось искреннее сочувствие.

— Да, — подтвердила она. — Я собиралась туда поехать, чтобы выяснить, что случилось.

— Вы думаете, это разумно?

Станный вопрос.

— Что вы имеете в виду?

— Я тоже туда поеду.

— Нет, что вы. В этом нет необходимости. К тому же он живет очень далеко, под мостом.

— Под мостом?

— Да. В Бруклине, под Манхэттенским мостом.

— Не важно. Дуглас Глисон очень ценный для нас работник. Я настаиваю. Дайте мне его адрес.

Надя растерялась. Она дала Монне адрес, и он сказал, что будет ждать ее там.

Такого поворота она не ожидала, но, по крайней мере, доктор Монне уедет из лаборатории. Раз он не упомянул о «берсерке» в установке, значит, он его не видел. Позже она съездит туда и все уберет.

Но сначала надо выяснить, что с Дагом... Тревога за него вытеснила все другие заботы.

2

Люк стоял у кирпичного жилого дома на Уотер-стрит, одного из многих на этой улице. Над головой виднелось голубое подбрюшье Манхэттенского моста и слышался шум проезжавших машин. Не слишком приятное место для проживания, но не

все имеют возможность выбирать. Вероятно, вид ночного города, открывающийся отсюда, как-то примиряет с неудобствами.

Люк уже наведался в квартиру Глисона. Он постучал и подергал дверь, но она была заперта. Жаль. Нельзя сказать, что он горел желанием поскорее увидеть труп Глисона, но, обнаружив его первым, он тем самым избавил бы Надю от лишних потрясений.

Люк предупредил Пратера, что с Глисоном следует разделаться по-другому. Макинтош просто исчез — купил билет в Чикаго и не вернулся. У него не было близких друзей, и, когда родные стали его разыскивать, никто не мог им ничего сказать, и менее всего его обеспокоенное и недоумевающее начальство.

Глисон же отнюдь не был угрюмым одиночкой. И если пропадет еще один сотрудник ГЭМ, у которого масса друзей и знакомых, налаженные связи с десятками врачей и медсестер, не говоря уже о давних отношениях с Надей, это вызовет слишком большой резонанс. Делом может заинтересоваться полиция, начнется расследование, а этого Люку хотелось меньше всего.

Поэтому Пратеру были даны инструкции обставить смерть Глисона как ограбление. Трагическая и непоправимая случайность. А чтобы спрятать все концы в воду, следовало устроить небольшой погром, унести ноутбук компании и разбить домашний компьютер Глисона, если таковой имелся.

Вот почему Люк так настаивал на встрече с Надей именно здесь. Он постарается смягчить удар, нанесенный ей смертью старого друга. Но так или иначе, она на несколько дней будет выбита из колеи и вряд ли сумеет работать в полную силу.

А ведь сейчас каждый день на счету!

Люк мерил шагами тротуар. Он должен был увидеться с Надей. Сегодня утром он был близок к па-

нике, когда узнал, что ее нет на работе. Что заставило ее остаться дома — праздник, усталость или что-то еще? Взглянув ей в глаза, он моментально поймет, известно ли ей о «берсерке».

К подъезду подъехало такси, из которого выпорхнула Надя. Лицо ее было бледным и каким-то опрокинутым. В глазах застыла тревога.

— Доброе утро, — поздоровался Люк.

Надя кивнула:

— Надеюсь, что доброе. Вам не стоило...

— Давайте не будем обсуждать этот вопрос, — перебил ее Люк. — Я уже здесь. На каком этаже живет Дуглас?

— На последнем, десятом.

Она подняла глаза — во взгляде ее не было ни гени страха или недоверия. Только беспокойство о пропавшем друге.

Что-то уж очень она переживает. По телу Люка поползли мурашки. Слишком много эмоций по поводу так называемого «друга семьи».

— А как мы попадем в квартиру?

— У меня есть ключ, — сказала Надя, направляясь к подъезду.

Идя за ней к лифту, Люк вдруг со всей очевидностью осознал, что их с Глисоном связывают не только дружеские отношения.

Однако он не подал виду и молча проводил ее до двери, где она стала стучать и окликать Дага. Когда она отперла замок, Люк решил взять инициативу в свои руки.

— Позвольте мне, — сказал он, берясь за ручку двери. — Так, на всякий случай.

— На какой случай? — прошептала Надя, бледнея.

— Там может быть все, что угодно.

Монне распахнул дверь и вошел первым. Надя следовала за ним по пятам. Пройдя по коридору, Люк заглянул в комнату и увидел там переверну-

тую мебель. Быстро повернувшись назад, он схватил Надю за руки, пытаясь остановить.

— Подождите. Не входите туда. Там что-то случилось.

— Что? Что вы хотите сказать?

Дико посмотрев на него расширенными глазами, Надя вырвалась и бросилась в комнату.

Последовав за ней, Люк чуть не уткнулся ей в спину, так резко остановилась она на пороге.

Посередине комнаты валялась перевернутая кушетка, кофейный столик был отброшен к стене, на полу лежал опрокинутый торшер.

— О боже мой, — запричитала Надя. — Боже мой.

Уронив сумку, она побежала дальше по коридору. Люк поспешил за ней. Ее уже не остановить. Надя повернула налево, где, судя по всему, была спальня. Люк же двинулся в противоположном направлении и обнаружил там что-то похожее на кабинет. Пока Надя хлопала дверями в соседней комнате и в коридоре, он успел заметить, что компьютер разломан на куски, а его содержимое разбросано по всей комнате. Жесткий диск, треснувший пополам, уже не подлежал восстановлению.

Повернувшись, чтобы выйти из комнаты, Люк столкнулся на пороге с Надей. Она была близка к обмороку — вероятно, нашла, наконец, своего Глисона. Люк схватил ее за руку, чтобы поддержать.

— Его здесь нет! — выпалила она, задыхаясь, словно марафонец, прошедший дистанцию. — Я везде посмотрела: и в спальне, и в кухне, и в ванной, и в кладовке. Его нигде нет!

Нет? Но он *должен* быть здесь!

— О господи! — воскликнула Надя, входя в кабинет. — Вы посмотрите, что они сделали с его компьютером! Прошлой ночью ничего этого не было! Господи Иисусе, где же он? Что здесь *произошло*?

Люк тоже хотел бы это знать. Глисон должен был умереть здесь, а не где-то еще. А может быть, — его

шнур ударило, как обухом по голове, — люди Прагера упустили его?

Люк подвел Надю к креслу и усадил.

— Похоже на ограбление и вандализм.

— Я не вижу его ноутбука, — сказала Надя, оглядев комнату. — И ковер куда-то исчез. Зачем им ковер?

Для того чтобы унести тело. Но им ведь не велено было его уносить.

— Не знаю, — ответил Люк. — Но ведь крови мы не видели?

Ему так хотелось, чтобы она сказала: «Нет, видела. Там просто лужи крови», но Надя покачала головой.

Он сжал ее плечо:

— Ну, полно вам. Он, наверное, уехал на выходные с...

— Нет, он не мог уехать! — возразила Надя. По ее щекам текли слезы. — Он бы мне сказал!

— Успокойтесь. У него ведь есть друзья. Возможно, он...

— Он мой жених, черт побери!

У Люка подогнулись колени. Теперь кресло требовалось ему.

— Жених? Но... я думал...

— Даг просил никому об этом не говорить. Он почему-то считал, что руководство компании не одобряет близких отношений между сотрудниками.

В общем-то Глисон был прав. Люк попытался найти подходящий ответ, но в мозгу у него вертелась одна-единственная фраза: «Что мы наделали! Что наделали...»

Потеряв жениха, она вряд ли сможет нормально работать — и это надолго.

Это конец, подумал он. Все. Комедия окончена.

— Я должна позвонить в полицию, — произнесла Надя.

Прежде чем Люк сумел ее остановить, она подняла трубку, но тут же бросила ее обратно.

— Совсем забыла. Он же не работает.

Отшвырнув телефон, Надя устремилась к двери. Люк хотел было ее остановить и убедить не звонить в полицию, но никак не мог найти нужных слов. Ну что он мог сказать? Ведь Глисон исчез, а в его квартире видны следы борьбы.

Надя и полиция... очень опасный альянс. Пытаясь выяснить, *кто* вломился к Дагу, она неизбежно задаст себе вопрос «зачем?»... Ее непременно заинтересует, почему один компьютер похищен, а другой разбит вдребезги. Вполне возможно, что Глисон рассказал ей о своем проникновении в компьютерную систему ГЭМ. Увидит ли она здесь взаимосвязь? Надя достаточно умна, чтобы сразу догадаться, в чем дело. И она расскажет обо всем полицейским. А если у нее возникли подозрения, что «локи» — это наркотик, она обязательно сообщит им и об этом. После чего ГЭМ окажется под пристальным наблюдением нью-йоркской полиции, Управления по борьбе с наркотиками и ФБР. Начнутся обыски, аресты и наступит конец всему.

Когда Надя вошла в комнату, выгаскивая сотовый из сумки, его первым побуждением было вырвать телефон у нее из рук — да, но что делать потом? Бороться с ней? Он представил, как его руки сдавливают ей горло, как синееет ее искаженное лицо...

Нет, он не сможет. И потом, третий пропавший сотрудник ГЭМ неизбежно вызовет расследование. После смерти Надя будет представлять для него не меньшую опасность, чем при жизни.

Внутри у него все перевернулось, когда он увидел, как она набирает 911. Ожидая ответа, Надя нервно расхаживала по комнате, потом вышла в коридор и стала что-то возбужденно говорить диспетчеру.

Это конец. Надо немедленно уезжать из страны. А как же его вино? Ему понадобится еще парадней, чтобы упаковать и отправить его за границу, — ну, может быть, день, если он будет работать и ночью...

Но какой смысл уезжать? Во Франции он может спрятаться от Драговича, но не от властей. Его найдут и вышлют в США, где сообщники Драговича вряд ли дадут ему дожить до суда.

Но ведь должен быть какой-то выход. Как же ей помешать?

Его бегущий взгляд остановился на Надиной сумке, и вдруг его осенило. Как же он раньше не додумался!

Люк схватил сумку и стал торопливо рыться в ее содержимом. Его бросило в жар от мысли, что Надя в любую минуту может вернуться и застать его за этим неблагоприятным занятием. Наконец, что-то звякнуло, и Люк вытащил ключи. Он успел сунуть их в карман буквально за секунду до ее возвращения.

— Они сейчас приедут, — сообщила Надя, входя в комнату.

Опустив телефон в сумку, она в нерешительности застыла на месте. Потом лицо ее исказилось, она закрыла его руками и разрыдалась.

— *Где он?* С ним что-то случилось. Я чувствую, что произошло что-то ужасное!

Тронутый ее горем, Люк обнял Надю за плечи. На мгновение в нем проснулась жалость. Но он тут же напомнил себе, что, если бы Глисон занимался своим делом и не совал свой нос куда не следует, Люку не пришлось бы утешать эту женщину, одновременно обдумывая, как ее погубить.

— Все будет хорошо, Надя. Как-нибудь обойдется.

Он действительно так думал. Но имел в виду только себя.

— Нет, это уже слишком! — повторял Сол. — Вот это приколы!

Джек не мог сдерживать улыбки, наблюдая на 13-дюймовом экране вчерашний разгром у Драговича. Это действительно было слишком.

На свалке у Сола было по-праздничному безлюдно. Кроме сторожевых собак, бегающих вдоль забора, кроме них двоих здесь никого не было.

— Сейчас будет самое смешное, — сказал Сол, тыча пальцем в экран. — Я уже раз сто это прокручивал.

Джек увидел, как Драгович выталкивает из-под стола хорошенькую блондинку и как стои обрывается на него под тяжестью какого-то толстяка. Он рассмеялся. Вот это действительно здорово.

Сол просто падал со стула.

— Представляешь, что будет, когда это покажут по телевизору? Теперь этот гад и носу не посмеет показать в «Бургер Кинг», не говоря уже о «Студии-54».

Джек хотел сказать, что «Студия-54» уже и так закрылась, но промолчал. Сол имел в виду полный провал Драговича в обществе, и в этом был абсолютно прав.

— Для него это хуже смерти.

Сол нажал кнопку «СТОП» и повернулся к Джеку:

— На мой взгляд, хуже смерти ничего не придумаешь. Я не хочу сказать, что все это плохо, но...

— Ага. По-твоему, этого мало.

Сол улыбнулся:

— Да. Может, я повторяюсь, как заезженная пластинка, но мне все-таки хочется чего-то большего. Ты меня понимаешь?

— Кажется, да. Но это только первый шаг. Иными словами, «разогрев». В следующий раз мы дождем его окончательно.

— А когда будет следующий раз?

— Сегодня вечером. Мы, наконец, поставим точку.

Джек был этому рад. После сегодняшнего вечера уже никто не будет топтаться у Джаи под окнами. Во всяком случае, он так надеялся.

— Сегодня вечером? Но по моим сведениям, сегодня у него не будет гостей.

— Будут. Мне сказал об этом сам Драгович. Сегодня особая встреча, и твоего друга-ресторатора на этот раз привлекать не будут.

— Так, мы уже сбрасывали на них шины и лили масло. Что теперь? — поинтересовался Сол.

— Сегодня у нас спецсредства. Ты, главное, будь там со своей камерой. Как в прошлый раз. Обещаю незабываемое зрелище.

— Да? — поднял брови Сол. — А что ты собираешься сделать?

— Телефонный звонок.

— И все? Только звонок? Кому?

Джек погрозил Солу пальцем:

— Если я тебе скажу, ты, пожалуй, сочтешь, что мне не за что платить. Главное, будь на месте вовремя. И приготовь оставшуюся часть денег. После сегодняшнего вечера ты уже не скажешь, что «этого мало».

4

— Я думаю, мы посмотрим парад, — разочарованно сказала Вики.

— Я тоже надеялся, Вискс.

Стоя на тротуаре между Джаи и Вики, Джек всматривался в оба конца Пятой авеню. Никаких признаков приближающихся колонн, только витрины магазинов — «Сакс», «Гуччи», «Бергдорф Гудман»... Безоблачное небо и теплая погода — что может быть лучше для парада? Так где же они все?

Не видно даже голубых деревянных стоек, которыми полицейские обычно перегораживают улицы, когда начинается парад.

Джек посмотрел кругом. Его интересовали не только марширующие колонны. Перед тем как поехать к Солу, он тщательно исследовал все прилегающие к дому Джиа территории, но не заметил никаких признаков слежки. То же самое он сделал и перед ее выходом из дома. Другого он и не ожидал, но все-таки следует быть настороже. Джек всегда считал, что плохих парней надо держать под постоянным присмотром. Лучше знать, где они, чем не знать о них ничего.

Опасность миновала, и Джек решил показать Вики парад, тем более что с Надей он так и не смог связаться. Но парада почему-то не было.

— Господи, как хорошо на улице, — вздохнула Джиа. — Сколько нам еще сидеть под домашним арестом?

Чтобы дом выглядел необитаемым, Джек посоветовал Джиа сидеть тихо и не показываться на улице все выходные.

— Завтра они снимут осаду.

— Как я понимаю, сегодня вечером операция завершится?

— Если все пойдет по плану.

— Ой, посмотрите! — закричала Вики. — Моряки идут.

И действительно, со стороны церкви Святого Патрика приближалась троица молодых людей в белой морской форме и бескозырках. В День поминовения корабли обычно возвращались в порт, и повсюду мелькала морская форма.

— Какие симпатичные ребята, — заметила Джиа. — Как они умудряются сохранить свою форму в такой чистоте?

— Почему бы тебе не спросить об этом у них? — улыбнулся Джек.

Когда моряки поравнялись с ними, Вика выставила вперед бедро и, подбоченившись, произнесла:

— Подгребай сюда, морячок!

Ребята так и прыснули от смеха, Джек еле сдержался, чтобы не сделать то же самое. Джиа покраснела и стала с интересом разглядывать крышу «Сакса».

— А что такого? — спросила Вики, когда смеющиеся моряки прошли мимо.

— Господи, ну где ты это слышала?

— Видела на Эм-ти-ви.

— Вот вам, пожалуйста, — наконец обрел дар речи Джек. — Все признаки упадка западной культуры.

— Ну вот что, мадемуазель, — сказала Джиа, беря Вики за руку. — Придется нам заняться твоим воспитанием. — Она взглянула на Джека: — А кстати, куда мы сейчас пойдём?

— Попробуем двинуть на Бродвей. Возможно, парад перенесли туда.

— Ты знаешь, — сказала Джиа, беря его под руку, — хорошо, когда праздники приходятся на конец недели.

— Никого нет в городе, ты хочешь сказать?

Она кивнула:

— Кажется, что он принадлежит только нам. — Вытянув руки, Джиа быстро повернулась на каблучках. — Ты только посмотри. Я никого не задела. — Она снова взяла Джека под руку. — Жаль только всех этих моряков. В кои-то веки у них увольнительная в Нью-Йорке — всего два праздника в году, — а все девчонки укатили за город.

— Я видел, как они разглядывали тебя, когда шли мимо.

— Не говори глупостей. Я им в матери гожусь.

— Они не просто смотрели — они *строили глазки*. Я их не виню. Твои шорты практически ничего не прикрывают.

— Брехня!

— Что? Ты действительно сказала «брехня»?

— Вздор и брехня, — повторила Джиа.

Но Джек видел, что ей было приятно мужское внимание и то, что он это заметил. Ничего удивительного. Две самые главные женщины в его жизни всегда находились под его неусыпным присмотром.

Наконец они добрались до Бродвея. Напротив в лучах солнца сиял фасад Брил-Билдинга, но парада не было и здесь.

Купив пару соленых кренделей с лотка, они пошли в западном направлении. Джек замедлил шаг у танцевального клуба, где делали ремонт. На входе висело объявление, гласившее, что здесь будет открыт самый фешенебельный ночной клуб Нью-Йорка — «Белгравия».

Логово Драговича. Джек догадался, что это бывшая штаб-квартира Милоша — он сидел здесь до того, как переехал в Хемптон.

Еще одна операция против Драговича, и дело можно будет считать законченным, во всяком случае, он так надеялся. Что касается ракшасы, он будет присматривать за ним до самой его кончины.

Джек уже собрался повернуть назад, когда увидел, что к ним, прихрамывая, приближается старик в военной форме времен Второй мировой войны и лихо заломленной фуражке. Джек приветливо помахал ему рукой:

— Салют! Вы не знаете, парад сегодня будет?

Ветеран нахмурился:

— Должен быть, черт побери! Кажется, они маршируют где-то на Верхнем Бродвее. Но скорее всего, на них никто не смотрит. Я только что был на церемонии чествования ветеранов, так туда почти никто не пришел.

Джек посмотрел на медали, украшавшие грудь старого солдата. Среди них горела звезда, в которой он узнал орден «За отвагу».

Вы воевали на Второй мировой?

— Да, — ответил солдат, взглянув на Джека. — А вы служили?

Джек улыбнулся:

— Я? Нет. Армия — это не для меня.

— Я тоже туда не рвался, — сказал ветеран, повысив голос. — Никто из нас не хотел идти на фронт. Я проклинал каждую минуту на той войне. Но мы были там нужны, мы выполняли свой долг. И отдавали свои жизни. Весь наш взвод полег в Анцио, погибли все мои товарищи — один и выжил, да и то чудом. Мне удалось вернуться с этой войны, и, пока я жив, я буду говорить о своих погибших друзьях. Кто-то ведь должен их помнить, как вы думаете? Но сейчас всем наплевать на это.

— Мне не наплевать, — тихо сказал Джек, охваченный каким-то непонятным волнением. Он протянул ветерану руку. — Спасибо вам за все.

Заморгав, старый солдат пожал протянутую руку. Глаза у него подернулись слезами, подбородок задрожал. Наконец он справился с собой и, прошептал: «Да что уж там», побрел прочь.

Повернувшись, Джек встретился взглядом с Джиа. Глаза у нее слегка покраснели.

— Джек, это было...

Он смущенно пожал плечами.

— Нет, правда. Не отмахивайся. Это было так трогательно. Особенно при твоём отношении к армии и властям.

— Он же не армия и не правительство. Простой парень. Независимо от того, как ты относишься к войнам, нельзя не сочувствовать бедняге, которого вырвали из жизни, сунули винтовку в руки и отравили черт знает куда убивать других парней, которых тоже оторвали от родных и послали туда же. И пока они трясутся в окопах, рискуя не дожить до зари, все эти жирные коты, генералы, полити-

ки, священники, муллы и вожди племен, которые заварили всю эту кашу, сидят в тылу и передвигают фигуры на шахматной доске. — Переведя дух, Джек указал большим пальцем через плечо: — Ему досталась грязная работа, но он с ней справился. И потому достоин уважения.

— Это тоже мужское дело, да? — спросила Джиа, по-мальчишески ударив его по плечу. На губах у нее играла грустная улыбка.

— Наша мужская солидарность, детка.

Отвернувшись, Джиа проводила взглядом удаляющийся военный китель.

— Ох уж эти старые солдаты... — вздохнула она.

Но мысли Джека уже были заняты молодыми солдатами — ветеранами косовской войны. Доведись ему встретиться с ними, никаких рукопожатий не будет.

5

Третий ключ подошел. Люк открыл замок, вошел внутрь и быстро захлопнул за собой дверь. Жалюзи были опущены, но в приемной диабетической клиники было достаточно светло.

Теперь можно немного расслабиться. Сегодня сюда никто не придет, тем более Надя, которая все еще дает показания и подписывает протоколы. Сам Люк, наскоро ответив на вопросы, тотчас же уехал, сославшись на неотложные дела. В конце концов, он имел ко всему этому лишь косвенное отношение.

Во всяком случае, для полиции. На самом же деле мозг его лихорадочно работал, пытаясь найти ответы на мучившие его вопросы: как заставить Надю замолчать и почему Пратер не выполнил его распоряжений.

Но когда он дозвонился Пратеру, тот начал говорить загадками.

— Возникли непредвиденные обстоятельства, — коротко сообщил он.

Когда Люк осторожно спросил его об «останках», Пратер рассмеялся:

— Вот об этом не беспокойтесь, доктор! Я нашел абсолютно надежный способ утилизации!

В голосе его чувствовалось какое-то странное оживление.

Этот короткий разговор несколько озадачил Люка. Усилием воли он заставил себя выкинуть Пратера из головы и стал оглядывать клинику. Он уже был здесь однажды, когда принимал Надю на работу, но причиной тому были скорее ностальгические чувства, а не желание узнать о ее деловых качествах. Во время учебы в ординатуре он сам работал в такой клинике в пригороде. Господи, как давно это было! Как будто в какой-то другой эпохе.

Может быть, стоит заняться чем-нибудь подобным во Франции. Вспомнить все, чему он учился, и заняться людьми, а не молекулами.

Но что-то он не вовремя размышлял. Рано рассуждать о будущем. Если не удастся нейтрализовать Надю, о Франции можно будет забыть.

Вынимая резиновые перчатки, Люк заметил, что руки у него стали влажными от пота. Казалось, внутри у него сжатая пружина — он все ждал, что сейчас кто-нибудь войдет и застанет его на месте преступления.

Надо торопиться, думал он, двигаясь по коридору.

В Надином кабинете не было окон, и ему пришлось зажечь свет. Когда под потолком вспыхнула люминесцентная лампа, Люк сразу обнаружил то, что его интересовало. Рядом с пустой кофеваркой стояла большая черная кружка с белой надписью «НАДЯ». Она привлекла его внимание еще в прошлый раз. Тогда он с улыбкой заметил, что такую чашку уж не перепутаешь.

Не ошибется он и сегодня, подумал Люк, доставая из кармана пузырек.

Он посмотрел его на свет: «локи» в жидком состоянии не имел ни вкуса, ни запаха. Прозрачная, чуть голубоватая жидкость. Открыв пузырек, Люк налил в Надину кружку около столовой ложки наркотика и покрутил густую жидкость, чтобы она покрыла стенки кружки. Жидкость высыхала на глазах. Через несколько минут от нее не останется и следа.

Люк прикинул, сколько может весить Надя — фунтов сто двадцать, не больше. Для нее столовая ложка — это очень большая доза, которой хватит на четыре—шесть часов. Он добавил еще несколько капель для верности.

Перед его глазами возникла будущая сцена...

Надя была не агрессивна и не склонна к насилию, однако через полчаса после выпитой чашки кофе все, что хранится под спудом, вырастет в десятки раз, и она впадет в необузданную ярость. Спокойная, уравновешенная женщина превратится в дикую злобную кошку, которая будет крушить все подряд и бросаться на людей. Ее неминуемо арестуют за буйное поведение и по подозрению в употреблении наркотиков, *но и только*, потому что полицейские еще не научились распознавать «локи».

Но одного подозрения недостаточно.

Закрыв пузырек, Люк опустил его в карман и достал маленький целлофановый пакетик. Подойдя к Надиному столу, он выдвинул нижний ящик и засунул пакетик в дальний угол.

При обыске полицейские обязательно обнаружат этот пакет с четырьмя таблетками «берсерка». Подозрения перерастут в уверенность, и Надю привлекут за употребление наркотиков. Репутация ее будет подмочена, и все ее показания об исчезновении Глисона или причастности ГЭМ к изготовлению наркотиков сочтут измышлениями свихнувшейся наркоманки.

Почувствовав, что у него подгибаются ноги, Люк опустился в кресло.

Как я могу с ней так поступать?

Ведь пострадает не только ее репутация, будет загублена вся ее профессиональная карьера. После прохождения лечения она, вероятно, сохранит медицинскую лицензию, но свое доброе имя не восстановит никогда.

Как я мог так низко пасть?

Люк собрался с силами и встал. Подойдя к кофеварке, он взял Надину чашку. В туалете есть раковина. Он вымоет чашку, уберет таблетки из ее стола и оставит все как было. А потом придумает какой-нибудь другой выход из положения.

Люк пошел к двери, но вдруг остановился.

А какой может быть другой выход?

Как еще удержать ее от опасных признаний, кроме как опять позвонить Пратеру? Кент и Брэд будут настаивать именно на этом. Вряд Кент уже говорил, что после первого убийства решиться на второе гораздо легче. А уж третье, Надино, и вообще раз плюнуть. Нет, с него довольно крови.

Люк посмотрел на кружку. Жидкость почти высохла. В общем-то «локи» в данной ситуации — наименьшее зло. Он может погубить ее будущее, но по крайней мере она останется жива. И *какая-то* работа у нее будет.

Короче говоря, он спасает Наде жизнь.

Ухватившись за эту мысль, как утопающий за соломинку, Люк поставил чашку на место, погасил свет и поспешил к выходу.

Ему еще предстояло паковать вино.

6

Милош ходил вокруг бассейна, изображая радужного хозяина и одновременно прислушиваясь, не раздастся ли в ночном небе шум вертолета.

— Улыбайтесь, — приказал он трем девицам латиноамериканского вида в ярких цветастых платьях. Он привез их из своего гарлемского борделя. — Делайте вид, что вам весело. Как будто это вечер пятницы до того, как все произошло.

Девушки расцвели улыбками и дружно отсалютовали стаканами с элем. Настоящее веселье начнется позже, когда закончится запланированная операция.

Здесь были все те, кто подвергся нападению в пятницу. Милош пригласил их снова, пообещав, что у них будет возможность свести счеты со сволочами, сбросившими на них всякий хлам. Все без исключения охотно приняли предложение.

Милош с удовольствием отметил, что у многих характерно оттопыриваются рубашки. Он хлопал своих гостей по плечам и шел дальше.

Люди Милоша весь день убирали территорию. В воздухе все еще стоял запах масла. Пришлось отмывать все дорожки и настил вокруг бассейна. Но пятна все равно остались. Впрочем, ремонтом он займется позже. Для сегодняшнего мероприятия безукоризненный вид не так уж важен.

Кроме гостей на вилле присутствовала группа мужчин с винтовками и автоматами, которых Драгович спрятал в кустах.

Он нервно потирал руки, пытаясь представить, что же эти ненормальные сбросят на него сегодня. Впрочем, это не важно. Он был готов к встрече — они и глазом не успеют моргнуть, как будут сбиты на землю.

Милош велел пригасить свет и приглушить музыку, чтобы как можно раньше засечь вертолет. Он дал своим людям четкое указание: не стрелять, пока не покажется вертолет, ну а уж потом палить из всех стволов.

Звонивший спрашивал, не собирается ли он «сообщать властям». Чтобы он, Милош Драгович, зво-

нил в полицию, как какой-нибудь лох, который не в состоянии сам разобраться с обидчиками? Нет. Никогда. Если кто-то задевает Драговича, он сам дает отпор, да так, что мало не покажется.

— Кажется, летит! — закричал один из людей, расставленных на берегу.

Гости умолкли. Наступила полная тишина, словно кто-то выключил магнитофон. Был слышен только шум прибоя и что-то еще. Да, это было стрекотание винта, рассекающего ночной воздух.

— Внимание! — закричал Милош. — Он приближается! Готовьтесь к бою!

Тут же из карманов и чехлов были извлечены десятки пистолетов, зашелкали затворы и взводимые курки. Над кустами показались дула винтовок и автоматов.

Шум все нарастал.

— Спокойно, — скомандовал Милош, вынимая из кобуры свой «магнум-357». — Не торопитесь...

И тут случилось что-то непонятное. От вертолета протянулся луч прожектора и стал шарить по побережью. Милош вдруг с ужасом понял, что сейчас случится непоправимое.

Но его отчаянное «нет!» утонуло в грохоте выстрелов.

Милош увидел, как пули пробили фюзеляж вертолета, он накренился, дернулся влево и стал падать, но потом вновь набрал высоту и, виляя из стороны в сторону, улетел прочь, волоча за собой хвост черного дыма.

Огонь мгновенно прекратился. Но восторженных криков не последовало. Вероятно, все успели прочесть надпись на фюзеляже.

А потом послышался вой множества полицейских сирен. Оглянувшись, Драгович увидел, что над входными воротами полыхают красные отсветы сигнальных огней.

Копы. Их там целая свора.

Но как они очутились здесь так скоро? И почему их так много?

Милош Драгович молча застыл у бассейна, преследуемый одной мыслью: кому все это понадобилось?

Вторник

1

Проверив утром голосовую почту, Джек обнаружил три послания от Сола Витуоло, общий смысл которых сводился к следующему: «Привет, Джек. Позвони мне. Надо поговорить».

Джек позвонил ему из автомата.

— Джек! Как тебе это удалось, старик? — Кажется, Сол вот-вот пустится в пляс у телефона. — Как ты провернул это дело?

— Надеюсь, все прошло как надо?

Джек уже кое-что знал из вечерних новостей.

— Спрашиваешь! Он облажался, как последний козел, — устроил пальбу по вертолету береговой охраны. Но как ты все это обтяпал?

— Я же тебе говорил — всего один телефонный звонок.

— Да, но что ты ему сказал?

Джек сообщил в береговую охрану, что на виллу Драговича в Хемптоне будет доставлена морем большая партия того самого нового наркотика, от которого люди впадают в безумство. Драгович собирается сделать в своих владениях перевалочный пункт. Товар прибудет, когда стемнеет — где-то с девяти тридцати до десяти вечера.

Однако Джек не собирался посвящать Сола во все подробности операции.

— У меня есть связи.

— Не сомневаюсь, малыш, судя по тому, сколько фараонов туда понаехало.

В новостях сообщалось, что полиция штата и федералы никак не могли разобраться, кто за что отвечает, и потому прикатали сразу все.

— Я бы снял больше, но там было понатыкано столько качков, что пришлось петлять и спасать свою задницу.

— Но ты успел заснять главное?

— Да у меня *полно* материала. Я слышал, пилоты не пострадали, но Драгович все равно по уши в дерьме — они ведь обстреляли вертолет. В новостях сообщили, что копы не нашли там наркотиков. Жаль, конечно, но все же кое-кого из его ребят замели за хранение. Ну, ясное дело, его привлекли за применение оружия и даже, — тут Сол захихикал, — за нарушение общественного порядка в Ист-Хемптонс. Но провалиться мне на этом месте, если этот козел уже не отпущен под залог.

— Можешь быть уверен. На этот случай у нас есть пленки. Ты их уже разослал?

— Вчера я настряпал кучу копий и утром первым делом пошел в службу доставки — окучил все местные станции, все федеральные каналы, Си-эн-эн, «Фокс», даже общественные организации. Все, у кого есть антенна или спутник, получили по штуке.

— Ты платил наличными?

— Конечно. Зачем мне светиться?

— Отлично. Теперь не отходи от телевизора.

— Ну, ты скажешь. Да у меня пульт прирос к ладони. Я... ой, подожди минутку. Сейчас начнется! Специальное сообщение. Включай скорей четвертый канал!

— Да у меня телевизора рядом нет.

— Вот оно! Они показывают мою пленку! Черт! Черт поberi!

Джек был уверен, что сейчас Сол и в самом деле пустился в пляс. Хорошо, что он этого не видит. Зрелище не для слабонервных.

— Он в полном дерьме! По самую макушку! Хотя его и выпустили под залог, но свою задницу он здесь больше не покажет. Да что там! Прославился на всю страну! Куда теперь сунешься? Везде поднимут на смех.

— Теперь ты веришь, что есть вещи похуже смерти?

— Да! — завопил Сол. — Вот теперь верю!

— Ну, теперь достаточно?

— Да, Джек, вполне. — Голос Сола, потеряв децибелы, зазвучал неожиданно мягко. — Теперь мне не стыдно встретиться с сестрой.

— Господи, только не говори ей ничего, — поспешно сказал Джек.

— Ну, не такой я дурак. У него же повсюду свои люди. Кому хочется в одно прекрасное утро проснуться на том свете. Но по крайней мере, теперь я смогу смотреть Розанне в глаза, не чувствуя себя полным слизнякам. Она ничего не узнает, но я-то буду *знать*, и этого достаточно. Понимаешь меня?

— Да, Сол, вполне.

2

— *Кто?* — взревел Драгович?

Он стоял в своем офисе в задней части еще не отделанного клуба «Белгравия» и смотрел на то, что осталось от телевизора «Сони» с диагональю в тридцать два дюйма. Из дымящейся дыры в экране торчала латунная настольная лампа.

Кто?

Кто его так унизил? Кто ненавидит его до такой степени, чтобы устроить весь этот публичный скандал? Не может быть, что все подстроил какой-то там ист-хемптонский комитет. Ему была невыносима мысль, что его поддел на крючок и разделал на глазах у всего света какой-то паршивый

пристократишка, недоделанный сноб, которому подфартило родиться на Лонг-Айленде.

Прикрыв глаза руками, Милош попытался справиться с мыслями. Сердце у него отчаянно колотилось. Казалось, земля уходит у него из-под ног.

Думай, Милош, думай! Кто это может быть?

Русские с Брайтон-Бич... Поначалу они были его союзниками, но потом стали завидовать его успехам. Только у них хватило бы наглости провернуть такую операцию.

Но это был не их почерк. Они предпочитали действовать напролом — пара пуль в голову, вот и весь разговор. Нет, здесь налицо трезвый расчет и присутствие духа. Кто-то хорошо знал его уязвимые места и не испугался всадить туда нож и повернуть лезвие.

Но кто, черт побери?

И почему? Этот вопрос волновал Милоша не меньше, чем первый. Если бы он знал почему, ему бы легче было вычислить автора и понять, что же заставило этого *паскудника* загубить ему жизнь.

А она ведь и впрямь была загублена. Кто теперь захочет иметь с ним дело? Кто будет воспринимать его всерьез? После этой пленки его уже никто не будет бояться.

Яростный крик, вырвавшийся из его горла, гулким эхом раскатился по комнатам.

Единственным спасением было возмездие. Он должен найти и уничтожить своих обидчиков, кем бы они ни были. Мир должен знать, что ни одна собака не может поднять хвост на Драговича безнаказанно. Это уже не спасет его репутацию, но с чего-то надо начинать.

А как начинать? Единственная ниточка — это телефон-автомат в районе восьмидесятых улиц и человек, засеченный видеокамерой: парень, сидящий в машине, которая принадлежит женщине, живущей на Саттон-Плейс.

Этот парень — ключ к разгадке. Возможно, не он все это затеял. Скорее всего, это простой исполнитель, но он мог быть пилотом вертолета. В тот день он мог шпионить за домом, прикидывая, куда лучше сбросить свой мусор. Или он как-то иначе связан с этим делом. Если он не немой, Милош сумеет развязать ему язык.

Не может быть, чтобы он действовал в одиночку. Но если так, тем хуже для него.

Хватит осторожничать. Надо что-то делать, и немедленно. Дом на Саттон-сквер был пуст все выходные, но теперь праздник кончился. Пора действовать. Драгович рывком распахнул дверь.

— Иво! Вук! Быстро ко мне!

Вскочив из-за стойки, где они пили кофе из бумажных стаканчиков, парни побежали к Милошу через танцевальную площадку. Теперь уже на ней вряд ли будут танцевать. После того, что случилось, не может быть и речи об открытии «Белгравии». Вся та публика, для которой она предназначалась, теперь и близко к ней не подойдет. Сюда будет набиваться всякий сброд в надежде увидеть того придурка, что показывали по телевизору.

Лучше уж сжечь ее совсем, подумал Милош.

— Мы здесь, сэр! — хором отрапортовали Вук и Иво.

Вид у них был пришибленный, да и как могло быть иначе. Им удалось избежать ареста, выбросив оружие в бассейн до появления полиции. И так поступили не одни они. В результате дно бассейна выглядело как подводный склад оружия. Поскольку бассейн принадлежал Драговичу, его обвинили в незаконном хранении оружия.

Ну, ничего. Адвокаты его отмажут.

Главное — выяснить, кто и почему это сделал.

— Доставьте мне того человека с Саттон-сквер.

— Да, сэр!

— Если он окажет сопротивление, стреляйте. Убивать не надо, стреляйте по ногам и привезите его ко мне. Я хочу с ним потолковать. Он что-то знает, и я заставлю его рассказать мне все.

— Будет исполнено, сэр!

Когда они повернулись, чтобы идти, Милош добавил:

— И без него не возвращайтесь. Если с машиной опять что-нибудь случится, возвращаться будете уже на катафалке.

Судорожно сглотнув, они кивнули и поспешили на улицу.

3

Войдя в Надин кабинет в диабетической клинике, Джек сразу почуял неладное. Она выглядела как после двухнедельного запоя, но, узнав, в чем дело, он этому не удивился. Рассказывая о случившемся, она несколько раз принималась плакать.

— Так когда вы видели его в последний раз?

— Мы вместе ужинали в субботу. Ели суши в кафе «Куройкаси». — Надя зарыдала. — Даг так любил рулетки из морского паука.

— Эй, док, вы почему-то говорите о нем в прошедшем времени, — укоризненно произнес Джек. — Не делайте этого.

Надя вытерла нос и кивнула.

— Вы правы. Я просто... — начала она и замолкла, не находя нужных слов.

— Давайте вернемся к воскресенью. Вы его не видели и с ним не говорили...

— Я пыталась, но его телефон был все время занят.

— Но вы были у него в воскресенье вечером и не видели там никаких следов борьбы.

— Нет. По крайней мере, мне так показалось. Там ведь было темно, электричество отключили. Нет, погодите. Я же видела его компьютер, и он был в полном порядке.

— Это значит, что к нему вломились после вашего ухода.

И что нам это дает? Абсолютно ничего.

Конечно, случается, что грабитель, застигнутый на месте преступления, убивает хозяина. Но Джек никогда не слышал, чтобы преступники забирали с собой тело жертвы. Ведь труп не положишь в карман.

— А может быть, это были люди... из «ГЭМ-Фармы»? — предположила Надя, чуть запнувшись. Джек изумился:

— Чтобы такая солидная фирма похищала людей? Да что вы, док. Они обычно прибегают к услугам адвокатов. Да и зачем им это?

— Ну, я же вам говорила, что Даг взломал их компьютерную сеть...

— Да, но они могли этого и не знать. Но даже если его засекли, как они узнают, что именно он там нашел? Ведь он не пытался их шантажировать?

Надя энергично покачала головой:

— Никогда. Даг на это не способен. Он только хотел прикупить акции ГЭМ, потому что ему удалось узнать, что они должны подняться в цене. Но о шантаже он даже не помышлял.

— Вы уверены?

— Вне всякого сомнения.

Конечно, Надя могла обманывать себя, как та мамаша школьного хулигана, которая искренне считает, что ее мальчик этого сделать не мог. Но Джек почему-то ей верил.

— И все же я сомневаюсь, что это ГЭМ.

— Не будьте так уверены, — предостерегла его Надя. — Ведь «ГЭМ-Фарма» имеет какое-то отно-

шение и к Милошу Драговичу и, — она глубоко вздохнула, — к «берсерку».

— Черт! — выпалил Джек, ударив по столу. — Я так и знал! Держу пари, тот порошок, что я вам принес, угодил в самую точку.

Надя неохотно кивнула:

— Проект, над которым я работаю. Та самая молекула, которую мне поручено стабилизировать. Здесь ее называют «локи».

— «Локи» рождает глюки. Ему действительно не хватает устойчивости. Парень, у которого я его взял, говорил, что рано или поздно он теряет силу.

Надя поднялась с кресла и вышла из-за стола, нервно потирая руки. Ей не сиделось на месте.

— Через каждые двадцать девять дней, двенадцать часов, сорок четыре минуты и две целых восемь десятых секунды.

Джек заморгал глазами:

— Как так?

Двигаясь как на автопилоте, Надя подошла к кофеварке и взяла кружку с надписью «НАДЯ».

— Меняется не только сама молекула. Любая информация о ее структуре в активном состоянии — рисунок, модель, компьютерный файл и даже человеческая *память* меняются вместе с ней.

Налив себе кофе, Надя обернулась к Джеку с чашкой в руках.

— Продолжайте, — сказал он.

— А вы меня слушаете?

— Не пропускаю ни единого слова.

— Тогда почему вы не говорите, что я сошла с ума?

— Я вам верю.

— Как вы можете мне верить? Ведь то, о чем я говорю, просто невозможно.

— Согласен. Но то же самое можно сказать и о том существе, из которого ваш дружок Монне извлекает свой «локи».

— О существе? Вы хотите сказать, что эта молекула принадлежит животному?

— В какой-то степени.

— В какой-то степени животному или в какой-то степени принадлежит? — переспросила Надя, с некоторым раздражением отворачиваясь к кофеварке.

Ничего. Это лучше, чем все время плакать, подумал Джек.

— В какой-то степени животному, которое нарушает все законы природы, так же как и ваш «локи».

Теперь во всем этом появился некий смысл... в какой-то степени.

Джек рассказал, как он ехал за Монне до балагана с уродами, как позднее его хозяин говорил о некоем ученом, который обнаружил в крови умирающего ракшасы «поразительные вещи».

— Могу побиться об заклад, док, что одна из этих «поразительных вещей» и есть ваш «локи» или «берсерк».

Надя повернулась к нему, все еще держа кружку в руках:

— Но что это за животное?

— Я бы не стал его так называть. Когда вы говорите о *животном*, то представляете себе кролика или оленя. Я бы скорее назвал его существом. Единственным в своем роде. Он не похож ни на одно живое существо на земле. — Джек мог бы уточнить, что ракшаса не совсем земное существо, но решил пока не касаться этой темы. — Давайте сойдемся на том, что у такого существа возможно все, что угодно.

— Даже изменение любой информации о нем?

Джек пожал плечами:

— Меня не удивит ничего, что с ним связано.

Надя посмотрела на Джека, потом на свою кружку.

— И зачем я сварила этот кофе? Мне совсем не хочется его пить. — Она направилась к двери, но вдруг остановилась. — А вы не хотите выпить кофе?

Джек уже проглотил сегодня пару чашек, но грех выливать такой хороший напиток.

— Как вы его сварили?

— Обычный крепкий кофе.

— Положите пару кусочков сахара, и я с удовольствием приму его из ваших рук.

Надя высыпала в кружку два пакетика сахара и подала ее Джеку. Он заметил, что руки у нее дрожали. Да, кофеин ей сейчас ни к чему.

— Но могу вас обрадовать — существо это умирает, — сказал Джек.

— Умирает? — Надя прижала ладони к лицу. — О господи! Вот почему он так торопился стабилизировать молекулу! Ее источник будет утрачен!

— И довольно скоро.

— За всем этим стоит Драгович. Он выпуждает доктора Монне идти на преступление. Я в этом абсолютно уверена.

— А я нет, — возразил Джек. Он сделал несколько глотков. Хороший кофе, крепкий, прямо то, что надо. — И, кроме того, у Драговича сейчас голова занята совсем другим.

— Да, я слышала об этом, — улыбнулась Надя. Потом, прищурившись, посмотрела на Джека: — Это не вы создали ему проблемы?

— Он сам себе их создал — и с законом, и с репутацией.

— Как бы там ни было, мы должны пресечь его деятельность.

— Что значит «мы»?

— Ну, вы. Я не знаю... — осеклась она, увидев, что Джек покачал головой. — Вы против?

— Я не признаю никаких наркотиков, кроме кофеина, — он поднял Надину кружку, — и этилового спирта.

— Это хорошо... просто замечательно...

— Я хочу сказать, что сам я их не употребляю и не распространяю, но не мешаю это делать другим.

— Но ведь Драгович заставляет...

— Почему вы так уверены, док, что он кого-то заставляет?

— Хорошо. Не заставляет. Но дело в том, что Драгович как-то связан с «ГЭМ-Фармой», а «ГЭМ-Фарма» имеет отношение к этой отраве — «берсерку».

— Которую люди покупают и глотают по своей собственной воле.

Надя с изумлением посмотрела на Джека:

— Только не говорите мне, что вы одобряете наркотики.

— Я считаю, что наркотики — это жуткая дрянь, а люди, которые их употребляют, — полные идиоты. Но мне кажется, что каждый имеет право поступать со своим здоровьем так, как он хочет. Если кому-то охота его губить, это его личное дело. Я им не нянька.

— Вы хотите сказать, что если вы увидите, как кто-то продаст «берсерк» двенадцатилетнему ребенку, то спокойно пройдете мимо?

— Никогда такого не видел, но, если доведется, все руки ему обломаю.

Джек подумал о Вики. Не только руки, но и ноги. И как следует врежу по физиономии.

— Значит, все-таки *не* *пройдете* мимо? — улыбнулась Надя.

— Мы же говорили о взрослых. А здесь дети. Я, конечно, не Дон Кихот, но есть вещи, которые я никому не спущу.

Надя подняла голову и внимательно посмотрела на Джека:

— «*Не спущу*»... как странно слышать от вас это слово.

— Почему?

— Так говорят южане, а вы типичный северянин. Ну, прямо филолог какой-то, подумал Джек.

— Так выражается один мой знакомый.

Надя хотела развить эту тему, но передумала. Слава богу.

— Но вернемся к Драговичу. Он продает наркотик, который толкает людей на преступления.

— За которые они попадают в тюрьму. — Джек допил кофе и поднялся. — Что касается меня, то я уже сыт по горло и Драговичем, и доктором Монне.

— Но ведь дело не закончено.

Джек вздохнул:

— Закончено. Вы хотели знать, что связывает Монне с Драговичем? Наркотик. Вы интересовались, как Драгович давит на доктора? Никак. Они просто добрые партнеры в общем деле.

— Не могу в это поверить.

— Монне обнаружил это вещество, он испытывает его на людях и, скорее всего, производит наркотик на своем заводе в Бруклине. Постарайтесь быть объективной, и вы придете к такому же выводу.

Надя сидела уставившись в пол и молчала. Джеку было жаль развенчивать ее героя, который оказался колоссом на глиняных ногах. Особенно сейчас, когда пропал ее жених...

— Послушайте, — сказал он. — Я поговорю с соседями Дага. Может быть, они что-то видели в тот воскресный вечер.

Надя с улыбкой подняла глаза:

— Правда? Я вам буду очень признательна.

Джек попрощался, довольный тем, что дал ей какую-то надежду. Он вышел на Семнадцатую улицу, залитую утренним солнцем. Выходные закончились, и улицы снова заполнили потоки машин. Впереди у него был целый день. Почему бы не заскочить к Джаа? Вики, должно быть, в школе, так что они будут одни.

Неплохая перспектива.

Джек направился в восточную часть города. Проходя по Стайвесант-сквер, он задумался над вопросом, зачем здесь кованая чугунная решетка с острыми прутьями. От кого они отгораживаются? Подойдя к больничным зданиям, он столкнулся с группой людей в белых халатах со стетоскопами на шеях. И зачем носить их на улице?

Какого черта? — подумал Джек. Обязательно надо всем совать в нос, что они доктора? В нем поднималось глухое раздражение.

Свернув на Первую авеню, он вышел к старым кирпичным домам Стайвесант-Виллидж. Дом Джиа находился в сорока кварталах отсюда. Проще было взять такси, но Джек решил идти пешком. Он чувствовал необыкновенный прилив энергии — должно быть, Надя сварила очень крепкий кофе.

Джек был отличным пешеходом — его огромные шаги без труда поглощали любое расстояние. По восточной стороне улицы он добрался до медицинского центра «Бельвью», где каждое здание носило чье-то имя. Это ему страшно не понравилось.

Пройдя мимо нависшего над улицей здания электростанции, он вышел на площадь ООН, где перед уходящей в небо башней Секретариата вытянулся длинный прямоугольник Генеральной Ассамблеи.

Джек вспомнил, как прошлым летом приходил сюда в качестве экскурсанта, когда сидел на хвосте у одного индийского дипломата. Сколько же глупостей пришлось ему выслушать, пока Кусум не убрался отсюда. Джек почувствовал желание пройтись здесь еще раз и высказать свое мнение относительно работы ООН. Перво-наперво он им посоветует сдвинуть здание Секретариата, а возможно, и положить его на бок, чтобы оно не загораживало ему солнце. Или, по крайней мере, проделать в нем дыру, чтобы сквозь нее проходил свет.

Но это позже. Может быть, он вправит им мозги после обеда. А сейчас ему было слишком хорошо, чтобы тратить такое чудное утро на каких-то болванов.

Но вот флаги — эти дурацкие флаги просто бесили его. Ряды флагов, целые кварталы флагов, повсюду одни флаги. На них ушло столько ткани, что можно было одеть всех жителей Бангладеш. Джек нащупал нож в кармане. Надо бы полазить по столбам и перерезать веревки — отпустить флаги на свободу!

Но нст... это займет слишком много времени. А ведь его ждет Джиа. Он точно это знал. Джек был уверен, что она *чувствует* его приближение, ощущает его всем своим существом.

Он прошел мимо скульптуры святого Георгия, убивающего какого-то дурацкого дракона, и вдруг заметил в кустах коричневого слона. Потом все смешалось, и он почувствовал, как распадается на тысячи частиц, их подхватывает ветер и уносит ввысь, а потом они возвращаются, чтобы соединиться во что-то новое и прекрасное — возрожденного Джека, короля города.

Ведь этот город недаром называется Нью-Джек.

Его переполняла жизненная сила. С каждым шагом он становился все сильнее и могущественней. С Пятьдесят четвертой улицы он свернул к востоку и, пройдя еще один квартал, вышел к сверкающим водам Ист-Ривер. Господи, как он любил этот город, *его* город. Он не был его уроженцем, но что с того? Он оказался здесь не по воле слепого случая, а выбрал это место сознательно. Приехал сюда и полюбил этот город, излазил все его закоулки, узнал его обитателей, всю эту многоликую массу людей. Этот город принадлежит только ему, и пусть попробует кто-нибудь с этим поспорить.

Джиа об этом знает и поэтому любит его. А он любит Джиа, потому что она об этом знает.

Подожди-ка...

Джек грянул головой. Какая-то ерунда получается.

Нет, не ерунда. Совсем не ерунда. Очень даже логично.

Он слегка вспотел, особенно в тех местах, где были пристегнуты его «глок-19» и «земмерлинг», но без них ему никак нельзя. Ведь в его городе есть люди (правда, их немного), которые могут попытаться его отнять и сделать своим. Поэтому надо быть настороже, всегда настороже.

Но не сегодня, потому что сегодня его день и он чувствует себя *богом*. Джек громко рассмеялся:

— Мир у моих ног, мама!

Человек, шедший навстречу, как-то странно посмотрел на него, и Джек с вызовом ответил на этот взгляд. Ну, давай, скажи что-нибудь. Только вякни. Прохожий отвел глаза.

Вот так-то. Никто не смеет глазеть на меня в моем городе.

Свернув на Саттон-сквер, Джек почувствовал, как в нем закипает страсть. В голове у него вдруг мелькнула мысль, что неплохо бы посмотреть, нет ли поблизости машины с двумя парнями, но Джек не успел за нее ухватиться, и она исчезла.

Какое ему дело до каких-то там машин. Сейчас главное — добраться до Джиа. Джиа-Джиа-Джиа. О, как хорошо им будет вместе. Они будут заниматься этим на кухне, в комнате и, может быть, даже в постели. Долго-долго-долго. Весь день, пока Вики не придет из школы. А потом он поведет их гулять по городу, *его* городу, и устроит им настоящий праздник, какого они никогда не видели и какой может устроить им только он.

Джек постучал в дверь. Сейчас Джиа распахнет дверь, и лицо ее озарится радостью, которая мгновенно перерастет в бешеную страсть.

И вдруг он услышал детский голосок. Вики громко закричала из-за двери:

— Мама! Это Джек. Джек пришел!

Все вдруг разом потускнело, по коже пробежал холодок.

Вики дома. При ней Джиа вряд ли...

— Джек! — радостно воскликнула Джиа, открывая дверь. — Какой сюрприз!

— Да уж. — процедил он сквозь зубы, пытаясь изобразить улыбку. Ему было подвластно все в этом городе, но вот улыбка у него не получилась. — И вправду сюрприз.

— Привет, Джек! — прошептала Вики, глядя на него со счастливой улыбкой.

Не обращая на нее внимания, Джек повернулся к Джиа:

— Почему она дома?

— Она простудилась. Кашляет и жалуется на горло, — ответила Джиа, удивленно взглянув на него. Улыбка сползла с ее лица.

— Не очень-то она похожа на больную.

— Да, у меня ужасный кашель, — подтвердила Вики. — Хочешь послушать?

И она надрывно закашлялась.

Джека так и подмывало ее выпороть — дать ей с размаха по задку, чтобы отлетела к стене. Из-за нее все пошло прахом. А может, сгрести Джиа в охапку и сделать это прямо здесь, в коридоре, на глазах у Вики? Пусть поучится.

— Что случилось, Джек? — с тревогой спросила Джиа.

— Случилось? — переспросил он, чувствуя, как в нем закипает злость. — Да много чего случилось. Во-первых, ты слишком балуешь девчонку...

— Джек!

— Не перебивай меня! — возвысил он голос. — Я этого не люблю!

— Джек, да что с тобой?

Ну вот. Опять. Опять она его перебила. Ничего не хочет слушать. С такими у него только один разговор.

Он сжал кулак и замахнулся.

— Джек!

Джиа отшатнулась. Страх в ее глазах заставил его вздрогнуть, словно его окатили ледяной водой...

Что я делаю? Что со мной? Господи, я чуть не ударил Джиа.

И вдруг мозг его пронзила страшная догадка.

Он каким-то образом наглотался «берсерка». Сейчас уже не важно, где и когда. Надо срочно убираться отсюда. Ему нельзя находиться рядом с людьми, тем более рядом с Джиа и Вики.

Немедленно прочь!

В панике он бросился к выходу. Но тут вспомнил о своем оружии. Надо от него избавиться. Девятимиллиметровый калибр в сочетании с «берсерком» может привести к самым печальным последствиям. Вытащив «глок» из кобуры и отстегнув от ноги «земмерлинг», он сунул их Джиа, положив сверху нож и бумажник.

И тут же у него появилось желание забрать все это обратно. Он протянул руку. Какая глупость — отдать все деньги и любимое оружие какой-то женщине!

Усилием воли Джек заставил себя отступить назад.

— Со мной что-то неладно. Возьми это. Я должен идти. Объясню все позже.

Джиа в растерянности смотрела на него. В глазах у нее застыл страх.

— Что происходит?

Джек не ответил. Он не хотел рисковать. Еще немного, и он потеряет контроль над собой. Надо быть подальше отсюда, когда это произойдет.

Он повернулся и выбежал за дверь.

— Пошли, — сказал Вук, сунув руку за пазуху. Иво покачал головой. Ему не хотелось этого делать.

— Подождем. Может, он выйдет.

Их «БМВ-750» стоял на Пятьдесят восьмой улице, откуда был виден дом, за которым они следили. Чисто жилой квартал. Ни одного магазина, редкие пешеходы. Не успели они подъехать, как появился тот самый парень. Он подошел к дому и скрылся внутри.

— А может, и нет. — Вук вынул пистолет, свой испытанный полуавтоматический «М-57» калибра 7,62 мм, и проверил затвор. — Ты же слышал, что сказал Драгович. Схватить его и притащить к нему.

Иво облизнул пересохшие губы.

— Там может быть та женщина с ребенком.

— Надеюсь, — ухмыльнулся Вук, взглянув в зеркало на свою крашеную шевелюру. — Она красotka.

Руки Иво, лежащие на руле, вдруг стали липкими. Он дал зарок никогда больше не трогать мирных граждан. Но Вуку было наплевать. Он никогда не мучился угрызениями совести за то, что творил в Косове. Нет, надо его как-то остановить.

— У нас же нет глушителей, — сказал он первое, что пришло ему в голову. — В таком районе на любой выстрел сразу примчится полиция.

— Что ж, будем рисковать, — ответил Вук, открывая дверь машины. — Надо просто быстрее рвать когти.

Иво схватил его за руку:

— Подожди. — Он отчаянно пытался что-нибудь придумать, как вдруг заметил, что парень выскочил из дома. — Вон он! — выдохнул он с облегчением. — Куда-то побежал.

— Поезжай за ним.

Иво завел машину и хотел включить передачу, но вдруг остановился.

— Он идет сюда.

Парень пересек Саттон-Плейс и побежал по тротуару.

— Сам идет в руки, — усмехнулся Вук. — Отлично.

Иво выключил зажигание и стал смотреть на приближающегося человека. С той их встречи на берегу он здорово изменился. На лице у него застыло странное выражение — паническое и одновременно иступленное. Его глаза, в прошлый раз такие добрые и приветливые, сейчас горели каким-то диким огнем.

— Внимание, — скомандовал Вук. Человек шел как раз с его стороны. — Выходим одновременно.

Иво посмотрел вокруг. Движение почти замерло, лишь редкие пешеходы маячили вдали. Когда мужчина поравнялся с машиной, Вук резко распахнул дверь. Иво выскочил со стороны улицы, держа в опущенной руке оружие, и стал обходить машину сзади. Вук прицелился мужчине в грудь.

— В машину! — приказал он.

Иво рывком распахнул заднюю дверь. Мужчина резко остановился.

— Что? — переспросил он.

— Что слышал! — рявкнул Вук, махнув пистолетом.

— А, так вы те самые козлы с берега. Что вы за были в моем городе?

— Давай в машину, — оборвал его Вук, опуская дуло пистолета. — Быстро, а то схлопочешь пулю в ноги.

Мужчина перевел взгляд с Вука на Иво, тоже держащего его под прицелом. В его глазах не было страха — они сверкали каким-то бешеным огнем. Оскалившись, он сделал шаг к открытой двери. Ог-

линувшись по сторонам, Иво отступил в сторону, пропуская его внутрь. На них никто не обращал внимания. Пока.

— Подожди-ка, — остановил мужчину Вук. Быстро обыскав пленника, он с усмешкой показал Иво пустую кобуру. — Ну что, попался, голубчик. А где же твой пистолет?

— Дома.

— Там ему самое место, — бросил Вук, вталкивая мужчину на заднее сиденье. — Не вздумай трепыхаться.

Оставив его под присмотром Иво, Вук обошел машину и сел с другой стороны, повернувшись к пленнику лицом. Вздохнув с облегчением, Иво вернулся за руль. Никто ничего не заметил. Вся операция заняла секунд тридцать.

— Так это ты поломал нам две машины? — спросил Вук, когда они тронулись с места.

— *Вам?* — удивился мужчина. — В *моем* городе все машины принадлежат *мне*.

— А кто ты такой?

— Сам знаешь. Я доктор Моро. Джек Моро. Это я тебя создал.

Что-то здесь не то, подумал Иво. Тот парень на берегу выглядел вполне нормальным.

Он поправил зеркало заднего вида. В нем сверкнули темные дикие глаза. Взгляд безумца. В сердце Иво закрался страх. Он чувствовал себя как охотник, поставивший капкан на опоссума и обнаруживший там огромного медведя.

Кого мы затащили в машину?

— Так, значит, это был *ты*, — опять начал Вук. Мужчина покачал головой:

— Звериная плоть... упрямая звериная плоть лезет наружу.

— Прекрати молоть чепуху. Мало ему, что оставил в дураках нашего босса, так теперь пытается облапошить и нас с Иво.

Свернув направо, Иво остановился перед светодором на Пятдесят седьмой улице.

— Иво? — переспросил мужчина. — Откуда у него это имя? Когда я сделал его из собаки, то не стал никак называть. А тебя я сотворил из осла. Вот так. Но только волос таких я тебе не делал. И зачем мне тебя дурачить? Ты и сам сваял дурака, выкрасившись, как клоун. У тебя что, зеркала нет?

Иво услышал, как в голосе Вука зазвучал металл.

— Я бы тебе сейчас отстрелил коленки, сволочь, только неохота тащить тебя потом на себе и отмыывать машину. Ну, ничего, когда приедем, босс с тобой потолкует, а я уж помогу ему вытрясти из тебя все дерьмо.

Иво пересек Пятдесят седьмую улицу, все время поглядывая в зеркало.

— Не выводи меня из терпения. Ты нарушил Закон, — проговорил мужчина. — Ты что, не помнишь, что там говорится? Разве вы не люди? Упрямая звериная плоть заставила тебя забыть Закон. Тот, кто нарушает Закон, попадает в Дом страданий. Я же тебе сказал — меня зовут доктор Моро.

— Ты не доктор, — небрежно бросил Вук. — Ты вообще пустое место. А вот бабенка у тебя ничего. Знаешь, что мы сделаем, когда босс разделается с тобой? Мы с Иво придем в гости к твоей телке. Оттрахаем ее в лучшем виде.

Ну, что он несет? — с беспокойством подумал Иво. Зачем его дразнит? Он что, не видит, какие у парня глаза? Это же сумасшедший.

А сумасшедшие способны на что угодно.

Сворачивая на Пятдесят пятую улицу, Иво взмолился:

— Да хватит тебе, Вук.

— Нет, Иво, не хватит. Я просто хочу, чтобы он знал, как мы будем развлекаться с его бабой. Ду-

мню, ей понравится. Хоть узнает, что такое настоящие мужики. А потом займемся девчонкой.

Иво почувствовал, что атмосфера в машине сгущается, как перед грозой. Вот-вот ударит молния.

— Вук, ну я прошу тебя!

— Вук? — засмеялся мужчина. — Вот это имечко! Как будто кто-то пукнул. Но для тебя самый раз, человек-осел. Глупое имя, дурацкие волосы, тупое животное.

Иво почувствовал сзади какое-то движение. Он понял, что Вук направил пистолет в лицо пленника. В глазах мужчины вспыхнуло торжество — он этого ждал.

— Вук, остановись!

Резко свернув вправо, Иво нажал на тормоз. Когда машина остановилась, он выхватил пистолет из кобуры, но было уже поздно.

Он услышал, как мужчина прорычал:

— Вы подняли руку на своего создателя. Вам нет спасения!

Сзади раздался выстрел, и что-то теплое обрызгало Иво всю шею. Подняв пистолет, он обернулся назад и увидел дуло, направленное в его правый глаз. Из этого узкого тоннеля в вечность вдруг вырвалось пламя, и все залил яркий белый свет, который поглотил его навсегда.

5

Вне себя от ярости, Джек выскочил из машины и направил на нее пистолет Рыжего. Захватчики мертвы. Они получили по заслугам за то, что осмелились угрожать его женщине.

В мозгу мелькает мысль: *А разве сам я не угрожал им несколько минут назад?* Но он отмахнулся от нее, как от назойливой мухи. Это совсем другое дело. То, что позволено мне, возбраняется другим.

Когда они его захватили, ему потребовалась вся его незаурядная сила воли, чтобы не оторвать им головы. Но он решил дать им шанс исправиться. В конце концов, он их создатель, добрый доктор Моро.

Джек Моро.

И дело тут не в страхе. Простой смертный, конечно, испугался бы, увидев оружие в руках человекообразных существ, но только не он. Он, не ведая страха и сомнений, делает то, что считает нужным, берет то, что хочет и когда хочет, с полной уверенностью в своей правоте и с сознанием того, что ни одно из низших существ не имеет права и возможности его остановить.

О, он был великолепен, действовал быстро и безупречно, не оставив этим двум существам ни единого шанса на спасение. Но что же тут удивительного? Разве не он их создал из бессловесных тварей? Жаль, конечно, их терять, но они стали возвращаться к своей животной сущности, их звериная плоть вылезла наружу, и они забыли Закон. А это карается смертью.

Нет, подожди. Нарушителей Закона следует возвращать в Дом страданий, а не убивать. Он про это забыл. Ну да ладно.

Теперь, когда творения его рук мертвы, очередь за машиной. Она принадлежит врагу, тому, кто хочет отнять у него город. А раз ее не пошлешь в Дом страданий, надо расправиться с нею на месте.

Всаживая пулю за пулей, Джек изрешетил крылья машины. Раздаются испуганные крики, кидаются врассыпную немногочисленные прохожие, но Джек упрямо продолжает спускать курок.

Вдруг над багажником взрывается пламя и раздается взрыв. Джека сбивает с ног, обдает волной горячего воздуха, на него сыплются осколки стекла.

Оглушенный, он с трудом встает на колени, моргает, кашляет, потом поднимается на ноги. Замеча-

ст, что волосы на руках обгорели, а кожа обожжена и покрыта сажей. Рубашка разорвана, по груди течет кровь. Джек трясет головой, чтобы избавиться от шума в ушах.

На противоположной стороне улицы горит машина. Она погибла. Ее уже ничто не спасет. Проклятое дьявольское отродье сожжено у позорного столба.

Он почувствовал тяжесть в руке. Пистолет Рыжего системы «Токарев». Джек с трудом вспоминает, как он к нему попал. Смотрит на пистолет. Затвор открыт, обойма пуста. Патроны, должно быть, остались в машине, так что от этой штуки теперь никакого толку. Джек бросает пистолет в горящую машину и оглядывается вокруг.

Где он? На дне пропасти. Его обступили громады домов. Ах да, пятидесятые улицы. Где-то рядом живет Джиа. Джек замечает такси, остановившееся чуть впереди горящей машины. Водитель высывается в окно. Хочет дать задний ход, но мешают сдущие сзади машины.

Джек направляется к такси. Водитель поворачивается, с ужасом смотрит на него и пытается отогнать взмахом руки.

Что? Такси в моем городе не хочет меня везти? Что происходит? Они все с ума посходили, что ли?

Джек продолжает двигаться к машине. Водитель опускает руку. Он не похож на верующего, но на лице у него написано, что, будь у него крест, он бы поднял его, чтобы отринуть это обгоревшее исчадие ада. Кажется, хочет уехать (даже не думай об этом, парень), но потом меняет свое решение. Выскакивает из машины и бежит по направлению к Пятой авеню.

Джек останавливается и смотрит ему вслед. Ну и дела. Что сегодня происходит с людьми? Первое его побуждение — догнать этого негодяя и поучить его хорошим манерам, но перед ним стоит маши-

на, двигатель работает, дверь открыта, как бы приглашая его внутрь.

Похоже, придется ехать самому.

Но за руль он садится с некоторыми колебаниями. Салон машины напоминает помойку. Пустые бутылки, бумажки от «сникерсов» и печенья, шелуха от фисташек — все это толстым слоем покрывает пол. Слышится какая-то варварская музыка — кажется, поют на фарси. Но во всяком случае, приемник на месте. Чего не скажешь о воздушной подушке: отделение, где она должна находиться, похоже на разинутый беззубый рот. Либо ее украли, либо она отработала свое, а водитель не удосужился ее заменить.

Совершенно неподходящее транспортное средство для такой важной персоны, как доктор Джек Моро, но выбирать не приходится. Джек включает передачу и трогается с места.

Минуточку. А куда же он едет?

Прочь из города, вдруг мелькает у него в голове. *Скорее, скорее.*

Он не помнит, почему ему надо отсюда бежать. Но мысль эта глубоко засела у него в мозгу. Так куда же он едет?

Когда Джек проезжает мимо горящей машины, его вновь охватывает ярость. Он знает, кому она принадлежит. Драговичу. Этот сербский ублюдок послал своих прихвостней, чтобы они его похитили и привезли — куда? Да на его виллу в Хемптон-е, туда, где Джек давеча намусорил.

Теперь он знает, куда надо ехать.

— Ты хотел поговорить по душам, Драгович? — кричит он, сворачивая к мосту на Пятьдесят девятой улице. — Давай потолкуем!

Джек вздрагивает, когда видит свое отражение в переднем зеркале. На него смотрит какой-то незнакомец с измазанным сажей лицом, обгоревшими

бровями и всклокоченными волосами. Внезапно он осознает, что лицо это — его собственное.

— Черт бы тебя подрал, Драгович! — кричит он, ударяя по рулю. — Ты за это заплатишь!

Въехав на мост, он жмет на газ. Такси кое-как прибавляет скорости. Солнце светит как-то особенно ярко, а вот птицы летают слишком медленно. Машины вокруг тоже еле ползут, словно время для них течет по другим законам.

И вдруг его осеняет. Он не доктор Моро. Он высшее существо. Сверхчеловек. Пусть его машина еле плетется, зато сам он обладает поистине исполнинской силой. Он подобен богу.

Король дороги.

Движение на мосту не слишком интенсивное — сейчас в основном все едут в город, — но все же машин хватает. Король дороги начинает рыскать из стороны в сторону, выделявая немислимые фигуры. Он перестраивается из ряда в ряд, подрезая окружающие машины, водители которых возмущенно сигналият и жестикулируют.

Да пошли они все.

Вдруг он замечает, что в левом ряду совсем свободно. Но туда его не пускает синий «вольво». Джек пристраивается за ним, буквально садясь ему на бампер. Водитель, молодая женщина, рассеянно теребит волосы рукой, не обращая на Джека никакого внимания.

— Эй, лееедиии! — кричит он, отчаянно сигналия. — Король дороги едет! Дорогу королю!

Но она продолжает двигаться дальше, не уступая дороги и по-прежнему игнорируя его присутствие. Джек начинает закипать.

Зажатый машинами, он никак не может ее обогнать, так что ему остается лишь неистово сигналить.

— Лееедииииии! — вопит он и стискивает зубы. Ему кажется, что он сейчас взорвется. — Хватит

возиться со своими волосами, освободите дорогу королю!

Но она и не думает отъезжать в сторону, никак не реагируя на его вопли.

Ну, хватит. Джек жмет на газ и въезжает ей в бампер. Восхитительное ощущение!

Теперь-то она обратит на него внимание.

Женщина подскакивает на сиденье и, оглянувшись через плечо, кладет обе руки на руль. Дошло, наконец, что она мешает королю дороги.

— Съезжай! Съезжай! — кричит он, показывая рукой вправо.

Но она продолжает торчать в своем ряду — даже бровью не повела. Джек опять сигналил и нажимает на педаль. На этот раз она успевает отскочить вправо.

— Ну наконец-то!

Проезжая мимо, он с трудом удерживается от того, чтобы не сбросить ее паршивый «вольво» с моста. Двинуть его как следует в бок, пусть кувырнется через перила. Он король дороги и обязан сделать это ради всех водителей в его асфальтовых владениях. Спихнуть ее в реку, пусть попьет водички из Ист-Ривер. А уж крику-то будет. Но нет, он не может терять время. В его жизни есть пятна и потемнее — черная гнойная язва на восточном горизонте, смердящая грязная куча по имени Драгович. Сам Господь Бог посылает его в Ист-Хемптон, чтобы смести этого нечестивца с лица земли.

И Джек равнодушно проезжает мимо. На этот раз тебе повезло, милашка. Взглянув в зеркало, он видит, что она звонит по сотовому телефону.

Давай, давай, крошка, звони копам. Звони в пожарную команду. Звони куда хочешь. Скажи им, что король дороги прогнал тебя из левого ряда, но сохранил тебе жизнь. Они скажут, что тебе еще повезло. Запомни, дорогая: если король дороги опять засечет тебя в левом ряду, он не станет церемониться.

Джек чувствует себя превосходно до самого бульвара Куинс, но потом его начинает душить злость — на эту женщину, на парней, которые пытались его похитить, на Драговича и все эти проклятые машины на дороге. Он ненавидит их всех в равной мере. Это противоестественно, и в глубине души он это осознает, но сделать с собой ничего не может.

Ну, ничего, пока все под контролем. Свою злость он прибережет для Драговича.

Потом Джек попадает в пробку. Какие-то ремонтные работы на бульваре Куинс, как раз перед скоростной автострадой Бруклин—Куинс. Во всяком случае, там висит знак, но никаких работ явно не ведется. Тем не менее место это отгорожено и машины перестраиваются в один ряд.

Джек снова начинает закипать. Будь у него возможность, он поехал бы по крышам стоящих впереди машин. Однако должен ползти за ними, как черепаха. Какое унижение для короля. Время от времени Джек закрывает глаза и начинает глубоко дышать, чтобы успокоиться и не крутить руль, пытаясь уйти в сторону.

Впереди, в четверти мили отсюда, он видит эстакаду, по которой несутся машины. Скорее бы оказаться там. Еще несколько десятков метров, и он свободен. Короткий бросок к югу, и он на шоссе, по которому до Драговича рукой подать. Но пока он вынужден томиться здесь...

Внезапно рядом с ним оказывается новенький черный «мерседес».

Откуда он взялся?

Вероятно, объехал такси слева, пока Джек смотрел на эстакаду, и сейчас пытается втиснуться перед ним. Джек поражен... он не может поверить, что кто-то смеет так вести себя с королем.

В глазах у него темнеет.

Издав нечленораздельный крик, скорее похожий на звериное рычание, он жмет на педаль и ударя-

ет в переднюю дверь. «Мерс» откатывается назад. Пока водитель, едва различимый за темным стеклом, с изумлением взирает на него, Джек отъезжает на пару футов назад, поворачивает руль влево и прикладывает «мерс» в заднюю дверь, но теперь уже гораздо сильнее. Потом выскакивает из своего такси.

Позади слышатся одобрительные возгласы и аплодисменты, но ему не до них. Сейчас его интересует только этот сукин сын в костюме за несколько тысяч долларов, с тщательно уложенными седоватыми волосами, который вылезает из своего «мерседеса», чтобы наброситься на короля дороги. Ну, погоди, дружок, сейчас я так тебя отделаю, что в другой раз неповадно будет.

Взглянув на Джека, водитель широко раскрывает глаза. Обгоревшие волосы, обожженная кожа и разорванная окровавленная одежда — Джек выглядит так, словно он только что вывалился из горящего дома. Неистовые вопли и сжатые кулаки довершают устрашающую картину.

— Ты что думаешь, раз ты на «мерине», так можешь всех подрезать как хочешь, черт бы тебя подрал. «Давай, не зевай» — так, что ли? Но тебе не повезло, приятель. Ты подрезал короля дороги и за это ответишь!

Джек прыгает на багажник, пытаясь достать водителя. Он готов разорвать его на куски голыми руками. Водитель бледнеет. Разъяренное выражение на его лице сменяется испугом. «Ну я и влип», — отчетливо читается в его глазах, когда он прячется в машину, пытаясь закрыть дверь. Но Джек, взгромоздившись на крышу, отталкивает дверь ногами.

И вот он уже выволакивает водителя из машины, а тот, брыкаясь и царапаясь, умоляет его не трогать и лепечет, что сожалеет о случившемся.

Конечно, теперь вы сожалеете, мистер Мерседес, но минуту назад вы пели совсем по-другому.

Джек собирается врезать ему по морде, но тут бедняга напускает в штаны. Как трогательно. Потом он вдруг начинает рыгать, давиться и — о, ужас — громко пукать.

Джек наносит водителю удар под дых, и его завтрак извергается на бетонное ограждение. На этом все кончается. Кому хочется марать руки об облепанного.

А теперь давайте меняться, мистер Мерседес. Заключим джентльменское соглашение. Я буду мистер Мерседес, а вы — мистер Таксист. А если вам не нравится мое предложение, можете катиться отсюда *на своих двоих*.

Джек дает ему пинка и садится в машину. Счастливого оставаться. Он рывком переключает передачу и вклинивается в просвет, который появился между машинами, пока они с водителем слегка подискутировали. В машине прохладно и чем-то приятно пахнет. Вот такая тачка ему подходит, классная езда, только уж слишком назойливо мигает сигнал «пристегнуть ремни». Будь у него пистолет, так бы и пальнул по нему.

Какие еще ремни? Королю дороги они ни к чему.

Ой, ой, смотрите, что у него здесь. Пижонские водительские перчатки.

Джек натягивает их на руки — ну прямо вторая кожа. Через полминуты он вырывается из пробки и несется по автостраде, которая приведет его к скоростному лонг-айлендскому шоссе. Ощущение такое, что плывешь под парусами.

Джек разгоняет «мерс» до восьмидесяти миль и движется так минут пятнадцать, пока перед его глазами не возникает указатель поворота на Глен-Коув-роуд.

Вау! Глен-Коув-роуд. Она же ведет в Монро. А там все еще торчит этот паскудный балаган с меченым ракшасой в клетке.

Джек сует руку за пазуху и ощупывает шрамы на груди. Следы когтей Меченого. Он так и не рассчитался с этой тварью. Наоборот, прогнал тех двух уродов, которые тыкали его прутом. Какого дьявола он это сделал? О чем он думал? Меченый посмел ранить самого короля. Разве можно спускать такое? Надо бы поехать и разобраться с ним, сейчас как раз подходящий случай. Да, сэр, сделаем небольшой крюк, чтобы дать в зубы подлому раکشасе.

Джек крутит руль вправо и пересекает сразу три полосы, попутно подрезая «линкольн» и «шевроле». Но на Глен-Коув-роуд быстрая езда кончается. Джек пытается оживить движение, петляя, как слаломист, но скоро шоссе переходит в узкую проселочную дорогу, и он опять начинает злиться, потому что никто не понимает, как здесь надо ездить.

Эй, вы, остолопы! Сегодня не воскресенье, тащите быстрее свои задницы или убирайтесь с дороги!

Джек садится машинам на бампер, непрерывно сигналит, включает фары, проскакивает на красный свет и вдруг замечает позади себя красные вспышки.

Местный полицейский. Он еще не знает, с кем связался. Никто не смеет цепляться к королю дороги.

Джек продолжает ехать, не обращая на копа внимания, но у того хватает наглости включить сирену. Всего на несколько секунд, но Джека это приводит в бешенство. Пора проучить зарвавшегося нахала. Джек увеличивает скорость — несильно, но вполне достаточно, чтобы дать понять этому щенку, что с «мерседесом» ему тягаться слабо.

Джек не видит лица копа, но тот, наверное, уже пишет кипятком, пытаясь догнать его на своем ведре, — надрывается сирена, бешено крутится мигалка, вспыхивают фары.

— Хочешь достать меня? Валяй.

Джек вжимается в сиденье и бьет по тормозам. Его подбрасывает вверх — полицейская машина с ходу врежется ему в зад. Джек видит, как копа накрывает белой волной. Он раскатисто смеется.

— Вот и грызи свою подушку, легавый!

Но, проехав пару миль, Джек замечает у себя на хвосте еще одну полицейскую машину с сиреной и мигалкой. До Монро уже недалеко, но теперь это не имеет значения — коп прилип как банный лист. Джек увеличивает скорость в надежде подловить и этого, но коп номер один, должно быть, успел настучать, и коп номер два держится на приличном расстоянии. Джек то разгоняется, то сбрасывает скорость, стараясь заманить его в ловушку. Возможно, он слишком засмотрелся в зеркало заднего вида при очередном разгоне. Когда он переводит взгляд на дорогу, то видит прямо перед собой разворачивающийся рыдван с чертовым азиатом за рулем. Джек буквально встает на тормоза и выворачивает руль влево, бросая машину поперек дороги. И все бы обошлось, если бы не этот джип «шевроле» размерами с «юнкерс», который катится по встречной полосе. «Мерс» влетает ему в бок, как пушечное ядро, и переворачивается на бок, посылая Джека в свободный полет по салону. Он чувствует себя зернышком между жерновами.

Видя, как его лицо стремительно приближается к переднему стеклу, он с тоской вспоминает о сигнале «пристегните ремни», которым легкомысленно пренебрег. Потом сознание покидает его, а вместе с ним исчезают и все воспоминания.

6

Люк беспокойно ерзал в кресле в своем уставленном книгами кабинете. Пора что-то предпринимать. Он не пошел на работу и просидел все

утро дома, проверяя по компьютеру список пришедших сотрудников. Надя до сих пор не появилась.

Он взглянул на часы. Почти одиннадцать. Теперь она уже вряд ли придет. Надо позвонить в клинику. Люк набрал номер.

— Диабетическая клиника, — ответил женский голос.

— Здравствуйте. Доктор Радзмински на месте?

— Ее сегодня не будет.

— А когда она ушла?

— Простите, а кто ее спрашивает?

— Доктор Монне. Она у меня работает.

— Да, да. Она о вас говорила.

Вот как? Интересно, что.

— Вы знаете, она уже ушла, и я думаю...

Люк терпеливо выслушал, как доктор Радзмински переживает из-за того, что пропал ее жених, время от времени издавая сочувственные возгласы. Нужно же показать, как он озабочен исчезновением сотрудника.

Узнав, что Надя ушла позже, чем обычно, — почти в половине десятого, — Люк попросил передать ей, чтобы она немедленно позвонила ему в офис, если она все-таки вернется.

Откинувшись на спинку кресла, Люк взял чашку с кофе, пытаясь представить, что сейчас происходит с Надей. Скорее всего, она уже успела выпить свой утренний кофе из кружки с надписью «НАДЯ» и теперь где-то носится в наркотическом угаре.

Люк вздохнул с облегчением, к которому примешивалась жалость. Интересно, где она сейчас? Его одолевало чисто профессиональное любопытство: во что может превратить «локи» такого милого и уравновешенного человека, как Надя. Он вспомнил записку об одной кроткой и безобидной домашней хозяйке, которая, приняв большую дозу,

предложенную неким доброжелателем, исполосовала своего грубого супруга ножом. Будем надеяться, что Надя обойдется без кровопролития. Хватит и того, что ее арестуют за буйное поведение. В любом случае доверие к ней будет подорвано.

Люк поднялся и вышел в соседнюю комнату, уставленную ящиками с бутылками, готовыми к отправке. Он успел упаковать почти все. Осталось всего четыре ящика.

Взглянув на экран телевизора, Люк увидел, что там опять крутят пленку с Драговичем. Он уже видел ее раза три, но не смог отказать себе в удовольствии посмотреть в четвертый. Когда Драгович стал суматошно палить по вертолету береговой охраны, Люк не смог сдерживать улыбки. Просто восхитительное зрелище.

Он попытался представить всю ту глубину унижения, которую пережил Драгович. Кто же устроил это замечательное представление? Люк был готов расцеловать этого таинственного благодетеля.

Но как ни хотелось ему посидеть у телевизора, переключая каналы, чтобы увидеть все это еще раз, пора было заняться делами. Его последний день в Америке был заполнен до предела. В три придут посыльные, и надо успеть уложить последние бутылки. Когда ящики благополучно отбудут во Францию, он съест свой последний обед в Нью-Йорке и отправится в аэропорт. В груди у него сладко заныло. Он заказал билет на вечерний рейс до Парижа. Через одиннадцать часов он будет уже в самолете...

Зазвонил телефон. Кто это может быть? Его партнеры предпочитали голосовую почту. Джек посмотрел на дисплей: «Н. Радзмински». Сердце у него замерло. Он схватил трубку:

— Алло!

В горле у него пересохло, и голос звучал как-то странно.

— Доктор Монне, это Надя. Я пыталась звонить вам в офис, но...

— Слушаю вас, Надя. Как ваши дела?

Вопрос был задан не просто из вежливости. Он действительно хотел это знать.

— Ужасно, — ответила она, еле сдерживая слезы. — Я только что вернулась из Бруклина. Целый час давала показания в 84-м полицейском участке. Они даже не знают, где его искать.

Голос у нее дрожал, но речь была вполне осмысленной. Как это может быть? Ведь «локи»...

— Мне очень жаль, Надя. Могу я вам чем-нибудь помочь?

— Да, — ответила она с некоторым металлом в голосе. — Я только что вышла из метро и нахожусь в двух кварталах от вас. Мне бы хотелось кое о чем с вами поговорить.

Боже милосердный! Она хочет прийти сюда? Нет, это невозможно. Увидев все эти упакованные бутылки, она сразу обо всем догадается...

— Я уже собирался уходить. Может быть, поговорим позже?

— Это очень срочно. — Голос ее зазвучал еще жестче. — Либо вы мне все объясните, либо вопросы будут задавать мои друзья из 84-го участка.

Люк упал в кресло. Сердце у него бешено забилося, перед глазами поплыли круги. Неужели это «локи» так подействовал на нее? В любом случае к себе он ее не пустит.

— Я не совсем понял вас. Вы, видимо, очень расстроены. Давайте встретимся на улице. Мы можем поговорить, пока я жду такси.

— Хорошо, — сказала Надя и положила трубку.

Люк был в тонком свитере и домашних брюках. Накинув пиджак, он поспешил на улицу. Надя только что подошла. Выглядела она ужасно — бесформенный дождевик, опухшее лицо, красные глаза, но в поведении ее не было ничего необычного.

И все же...

— Пойдемте прогуляемся немного, — предложил Люк, беря ее под руку и уводя в сторону от своего дома. — В чем же я должен вам признаться?

— В том, что вы имеете отношение к исчезновению Дага.

Люк остолбенел. Слова застряли у него в горле. Наконец он справился с собой.

— Что? Как вы можете утверждать подобные вещи?

— Даг кое-что знал. Он взломал компьютерную сеть компании и выяснил, на что расходуются средства, выделяемые на научные разработки.

— О чем вы? С какой стати вдруг...

В голосе Люка звучало неподдельное удивление.

— Я тоже кое-что знаю. Мне известно, что «локи» — это наркотик, который продают на улице, а сами вы имеете какие-то дела с Милошем Драговичем.

Люк испуганно огляделся по сторонам. Начиналось время обеда, и улица была заполнена людьми.

— Ради бога, не так громко, Надя!

— Хорошо. — сказала Надя, чуть понизив голос. — Но скажите мне... я хочу услышать это от вас: имеете ли вы отношение к исчезновению Дугласа?

— Нет! Конечно нет!

В голове у Люка пронесся вихрь мыслей. О боже, она знает и о Драговиче, и о «берсерке», и обо всем остальном! Как это случилось? И почему сейчас, когда он так близок к избавлению?

— Так как насчет Драговича?

Думай! Думай! Думай!

— Надя, вы же знаете, что любой может купить акции нашей компании. К сожалению, Драгович владеет большим пакетом и...

— А что его связывает лично с вами?

На минуту Люку показалось, что его допрашивает в суде прокурор.

— Довольно сложные отношения. Я вам объясню как-нибудь в другой раз. Одно могу сказать наверняка: мистер Драгович не имеет никакого отношения к похищению Дугласа по той простой причине, что он просто не знает о его существовании.

Последовала долгая пауза. Они уже дошли до Легсингтона. Люк повернул налево, в сторону ее дома и подальше от его собственного.

Наконец она произнесла:

— Я собираюсь сообщить в полицию о причастности Драговича к этому делу.

Нет!

Люк постарался говорить как можно спокойнее.

— Не будьте столь опрометчивы, Надя. Вы создадите много проблем ни в чем не повинным людям, но это не поможет вернуть вашего Дугласа.

— Я в этом не уверена.

— Пожалуйста, не торопитесь. Отложите это хотя бы до вечера, прошу вас. Милош Драгович, конечно, негодай, но, клянусь вам всеми святыми, он не имеет никакого отношения к пропаже Дугласа. Включите телевизор, и вам станет ясно, что сейчас его мысли заняты совсем другим.

Последовала еще одна пауза, более долгая. Надя закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— Возможно, вы и правы. Я не знаю. Но я так беспокоюсь, просто места себе не нахожу. Надо же что-то *делать*!

— Подождите хотя бы до вечера. Я уверен, к вечеру что-нибудь прояснится. Если нет, идите и сообщайте все, что считаете нужным. Но дайте полиции время, чтобы разобраться.

— Хорошо, — чуть слышно сказала Надя. — Подождем до вечера.

Отвернувшись, она пошла в сторону Легсингтона.

Люк прислонился к стене магазина электротоваров. Так, значит, Надя не выпила «локи». Или он

на нее не подействовал. Так или иначе, она на свободе и очень опасна.

Он перевел взгляд на экран телевизора в витрине магазина. Там опять возник Драгович. Совсем недавно Люк пытался представить, какое унижение тому пришлось пережить. Но если Надя пойдет в полицию... Он представил себе, как, сойдя с самолета, увидит французских полицейских, как вернется в наручниках в Нью-Йорк, где его встретит толпа фоторепортеров. Вот тогда он на собственной шкуре почувствует, каково пришлось Драговичу.

Найдя телефонную будку, он набрал номер, который уже знал наизусть. После трех гудков в трубке послышался низкий голос Озимандиаса Пратера.

— Пратер, это я, — осторожно начал он. — Мне опять требуются ваши услуги.

— Кто на этот раз?

— Научный сотрудник. Невеста того последнего. Она что-то подозревает.

Раздался ехидный смешок.

— Когда вы берете на работу людей, вы их предупреждаете, что на вашей фирме у них нет будущего?

— Прошу вас. Дело очень срочное. Она может наломать дров.

— Правда? Это печально.

— Вы можете это сделать? Прямо сейчас?

— Среди бела дня? Исключается. Слишком большой риск.

— Ну, пожалуйста! — с мольбой произнес Люк. Ему претило упрашивать этого человека, но выхода не было. — За двойную плату.

— За двойную? Вы сказали, что она невеста того последнего? Это меняет дело. Но мне нужна кое-какая информация.

Вздыхнув с облегчением, Люк сообщил Пратеру все необходимые сведения: имя, адрес, номера те-

лефонов, с кем она живет. Господи, когда это кончится...

— Я подошлю кого-нибудь за деньгами.

— У меня все подготовлено, — поспешно заверил его Люк.

Он заплатит из своих собственных денег. Сейчас пойдет и снимет со счета.

— Отлично. Как постоянному клиенту, я сделаю вам скидку.

— Правда? Каким образом?

— Увидите. Не забудьте: деньги через час.

Люк повесил трубку и направился к ближайшему отделению Сити-банка. Большая часть его сбережений была уже переведена в Швейцарию, но на счете еще оставалось более чем достаточно, чтобы расплатиться с Пратером.

Люк остановился и глубоко вздохнул. Вот к чему привели его попытки найти гуманный выход из положения. Если бы он раньше обратился к Пратеру, все было бы давно улажено.

Люк взглянул на часы. Полдень. Еще десять часов до отлета. Может быть, стоит обменять билет на более ранний рейс? Расплатившись с Пратером, он сразу же позвонит своему транспортному агенту. В Нью-Йорке становится слишком опасно.

7

Очнувшись, Джек не сразу понял, что находится в больнице. Но капельница над его левой рукой не оставляла в этом никаких сомнений.

Небольшая палата на двоих, но вторая кровать пуста. На противоположной стене темный экран выключенного телевизора. Трещины на стенах и потолке, облупившаяся краска на дверях. Да, место это знало лучшие времена.

Так же как и его голова, — сейчас она просто раскалывалась от боли. Все остальные части тела

чувствовали себя не лучше. Джек сел и сразу пожалел об этом — комната поплыла у него перед глазами. Его стало мугить, левый бок пронзила острая боль. Джек ухватился за боковые рейки кровати, стараясь удержаться в вертикальном положении.

Ожидая, пока стены перестанут качаться, Джек попытался вспомнить, как он сюда попал. Постепенно в памяти стали всплывать отдельные эпизоды... смена машин, выстрелы, столкновения, копы — и пад всем этим царил бесшабашная веселость, сменяющаяся приступами безудержной ярости. Настоящий психоз, наркотический транс...

«Берсерк». Да, теперь он вспомнил. Его накачали этой гадостью, обращающей людей в безумцев, и произошло это у Нади в кабинете, когда она угостила его кофе. Какой ей смысл подсаживать его? Значит, эта отравка предназначалась ей.

Джек моментально догадался, чьих это рук дело. О причинах он подумает позже. Сейчас надо как-то выбираться отсюда.

Интересно, который час? В палате не было часов. Сколько времени он здесь находится? Последнее, что он помнил, были преследующие его полицейские...

Копы... значит, он под арестом?

Голова у него заболела еще сильнее. Он посмотрел на свои руки — не слишком чистые, но следов краски на них нет. Значит, отпечатков пальцев у него еще не брали. Джеку очень не хотелось, чтобы они попали в полицейскую базу данных. До сих пор ему удавалось этого избегать.

Он заметил на руке пластиковый браслет. В графе «Имя пациента» было написано: «Джон Доу»¹.

¹ Дж о н Д о у — условное обозначение мужчины, имя которого неизвестно или не оглашается по каким-либо причинам.

Джон Доу... можете называть меня просто Джек. Следующий вопрос: есть ли у него охрана?

Скорее всего, есть, но не мешает проверить. Дверь в коридор была приоткрыта. Достаточно выглянуть, и все станет ясно.

Джек откинул боковую рейку и спустил ноги на пол. Но тут стены снова начали выделять кренделя. Он положил, пока им надоест, потом попытался подняться, держась за штатив от капельницы. Комната начала раскачиваться, но уже не так сильно. Джек почувствовал, как по спине пробежал холодок. Оказалось, что он облачен в голубой больничный халат с завязками на спине и надписью «Муниципальная больница Монро».

Опять Монро. Никуда от него не денешься. Хоть переезжай туда.

Ну уж нет.

Возможно, его одежда где-нибудь поблизости. Но сначала надо осмотреться.

Опираясь на штатив, он кое-как доковылял до двери и осторожно выглянул в коридор. Сердце у него упало — у противоположной стены стоял полицейский и разговаривал с медсестрой.

Только один коп. Но какой! Размером с двухдверный холодильник. Бляха на его груди была похожа на магнит, которым хозяйки прикрепляют к холодильникам записки. Возможно, в другое время Джек сумел бы с ним справиться. Но сейчас он не одолел бы и подростка.

Остается только один путь. Джек пересек палату и подошел к окну. Ноги держали его уже лучше, но, когда он проходил мимо зеркала, его опять зашатало. То, что он там увидел, повергло его в ужас: красная обожженная кожа, сгоревшие брови, распухший нос и белая повязка на голове. Сдвинув бигт, он увидел, что надо лбом тянется ряд аккуратных стежков. И что хуже всего, волосы вокруг шва были выбриты начисто.

Франкенштейн, выскочивший из горящей мельницы, выглядел и то привлекательней.

Джек покачал головой. Плохи дела.

Настроение у него совсем упало, когда он подошел к окну. Его палата находилась на третьем этаже, а внизу была автостоянка. Его ждало еще одно разочарование — шкафы оказались пусты. Возможно, копы забрали его одежду как вещественное доказательство, или, что вероятнее, ее просто выкинули на помойку.

В приступе ярости Джек занес кулак, чтобы разбить дверь шкафа, но вовремя сдержался. Правда, с большим трудом.

Что он делает? Какая глупость. На звук удара немедленно прибежит дюжий полицейский.

Должно быть, это «берсерк» все еще бунтует у него в крови. Жидкость из капельницы, конечно, понизила его концентрацию, но все же следует быть осторожным.

Кстати, надо бы снять эту капельницу. Джек содрал липкую ленту, вытащил иглу из вены и снова залепил отверстие пластырем.

Потом он опять подошел к окну. В палате было два старомодных окна с подъемными рамами и опускающимися сетками. Пока он лежал без памяти, погода испортилась. Небо закрыли тяжелые темные тучи. Джек поднял раму и выглянул наружу. По стене, где-то на уровне пола, тянулся узкий выступ. Слева был виден угол здания, справа — еще несколько окон.

С печальной безысходностью Джек осознал, что эти окна — его единственный шанс. А что, если он сорвется, пытаясь до них добраться? Рамы могут быть запертыми, а в соседней палате могут оказаться люди.

Но выхода не было. Если его арестуют и отдадут под суд, это будет означать конец той жизни, которой он жил. В ходе расследования обязатель-

но выяснится, что он не числится ни в каких документах — такого просто не существует. Тогда им обязательно займутся федералы. Они будут долго выяснять, не шпион ли он, а выяснив, передадут его в налоговое управление, которое непременно заинтересуется, почему он столько лет уходил от уплаты налогов. В общем, выпутаться не удастся.

Так что окно было его единственной надеждой, и если он не поспешит, то потеряет и ее. Как только большой синий коп закончит болтать с сестрой, он немедленно сунет нос в палату, чтобы посмотреть, не оклемался ли его подопечный.

Закинув ногу в окно, Джек чуть слышно застонал — то ли от боли, то ли от отчаяния. Оседлав подоконник, он осторожно нащупал ногой кирпичный карниз. Он был не шире трех дюймов, и нога помещалась там с трудом. Хотелось бы, чтобы он был пошире, но слава богу, что есть хоть такой. Согнувшись, чтобы пролезть в окно, Джек чуть не закричал от резкой боли в ребрах.

Оказавшись снаружи, Джек опустил сетку. Следующая пара окон находилась в шести футах от него, но до нее было далеко, как до луны.

Раскинув руки и прижавшись к стене, Джек начал осторожно двигаться по карнизу. Краем глаза он увидел, что на стоянке внизу мелькнуло белое пятно — пожилая женщина с палкой прихрамывая шла к больнице. В этот момент порыв ветра высоко задрал полы халата Джека.

Только не смотрите вверх, мадам. Возможно, увиденное вам понравится, но мне вы порушите всю жизнь.

Он продолжал ползти по стене, чуть выдвигая левую ногу и подтягивая к ней правую. Все шло хорошо, но вдруг здание стало крениться влево. Усилием воли он подавил инстинктивное желание сместиться в сторону, чтобы сохранить равновесие. Так недолго сорваться вниз. Вжавшись в стену так,

что на его щеке отпечатались все неровности стены, он запустил пальцы в углубление между кирпичами и, стиснув зубы, повис, как паук на крыше несущегося поезда.

Наконец дом перестал качаться. Джек дождался еще несколько секунд для верности и двинулся дальше. Несмотря на холодный ветер, он обливался потом. Когда его рука, наконец, коснулась оконной рамы, он подавил облегченный вздох. Рано радоваться. Цыплят по осени считают.

Еще несколько дюймов, и его рука нащупала сетку. Ухватиться было не за что, и он просто проткнул сетку пальцем и дернул вверх. Она подалась. Отлично. Испуганных криков тоже как будто не слышно. Совсем хорошо. Он заглянул в окно — никого не видно.

Подняв сетку, Джек пролез внутрь. Опершись на подоконник, чуть помедлил, переводя дух. И тут раздался громкий храп. Джек медленно повернул голову. Точно такая же палата, как у него. Ближняя кровать оказалась пуста. Звук исходил из-за занавески, отгораживающей вторую кровать. Приподняв ее за край, Джек заглянул внутрь.

На кровати лежал грузный лысый мужчина средних лет. Над его руками висели капельницы, из ноздрей тянулись трубки, на груди был укреплен датчик с проводами, живот забинтован. Похоже, он только что из операционной.

Плохо дело. Джек знал, что после операций к больным часто наведываются сестры. Нельзя терять ни минуты.

Он открыл шкаф. Ура! Там висела одежда. Выцветшие брюки в желто-зеленую клетку. Парусиновые шлепанцы, атласная куртка с надписью «Островитянин» и спортивная кепка. Неважная одежонка, но Джеку показалось, что он нашел клад.

Все это было ему отчаянно велико, но выбирать не приходилось. Надвинув кепку на глаза, он вы-

глянул в коридор. Синий великан все еще любезничал с медсестрой. Джек выскользнул из палаты и двинулся по коридору в противоположную сторону.

Опустив голову, он быстро шел к выходу, лишь изредка поднимая глаза на указатели. Сердце у него отчаянно колотилось, нервы сжались в комок. Он все ждал, что раздастся вой сирены и со всех концов больницы сбегутся охранники. Но вокруг было тихо. Спустившись по лестнице, Джек прошел через вестибюль и выскочил на улицу.

Свободен! Во всяком случае, на какое-то время.

Ветер все усиливался, над землей нависли тяжелые тучи. Сейчас пойдет дождь. Надо убираться подальше от больницы. Джек хотел прибавить ходу, но каждый шаг отдавался острой болью в левой ноге. Голова гудела, как колокол, обожженное лицо горело на ветру.

Во всем остальном он чувствовал себя прекрасно.

Но где он находится? В прошлом месяце Джек пару раз проезжал через Монро, но сейчас ничего не узнавал. Все эти послевоенные пригороды с их фермами, заливчиками и аккуратно подстриженными лужайками выглядели совершенно одинаково. Наконец Джек увидел стрелку с надписью «Центр» и пошел в указанном направлении. Среди людей будет легче затеряться.

Обшарив карманы куртки, он обнаружил там больничные справки на имя Питера Харриса, несколько монет и две двадцатки.

Спасибо тебе, Питер Харрис. Как только выпутаюсь из этой истории, отдам тебе долг с процентами.

Телефонов-автоматов в центре не наблюдалось — возможно, они нарушали атмосферу старого китобойного поселка. Все же Джеку удалось найти один у рыбного ресторана, и он позвонил Эйбу.

— Эйб, меня нужно подвезти.

— Куда подвезти?

— Домой.

— А такси ты не можешь взять?

— Я попал в пробку.

Эйб вздохнул:

— А где эта пробка, в которую ты попал?

— В Монро. — Джек взглянул на вывеску. — У ресторана «Мемисон». Когда ты сможешь подъехать?

— Господи, Монро. А поближе ты не мог застрять? Ну ладно. Я подъеду к этому «Мемисону», но не раньше чем через полтора часа.

— Спасибо, Эйб. И знаешь что — позвони Джиа и скажи, что со мной все в порядке. Я бы и сам позвонил, но не хочу долго висеть на телефоне. Скажи, что мне подсыпали тот самый наркотик, от которого взбесились выпускники, но все обошлось.

— Ты в бегах и сидишь на мели в Монро... это называется «обошлось»?

— Все равно, скажи ей, Эйб.

Джек повесил трубку и огляделся. Предстояло убить полтора часа. Часы на здании банка показывали половину первого. Проклятье. Копы наверняка уже хватились его. Сначала они обыщут больницу, а потом начнут прочесывать город. Где же спрятаться?

И тут ему пришла в голову идея.

8

Зазвонил телефон. Надя не двинулась с места. В полиции она оставила номер своего сотового, а все остальные звонки ее не интересовали.

Она сидела в маминой комнате и вытирала глаза, глядя на колечко от «хрустиков», которое Даг вручил ей накануне. Перед глазами возникла картина: Даг сидит в трусах у компьютера, такой ми-

лый, простодушный и неотразимый. Надя снова залилась слезами.

Нехотя поднявшись с кресла, она подошла к окну. В парке Святого Варнавы играли дети. Надя остро почувствовала свое одиночество. Что делать? Куда обращаться? Неизвестность угнетала ее, лишая последних сил.

Даг, где ты? Что с тобой случилось?

— Надюша! — позвала ее мама с кухни. Голос ее звучал взволнованно, почти истерично. — Благодарение Богу! Он услышал мои молитвы. Это Дуглас!

Надя бросилась в кухню и буквально вырвала трубку из маминых рук.

— Даг?

— Надя! Как я по тебе соскучился!

Услышав его голос, Надя разрыдалась. Боже милосердный, это действительно он!

— О, Даг! Где ты был? Я чуть с ума не сошла от беспокойства!

— Извини, но раньше я не мог позвонить. У меня неприятности.

— Что случилось?

— Не могу сейчас сказать. Но еще неделю-другую придется провести в подполье.

— О господи! Какой ужас!

— Знаю. Слушай, ты не можешь подкинуть мне денег? Я боюсь снимать со счета.

— Ну конечно.

— Прекрасно. Можешь привезти тысячу?

— Ну, столько у меня просто нет.

— Ладно, вези, сколько сможешь.

— О'кей. А где я тебя найду?

— Я скрываюсь в окрестностях Монро. Знаешь такой городок?

— Это рядом с Глен-Коув?

— Точно. Приезжай и жди около телефонной будки у ресторана «Мемисон» на главной улице. Я позвоню тебе в два и скажу, где меня найти.

— Даг, это похоже на плохой шпионский боевик.

— Знаю, но мне больше не к кому обратиться. Прощу тебя, Надя. Я тебе все объясню при встрече.

При встрече... Господи, как она этого ждала. Увидеть Дага, дотронуться до него, убедиться, что с ним все в порядке.

Надя взглянула на часы. Надо зайти в банк, взять машину, доехать до Лонг-Айленда... Придется потопириться, чтобы успеть к двум.

— Хорошо. Я уже бегу.

— Спасибо, спасибо! Я тебя люблю. Ты не пожалеешь, обещаю.

Надя уточнила название ресторана, повесила трубку и бросилась к маме на шею.

— Он жив! Я сейчас к нему поеду!

— А где он? И почему не может приехать сам?

— Я тебе все потом объясню, ма. Главное, он нашелся. Остальное не важно.

— Позвони мне, когда встретишься с ним, — попросила мама. — Чтобы я знала, что *с тобой* все в порядке.

— Обязательно. Как только я его расцелую.

Вне себя от радости, Надя побежала за сумкой.

9

Ливень был поистине тропическим. Казалось, на Джека обрушился водопад. До входа в балаган оставалось всего четверть мили. Джек побежал, но боль в разбитых ногах и ребрах заставила его перейти на семенящий шаг. Когда он, наконец, добрался до цели, насквозь промокший и заляпанный грязью, настроение у него было отвратительное. Главный шатер все еще стоял, хотя вход был закрыт и билеты не продавались. Вокруг не было ни души.

Джек поднял откидную дверь и проскользнул внутрь. В спертом воздухе протекающего шатра сто-

ял запах мокрого сена и людского пота. Скользя в мокрых шлепанцах, Джек направился к клетке Меченого. Взглянув на ее обитателя, он похолодел.

Да, там по-прежнему сидел Меченый, но за те тридцать шесть часов, что прошли с их последней встречи, с ним произошла разительная перемена. Ракшаса обрел прежнюю силу и свирепость. Его темно-синяя кожа без единой царапины лоснилась, словно начищенная гуталином, ярко-желтые глаза горели сатанинским огнем. Он стоял в полный рост, вцепившись руками в прутья клетки.

Джек застыл на месте, пытаясь собраться с мыслями. Этот кошмар, похоже, никогда не кончится.

Умиравший ракшаса вдруг ожил и рвется на свободу.

Вдруг чудовище замерло, уставившись на Джека холодным взглядом василиска. Он почувствовал себя оленем, застигнутым светом фар восемнадцатиколесной фуры.

Отвернувшись, Джек быстро вышел из балагана. Снаружи он увидел фургон, в котором прошлый раз исчез Монне. Его брезентовый навес провис под тяжестью воды. На двери висела табличка с надписью «Озимандиас Пратер». Джек постучал.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Пратер, с изумлением взиравший на Джека.

— Кто вы?

— И я вас тоже приветствую. Я был здесь позавчера. Помните того парня, который спугнул билетера?

— Ах да. Спаситель ракшасы. Джек, если не ошибаюсь? Я вас не узнал. Вы как-то странно одеты.

— Не обращайтесь внимания. Я хочу поговорить с вами о ракшасе.

Оз отступил от двери:

— Входите, входите.

Джек вошел внутрь, стараясь отойти подальше от протекающего навеса. По металлической крыше

барабанил дождь. Достаточно пяти минут, чтобы сойти с ума от этого грохота.

— Вы его видели? — спросил Оз. Голос его гулко раздавался внутри фургона. — Отлично выглядит, не так ли?

— Как вы этого добились?

Оз удивленно посмотрел на него:

— Ну, дорогой мой, теперь, когда я знаю, что это за зверь, то могу обеспечить ему достойный уход. У меня есть книга о бенгальской мифологии, и там подробно описано, как надо кормить и содержать ракшас.

У Джека по коже поползли мурашки. И дело было вовсе не в мокрой одежде.

— Что... *чем* вы его кормите?

Оз в упор посмотрел на него. В его больших черных глазах не было и тени смущения.

— Да так, всякой всячиной. Как того требует бенгальская традиция. Не могу же я допустить, чтобы такое необыкновенное существо подошло с голоду. Вы, вероятно, знаете...

— Да, я *знаю*, что требуется ракшасам для поддержания жизни.

— Знаете? Вам что, известно о ракшасах все?

— Нет, конечно, но...

— Тогда давайте предположим, что я знаю о них больше вас. Вероятно, есть много способов поддерживать их жизнь. И я не считаю нужным обсуждать это с вами или с кем-либо другим. Короче говоря, он получает все, в чем нуждается, — криво усмехнулся Оз. — И ему очень нравится его теперешний рацион.

Джек знал, что ракшасы едят только одну пищу. Вопрос был в другом — кого? Понятно, что Пратер ни за что не скажет ему правды, не стоит и спрашивать.

— Вы понимаете, с каким огнем играете? Представляете, что будет с вашей трупой, если эта тварь

сумеет освободиться? Я уже имел удовольствие с ним встречаться, и уж поверьте мне, дружище, он просто разорвет вас на куски.

— Вы, вероятно, знаете, что железо лишает ракшас сил. У клетки железные прутья, а крыша, пол и стены обиты стальными листами. Он не убежит.

— Блажен, кто верует. Что ж, я вижу, мне вряд ли удастся убедить вас облить его керосином и чиркнуть спичкой.

— Даже не думайте.

Джек вдруг вспомнил, что говорили другие участники труппы в ту ночь.

— Почему? Потому что он ваш «брат»?

— Можно сказать и так.

Джек прислонился к косяку. Наконец что-то стало вырисовываться, правда, пока непонятно что.

— Все это имеет отношение к Иному?

На этот раз Оз среагировал живее. Он заморгал, как сова, и опустился в кресло, указав Джеку на стул. Тот покачал головой.

— А что вы знаете об Ином?

— Мне об этом кое-что рассказывали.

Другая реальность... неведомая сила, потусторонний мир, неумолимый и враждебный, вторгающийся в наше земное существование и жаждущий его гибели. Он породил ракшас и чуть не убил его — уже дважды. Джек верил в его существование, хотя не совсем понимал, что это такое. Но после того, что он увидел прошлым летом, сомнений быть уже не могло.

— Кроме того, я довольно близко познакомился с целым семейством ракшас. А ваши питомцы все оттуда? — спросил Джек, махнув рукой в сторону шатра.

— Дети Иного? Не все. Некоторые из них просто игра природы, жертвы генетических аномалий или неправильного развития, но мы тоже считаем их своими.

— А вы сами?

Оз молча кивнул. Интересно, какую печать наложило на *него* Иное, подумал Джек.

Он решил пойти ва-банк.

— А как доктор Монне узнал о ракшасе?

— Ему позвонили... — начал Оз и сразу осекся. Он кисло улыбнулся, обнажив кривые желтые зубы. — Вот вы меня и поймали.

Но Джек не отступал:

— Позвонили. Возможно, тот же самый человек, который и вас навел на ракшасу?

— Может, да, а может и нет.

Джек был абсолютно уверен, что да. Это объясняло все происходящее. Тут был своего рода план: спасти ракшасу, извлечь наркотик из его крови и распространить его повсюду, чтобы землю захлестнула волна насилия и хаоса.

Ведь хаос — это главное оружие Иного.

— А Монне знает о том, что ракшаса поправился?

Оз покачал головой:

— Пока нет. Он нашел в его крови... нечто интересное. И очень расстраивался, что носитель этой крови погибает. Я еще не успел его порадовать, — с улыбкой сказал Пратер.

Вот и пусть изводится, подумал Джек. Так ему и надо.

— Вы хорошо осведомлены, — продолжал Оз. — Но чутье мне подсказывает, что вы не из нашей компании. Как вы впутались в это дело?

— Не по своей воле, точно могу вам сказать. Но последнее время я постоянно сталкиваюсь с этим чертовым потусторонним миром.

— Значит, вы были в Монро в прошлом месяце, когда здесь произошло это *чудесное* явление?

— Не знаю, как вам, но мне исчезновение дома вовсе не кажется «чудесным».

— Я не о доме говорю, а о тех силах, которые заставили его исчезнуть.

— Возможно, окажись вы в этом доме, восторгов бы у вас поуменьшилось, — заметил Джек, взглянув в блестящие глаза Оза. — А может быть, и нет. Но мы отклонились от главной темы. Надо что-то решать.

Хозяин поднялся с кресла. Лицо его потемнело.

— Выкиньте эту идею из головы, если не хотите оказаться у ракшасы в клетке. — Подойдя вплотную к Джеку, он слегка подтолкнул его к выходу. — Я вас предупредил. Всего хорошего, сэр.

Вытянув длинную руку, Пратер захлопнул за Джеком дверь.

Стоя под дождем, Джек с ужасом осознал, что события развиваются по наихудшему сценарию. Ракшаса жив и здоров... нет, этого нельзя допустить. В багажнике его машины все еще стояла канистра с бензином. Как только он вернется в Манхэттен, в действие вступит план А. И если придется сжечь весь этот балаган, он не остановится и перед этим.

Повернувшись, Джек увидел, что у него за спиной стоит человек. Распухший нос, синяки под глазами, мокрые светлые волосы, прилипшие к голове. Он рассерженно смотрел на Джека.

— Это из-за тебя нам с Бонди намылили шею!

Теперь Джек его узнал. Это был охранник, которого он видел в воскресенье. Хэнк. От парня несло каким-то дешевым пойлом. В руках он держал бутылку в бумажном пакете. Наверное, вино «Бешеная собака».

— Ты похож на пугало, — заявил он, недобро улыбаясь.

— Ты и сам выглядишь не лучше.

— Это все из-за тебя! — повторил Хэнк.

— Ты абсолютно прав, — подтвердил Джек и направился в сторону города, где должен был встретиться с Эйбом. Не стоит терять время на этого придурка.

— Бонди был моим единственным другом! А его уволили из-за тебя.

В голове у Джека зазвенел колокольчик. Он резко остановился:

— Да? И когда ты видел его в последний раз?

— Позавчера. Когда ты на нас наехал.

Колокольчик зазвенел громче.

— И ты больше с ним не встречался? Даже чтобы попрощаться?

Хэнк покачал головой:

— Нет. Хозяин вышвырнул его вон. На рассвете он исчез со всеми своими вещами.

Джек вспомнил, каким негодованием горели глаза Оза, когда он смотрел на истыканного ракшасу. Теперь Джек был уверен, что в голове у него раздастся погребальный звон.

— Здесь только Бонди любил меня, — продолжал Хэнк с несчастным видом. — Мы с ним разговаривали. А все эти уроды заняты только собой.

Джек со вздохом посмотрел на Хэнка. По крайней мере, теперь он знает, кто пошел Меченому на обед.

Не слишком большая потеря для человечества.

— Зачем тебе такие друзья, сынок? — бросил Джек и пошел дальше.

— Ты за это заплатишь! — донесся до него голос Хэнка сквозь шум дождя. — Бонди вернется и рассчитается с тобой. Из-за этого проклятого урода меня лишили жалованья! Вот погоди, Бонди разделает тебя под орех!

Парень, не брызгай слюной.

Джек решил не говорить ему, что Бонди не уволили. Он ведь все еще оставался при балагане. Зачем подвергать опасности этого большого глупого ребенка?

— А если он не вернется, я сам с тобой разберусь. И с человеком-акулой тоже!

Нет, дорогой, не разберешься. Потому что я сделаю это раньше.

Джек поспешил в город. Подойдя к «Мемисону», он увидел, что Эйб еще не приехал, и вошел внутрь.

— Извините, но время обеда уже прошло, и теперь мы откроемся только в пять, — сообщил подоспевший метрдотель.

— Я только посмотрю меню.

Взглянув на мокрую обвисшую одежду и заляпанную грязью шлепанцы, метрдотель подал ему пластиковую карту. Во взгляде его читалось: «Даже не думай сюда соваться».

Делая вид, что изучает «Знаменитые рыбные обеды Мемисона», Джек краешком глаза следил за улицей. Мимо проехала черно-белая полицейская машина. Сидевший в ней коп таращился на всех, кто проходил по тротуару. Через десять минут подкатил потрепанный грузовик Эйба.

— Может быть, в другой раз, — сказал Джек, возвращая меню метрдотелю.

Тот вздохнул с облегчением, и Джек понял, что прожил день не напрасно. Всегда приятно сделать добро своему ближнему.

Выйдя на улицу, Джек быстро залез в грузовик.

— Силы небесные! — воскликнул Эйб, взглянув на него. — Вы только посмотрите на этого оборванца! Что случилось?

— Долгая история, — ответил Джек. Он развалился на сиденье и надвинул кепку на глаза, притворяясь спящим. Наконец-то можно расслабиться. — Расскажу тебе по дороге. А сейчас давай сматываться отсюда.

Теперь он был почти уверен, что следующие тридцать—сорок лет не проведет в тюрьме. В первый раз после той злосчастной чашки кофе появилась возможность сесть и подумать. В голове у него был полный сумбур. Возможно, это дает знать о себе «берсерк». Мысли лихорадочно роились в мозгу, словно пузырьки воздуха в кипящем котле.

Что же произошло сегодня утром?

Джек с трудом вспомнил, как разбил три машины и убил двух человек, но это его не слишком расстроило. События эти лишь бледными тенями мелькали в глубине его сознания. Но вот то, что он чуть не выпорол Вики и хотел ударить Джиа, Джек помнил очень хорошо.

Картина эта стояла у него перед глазами, четкая и ясная, словно он видел ее на экране телевизора.

Сознавать, что он чуть не поднял руку на двоих самых близких ему людей, было совершенно невыносимо...

Неожиданно для себя он разрыдался.

— Джек! Да что с тобой? — ахнул Эйб, чуть не потеряв управление.

— Все в порядке, — ответил тот, беря себя в руки. — Проклятый наркотик... Все еще колобродит внутри. Ты звонил Джиа?

— Конечно. Настроение у нее неважное.

— Телефон при тебе?

Выудив из кармана «Стар-тек», Эйб протянул его Джеку. Прежде чем набрать номер, тот попытался собраться с мыслями и решить, что делать дальше.

Вернувшись в город, он первым делом позвонит Наде и предупредит ее, чтобы она была осторожнее. Кто-то, скорее всего Монне, пытается накачать ее наркотиками. Потом он вернется сюда, чтобы покончить с Меченым. После этого придется заглаживать свои грехи перед Джиа и Вики.

Составив план действий, Джек набрал номер Джиа.

— Привет, это я, — бодро произнес он, когда она взяла трубку.

В ответ послышался глубокий протяжный вздох.

— Джек... что с тобой случилось?

— Я не виноват, — быстро сказал он. — Меня накачали наркотиками.

Он стал рассказывать про Надин кофе, объяснять, что этот чертов наркотик делает с людьми, и в заключение добавил:

— Даже ты стала бы агрессивной, хватив этой дряни.

— Не знаю, Джек, — с сомнением произнесла Джа. — Но могу сказать точно, что я никогда не думала, что мне придется тебя бояться.

Резанула как бритвой.

— Пойми, Джа. Это был не я. Наркотик сделал меня таким.

— А если ты опять явишься неожиданно? Как я могу быть уверена, что тебе снова не подсыпят чего-нибудь?

— Этого не случится.

— Ты не можешь знать наверняка.

— Могу. Да, могу. «Берсерк» доживает последние дни.

Надо добавить еще один пункт к списку неотложных дел: покончить с «ГЭМ-Фармой», а заодно с Монне и Драговичем. Сегодня же вечером.

Его опять охватила ярость, но не та, которую разжигал «берсерк», а своя собственная, подспудная. Темная и терпкая, как выдержанное вино, она вдруг всплыла из тайников его подсознания. Сегодня утром он сказал Наде, что ему нет никакого дела до наркотиков. Он был не прав. Слишком уж бесцеремонно вторгались они в его личную жизнь.

10

Надя опаздывала. Она пропустила поворот и поехала в Латтингтаун. Когда она, наконец, добралась до центра Монро, было уже почти два, но рыбного ресторана не было видно.

Ах нет, вот он... старомодная деревянная вывеска с рыбой на тарелке и надписью «Мемисон». И рядом

телефон, как и говорил Даг. Правда, припарковаться негде.

Но тут из ресторана вышел какой-то человек в мешковатой одежде и мокрой кепке. Он прыгнул в старый грузовик, который тотчас отъехал, освободив ей место прямо рядом с телефоном.

Поставив свой «таурус», Надя подошла к аппарату, из которого в ту же минуту раздался звонок. Она схватила трубку:

— Даг?

— Надя! Ты приехала! Я знал, что на тебя можно положиться.

Слава богу, это он. Она посмотрела по сторонам. Он где-нибудь рядом?

— Ты где?

— В полуторах милях отсюда. Я прячусь в балагане на болоте.

— Где?

— Не волнуйся. Я не собираюсь сбежать с бродячим цирком. Ты доберешься за несколько минут.

Выслушав, как ехать, Надя поспешила к машине. Развернувшись, она поехала вдоль берега. Яхты и катера были уже спущены на воду, моторные же лодки дожидались открытия сезона на берегу под навесами. Проехав четверть мили, Надя повернула налево. Сначала исчезли дома и магазины, а потом кончилось и шоссе. Грязная проселочная дорога уходила в болото. Под низко нависшим небом застыла серая гладь залива. На берегу стояла полуразвалившаяся хижина, а неподалеку раскинул шатры бродячий балаган. Все было так, как говорил Даг.

Он велел ей найти небольшой красный фургон, стоящий на заднем дворе. На стоянке Надя заметила несколько машин, но людей не было видно.

Где же они? Ни единой живой души вокруг. Ей стало жутко. Ходить здесь одной как-то не хотелось, поэтому она объехала балаган на машине. За

шатрами она обнаружила старый обшарпанный фургон, стоявший на отшибе. Его некогда блестящая хромированная поверхность была покрашена тусклой красной краской, призванной скрыть многочисленные вмятины и царапины.

Это там прячется Даг? Во всяком случае, другого красного фургона здесь не наблюдалось. У него сжалось сердце. Как его сюда занесло?

Надя поставила машину рядом с фургоном. Окна в нем были закрыты ставнями, но дверь широко раскрыта. Подойдя к темному проему, она окликнула его:

— Даг?

Из темноты послышался тихий голос:

— Надя! Я так рад, что ты приехала.

— Даг, где ты?

— Здесь, внутри. Входи, не бойся.

Она вдруг засомневалась. Что-то здесь не так. По телефону его голос казался таким знакомым... Но здесь, вблизи, он звучал несколько иначе. Не так, как обычно. И потом, он назвал ее Надей вместо своего обычного «Надж».

— Почему я тебя не вижу, Даг?

Последовала пауза.

— Я в постели. Мне так хочется встретить тебя, но я... я ранен.

Даг... ранен...

Забыв об осторожности, Надя взлетела по шатким ступенькам и ринулась в дверь. Остановившись у порога, она огляделась, пытаясь увидеть что-нибудь в темноте. Несмотря на открытую дверь, воздух в фургоне был спертый и затхлый. Вдруг что-то зашуршало.

— Даг?

— Я здесь, дорогая, — послышался его голос откуда-то снизу.

Вздвогнув, Надя посмотрела туда. Сначала ей показалось, что там стоит ребенок, но потом она

разглядела усы и прилизанные волосы. Карлик, похожий на вывеску парикмахера.

— Пока! — бросил он с усмешкой и выскочил за дверь.

Надя остолбенела. Человечек говорил голосом Дага.

Проводив его взглядом, она хотела последовать за ним, но тут дверь фургона с треском захлопнулась и все погрузилось во мрак.

— Нет! — закричала она сорвавшимся голосом, едва не задохнувшись от ужаса.

Бросившись к двери, Надя со всей силой уперлась в нее плечом, пытаясь открыть. Потом стала барабанить по ней кулаками, громко крича:

— Нет! Пожалуйста! Выпустите меня! Помогите!

Дверь не поддавалась. Она продолжала стучать и звать на помощь, хотя было ясно, что никто ее не услышит, — фургон стоял слишком далеко. Наконец она охрипла и перестала кричать, но все еще барабанила в дверь, стараясь сдержать рыдания, рвавшиеся из груди.

Нет, слез ее они не дождутся.

Вдруг из угла послышались какие-то звуки. Надя похолодела от страха.

Она здесь не одна.

Шум становился все сильнее, кто-то сопел, рычал и поскуливал.

Сотовый телефон! Как же она про него забыла. Надо позвонить и позвать на помощь! Надя потянулась к сумке, но вдруг вспомнила, что оставила ее в машине. Вот теперь впору разрыдаться.

В углу опять кто-то завозился.

Господи, как же здесь темно! Сквозь закрытые ставни пробивались лишь узкие полоски света. Постепенно ее глаза привыкли к темноте, но это лишь усугубило ее страхи. Стало видно, что в углу шевелится нечто очень *большое*.

Осмотревшись, Надя увидела стол с ящиками и раковину. Значит, она находится на кухне. Надя принялась выдвигать ящики в надежде найти нож или фонарик, но там были лишь крошки и пыль.

Двигаясь дальше, она наткнулась на обеденный стол, на котором — о, счастье! — стояла свеча в стеклянном подсвечнике. Проведя рукой по столешнице, она смахнула что-то на пол. Пошарив внизу, Надя нащупала маленький пластмассовый цилиндрок. Зажигалка.

Но радость быстро сменилась опасением. Что она увидит в свете свечи? Что за существо шипит, скулит и бьется в дальнем углу фургона? Однако выбора не было. Неизвестность еще страшнее.

Нажав на колесико, она подняла горящую зажигалку. В углу все затихло.

Оно испугалось огня?

Наступила гнетущая тишина. Надя зажгла свечу и, держа ее перед собой, осторожно двинулась в глубь фургона.

Из темноты выплыли очертания лежащего тела. Все-таки это человек, а не животное. Подойдя ближе, она увидела мужчину, руки и ноги которого были привязаны к спинкам кровати. Рот его был заклеен пластырем, над которым блестели широко раскрытые голубые глаза. По лбу разметались пряди золотистых волос.

— Даг!

Наклонившись, Надя чуть не выронила свечу. На руку ей полился горячий воск, но она ничего не почувствовала. Рыдая, она стала снимать пластырь с его лица.

— О, Надж, прости меня! Я же не знал!

Надя поцеловала его.

— Даг, что случилось? Почему мы здесь?

— Не знаю. Я не видел тех, кто меня похитил.

Надя начала развязывать его правую руку.

— Они украли твой ноутбук и разбили компьютер.

— Тогда это люди из ГЭМ.

— Видимо, да, — признала Надя скрепя сердце.

— Зря я полез в их проклятый компьютер. Но ты-то как здесь оказалась?

Наде удалось ослабить веревку, и Даг выташил руку. Пока он развязывал другую, Надя трудилась над его правой ногой, попутно рассказывая о «локи», «берсерке» и своих подозрениях.

Освободившись, Даг обнял свою невесту, и она расплакалась у него на плече. Лицо Дага заросло щетиной, измятая одежда пропахла потом, но он был жив и прижимал ее к груди.

— Когда этот карлик болтал со мной, мне и в голову не пришло, что они задумали, — сказал Даг.

— Тот, который говорил твоим голосом? Это что-то сверхъестественное.

— Он пришел вместе с каким-то парнем с собачьим лицом и стал со мной разговаривать. Спрашивал, не нужно ли мне чего-нибудь, знаю ли я, почему я здесь, и все в таком роде. Сам он ничего не говорил, только задавал вопросы. Теперь я понимаю, что он изучал мой голос.

Надя попыталась рассмотреть его лицо в неверном свете свечи.

— Они тебя били?

— Нет, что ты. Они приносят мне еду, много еды, и воду. Здесь есть даже туалет. — Даг указал большим пальцем куда-то за спину. — Все это время со мной вполне прилично обращались и только час назад привязали к кровати.

Надя огляделась.

— Неужели отсюда нельзя выбраться?

— Нет. Уж поверь мне. Я все перепробовал.

Надя посмотрела на свечу.

— А что, если поджечь фургон?

— Я тоже об этом думал, но кто будет звать пожарных? Здешние ребята сами погасят огонь, преж-

де чем кто-нибудь его заметит. И даже если пожарные придут, мы уже успеем задохнуться в дыму.

— Хорошо, — согласилась Надя. — Никакого пожара. Остаемся в живых.

— Вот это меня и удивляет. Если мы представляем для них опасность, почему они просто не убили нас?

— Раз не убили, значит, это не входит в их планы. Но тогда зачем держать нас здесь и хорошо кормить? Ты что-нибудь понимаешь?

Даг покачал головой.

Успокоенная логикой своих рассуждений, Надя обвила Дага руками и прильнула к его груди.

11

Милош Драгович сидел на заднем сиденье «бентли», погруженный в мрачные раздумья. Машина летела по Парк-авеню — черный стальной островок тишины среди городского шума и суеты. Его водитель Пера не осмеливался заговорить с хозяином. Радио было выключено. Никакой музыки и новостей. У Милоша их и без того было довольно.

Вук и Иво убиты... он все еще никак не мог поверить в это. Как такое могло случиться?

Милош узнал об этом из дневных новостей — по телевизору показали обгоревший, изрешеченный пулями остов его машины и носилки с телами его людей. Он до сих пор не мог смириться с этой потерей, тем более что нападавший был один.

Свидетели рассказали, что видели человека, уехавшего на угнанном такси, но Милош был уверен, что одному такое не под силу. В новостях сообщалось, что действовал какой-то наркоман. Какой еще наркоман? Это были те же люди, что атаковали его в Хемптоне. Теперь они перебрались в

город и устроили засаду, хорошо спланированное нападение, напоминающее военную операцию.

Это беспокоило его больше всего. Чтобы устроить засаду, надо было знать, что Иво с Вуком собираются на дело. Но он и сам до последнего момента не знал, куда их пошлет. Значит, есть только два объяснения: либо его дом прослушивается, либо среди его людей имеется осведомитель.

Эта догадка была подобна ведру холодной воды. Если к нему внедрили осведомителя, то кто он? Он посмотрел в спину водителю. Может быть, Пера? Нет, только не он. Пера был рядом с ним еще во времена торговли оружием. Он на такое не способен.

Значит, жучки? Милош вздохнул. Возможно, и то и другое. В конце концов, у него тоже есть свои люди в конкурирующих фирмах и даже в нью-йоркском департаменте полиции. Но толку от них никакого. Его конкуренты издеваются над ним, прокручивая эти чертовы записи в своих барах, но никто из них пока не засветился в этом деле.

Полиция безуспешно разыскивает преступника-одиночку. Никаких примет, кроме среднего роста, обычного телосложения и темных волос, у них нет. И даже по поводу волос показания свидетелей расходятся. Лица тоже никто не запомнил. Говорят, что оно было обожжено пламенем горячей машины. Между прочим, его, Милоша, машины.

Полицейские утверждают, что преступник угнал такси. Оно было обнаружено в Куинсе, где он угнал еще одну машину — «мерседес». Пока полиция разыскивала угнанный «мерседес», этот парень лежал без сознания в больнице маленького городка на Северном побережье. Местные полицейские арестовали его за вождение в нетрезвом виде. К тому времени, когда они поняли, что за ним имеется кое-что более серьезное, этот тип уже успел сбежать.

Милошу хотелось закричать на весь свет: «Он был не один! Это всего лишь приманка. Один человек не смог бы так легко справиться с моими людьми! На самом деле это заговор с целью погубить меня!»

Но до глухих не докричишься. Его слушали только те, кто поставил жучки. Возможно, их понатыкали и здесь, в его личной машине.

При этой мысли ему захотелось на свежий воздух. — Останови, — приказал он Пера.

Выйдя на углу Восемьдесят пятой улицы, он увидел, как водитель нервно озирается по сторонам. Он явно был напуган. Вук и Иво за одно утро... кто будет следующим?

— Подожди меня здесь, — бросил Драгович и двинулся в восточную часть города.

Он решил взять инициативу в свои руки. Раз он не может доверять своим людям, телефонам, офисам, машинам, остается одно — все делать самому. Он сам выследит своих мучителей и расправится с ними. Только так можно спасти свою честь.

В его распоряжении был только один бесспорный факт: первый звонок от так называемого Комитета по охране окружающей среды был сделан из телефона-автомата на углу Восемьдесят седьмой улицы и Третьей авеню. Все остальное, включая человека в машине, которого засекла камера, пока на уровне догадок.

Дойдя до Третьей авеню, Милош повернул к центру города. Через два квартала он обнаружил телефон-автомат. Скоро он доберется до этого парня на пленке, а возможно, и до его жены и ребенка. Но начать надо вот с этого. Постоять у того самого телефона, дотронуться до кнопок, которые нажимала рука его врага.

Но почему он позвонил именно отсюда? — подумал он, медленно обводя взглядом окружавшие его дома.

Вдруг он заметил высокий жилой дом. Знакомое здание. Прошлой осенью один из его людей узнавал для него адрес. Едва взглянув на листок, он протянул его Пера со словами: «Отвези меня по этому адресу».

Но дом этот он запомнил. Там жил доктор Люк Монне. Развернувшись, Драгович со всей силой ударил рукой по телефонной будке, напугав проходившую мимо пожилую даму. Он успел отвернуться, прежде чем она его разглядела.

Как он мог быть так слеп? Как мог выпустить события из-под контроля? Если бы он был внимательней прошлой осенью, то сразу бы вспомнил, где живет доктор Монне, и пресек бы эту авантюру в самом зачатке. И тогда не было бы ни масляного дождя, ни обстрела вертолета, ни позорной видеозаписи, которую показали все общенациональные каналы.

Милош постарался успокоить себя. Все это уже в прошлом. А прошлое, как известно, изменить нельзя. Но зато он может отомстить.

Теперь ему все предельно ясно. Монне со своими партнерами решили его устранить, чтобы самим торговать «локи».

Обычное дело. Если бы Милош нашел способ самому производить наркотик, он бы тоже избавился от них. Бизнес есть бизнес.

Но никакой бизнес не дает права публично унижать человека.

Милош был уверен, что все это придумал Монне.

Он скрипнул зубами. Монне... Вот уж никогда бы не подумал, что эта жалкая лягушка способна придумать что-либо подобное и набраться наглости осуществить свой план. Но факт налицо.

Мотивы преступления и возможность его осуществления — все совпадает.

Подумать только, я рассуждаю как проклятый коп. Но такова реальность. И эти червяки, Гаррисон и Эдвардс, наверняка тоже замешаны.

Настало время платить по счетам. Подобное оскорбление можно смыть только кровью.

К несчастью, это будет означать конец «локи» — он своими руками зарежет курицу, несущую золотые яйца. Весь бизнес псу под хвост. Но честь дороже.

Деньги свои он успел перевести в Швейцарию и на Каймановы острова, так что легко может исчезнуть, уехав на пару лет за границу. По милости Монне и его сподвижников эта страна потеряла для Милоша всякую привлекательность.

Драгович пошел обратно к машине. Теперь о человеке на пленке можно забыть. Зачем тратить на него время, если все следы ведут в «ГЭМ-Фарму».

Владельцы компании... Надо подумать, как убрать всех троих. Раз положиться ему не на кого, придется действовать самому.

Милош шел по городу, строя планы...

12

— Так ты теперь киллером заделался? — спросил Эйб, толкнув пакет через прилавок.

Джек начал отдирать липкую ленту от плотной оберточной бумаги.

По дороге в Нью-Йорк Джек рассказал Эйбу, что произошло, и попросил помощи. Эйб довез его до дому, где Джек постарался привести себя в божеский вид. Он снял и аккуратно сложил одежду, позаимствованную в больнице, чтобы отдать ее в химчистку, а потом вернуть Питеру Харрису вместе со столлларовым банкнотом.

Потом он позвонил Джиа, чтобы еще раз объясниться. Конечно, лучше было явиться с повинной, но он не хотел пугать Вики своими синяками и ожогами.

Джиа не слишком обрадовалась его звонку. Опять они с Вики подвергаются опасности по его милости.

Здесь возразить нечего.

Когда это кончится?

Хороший вопрос, но пока он не может на него ответить. Возможно, сможет чуть позже.

Он не стал ворошить прошлое — ведь они и так знали, что Вики жива только благодаря Джеку. Если бы не его род занятий, ее вряд ли удалось бы спасти прошлым летом. Нет слов, это убедительный аргумент, но нельзя прибегать к нему до бесконечности.

Разговор велся в натянутых тонах.

Джек решил отложить все объяснения на потом. Чтобы избавить Джиа и девочку от опасности, которую представлял для них Драгович, он должен сосредоточиться на текущих делах. Развернув бумагу, Джек взял в руки пистолет.

— Похож на «Вальтер П-38».

Эйб фыркнул.

— Ну, если у тебя с глазами не в порядке и ты забыл очки дома, тогда, может, и похож. Это длинноствольный «АА П-98» 22-го калибра.

Джек взвесил пистолет в руке — тянет на полтора фунта. Проверил ствол: отшлифованное дуло с резьбой на трех восьмых дюйма. Потом взял черный металлический цилиндр, лежавший в пакете вместе с пистолетом.

— Слишком мал для глушителя. Ты уверен, что он будет работать?

— Прежде всего, это не глушитель. Это звукогаситель. Пистолет ведь не заглушишь. Можно только немного ослабить звук. Будет ли он работать? Да, будет. Это «Джемтек Аврора». В нем используется новейшая технология поглощения звука влажной средой. Убирает двадцать четыре децибела. Хватает на две обоймы. Потом надо менять.

— Мне надо сделать всего два-три выстрела.

— Вспышку при выстреле он тоже гасит.

Джек пожал плечами:

— Я буду работать днем.

— А вот этим ты будешь заряжать, — сказал Эйб, бросив на прилавок коробку с патронами. Они, как ты понимаешь, бесшумные.

— Естественно.

Какой смысл использовать глушитель, — ладно, звукогаситель, — если пуля будет свистеть в полете, как крохотный «жонкорд», преодолевающий звуковой барьер?

— Ты не одолжишь мне свои перчатки? — попросил Джек.

Пошарив под прилавком, Эйб извлек пару нитяных перчаток, почерневших от грязи и оружейного масла. Джек натянул их на руки.

Эйб с изумлением посмотрел на него:

— А что, на патронах есть обратный адрес?

Джек не ответил. Высыпав на прилавок десяток патронов, он вытер их о перчатки и стал вставлять в обойму. Обычно он с упорством маньяка собирал свои стреляные гильзы, правда, это не всегда получается. В таких случаях лучше не оставлять на них отпечатков пальцев.

— Джек, — осторожно начал Эйб. — Я знаю, ты зол на нескольких подонков и на то есть веские основания. У тебя такие глаза, что я чувствую: для кого-то готовится большой бенц. Но разве обязательно прибегать к крайним мерам? На тебя это не похоже.

Джек взглянул в озабоченное лицо Эйба:

— Не беспокойся, старина. Я буду стрелять по картонной коробке.

— Ну, ясное дело, — согласился Эйб. — Для этого обязательно нужен глушитель. Чтобы не напугать остальные коробки. Наш Джек всегда так деликатен. И где же находится эта картонка?

— В Бруклине.

Джеку ужасно не хотелось туда тащиться. Голова у него гудела, как котел, обожженная кожа горела и

ушела, шов на голове стягивал кожу, и каждое движение отдавалось болью в левом глазу. И к тому же палицо были все признаки похмельного синдрома. Скорей бы добраться до кровати. Но дело должно быть закончено. И сегодня же.

Вытерев обойму, Джек вставил ее в пистолет. Она с громким шелчком села на место. В свертке еще оставалась новенькая кобура. Джек вытер глушитель и положил его в карман. Потом протер пистолет, опустил его в кобуру и сунул ее сзади за пояс, под свою просторную водолазку.

— С каких это пор ты стал носить водолазки? — спросил Эйб.

— С сегодняшнего дня. Можешь оценить.

Длинные рукава и высокий воротник прикрывали его ожоги.

Джек осторожно надвинул на лоб защитного цвета панаму и нацепил огромные летные очки.

— Ну, как я выгляжу?

— Как читатель журнала «Солдат удачи». Но маскировка отличная.

Джек продумал свой наряд еще дома. Он скрывал шов на голове и синяки под глазами. Полиция уже наверняка разослала во все концы приметы человека со швом на лбу и обожженным разбитым лицом.

Он направился к двери.

— Встретимся завтра утром. Что тебе купить на завтрак?

— Яйца по-бенедиктински с печеночным паштетом вместо ветчины.

— Ты их получишь.

— Да уж, получу, — фыркнул Эйб у Джека за спиной. — Низкокалорийную булку с соевым творогом.

Остановившись у телефона-автомата, Джек набрал номер Надиного сотового. Он звонил ей уже в третий раз. Телефон по-прежнему не отвечал, и

Джек перезвонил ей домой. Трубку сняла женщина, говорившая с сильным польским акцентом. Она сказала, что Нади нет дома. Что-то в ее голосе насторожило Джека.

— Что-нибудь случилось, миссис Радзмински?

— Нет. Ничего не случилось. А кто это говорит?

— Меня зовут Джек. Я... помогал Наде искать Дугласа Глисона, — кинул он пробный камешек.

— Даг нашелся. Он позвонил ей сегодня днем. Хотя *какие-то* хорошие новости.

— Он рассказал, что с ним произошло?

— Наденька поехала к нему, но до сих пор от нее никаких известий. Она обещала позвонить, она всегда мне звонит, а вот сегодня почему-то не позвонила.

— Она так обрадовалась, что ее жених нашелся, что совсем забыла про маму.

— Но моя дочка всегда мне звонит.

— Уверен, что она скоро объявится.

Но, повесив трубку, Джек понял, что он вовсе в этом не уверен. Он никогда не видел этого Дага, но вряд ли можно предположить, что парень, всерьез занимающийся программированием, сам разбил свой компьютер, после чего отправился на пару дней погулять. По словам Нади, им с Глисоном стали известны какие-то тайные сведения о ГЭМ. И вот теперь никто не знает, где они.

Возможно, сегодня вечером он это выяснит.

13

Джек сумел оторваться от основного потока машин, и его «бьюик» добрался до морского порта довольно быстро. Оставив машину за несколько кварталов, он пешком дошел до погрузочной площадки ГЭМ. За трехметровой оградой с колючей

провоолокой шла погрузка: круглые двухсотфунтовые коробки со штампами «ГЭМ-Фарма» и «три-сеф» плыли по транспортеру, исчезая в восемнадцатиколесном полуприцепе. За процессом наблюдали вооруженные охранники в форме.

Судя по всему, это был очень ценный антибиотик.

Конечно, было бы лучше прийти сюда часов через пять, когда стемнеет, но исчезновение Нади вынуждало торопиться. В общем-то дневной свет имеет свои преимущества.

Джек возвратился к машине, вытащил из кобуры свой «П-98» и надел на ствол глушитель. Подъехав к заводу, он остановил машину рядом с погрузочной площадкой и посмотрел по сторонам. Вокруг никого не было. Вставив патрон, он до половины поднял стекло и положил на него ствол. Взяв на прицел картонную коробку в начале транспортера, он нажал на курок, предварительно убедившись, что за ней никто не стоит.

Выстрел прозвучал довольно громко, но так казалось только внутри машины — снаружи его заглушил уличный шум. Одна из коробок покачнулась. Глаз — алмаз. Джек опустил пистолет и поднес к глазам небольшой бинокль. Из отверстия под буквой «Г» тонкой струйкой сыпался порошок. Голубой. Знакомая голубизна «берсерка».

Чтобы убить время, Джек объехал вокруг территории завода — мимо складов, производственных зданий и старых морских доков. Манхэттена отсюда не видно — его загораживает Красный мыс, но зато статуя Свободы была как на ладони. Эта высокая статная женщина, высоко поднимающая факел над морской гладью, всегда задевала тайные струны его души.

Когда Джек снова подъехал к заводу, транспортер был уже остановлен. Закрыв двери фуры, водитель и один из охранников забрались в кабину.

Второй охранник открыл ворота, и трейлер пока-
тил прочь.

Куда бы они ни везли свой товар, сначала им
придется выехать на шоссе. Джек рванул им на-
встречу, развернулся и, поравнявшись с тягачом,
выставил локоть в окно, прикрывая пистолет.

Но вдруг засомневался.

Никогда раньше он не действовал столь грубо.
Это шло вразрез с его убеждениями. Ему бы надо
проследить за парочкой таких трейлеров, посмот-
реть, где и как они разгружаются, а потом приду-
мать, как заполучить «берсерк», не прибегая к на-
силию. Сделать это изящно.

К черту изящество, подумал Джек, посмотрев на
грохочущий рядом тягач, и с ходу влепил две пули
в его правую переднюю шину. Нет времени разво-
дить канитель. Надо действовать быстро, жестко и
решительно.

Подобно большому зверю, еще не знающему,
что он ранен, трейлер продолжал катить по доро-
ге с простреленной шиной. Но рано или поздно
ему придется остановиться.

Джек следовал за ним до угла, потом свернул на
боковую улицу и остановился — дальше ехать не
было смысла. Он надел панаму и очки, приклеил
усы, как у Саддама Хусейна, заткнул за пояс пи-
столет и дальше преследовал трейлер уже пешком.

Он обнаружил его через полквартала — водитель
с охранником стояли у спущенной шины, в рас-
терянности почесывая затылки. Вероятно, все их
предыдущие рейсы проходили без всяких осложне-
ний, и они к ним не были готовы. Джек замедлил
шаг и, подойдя ближе, спрятался за стоящими ма-
шинами. Вокруг ни души — здесь была чисто про-
мышленная зона, своего рода выжженная земля.
Джек вытащил пистолет, натянул на нижнюю часть
лица воротник водолазки и подошел к стоявшим
мужчинам.

— Привет, ребята, — буркнул он сквозь воротник. — Вашу шину продырявила вот эта штука. — Он незаметно показал им пистолет. — И вас она продырявит точно так же, если будете плохо себя вести.

Водитель, молодой парень с редкой светлой бородкой, поднял руки к груди. Охранник, плотный темноволосый мужчина, судорожно сжал пальцы правой руки.

— Не делай глупостей, парень, — быстро сказал Джек. — Ты думаешь, раз тебе платят за охрану, так, значит, надо из кожи вон лезть. Я уважаю эту точку зрения, но вот тебе мой совет: не делай этого. Оно того не стоит. Я не собираюсь вас убивать и угонять ваш трейлер. Мне нужен только образец этого груза. Так что снимай свою амуницию, осторожно давай ее мне и не будем попусту проливать свою кровь.

Охранник молча смотрел на Джека, пожевывая верхнюю губу с аккуратными усиками.

— Эй, Граймс, — подал голос водитель. Руки у него дрожали. — Не дури, старина!

Граймс вздохнул, отстегнул ремень и отдал оружие Джеку. Тот бросил его в кабину трейлера.

— Отлично. Теперь пошли за образцом.

Подгоняемые Джеком, водитель с охранником поплелись к двери фуры. Джек двинулся за ними, держа обоих под прицелом. Водитель отпер замок и открыл дверь. Вся фура была забита коробками, поставленными в четыре этажа. Джек заметил, что охранник внимательно наблюдает за ним, и решил занять его работой.

— Вот, — протянул он ему небольшую сумку на «молнии». — Сыпь сюда.

— Чего сыпать?

Джек чуть повернул ствол и выстрелил по коробке. Пуля с щелчком пробила картон.

Водитель испуганно отшатнулся. Охранник уважительно поднял брови.

Джек указал на голубой порошок, тонкой струйкой высыпавшийся из коробки:

— Насыпай доверху.

Граймс подставил сумку под струю

— Приличную дозу тебе выписали, старина, -- заметил водитель.

Когда сумка заполнилась, Граймс застегнул ее на «молнию» и бросил Джеку. Тот отступил назад и опустил пистолет.

— Спасибо, ребята. Извините за шину. Я бы помог вам ее поменять, да времени нет. Надо бежать.

Перед тем как уйти, Джек поднял подбородок, освободив лицо от воротника водолазки, и продемонстрировал свои пышные усы. Спрятав пистолет под рубашку, он побежал к машине. Прыгнув в кабину, он быстро снял панаму, очки и усы и нажал на газ. У первого же светофора стянул через голову водолазку. К тому моменту, когда он подъехал к скоростной магистрали Бруклин—Куинс, вся его амуниция, включая пистолет, была надежно упрятана под переднее сиденье. Водитель с охранником не видели его машину, зато наверняка запомнили усы, так что от их показаний будет мало толку. Можно расслабиться и не торопиться. Джек повернул на север и поехал по шоссе, строго соблюдая все ограничения скорости.

14

Зазвонил домофон. Слишком рано для такси, подумал Люк, нажимая кнопку.

Послышался голос Рауля:

— Вам принесли пакет, доктор Монне. Я оставил его у вашей двери.

— У моей двери? А почему ты не позвонил?

— Я звонил, но никто не ответил. Наверное, звонок не работает. Завтра исправим.

— Хорошо, исправьте, — согласился Люк. Можете делать все, что хотите. Завтра я буду уже далеко. — А что за пакет?

— Бутылка вина от K&D.

Люк хорошо знал этот винный магазин на Мэдисон-сквер. Кто же это прислал ему вино?

Люк прошел через комнату, где стояли три больших набитых чемодана. Ящики с вином уже увезли, и без них комната казалась осиротевшей. Остается надеяться, что при перевозке с ними ничего не случится. В его коллекции были уникальные вина, восстановить которые будет невозможно.

Отперев дверь, он осторожно приоткрыл ее, но она вдруг резко распахнулась, сбив его с ног. Поднявшись, он с ужасом уставился на незваного гостя.

— Добрый вечер, доктор Монне, — приветствовал его Драгович с улыбкой большого белого брата, закрывая за собой дверь.

— Вы... что... какими судьбами?.. — пробормотал Люк в полном смятении.

— Какими судьбами? — переспросил Драгович, внимательно оглядывая комнату. — Мой водитель занимается разговорами вашего консьержа. Я ему доходчиво объяснил, что... — Он запнулся, увидев чемоданы. — О! Собираетесь путешествовать? Позабавились на мой счет и теперь хотите слинять?

О чем он говорит?

— Позабавился? Я не понимаю, о чем вы...

Внезапно Драгович размахнулся и со всей силой ударил Люка в лицо. Доктор пошатнулся, вскрикнув от боли. На глаза его навернулись слезы.

— Хватит придуриваться, док!

Люк прижал руки к пылающему лицу.

— О чем вы говорите?

Драгович подошел к нему вплотную. Люк втянул голову в плечи, ожидая града ударов. На какой-то миг в голове его промелькнула мысль о сопротивлении. Но Люк не умел драться. Попытав-

шись дать сдачи, он еще больше разозлит Драговича.

Однако серб не стал его бить. Вместо этого он схватил доктора за шиворот и, развернув, толкнул к большому телевизору, стоявшему в дальнем углу комнаты.

— Вот! — рявкнул он, указывая на экран, где передавали новости. — Сколько раз ты уже глазел на это?

— На что глазел?

Драгович еще крепче сдавил Люку шею, вцепившись в нее ногтями, и злобно прошипел ему в ухо:

— Сам знаешь на что! Подожди немного, скоро опять покажут, и тогда посмотрим вместе!

— Вы имеете в виду запись, где вас показывают... на загородной вилле?

Должно быть, все дело в этом.

— Да! — процедил Драгович сквозь зубы, еще крепче сжимая пальцы. — Ту самую запись, которую ты так ловко сляпал!

— Нет! Да что вы! Это вовсе не я!

— Врешь! — завопил Драгович, изо всех сил толкнув Люка в шею.

Пролетев вперед, тот грохнулся на телевизор. Там что-то треснуло, и трубка погасла. Сейчас он меня убьет, пронеслось у Люка в голове.

— Клянусь вам! — закричал он. — Всеми святыми клянусь, что я тут ни при чем! Ничего об этом не знаю!

— Ты со своими дружками, Гаррисоном и Эдвардсом, задумал убрать меня из дела. Ладно, посмотрим, кто вылетит отсюда первым. — Драгович посмотрел по сторонам. — Где у тебя телефон?

— На кухне.

— Давай туда! Сейчас кое-кому позвонишь.

Люк бросил взгляд на чемоданы. Счастье было так близко... еще несколько минут, и он был бы на пути в аэропорт. А теперь его поволокут к чертям в преисподнюю.

Джек отошел от телефона-автомата на углу Восемьдесят седьмой улицы и Третьей авеню. От Нади до сих пор не было вестей. Ее мать сказала, что дочка уехала в первой половине дня и больше не объявлялась. Она была очень обеспокоена.

Джека это тоже насторожило. Он попытался убедить себя, что это не его проблема. Не получилось.

Хорошо. Он собирался свести счета с Драгови-чем и Монне. Начать решил с Монне, поскольку серба найти сложнее. Возможно, он уже уехал из города. Исчезновение Нади — еще одна причина для разговора с добрым доктором.

Джек обернулся и посмотрел на дом Монне. Лучи предзакатного солнца золотили его высокие окна. За одним из них, возможно, прячется доктор. В офисе ГЭМ Джеку сообщили, что Монне сегодня не приходил, а у него дома он застал лишь автоответчик.

Джек оставил машину неподалеку, перекрыв подъезд к магазину, который вряд ли сейчас кому-то понадобится. Если на его машине оставят квитанцию, он завтра же заплатит штраф. Джек всегда оплачивал штрафные квитанции. Во-первых, машина была оформлена на Джиа, а во-вторых, если его остановят, он не хотел бы, чтобы на экране появилось слово «нарушитель», когда номер его машины введут в компьютер.

После дождя воздух был сырым и теплым, как в парилке. В своем черно-белом спортивном костюме Джек чувствовал себя неуютно. Но сегодня вечером он шел на дело, которое могло оказаться мокрым, и, кроме того, пейлон не оставляет волокон. Спортивная куртка имела еще одно преимущество — карманы на «молнии». В одном из них был «берсерк», по другим он рассовал свои инструменты взломщика: слесарный набор и стеклорез. Если Монне не откроет, придется прони-

кать в его квартиру иным способом. В доме с консьержем это не так-то просто, но Джеку приходилось брать и не такие крепости.

Он посмотрел на «бентли», припаркованный у входа в дом. Машина стояла тут уже давно. Сколько же надо иметь денег, чтобы выложить больше ста тысяч за тачку, подумал Джек. И тут в дверях показался Монне.

Отлично.

За ним следовал не кто иной, как Драгович. Джек с трудом поборол искушение перебежать улицу и всадить в него парочку пуль 22-го калибра.

Проклятый серб подослал к нему своих головорезов, но не это привело Джека в ярость. Это он как раз мог понять. В конце концов, по милости Джека Драгович превратился во всеобщее посмешище, так что его жажда мести была вполне естественной. Но его люди грозились изнасиловать Джиа и даже Вики. Во всяком случае, тот, что сидел на заднем сиденье. Плотоядный блеск в его глазах не оставлял сомнений в том, что это не пустые слова. Он уже предвкушал предстоящее удовольствие.

Возможно, сам Драгович и не трогает мирных жителей. Но это не имеет значения. Если на него работают такие люди, как те бандиты в «БМВ», значит, пока он жив, Джиа и Вики будут постоянно в опасности. Это все равно что оставить в живых Меченого. Джек не собирался терпеть их обоих.

Пора, наконец, все расставить по своим местам.

Но сначала нужно поговорить с этой парочкой. Один из них причастен к исчезновению Нади и ее жениха. Возможно, Джек уже опоздал, но он, по крайней мере, должен знать об этом наверняка.

Терпение, сказал он себе. Терпение и еще раз терпение. Ты еще дождешься своего часа. Разберешься с обоими.

Увидев водителя «бентли», выходящего из подъезда, Джек поспешил к своей машине. «Бентли» свернул к центру города. Для шести часов вечера движение было не слишком интенсивным. До Тридцать четвертой улицы они добрались достаточно быстро, но там попали в мучительный затор и дальше уже ползли, как черепахи.

Было ясно, что парочка направляется в офис «ГЭМ-Фармы». Это усложняло ситуацию. Пролетевший раз, ожидая Надю на противоположной стороне улицы, Джек заметил охранника в вестибюле. До места Драгович и Монне доберутся не раньше семи. Их-то пропустят без вопросов, а вот у Джека наверняка потребуют документы.

Но если он придет первым...

Заметив вывеску гаража, Джек быстро загнал туда машину. Шагая по Тридцать четвертой улице, он надел перчатки, панаму и темные очки. Заскочив в подъезд, быстро приклеил себе усы. Перед тем как вернуться в гараж, все это надо будет снять.

Через квартал он нагнал «бентли» и к офису ГЭМ пришел первым. Войдя в вестибюль, отделанный мрамором и хромированной сталью, он направился к мордастому латиноамериканцу, сидевшему в кабинке охраны.

— Привет. Доктор Монне еще не приезжал?

Охранник покачал головой:

— Не видел его сегодня.

Джек облегченно вздохнул:

— Ну слава богу! Я должен с ним встретиться, но чуть было не опоздал. Везде такие пробки, ошалееть можно.

Охранник, которого, судя по табличке на груди, звали Гауденсио, недоверчиво посмотрел на него, как бы говоря: «Какие у тебя могут быть дела с доктором Монне?»

— Надо кое-что подключить у него в кабинете. Я мастер-электронщик.

Охранник кивнул. Он проглотил наживку.

— А у других директоров вы будете подключать?

— У кого?

— У Эдвардса и Гаррисона. Они там, наверху, ждут его. А всех остальных уже отпустили.

Джек радостно потер руки. Все складывалось как нельзя лучше.

— Серьезно? Вот здорово! С ним едет еще один парень. Похоже, денек у меня сегодня выдался неплохой! Мне нужно записаться?

Охранник кинул ему ручку.

— Давай записывайся, но я все равно не могу пустить тебя без их разрешения.

Он потянулся к телефону.

— Ладно. Тогда я тут подожду и поднимусь наверх с доктором Монне.

Записавшись в книге как «Д. Вашингтон», Джек увидел, что к подъезду подкатил «бентли».

— Вон он, приехал. Не говори, что я только что подошел, ладно? — подмигнул он охраннику.

Монне с Драговичем уже входили через вращающуюся дверь.

— Добрый вечер, доктор Монне, — приветствовал его охранник.

Монне рассеянно кивнул. Его правая щека распухла, и он был несколько не в себе.

— Здравствуйте, господа. Рад вас видеть, — произнес Джек, улыбаясь во весь рот.

Ему никто не ответил, и он, смущенно пожав плечами, пошел за ними, как бы говоря всем своим видом: «Разве поймешь эту богатую публику?»

Охранник тоже пожал плечами, давая понять, что этот тип людей ему хорошо известен.

Джек зашел вместе с мужчинами в лифт. Увидев, что Драгович нажал кнопку «16», он протянул руку и нажал на «18».

Он опять почувствовал непреодолимое желание выхватить «П-98» и покончить с ними прямо здесь.

Ведь это так просто. Но не стоит торопиться. Особенно сейчас, когда наверху их ждут партнеры по ГЭМ. Кто-то из них наверняка знает, что случилось с Надей.

Джек прислонился к стене в дальнем углу кабины и, опустив голову, стал украдкой наблюдать за своими спутниками.

Оба они молчали. Драгович кипел от возмущения, Монне был чуть жив от страха. Атмосфера в кабине накалялась с каждой минутой.

Когда лифт остановился на шестнадцатом этаже, Драгович буквально вытолкнул доктора из кабины. Похоже, надвигается гроза, подумал Джек.

Он нажал на кнопку, открывавшую дверь, чтобы посмотреть, что они будут делать дальше. Оба остановились у стеклянной двери с логотипом «ГЭМ-Фармы». Монне опустил карточку в электронный замок, там что-то пискнуло, и дверь распахнулась. Джек увидел, что стол секретаря был пуст.

Он отпустил дверь и поехал на восемнадцатый этаж. Там он нажал кнопку «16» и через минуту уже стоял перед стеклянной дверью ГЭМ.

Теми слесарными инструментами, что он принес с собой, электронный замок не откроешь. Даже если удастся его взломать, наверняка сработает сигнализация и начнется форменный конец света.

Остается стекло.

Стеклянная перегородка, в отличие от двери, не имела металлической окантовки. Джек достал стеклорез и опустился на колени. Нажимая всем телом на стеклорез, он процарапал на блестящей поверхности дугу в двух футах от пола. Потом стал углублять образовавшуюся бороздку, ведя по ней алмазным резцом. Работа не из легких — руки в кожаных перчатках сразу стали мокрыми. Затем Джек провел прямую линию у самого пола. Когда все было готово, он резко ударил по стеклу. Один раз, другой. С третьей попытки стекло треснуло

по линии надреза, и вырезанный полукруг упал на ковер.

Джек пролез в образовавшееся отверстие и осторожно заглянул в коридор. Камер наблюдения не было видно. Спрятать их было решительно негде. Отлично.

Одернув куртку, Джек направился на поиски правителей царства «берсерка».

16

— Ты ничего не съела, — пропищала девушка.

Сидя на кушетке рядом с Дагом, Надя внимательно изучала это создание. У девушки был тоненький голосок и крошечная головка, казавшаяся еще меньше из-за собранных в конский хвост волос. Девчушка явно не блистала умом и была такой хрупкой, что Наде ничего не стоило оттолкнуть ее от выхода и выбежать наружу. Однако за дверью стояли два здоровенных охранника с собачьими лицами, которых им с Дагом не осилить даже вдвоем.

— Я не хочу есть, — ответила она.

Полчаса назад девушка принесла им гамбургеры, сосиски в тесте и фруктовый пунш — все явно не первой свежести, как показалось Наде. Даг съел свою порцию целиком, но Надя даже не прикоснулась к еде.

— Ты должна есть. Так говорит Оз.

— Слишком жарко, — сказала Надя, стараясь разговорить девушку. Пока она здесь, дверь будет оставаться открытой, и они хоть немного глотнут свежего воздуха. — И потом, мне страшно.

— Ой, да ты не бойся, — произнесла девушка с искренним сочувствием. — Оз такой добрый.

— А кто такой этот Оз? — спросил Даг, положив руку Наде на бедро и подавшись вперед.

— Он наш хозяин, — сообщила девушка, удивляясь, что кто-то может этого не знать.

— А зачем он нас похитил? Почему держит здесь?

Девушка пожала плечами:

— Я не знаю. Но он ведь вас хорошо кормит. И дал вам такой хороший фургон.

— Ты можешь нам помочь выбраться отсюда? Ну, пожалуйста, — попросила Надя, понизив голос.

— Ой, нет! — Прижав руки к груди, девушка стала пятиться к двери. — Ни за что! Оз рассердится!

— Он тебя побьет?

— Нет, Оз никогда нас не бьет. Он нас защищает, помогает нам.

— Тогда и ты помоги *нам*. Пожалуйста!

— Нет-нет-нет! — затараторила девчушка, выбегая в дверь. — Нет-нет-нет-нет-нет!

— Подожди! — закричала Надя, вскакивая с кушетки, но охранник с треском захлопнул дверь перед ее носом. Еле сдерживая слезы, Надя опустилась на кушетку и прижалась к Дагу. — Что же нам делать?

— Сидеть здесь, — отозвался Даг, обнимая ее. — И думать, как...

Он осекся, услышав какой-то лязг в передней части фургона. Пол чуть накренился назад, потом вперед. Загремела цепь. Поднявшись, Надя подошла к передней стенке фургона.

Трещина над окном позволяла видеть узкую полоску окружающего мира. Надя увидела заднюю стенку тягача, к которому прицепили их фургон.

Фургон резко дернулся, и Надя еле удержалась на ногах. Ее успел подхватить Даг.

— Что происходит? — спросил он.

— Они нас увозят.

— Куда?

— Не знаю.

У нее вдруг появилось ужасное предчувствие скорой развязки. Еще немного, и они узнают, зачем их похитили.

17

Они что, фокусники? Гудини? Куда они, черт возьми, делись?

Джек ходил по офису, заглядывая во все комнаты и кабинеты. Он проверил даже туалеты и небольшую, хорошо оборудованную кухню. Нигде никого. Единственным местом, которое он не осмотрел, был короткий коридор в центре офиса. Он не пошел туда, когда заметил под потолком камеру наблюдения. Зачем она здесь?

Коридор был сквозным, и Джек сумел подойти к камере сзади. Взяв стул в одном из кабинетов, он осмотрел камеру вблизи. Неподвижный объектив был нацелен на середину коридора. Интересно. А она вообще работает? И кто за ней следит? Есть только один способ узнать это...

Позаимствовав липкую ленту в одном из кабинетов, Джек заклеил линзу и ретировался.

Никто не появился, и Джек вернулся в коридор. Дойдя до его середины, он услышал глухой шум удара, донесшийся из-за левой стены. Повернувшись, он увидел дверь, на которой висела небольшая табличка «Комната для совещаний». Дверь сливалась со стеной, ручка не выступала над поверхностью, табличка была едва различима. Практически ничего не видно, пока не подойдешь вплотную.

Комната для совещаний... ну конечно. Где же еще им быть? Приложив ухо к двери, Джек различил еле слышные голоса. Разговор явно велся на повышенных тонах, но по какому поводу кричали, понять было нельзя.

Джек отошел от двери. Звукоизоляция. И расположена комната в самом центре офиса, значит, окон там нет. Все продумано. Защита от электромагнитных волн предполагает глухие стены. На двери Джек заметил петли, а в углублении виднелась ручка. Это означало, что дверь открывается в коридор. Джек осторожно потянул за ручку. Никакого эффекта. Возможно, внутри есть засов.

Прислонившись к стене, Джек стал прикидывать, что тут можно сделать. Дверь, открывающуюся в коридор, вышибить невозможно... подходящего инструмента у него нет... придется импровизировать...

Что у него есть под рукой?

Через минуту в голове у Джека созрел приблизительный план действий.

Выйдя из коридора, он обшарил один из ближайших кабинетов. Потом зашел на кухню и, порывшись в ящиках стола, нашел то, что требовалось.

18

— *Вранье!* — закричал Драгович, ударив по столу кулаками. — Вы меня что, за дурака держите?

Ну как его убедить? — подумал Люк, съездившись от страха. Драгович стоял в конце стола, спиной к двери, сверкая глазами с неистовством маньяка. Он заставил Люка устроить экстренное собрание партнеров, предварительно отправив весь персонал по домам.

И вот теперь они захлопнуты в этой душной мышеловке.

Нас ведь трое, подумал Люк. Разве мы не справимся с одним? После своего ареста за незаконное применение оружия он, вероятно, остерегается носить с собой пистолет. Перевес на нашей стороне. По моему сигналу мы все набросимся на него...

Он посмотрел на своих партнеров. Кент весь взмок от страха — его рубашка была покрыта мокрыми пятнами. Брэд чуть не плакал от отчаяния.

Так, может быть, лучше не надо...

— Почему вы нам не верите? — всхлипнул Брэд. Драгович презрительно скривил рот.

— «Локи» мы получаем от какого-то странного существа, но теперь оно подыхает! И я должен верить в эту чушь?

— Господи, да это же правда! — вскричал Кент. — Если бы мы хотели вас обмануть, то придумали бы что-нибудь поубедительней.

Люк надеялся, что, узнав о таинственном существе, Драгович поостынет, но вышло как раз наоборот. Он все больше распалялся.

— Я могу вам показать это создание, — предложил Люк. — Увидите все своими глазами.

— Опять какие-то фокусы!

— Никаких фокусов. Вы сами в этом убедитесь и тогда поймете, что не мы плетем против вас заговоры. Подумайте, зачем нам убирать вас из дела, *если «локи» все равно скоро накроется.*

Драгович озадаченно уставился на него. Он уже открыл рот, чтобы ответить, но тут раздался стук.

Мужчины застыли, прислушиваясь. Стук повторился. Кто-то барабанил в дверь.

Люк отошел от стола и включил монитор. На экране появилось нечеткое изображение. Кто-то стоял у двери, но черты лица были неразличимы.

Драгович кивнул Брэду.

— Посмотри, кто там! — приказал он, отступая от двери. — И без фокусов!

Люк с облегчением заметил, что он не выхватил револьвер. Значит, Драгович не вооружен.

Брэд нажал кнопку переговорного устройства.

— К-кто там? — раздался его голос из микрофона, установленного в коридоре.

Ответ был невнятным: что-то о «службе безопасности» и «вышедшем из строя оборудовании».

На мониторе был виден мужчина, размахивающий руками. Какая еще служба безопасности? — подумал Люк. И как он сюда попал?

Оттолкнув Брэда от переговорного устройства, Драгович нажал кнопку.

— Уходите. Мы заняты. Придете завтра.

Последовал еще один невнятный ответ, но одна фраза прозвучала громко и отчетливо: «...в помещении могут быть жучки».

— *Что?* — хором воскликнули все четверо.

— Опять твои штучки? — буркнул Драгович, глядя на Люка. Он повернулся к Брэду: — Поди открой!

Люк хотел запротестовать, но Брэд уже открыл задвижку трясущимися руками и слегка толкнул дверь. Дальше события разворачивались с головокружительной быстротой.

Дверь резко распахнулась, и Брэд чуть не вывалился в коридор, но потом поменял направление и пулей отлетел к столу, словно кто-то дал ему пинка. В комнату ворвался странного вида незнакомец с пистолетом в руке.

— Всем стоять на месте! — закричал он.

Приказ этот относился ко всем, но пистолет был направлен на Драговича. Люк с тревогой заметил на стволе глушитель. Человек показался ему знакомым... спортивный костюм, панамы, темные очки. И тут Люк вспомнил — они только что ехали с ним в лифте.

— Слава богу, — простонал Брэд. — Не знаю, кто вы, но явились вы вовремя! — Он указал на Драговича: — Этот человек...

— Заткнись! — бросил незнакомец, толкнув Брэда к столу. — Стой здесь со своими друзьями. — Он повернулся к Драговичу: — Оружие есть?

Драгович пристально посмотрел на него:

— Ты хоть знаешь, кто я такой?

— Знаю. Еще раз спрашиваю: оружие есть?

Драгович усмехнулся:

— Мне незачем его носить.

— Хватит трепаться. Снимай пиджак.

— Пошел ты...

Пистолет незнакомца чуть кашлянул, и Драгович, схватившись за ногу, рухнул на стул.

Люк заметил, что на двери стоявшего позади шкафа появилось отверстие с выщербленными краями.

— Снимай пиджак, — повторил незнакомец. — Иначе царапиной не отделаешься.

Не спуская с незнакомца тяжелого взгляда, Драгович снял пиджак, скомкал его окровавленными руками и швырнул в его сторону.

— Считай, что ты покойник.

— Сегодня вы уже пытались отправить меня на тот свет, — сказал незнакомец, поймав пиджак свободной рукой. — Теперь моя очередь.

Люк увидел, как на лице Драговича гнев сменяется изумлением, а потом... неужели страхом? Он взглянул на незнакомца, проверяющего карманы пиджака. Жаль, что за темными очками не видно его глаз. Он был разозлен не меньше Драговича, если такое вообще возможно. Что произошло между ними? Скосив глаза на своих партнеров, Люк увидел на их лицах то же недоумение и испуг.

В груди у него похолодело. Вместо одного сумасшедшего на них свалился другой, да к тому же еще вооруженный.

19

Джека так и подмывало пристрелить Драговича на месте — понадобилась вся его выдержка, чтобы не спустить курок. Однако пока он удовлетворился зрелищем их растерянных и испуганных лиц.

— Так это ты? — произнес Драгович, прищурившись. — Да, это ты. Усы у тебя фальшивые. Я тебя узнал.

В пиджаке у Драговича Джек обнаружил только содовый телефон. Бросив его на стол, он кинул пиджак сербу.

— Вряд ли.

— Нет, узнал. Это ты останавливался у моих ворот!

Чертовы камеры, подумал Джек.

— Я понял! — вдруг вскрикнул Драгович, указывая на Монне. Лицо его побагровело от гнева. — Ты работаешь на него! Он тебя нанял, чтобы уничтожить меня!

Откуда он это взял? — удивился Джек, но решил не разубеждать серба. На его заблуждении вполне можно сыграть.

— Ты посиди пока и помолчи, а я потолкую с этими козлами, — оборвал он Драговича.

Такое пренебрежение задело того сильнее, чем пуля. Джек повернулся к Монне:

— Где Надя Радзмински?

Монне чуть заметно вздрогнул. Возможно, он просто испуган. Или что-то скрывает? Пока неясно.

— Надя? — манерно пожал плечами доктор. — Дома, я полагаю.

— Дома ее нет. Она пропала. — Джек повернулся к другим двум партнерам: — А вы что скажете, ребята? Где, по-вашему, я могу найти Надю Радзмински?

— А мы откуда знаем, — огрызнулся потный толстяк.

— Радзмински? — переспросил нервный субъект, похожий на хорька. — Люк, это та новая сотрудница, которая занимается исследованиями?

— Откуда вы знаете Надю? — спросил Джека Монне.

Тот проигнорировал вопрос, сосредоточив все свое внимание на двух других партнерах.

— А как насчет Глисона — Дугласа Глисона? Он ведь тоже пропал. О нем что-нибудь знаете?

Кажется, в самую точку, подумал Джек, увидев испуг на лице Хорька. С этим парнем я бы сел играть в покер.

Следя краем глаза за Драговичем, Джек приставил пистолет к голове Хорька.

— Красивая у тебя стрижка, жалко будет ее испортить.

Хорек схватился за голову и, пригнувшись к столу, заскулил:

— Скажи ему, Люк! Скажи ему про Пратера!

Монне закрыл глаза. Джек застыл, пристально глядя на него. Наступила тишина, нарушаемая лишь треском рвущейся ткани. Это Драгович отдирает шелковую подкладку от пиджака, чтобы перевязать рану.

— Да скажи же ему! — завизжал Хорек.

— Заткнись, Брэд, — процедил Монне сквозь зубы.

— Озимандиас Пратер? — уточнил Джек, глядя, как вытягиваются лица всех трех директоров.

— Вы его знаете? — спросил Монне.

— Здесь вопросы задаю я.

— Нет, нет, вы не поняли, — заволновался Люк. — Это очень важно. Если вы его знаете, то наверняка видели существо, которое он называет человеком-акулой.

— Имел такое удовольствие всего несколько часов назад.

Куда он клонит?

— Тогда, пожалуйста, расскажите все этому человеку, — взмолился Монне, указывая на Драговича. — Опишите его, подтвердите, что оно при смерти.

— Вы шутите? Он полон сил и готов разнести свою клетку.

Монне изменился в лице, а Драгович стал молотить кулаками по столу, что-то выкрикивая про лжецов и предателей. Однако Джеку было не до его воплей — в голове у него промелькнула страшная догадка.

Подойдя вплотную к Монне, он нацелил пистолет ему в лицо:

— Говори!

— Что говорить?

— Что Оз и его подручные сделали с Дагом?

— Ничего не сделали.

Джек ткнул ствол доктору в висок:

— У тебя три секунды... две секунды...

— Он его убрал!

— Что это значит?

— Не знаю! — воскликнул Монне. — Он сказал, что нашел «абсолютно надежный способ устранения», так что мы можем не беспокоиться на этот счет. Это все, что я знаю. Клянусь!

Ах ты, ублюдок, подумал Джек, с трудом удерживаясь, чтобы не спустить курок. Паршивый сукин сын. Джек мог поклясться, что «средство устранения», которое нашел Оз, имеет желтые глаза и рассеченную нижнюю губу.

— А Надя? Что с ней?

Монне прикрыл глаза.

— У тебя осталась одна секунда! — рявкнул Джек и затаил дыхание в предчувствии ужасного ответа.

Монне кивнул.

— То же самое, — пролепетал он.

— А, черт!

Очень может быть, что ракшаса поправил свое здоровье не за счет Бонди. Оз скормил ему Глисона... а Надя будет следующим блюдом в меню.

Джек отступил на шаг, борясь с желанием украсить стены комнаты мозгами этого сукиного сына. Но нет, так легко он не отделается, как, впрочем, и вся их шайка.

— А теперь выкладывайте все из карманов на стол, — скомандовал он. — Каждый. И побыстрее.

Партнеры с облегчением вздохнули. Джек видел, как прояснились их лица. Они решили, что дело ограничится ограблением. А это значит, что они останутся живы.

Один Драгович не пошевелился. Он сидел прижав руку к ноге и молча смотрел на Джека. Тот вспомнил его крик о лжецах и предателях. Похоже, их совместное предприятие распалось. Джек решил его не трогать — он уже отобрал у него все, что требовалось.

— Живее, живее, — подгонял их Джек. Он действительно торопился. Глисона уже, наверное, не спасти, но Надю он успеет вытащить оттуда. — Выворачивайте карманы.

На бумажники, брошенные на стол, Джек не обратил никакого внимания. Его интересовали только сотовые телефоны. Он сложил их в одну кучу с мобильником Драговича. Потом махнул револьвером в сторону мистера Потного.

— Собери все телефоны в этой комнате и сложи их на стол.

Когда Потный бросился исполнять приказание, Джек указал Хорьку — кажется, Монне назвал его Брэдом — на бар в дальнем конце комнаты.

— А ты принеси мне четыре стакана и графин с водой.

Когда все телефоны были собраны, — Кент снял даже микрофон со стола, — Джек завернул их в чей-то пиджак и выбросил в коридор.

— А теперь насыпь в каждый стакан по пригоршне этой штуки, — приказал он, бросив на стол сумку с «берсерком».

Выражение лица Брэда не оставляло никакого сомнения в том, что ему хорошо знаком этот порошок.

— З-зачем?

— Делай, что говорят.

Руки у Брэда тряслись, как у пьяницы в приступе белой горячки, но с заданием он справился.

— А теперь налей в каждый стакан воды и передай своим друзьям.

Через минуту перед каждым стоял стакан с голубоватой жидкостью.

— Пьем до дна, джентльмены, — скомандовал Джек.

Мистер Потный вспотел еще сильнее.

— Нет, — затряс он головой, с ужасом глядя на свой стакан, словно там была серная кислота. — Это нас убьет.

— Ну, рано или поздно все мы умрем. Пейте, и я ухажу.

Драгович презрительно фыркнул, поднял стакан, словно готовясь произнести тост, и, крикнув, вылил его содержимое себе в глотку. Пустым стаканом он запустил в Монне, промахнувшись на какой-то дюйм.

— Я не могу! — всхлипнул Брэд.

Джек всадил пулю в стол прямо перед ним. Три директора подскочили от испуга, Драгович же и бровью не повел. При других обстоятельствах он бы мог вызвать у Джека уважение.

— У меня нет времени вас уговаривать. Предлагаю два варианта: либо вы выпиваете это сами, либо я стреляю вам в живот и выливаю это пойло туда.

Мистер Потный первым осушил свой стакан. Когда он поставил его на стол, вид у него был совершенно несчастный. Брэд чуть было не подавился, и Джек уже думал, что он извергнет выпитое обратно, но, к счастью, все обошлось.

Оставался Монне.

— Вы знаете, что с нами будет после этого?

— Да, по собственному опыту. Я махнул ту дозу, которую кто-то из вас подсыпал Наде.

— Никогда не слышал об этой Наде, — проворчал Драгович. — Кто это? Я ее знаю?

— Значит, это был ты, — сказал Джек, пристально глядя в глаза доктора. Так бы и въехал ему по физиономии. Вместо этого Джек поднял руку в перчатке, почти сомкнув большой и указательный пальцы. — Сегодня утром я был на волосок от того, чтобы избить двоих самых близких мне людей. И все по твоей милости. Думаю, тебе лучше это выпить.

Монне осушил свой стакан.

— Но зачем вы это делаете?

— Меня наняла Надя, — ответил Джек, с трудом удерживаясь, чтобы не выбить доктору зубы. Надя пропала и, возможно, уже мертва по вине этого мерзавца.

— Вот для *этого*?

— Нет, чтобы я за тобой следил. — Джек указал на Драговича. — Чтобы защитить тебя от него. Она думала, что у тебя неприятности. Беспокоилась за тебя. Ты ей был небезразличен.

Монне был ошеломлен.

— О боже мой!

К удивлению Джека, доктор закрыл лицо руками и зарыдал.

Джек вынул из кармана сверток и бросил его на стол. В бумажном полотенце было то, что он нашел на кухне.

— Можете немного поразвлечься. Но помните, что гласит закон: не проливать кровь. Разве мы не люди?

Наслаждаясь зрелищем поверженных врагов, Джек попятился к двери. Напоследок он не удержался и пустил в Драговича парфянскую стрелу.

— Нет ли у вас старых шин на продажу? — спросил он с тем же аристократическим выговором, с каким говорил с ним по телефону. — Желательно с маслом.

— Так это ты! — заревел Драгович, вскакивая со стула. — Зачем ты это сделал?

— Ничего личного, — ответил Джек. — Меня просто наняли для этой работы.

С этими словами он вышел из комнаты и захлопнул за собой дверь. Быстро опрокинув стоящий напротив шкаф, он припер им дверь. Потом побежал к лифту, моля Бога, чтобы не опоздать в Монро.

20

Люк с трудом понимал, что происходит вокруг... Кент толкает дверь, пытаясь ее открыть... они с Брэдом налегают на нее всем телом... панические крики о том, что они в ловушке.

В голове у него звучали совсем другие слова...

«Она думала, что у тебя неприятности. Беспокоилась за тебя. Ты ей был безразличен».

Слова эти разъедали его мозг, как кислота.

Бедная Надя. Она пыталась мне помочь, а я обрек ее на смерть. В какую скотину я превратился! Как мог так низко пасть!

Подняв голову, он увидел, что с противоположного конца стола на него смотрит Драгович.

— Ну что ж, — криво усмехнулся серб. — Мы опять вчетвером. — Поднявшись, он, чуть прихрамывая, двинулся вдоль стола. Рана не слишком повлияла на его подвижность. Он указал на сверток, оставленный незнакомцем. — Посмотрим, что ваш знакомый оставил нам на память.

— Он не наш знакомый, — возразил Кент. — Мы его в первый раз в жизни видели. По крайней мере, я.

— И я тоже, — присоединился Брэд.

— Он сказал, что вы его наняли.

— Вовсе нет! — воскликнул Брэд. — Он сказал, что «его наняли». Но это не значит, что сделали это мы.

Все повернулись к Люку.

— Ты избавился от Радзмински, не посоветовавшись с нами, — сказал Кент. — И этого парня ты тоже нанял сам?

Люк промолчал. Теперь ему было наплевать, что они подумают.

Драгович стал разматывать бумажное полотенце, в которое был завернут подарок незнакомца. На стол со стуком упали четыре кухонных ножа.

— О боже! — прошептал Брэд.

Драгович взял самый длинный и провел пальцем по лезвию.

— Как бритва, — сказал он с ухмылкой, направив острие в сторону Люка. — Хочешь попробовать?

Люк рванул рубашку на груди. По столу покатилась пуговица.

— Ну, давай! Чего ждешь?

Это не было бравадой. Доведенный до отчаяния, Люк хотел покончить все разом.

— Не бери меня на пушку. А то я и вправду тебя прирежу, а заодно и твоих приятелей.

— Не надо так шутить! — воскликнул Кент.

— А кто шутит?

— Начни с меня, — повторил Люк. — Мне все равно.

Ему действительно было все равно, и, поняв это, он вдруг почувствовал прилив какой-то безрассудной отваги.

Драгович перестал ухмыляться.

— Тебе не будет все равно, когда я всажу эту штуку тебе в горло.

— Прекратите! — остановил его Брэд. — Если вы его убьете, вам все равно не скрыться. Мы будем сидеть здесь взаперти, пока не придут уборщицы. — Он посмотрел на часы. — А они здесь будут уже через час.

— Это верно, — подтвердил Кент. — Вы же не хотите, чтобы они обнаружили вас здесь с мертвым

телом и запачканными кровью руками? При таком раскладе даже *ваши* адвокаты не смогут вас отмазать.

Драгович взвесил ситуацию и, пожав плечами, бросил нож на стол.

— Ну, тогда в другой раз, — прошипел он, наклонившись к Люку. — Когда тебе будет не все равно. И мне так будет приятней.

— Сейчас главное — сохранять спокойствие, — начал Брэд. — Этот человек, кем бы он там ни был, *надеется*, что мы друг друга поубиваем. Но мы его пересхитрим, если сумеем не потерять голову. И тогда посмотрим, кто будет смеяться последним. Сейчас «локи» начнет действовать, а мы выпили столько, что хватит на шестерых. Но мы же интеллигентные люди. Мы сильнее «локи» и можем ему противостоять.

— Правильно, — поддержал его Кент. — Если мы будем сидеть тихо и молчать, то продержимся, пока сюда не придут уборщицы.

Брэд сел на стул в самом конце стола.

— Милош, вы оставайтесь на своем месте. Кент...

— Нет! — возразил Драгович, опускаясь на стул напротив Люка. — Я сяду здесь.

— Хорошо, — согласился Брэд. — Я останусь здесь, а Кент сядет напротив меня. Таким образом, мы будем находиться как можно дальше друг от друга. А теперь тишина и спокойствие.

Наступило молчание. Люк закрыл глаза и стал прислушиваться к слабому шуму кондиционера. Через несколько минут он почувствовал, что настроение у него улучшается. Он больше не терзался мрачными мыслями.

Люк стал снова думать о Наде, но теперь уже совершенно по-другому — трезво и прагматично. Глупо винить себя за Надину смерть, ведь совершенно ясно, что она сама в этом виновата. Если бы девочка занималась тем делом, которое ей поручи-

ли, то была бы жива и невредима. А она стала совать нос куда не надо. За что и поплатилась.

И потом, скрыла свои отношения с Глисоном. Сказала, что они просто друзья, когда они уже были помолвлены. Помолвлены! Так и надо этой сучке. Она думала, что мне можно врать безнаказанно.

Открыв глаза, Люк увидел, что Драгович наблюдает за ним.

— Ну и что вы там увидели? — спросил он.

Драгович недобро усмехнулся:

— Кусок падали.

— Прошу вас, — подал голос Брэд с дальнего конца стола. — Если мы не будем разговаривать, то...

— Заткнись! — бросил ему Люк. — Господи, как же мне надоело твое вечное нытье!

— Ладно, — сказал Брэд, скривившись. Он прижал ладони к столу. — Пусть будет так. И давай на этом остановимся.

Люк прикусил язык. Брэд прав. «Локи» делает людей агрессивными. Невинное замечание может привести к кровопролитию. Все должны сохранять самообладание.

Но до чего же здорово он себя чувствовал, черт побери! Трудно поверить, что еще несколько минут назад он испытывал угрызения совести из-за Нади. Теперь же, благодаря «локи», ему стало ясно, что такое ничтожество, как она, вообще не заслуживает его внимания.

«Локи»... Жаль, что он не попробовал его раньше. Отличная вещь. Все его ощущения необычайно обострились — он чувствовал даже присутствие воздуха, каждой молекулы кислорода, слышал тиканье «ролекса» на руке у Драговича, различал волокна древесины под слоем лака на столе.

Его сознание стало удивительно *ясным*. Он увидел все ошибки, совершенные им в жизни, особенно за последнее время, понял, насколько ина-

че могла бы сложиться эта жизнь, прибегни он к помощи «локи» чуть раньше.

Люк взглянул на сидевших за столом.

Брэд и Кент... парочка неудачников: трусливый слабак и мягкотелый пустозвон. И как я мог с ними связаться? А Драгович — не такой уж он крутой. Да, он здоровенный мужик — как говорится, сила есть, ума не надо. Но разве он может тягаться со мной интеллектом? И почему я его раньше так боялся?

Люк ненавидел их всех и с удовольствием избавился бы от этой троицы. Кухонные ножи, лежавшие на столе, притягивали его взгляд, но нет... это уж слишком. У него хватит ума, чтобы убрать их, не вызывая подозрений. Может быть...

Громкий крик прервал ход его мыслей. Брэд вскочил и, наклонившись над столом, ткнул пальцем в лицо Кенту:

— Прекрати потеть! Я прямо-таки *слышу*, как ты обливаешься потом, и меня от этого тошнит!

— Тебя тошнит? — взвизгнул Кент, вскакивая со стула. — Послушай, ты, красавчик, это от тебя всех тошнит, от твоего пидорского вида и вечного нытья.

У Брэда отвалилась челюсть.

— Что? Ты на что намекаешь?

— Я не намекаю, черт побери. Я прямо говорю, что ты...

— Держите! — воскликнул Драгович.

Он схватил два ножа и пустил их по столу. Пару раз перевернувшись, они оказались между Брэдом и Кентом.

Брэд замолчал. Глаза его округлились.

— Вы только посмотрите на него, — засмеялся Кент. — Какая цыпочка!

— Цыпочка? — Лицо Брэда исказилось от ярости. Он схватил нож. — Я тебе покажу, кто из нас цыпочка.

Он бросился на Кента, и они упали на пол, скрывшись за столом. Люк не видел, что там про-

исходит, были слышны лишь глухие удары, стоны и восклицания. Вдруг над столом появилась окровавленная рука Кента, схватила нож и опять исчезла из вида.

Люк продолжал сидеть не двигаясь. Он лишь слегка повернул голову в сторону Драговича. Судя по звукам, Брэд и Кент схватились насмерть, и Люк молил Бога, чтобы они убили друг друга. Тогда останется один Драгович.

Серб с жадностью следил за схваткой, словно акула, почуявшая запах крови и ждущая своего часа, чтобы сожрать и победителя и побежденного.

Потом возня прекратилась, и с пола поднялся задыхающийся Кент Гаррисон, весь залитый кровью. Люк увидел, как Драгович поднял один из двух оставшихся ножей и зажал его в кулаке, спрятав лезвие под запястьем.

— Ты в порядке? — спросил он приближающегося Кента.

— Сейчас увидишь, — усмехнулся тот, бросаясь на Драговича.

Но серб, казалось, этого ждал. Отступив назад, он полоснул Кента ножом по горлу. На стол брызнула кровь, и Кент с булькающим звуком сполз на пол.

В голове у Люка пронесся вихрь мыслей. Все отлично! Кента обвинят в убийстве Брэда, Драговича — в убийстве Кента, а он убьет Драговича в порядке самозащиты. Не успел он это подумать, как уже стоял на столе с ножом в руках. Серб быстро повернулся к нему...

21

Несмотря на пробку в Мидтаунском тоннеле и перевернувшийся трейлер на Спрингфилдской эстакаде, Джек сумел добраться до Монро за два часа.

Он намеревался подъехать на машине прямо к шатру, нырнуть под брезент, облить Меченого бензином, чиркнуть спичкой и отправить его обратно в ад, из которого тот явился. А потом, когда начнется паника и всеобщее смятение, попытаться разыскать Надю. Но, выехав по узкой дороге к болоту, почувствовал неладное.

Где же шатры?

Остановив машину на вытоптанном лугу, Джек с недоумением уставился на пустое пространство, освещенное светом его фар. Потом выскочил из машины и огляделся вокруг. Уехали. По дороге он их не встретил. Так куда же они делись?

Услышав шорох, Джек быстро обернулся. Позади его машины виднелась какая-то угловатая фигура. В отблеске фар он разглядел седого небритого старика.

— Если вы балаган ищите, так они уже уехали. Но не огорчайтесь, на будущий год они опять сюда пожалуют.

— Вы видели, как они уезжали?

— Само собой, — ответил старик. — Но сначала я с них арендную плату получил.

— А вы не знаете, куда они поехали?

— Меня Хаскинсом зовут. И земля, на которой вы стоите, моя.

Джек почувствовал, что терпение его истощается.

— Я с радостью уберусь отсюда, если вы скажете, куда...

— Я каждый год сдаю им землю в аренду. Им нравится Монро. Но я...

— Мне нужно знать, куда они уехали.

— Такой большой, а все еще мечтает сбежать с цирком, — сказал старик с хриплым смешком.

Это была последняя капля.

— *Куда они уехали?*

— Да вы не волнуйтесь, — примирительно сказал старик. — Зачем же так кричать? Они подались в Джерси. Завтра вечером откроются на мысе Мэй.

Джек прыгнул в машину. Южный Джерси. Трейлеры могут попасть туда только двумя путями: через Бронкс и мост Джорджа Вашингтона или через Верразано и Стейтен-Айленд. В любом случае до мыса Мэй можно добраться лишь по шоссе Гарден-Стейт. Джек помчался к шоссе в надежде перехватить их там.

Среда

1

До Джерси Джек добирался еще два часа. Было уже за полночь, а до мыса Мэй оставалось не меньше ста миль. На этом участке разрешалось ездить со скоростью не выше шестидесяти пяти миль. Джек поставил бортовой компьютер на семьдесят и убрал ногу с педали. Если он поведет сам, то не удержится и выжмет все девять десятых, а это неизбежно привлечет внимание копов. Хватит, сегодня он повидал их уже достаточно.

Ну и денек. Когда же он, наконец, кончится? Действие «берсерка» давно прекратилось, но у него по-прежнему все болело. Особенно голова. В ушах все еще звучала песня «Ты меня не отпускаешь», услышанная по радио час назад. Голос Дайаны Росс вгрызался в измученный мозг, как циркулярная пила.

И самое печальное было в том, что вся эта поездка могла оказаться напрасной. Джек не очень представлял себе, как часто надо кормить ракшасу и сколько он съедает за раз. Если ему скормили Бонди, а потом Дага, у него есть шанс застать Надю в живых. Шанс этот, конечно, невелик, но использовать его надо. Иначе он никогда не простит себе свою нерасторопность.

Конечно, не заметить целый караван фургонов практически невозможно, но он все же чуть не про-

скочил его, отвлекшись на экстренное сообщение, передаваемое по радио...

«...Массовое убийство в центре города: известный гангстер Милош Драгович по кличке «пройдоха серб» убит несколькими ударами ножа вместе с тремя руководителями фармацевтической фирмы. Все четверо были только что обнаружены в комнате для совещаний компании «ГЭМ-Фарма» пришедшими уборщиками. Сегодня Драгович уже появлялся в новостях. Он...»

Поздравляя себя с успехом задуманного мероприятия, Джек проскочил стоянку и, только проехав добрую сотню ярдов, вдруг вспомнил, что заметил там скопление разномастных фургонов и трейлеров.

Замедлив скорость, он свернул на объездную дорогу, над которой висел указатель «Только для специального транспорта», и через минуту снова подъехал к стоянке, где расположился балаган.

В столь поздний час стоянка была практически пуста. Кроме питомцев Оза здесь сделали привал всего несколько парочек, возвращавшихся из Атлантик-Сити. Но почему Пратер остановился именно здесь? Ведь неподалеку находился полицейский участок.

Джек откинулся на сиденье. Плохой симптом. Если бы Оз вез с собой пленников, он вряд ли остановился бы в столь опасном месте. Джека охватили дурные предчувствия.

Но раз уж он заехал в такую даль...

Он осмотрелся. Подобраться незаметно было совершенно невозможно, стало быть, придется идти напролом. Конечно, не мешало бы натравить на Оза тех самых копов, что сидят здесь рядом в участке, но это может и не сработать. Если рэкшаса уже сожрал Надю, копы просто ничего не найдут. И проблему с Меченым тоже так не решишь.

Открыв багажник, Джек посмотрел на канистру с бензином. Он планировал сначала покончить с Меченым, а потом уже искать Надю. Теперь пришлось менять планы. Сначала он найдет Надю, а потом уже займется ракшасой. Вытащив из-под запасной шины пистолет, Джек заткнул его за пояс спортивного костюма и зашагал к фургонам.

Балаган размещался в двух восемнадцатиколесных трейлерах и двадцати с лишним фургонах всех цветов и размеров и разной степени обветшалости. Приблизившись, Джек услышал громкие удары, доносившиеся от одного из фургонов. Из-за грузовика показались два охранника с собачьими лицами. Прорывав что-то нечленораздельное, они попытались прогнать Джека.

— Мне нужно поговорить с Озом, — заявил он.

Последовало молчание и энергичные жесты руками.

— Послушайте, либо вы пропустите меня к нему, либо я иду в полицейский участок, и тогда визит вам нанесут уже *они*.

Охранники явно не одобрили эту идею. Они переглянулись, и один тут же исчез. Через минуту он появился и махнул рукой, приглашая Джека с собой. Расстегнув «молнию» на куртке, тот пошел вперед.

Второй охранник остался на месте. Идя мимо беспорядочно разбросанных фургонов, Джек увидел бригаду рабочих, пытающихся залатать дыру на одном из трейлеров. Размеры этой дыры заставили его замедлить шаг: пять-шесть футов в высоту и не меньше двух в ширину. Края были выгнуты наружу, словно ее пробил гигантский кулак. Джек был на сто процентов уверен, что кулак этот принадлежал некоему синекожему существу с желтыми глазами.

Черт! Джек закрыл глаза и ударил себя по бокам. Его так и подмывало что-нибудь расшибить. Сколько еще сюрпризов ожидает его сегодня?

Однако настроение у него улучшилось, когда он понял, почему Оз обосновался рядом с полицейским участком. У него просто не было выбора. Возможно, Надя еще жива.

Остановившись, охранник сделал знак, чтобы Джек шел быстрее. Тот прибавил шаг, и вскоре они оказались у фургона Оза. Сам он стоял рядом, наблюдая, как рабочие чинят трейлер.

— Ну что, он все-таки сбежал? — спросил Джек, подходя к Озу.

Тот повернулся верхней частью тела и неприветливо посмотрел на Джека:

— А, это вы. От вас никуда не скрыться.

Джеку потребовалось все его самообладание, чтобы не накинуться на Оза с расспросами. Ему не терпелось узнать что-нибудь про Надю, но он решил пока ограничиться ракшасой. Это была знакомая тема. Он начнет с нее, а потом уже надавит на Оза как следует.

— Хорошо кормили его? Старались, чтобы он восстановил силы? Черт, вы же знали, какой это риск.

— Но он сидел в клетке с железными прутьями. Я думал...

— Вы ошибались. Мне довелось видеть его в полном расцвете сил. Такая клетка его не удержит, будь она трижды железная.

— Я восхищаюсь вашей способностью говорить очевидные вещи.

— Где он?

Впервые в глазах у Оза промелькнул страх.

— Не знаю.

— Здорово, — произнес Джек, оглядываясь вокруг. — А где тот парень, Хэнк?

— Хэнк? Зачем вам этот слабоумный?

— Хочу узнать, не побеспокоил ли он опять ракшасу.

Хозяин ударил кулаком в ладонь:

— Я надеялся, что он усвоил урок. Если нет, придется поучить его снова. — Он повернулся и прокричал в темноту: — Все ищут Хэнка! Когда найдете, сразу ведите ко мне!

Прошло некоторое время, но Хэнк так и не появился. Его нигде не нашли.

— Похоже, он сбежал, — предположил Пратер.

— Или его уволокли.

— Но мы не видели следов крови. Возможно, этот идиот еще жив.

— Да, он жив, — слышался женский голос.

Обернувшись, Джек увидел трехглазую прорицательницу.

— Что ты видишь, Кармелла? — спросил ее Оз.

— Он в лесу. Стащил одно из ваших ружей. И еще держит в руке копьё. Пьян и озлоблен. Собирается убить человека-акулу.

— Ну, в этом я сомневаюсь, — заметил Оз. — Скорее все будет наоборот.

То, что Хэнк взял ружье, было вполне объяснимо. Но зачем ему копьё? Но тут Джек вспомнил, как они с Бонди кололи ракшасу острым железным прутом. Но вряд ли от этого оружия будет толк. Если Хэнк наткнется на ракшасу, жизнь его не будет стоить и цента.

Джек посмотрел на густой лес, тянувшийся вдоль шоссе.

— Мы должны найти его.

— Обязательно, — подхватил Оз. — Бедняга один в незнакомом месте, наверняка растерян и напуган.

Джек не совсем представлял себе, что может напугать ракшасу в лесу.

— Кстати, о потерявшихся, одиноких и испуганных, — начал он, указывая на трейлер Оза. — Я должен задать вам пару вопросов.

Отойдя к старому ободранному «эйрстриму», где их никто не мог слышать, Оз спросил:

— Так что вы хотели узнать?

— Где Надя Радзмински?

В глазах у Оза ничего не отразилось, но по тому, как напряглось его тело, Джек понял, что задал вопрос не напрасно.

— Надя... какая Надя?

— Та, которую вы должны убрать по заказу доктора Монне. Где она?

— Не имею ни малейшего представления, о ком вы... — начал было Оз, но запнулся, увидев, как Джек выхватил из-за пояса пистолет.

— Мне обо всем рассказал сам доктор и его партнеры, — тихо сказал Джек, навинчивая глушитель. — Они сказали, что заплатили вам, чтобы вы убрали Дугласа Глисона и Надю Радзмински, так что не изображайте из себя святую невинность. — Джек опустил ствол, нацелившись в правое колено Оза. — Я задаю свой вопрос еще раз, и, если вы опять начнете гнать туфту, я всажу вам пулю в ногу. Это не смертельно, но чертовски больно. Потом я снова задам вам вопрос и, если не получу ответа, выстрелю опять. И так мы будем продолжать, пока я не узнаю правду.

Однако Оз был не робкого десятка — он и бровью не повел, только взглянул на своих охранников, которые уже заместили пистолет. Сколько их у него? С глухим ворчанием они придвинулись ближе.

— Они разорвут вас в клочья после первого же выстрела. А может быть, еще до него.

— Не рассчитывайте на это, — возразил Джек, направляя пистолет Озу в живот. — Я успею спустить курок *не один раз*, прежде чем они меня схватят. Вы вообще-то представляете, какую дыру может проделать в вашем животе пуля 22-го калибра?

Пистолет у Джека был заряжен всего лишь разрывными патронами, но Озу об этом знать не обязательно.

— И не думайте, что выстрелы останутся незамеченными, — предупредил Джек, кивнув в сто-

рону полицейского участка. — Вы не только умрете сами, но и соберете здесь кучу полицейских, которые начнут прочесывать все вокруг. И что они найдут?

Ярость на лице Оза сменилась беспокойством. Джек решил его окончательно добить.

— Вы собрали вокруг себя очень теплую компанию, Оз. Что с ними будет, если вы умрете? Они разбредутся неведомо куда и пропадут. И все из-за того, что вы не хотите ответить на один простой вопрос.

Джек надеялся, что его шантаж подействует. Он прекрасно понимал, что будет избит до кровавого месива, как только спустит курок. Но даже если ему удастся выжить, оснований избегать полиции у него не меньше, чем у Оза. Возможно, даже больше. Но, к счастью, Оз об этом не знает.

— Предположим, что они здесь. Что вы собираетесь делать?

Они? Джек с трудом скрыл радость при этом известии.

— Они уедут со мной, и этим дело кончится.

— А где гарантия, что вы не остановитесь у первого же телефона и не донесете на нас?

— Я даю вам свое честное слово, — коротко ответил Джек. — Против вас, Оз, я ничего не имею. У меня с Налей чисто деловые отношения. Если я вытащу ее отсюда, мы с вами будем в расчете. Я буду просто счастлив забыть о вашем существовании, и думаю, что это взаимно.

— А они?

— Надеюсь, мы это уладим. Пойдемте.

Но Оз не двинулся с места.

— Остается решить вопрос с доктором Монне.
Он...

— Он убит.

Оз недоверчиво прищурился.

— Не может быть, — выдавил он.

— Включите радио. Эту новость передают по всем каналам.

— Это ваша работа?

— Я его и пальцем не тронул. Скорее всего, это Драгович.

— Понимаю, — кивнул Оз.

На губах у него появилась слабая улыбка. Такой оборот дела показался ему вполне вероятным.

— Монне вам заплатил, чтобы вы их убрали, — сказал Джек. — Но у вас, как я понимаю, свои планы на этот счет. Суши для ракшасы. Верно?

— Это существо питается как большая змея, — заявил Оз, никак не реагируя на реплику Джека. — Оно наедается до отвала, а потом несколько дней вообще ничего не ест. Я еще не успел определить периодичность его кормления.

— А теперь, когда он сбежал, то, что вы для него заготовили, вам больше не нужно. Ведь так?

Оз со вздохом кивнул:

— Проблема решилась сама собой.

Он повел Джека в центр стоянки. Тот следовал за ним по пятам, не выпуская его из-под прицела. Их сопровождали трое охранников. Оз остановился у облупленного красного фургона.

Внутри кто-то бился о стену и еле слышно звал на помощь. Оз указал на замок, и один из охранников быстро отпер дверь.

Когда она распахнулась, Джек спрятал пистолет за спину. Он хотел, чтобы все выглядело как счастливое избавление от опасности, и пушка была здесь совершенно лишней.

Крики и удары стихли, и через некоторое время в дверях показался светловолосый молодой человек. Он был бледен и изможден, но Джек сразу узнал в нем Дугласа Глисона с фотографии, которую показывала ему Надя. Потом появилась и она сама.

Слава Богу, живы, подумал Джек. Теперь скорее забрать их отсюда.

— Добрый вечер, доктор Радзмински, — приветствовал он ее.

Она повернула голову, и в глазах ее вспыхнула радость.

— Джек! — воскликнула она. Голос у нее был хриплый и надсаженный от бесконечных криков о помощи. — О, Джек, это вы!

— Джек? Что еще за Джек? — заволновался Глисон, но Надя остановила его:

— Все в порядке. Он наш друг. Джек, как вы сюда попали? Как сумели нас найти?

— Долгая история. Монне и его партнеры попросили мистера Пратера убить вас и вашего жениха.

— О нет! — произнесла Надя в отчаянии.

— Я так и знал, что это он! — подал голос Глисон.

— Но почему?

— Они с Драговичем производили «берсерк», а вы об этом узнали. Но мистер Пратер вовсе не убийца, — заявил Джек, кивнув в сторону застывшего от изумления Оза. — Он просто спрятал вас и держал подальше, пока не миновала опасность.

Джек придумал это на ходу. Он посмотрел на Оза, ожидая подтверждения своей версии.

— Да, — мгновенно сориентировался Оз. — Доктор Монне шантажировал меня, поэтому я не мог пойти в полицию и просто не знал, что делать. Но теперь, когда его нет...

— Нет? — Надя с недоумением посмотрела на Джека.

— Его убил Милош Драгович.

— Теперь нет нужды держать вас взаперти, — поспешно добавил Оз.

— Но нам нужно уладить еще один вопрос, — заметил Джек. — Забудьте все, что произошло, и дайте слово, что никто никогда не узнает об этом. Мистер Пратер на вас надеется.

Глисон колебался всего секунду.

— Я согласен.

Но Надя нахмурилась и в нерешительности переминалась на месте.

— Не сомневайся, Надж. Мы же не пострадали. Они даже кормили нас, — попытался убедить ее Глисон, обнимая за плечи.

— Но они же напугали нас до полусмерти.

— Да, но зато сохранили нам жизнь. Он ведь мог убить нас — именно *этого* от него и хотели, но он так не поступил. Мы должны быть благодарны ему за это.

Ну, давай, Надя, мысленно подстегнул ее Джек, жалея, что он не телепат. Скажи «да», и мы немедленно уберемся отсюда.

Наконец она пожала плечами.

— Не уверена, что мы должны его благодарить, — проговорила она, глядя на Оза. — Но думаю, все останется между нами.

Джек с облегчением вздохнул. Вынув из кармана ключи от машины, он бросил их Глисону.

— Мой «бьюик» стоит у поворота на Берджер-Кинг. Ждите меня там. Нам с мистером Пратером надо уладить еще одно дело.

Когда Надя и ее жених скрылись из вида, Джек повернулся к Озу:

— Где сбежал ракшаса?

— Где-то в миле отсюда. Там, где стоит указатель «51,3 мили». Мы сразу остановились, но долго оставаться там не могли, иначе сразу бы явились полицейские. Так что пришлось ехать сюда.

— Его надо найти.

— Я был бы счастлив, если бы он нашелся, хотя вы, конечно, предпочли бы, чтобы он погиб.

— Совершенно верно.

— Дикие здесь места, — заметил Оз. — Дальше идут сплошные сосновые пустоши.

Джек выругался сквозь зубы. Пустоши. Вот черт. Как же здесь найти ракшасу? Вся здешняя терри-

тория как бы выпадала из современной жизни. На побережье была построена атомная электростанция и располагались живописные, но вполне современные городки вроде Смитвилла и Лидс-Пойнта. Но к западу от шоссе были совершенно дикие места. Пустоши — миллионы акров, заросшие соснами и кустарником, покинутые селения, холмы, болота, ручьи — все в первозданном виде, как было еще при индейцах. Со времен Войны за независимость места эти служили прибежищем для всякого рода изгоев. Наемники, тори, контрабандисты, мятежные индейцы, религиозные фанатики, беглые арестанты — все они в разное время находили убежище в сосновых лесах.

И теперь к длинному списку беглецов добавился бродячий ракшаса.

— Мы сейчас недалеко от Лидс-Пойнта, — сообщил Пратер, и его унылая физиономия осветилась довольной улыбкой. — Там родился знаменитый Джерсийский дьявол.

— Оставим уроки истории на потом, — прервал его Джек. — Вы посылали кого-нибудь на розыски?

— Нет. Никто не хочет идти, и я их вполне понимаю. Но даже если бы нашлись охотники, нам все равно некогда его искать. Сегодня вечером мы уже открываемся на мысе Мэй. Откровенно говоря, и бегать-то за ним особенно не стоит, раз доктор Монне больше не будет покупать его кровь.

— Значит, этим займусь я.

Если Меченый успел уйти далеко, его уже не поймашь. Ну и черт с ним. Единственная загвоздка в том, что в его сумеречном мозгу все еще может теплиться желание разделаться с Вики. Маловероятно, но Джек не мог рисковать.

— Вы что, на самом деле будете его разыскивать?

Джек пожал плечами:

— А вы знаете кого-то, кто сделает это за меня?

— Но зачем это вам?

— Слишком долго рассказывать. Будем считать, что у нас с Меченым остались незаконченные дела.

Внимательно посмотрев на Джека, Оз повернулся и зашагал к своему трейлеру.

— Пойдемте. Возможно, я смогу вам помочь.

Немного поколебавшись, Джек двинулся за ним. Остановившись у фургона, он стал терпеливо ждать, пока Оз искал что-то внутри. Наконец он появился в дверях, держа в руке что-то похожее на электронную игру. Нажав несколько кнопок, он протянул аппарат Джеку:

— Он приведет вас к ракшасе.

Джек посмотрел на коробочку. На ней был экран, в углу которого мерцала зеленая точка. Он повернулся, и точка сместилась.

— Он следит за ракшасой? — спросил Джек, вспомнив ошейник, надетый на чудовище. — Как он действует?

— Все наши животные имеют электронные ошейники. Бывают случаи, когда они теряются, и тогда их очень легко найти. Ведь большинство из них совершенно уникальны.

— Да уж. Не так много вокруг двухголовых козлов.

— Верно. Однако радиус его действия — всего две мили. Как вы видите, это существо все еще где-то поблизости, но в любой момент может исчезнуть. Принцип действия этого прибора очень прост. Вы находитесь в центре экрана. Если точка слева, значит, зверь тоже слева от вас; если точка внизу, он позади вас и так далее. Чтобы его найти, надо двигаться так, чтобы точка приближалась к центру экрана. Как только она окажется в центре, все, вы нашли своего ракшасу. Или он нашел вас.

Джек встал так, чтобы точка находилась в самой верхней части экрана. Взглянув вперед, он увидел

густую чащу к западу от шоссе. Как раз то, чего он опасался. Меченый скрывается в лесу.

Но эта штука облегчит мне поиски, подумал он. Вдруг в голове у него мелькнула догадка.

— Вы очень помогли мне, — поблагодарил он Оза.

— Ну что вы. Я просто беспокоюсь о ракшасе.

— Но ведь если я его найду, то сразу прикончу.

— Желаю вам успеха. В лесу полно оленей и разной дичи, но ракшаса их не ест. Как вы знаете, он признает только одну пищу.

И тут Джек все понял и усмехнулся:

— Значит, давая мне этот локатор, вы как бы посылаете ракшасе гуманитарную помощь.

Оз наклонил голову.

— Можно сказать и так.

— Ну что ж, увидим, мистер Пратер. Увидим.

— Мне кажется, что это вас уже никто и *никогда* не увидит.

— Я не самоубийца, можете мне поверить.

— Никто не может противостоять ракшасе в одиночку.

— Мне уже случалось.

Заметив озабоченность на лице Оза, Джек, довольный, направился к машине. Значит, его слова прозвучали достаточно убедительно. Хорошая игра. Сам он этой убежденности не испытывал.

2

— Вон он идет, — сказал Даг.

Надя подняла голову с его плеча и посмотрела в окно. Там она увидела Джека, торопливо шагавшего к машине. Она вдруг почувствовала, как внутри у нее разливается тепло, растапливая сковавший ее лед. Она вспомнила ту безумную радость, что охватила ее при виде Джека, стоящего

у двери этого жуткого фургона. Непонятно, как он ее нашел и почему вообще стал искать, но в самую трудную минуту жизни на помощь пришел именно он.

— Слава богу, — отозвалась Надя. — Теперь мы, наконец, отсюда уедем.

Она сидела на заднем сиденье, привалившись к Дагу, измученная и выжатая как лимон, и в голове у нее бродили печальные мысли.

Доктор Монне хотел ее убить.

Пришлось принять эту страшную правду... но все же, как такое возможно? Ужасно сознавать, что кто-то хочет твоей смерти, а если это к тому же доктор Монне... А она так за него переживала. Какая бесчеловечная жестокость.

К ее удивлению, Джек прошел мимо машины и направился к магазину. Через несколько минут он вернулся с холщовой сумкой через плечо, на которой большими зелеными буквами было написано: «Атлантик-Сити».

— Ну, как дела? — спросил он, садясь за руль.

— Сейчас уже лучше, — отозвался Даг. — Благодаря вам. — Он протянул руку через спинку сиденья. — Даг Глисон.

Они обменялись рукопожатиями.

Повернув руку Дага к себе, Джек спросил:

— Это часы от «хрустиков»? Красивые.

— Вам нравятся? Они ваши.

Джек замахал руками:

— Нет, нет, что вы.

— Я серьезно, — настаивал Даг. — И не знаю, как вас благодарить.

— Через минуту узнаете.

Джек тронулся с места, но со стоянки не уехал. К Надиному огорчению, он остановился в дальнем углу площадки у доски объявлений. А ей так хотелось поскорее попасть домой.

— Разве мы не едем в город?

— Пока нет, — ответил Джек, доставая из сумки пару бутылок «Снэпла». — Вот, промочите горло. А если не хотите, то выливайте все на землю.

Надя взяла бутылку с холодным лимонным чаем и сразу же отпила половину. Как же она, оказывается, хотела пить. Открыв дверь машины со своей стороны, Джек стал методически открывать бутылки и выливать их содержимое на асфальт.

— Жаль переводить такой хороший напиток, но, насколько я знаю, сейчас только «Снэпл» продают в стеклянных бутылках.

Закончив опустошать бутылки, Джек вынул стеклорез и стал надпиливать их стенки.

— Что вы делаете? — спросила Надя с изумлением.

— Меня научил этому один старый революционер. Так они лучше взрываются.

Затем Джек вынул из сумки газету и майку с видами Атлантик-Сити, которую стал раздирать на куски.

Надя с удивлением смотрела на его лицо и ловкие уверенные движения. Куда делся тот добродушно-веселый парень, с которым она встречалась в последние дни? Сейчас перед ней был серьезный и сосредоточенный мужчина, собравший всю свою волю в кулак. На лице его застыло жесткое выражение, а темные глаза светились мрачной решимостью.

— Что происходит? — спросила Надя.

— Сбежал один из питомцев Оза. Я должен его найти.

— Это Оз вам поручил?

— Нет. Здесь мой собственный интерес.

— Но почему?..

— Может пострадать очень близкий мне человек.

— Но разве нельзя позвонить в полицию?

— Они решат, что я чокнутый или рассказываю им сказки про Джерсийского дьявола.

— А это не то большое странное существо с желтыми глазами и темной кожей? — поинтересовался Даг.

Джек поднял глаза:

— Вы его видели?

— Да. В первую же ночь они принесли меня в один из шатров и прижали к прутьям клетки, где сидел этот здоровый парень в вонючем резиновом костюме.

— Это был не костюм.

— Вздор!

Джек сузил глаза:

— Я похож на трепача?

— Нет, что вы, — поперхнулся Даг. — По правде говоря, мне самому показалось, что это какой-то живой демон. Но поскольку демоны бывают только в сказках, я убедил себя, что это просто костюм.

— А как он повел себя, когда они толкнули вас к прутьям? Бросился на вас, попытался схватить?

— Нет. Он не обратил на меня никакого внимания. Его больше занимало, как выбраться из клетки.

Джек молча посмотрел на Дага.

— Что-нибудь не так? — спросил тот.

Джек покачал головой:

— Когда вернетесь домой, обязательно купите лотерейный билет. С таким везением вы выиграете миллион.

Выйдя из машины, он открыл багажник и вернулся с металлической канистрой и фонариком.

Надя вдруг что-то вспомнила.

— Джек, а это существо и есть источник наркотика?

— Он самый.

— Мне кажется, я его видела. Через щель в доске я разглядела, как они загружали в трейлер стальную клетку с каким-то большим темно-синим зверем.

Она еще тогда подумала, что это какая-то кукла, потому что в природе просто не может быть такого монстра.

— Так он настоящий?

Джек кивнул. Присев на корточки у машины, он стал разливать по бутылкам содержимое канистры.

Нет, не может быть, со страхом подумала Надя. Он ведь не собирается...

Собирается. Запах бензина ни с чем не перепутаетесь.

Почувствовав дурноту, она закрыла глаза и откинулась на спинку сиденья. Сколько печальных событий за последние несколько дней! Она чувствовала себя Алисой, попавшей через кроличью нору в отвратительную Страну чудес. Молекула, которую ей поручили стабилизировать, оказалась наркотиком, ее жених был похищен, человек, которого она глубоко уважала и с которым у нее когда-то был роман, обрек ее на смерть, а потом и сам был убит. А теперь она сидит в машине и помогает малознакомому человеку заливать в бутылки горючую смесь, чтобы забросать ими ужасное чудовище из ночного кошмара.

Все это действительно напоминало ночной кошмар.

И зачем она только обратилась к этому Джеку. Без него все сложилось бы совсем иначе.

Открыв глаза, она взглянула на него:

— Вы и вправду хотите искать это существо? Один? В темноте?

Он кивнул.

— Не могу сказать, что мне нравятся подобные развлечения, но...

— Я пойду с вами, — решительно заявил Даг.

Надя чуть не огрела его по спине. Ну как можно быть таким идиотом? — чуть не закричала она, но прикусила язык, когда увидела, что Джек покачал головой:

— Это дело вас не касается.

— Я могу прикрывать вам спину, — продолжал настаивать Даг. — Должен же я как-то вас отблагодарить.

Надя была готова его убить. Охотничьи вылазки Даг совершал только на экране компьютера. Джек завинтил последнюю бутылку.

— Спасибо за желание помочь, но это чисто личное дело. — Он подмигнул Наде. — Хороший парень.

— Я знаю, — ответила она, сжав Дагу руку.

И я хочу, чтобы этот хороший парень остался жив, добавила она про себя.

Джек осторожно опустил в холщовую сумку шесть заполненных бензином бутылок, переложив их газетой, чтобы они не бились друг об друга, а сверху бросил остатки майки.

— Если вы хотите быть полезным, то ведите машину, — сказал он, перемещаясь на заднее сиденье.

Даг сел за руль, и они покатили на север. Проехав пункт оплаты проезда в Нью-Гретна, они развернулись и направились к югу.

— Мы скоро остановимся, — пообещал Джек. Он не спускал глаз с дорожных столбов. — Когда вы меня высадите, возвращайтесь на стоянку и ждите там рядом с телефонами. У меня есть номер одного из них. Когда освобожусь, позвоню вам со своего сотового и скажу, где меня забрать.

— Как долго вы думаете там пробыть?

— Не могу сказать. — Он постучал по часам на приборной панели. — Сейчас два часа ночи. Если к шести от меня не будет известий... поезжайте домой.

— Без вас?

Джек что-то нацарапал на клочке бумаги.

— Если я не объявлюсь до этого времени, значит, у меня что-то не сложилось. Возвращайтесь в город и позвоните по этому номеру. Вам ответит человек по имени Эйб. Расскажите ему все. Дальше этим делом будет заниматься он.

— Но что... — начал было Даг.

— Вау! Мне выходить.

Даг остановил машину, и Джек выскочил на шоссе. Закинув на плечо сумку, он вынул из кармана фонарик.

— До встречи, — помахал он им рукой и пошел к лесу.

Надя заметила, что он сильно хромает.

Дай Бог встретиться опять, подумала она, когда они тронулись с места. На сердце у нее было неспокойно. Когда она оглянулась, Джек уже исчез в лесу.

3

Джек шарил фонариком по кустам, пытаясь обнаружить сломанные ветки. И он их нашел. Превеликое множество. Недавно сквозь кусты продиралось какое-то большое существо.

Джек пошел по следам разрушений. Он был рад, что надел панаму, — без нее ветки цеплялись бы за швы на его голове. Ему только кровотечения не хватало. Достаточно с него отчаянной головной боли и разбитого бедра. Отойдя от шоссе, Джек остановился и вытащил локатор. Он стоял лицом к западу, и точка находилась у верхнего края экрана. Надо спешить. Иначе Меченый уйдет из радиуса действия локатора.

Джек долго продирался сквозь чащу, пока не вышел на узкую тропинку. Судя по всему, ее протоптали олени. Опустив фонарик, он увидел на влажном песке следы копыт, поверх которых виднелись глубокие отпечатки больших трехпалых ног и следы грубых мужских ботинок. Значит, Хэнк преследует ракшасу — следы его ботинок были сверху.

Вероятно, этот парень думает, что раз у него есть ружье и в детстве он играл в охотников, то

может одолеть человека-акулу? Скорее всего, он не думает вообще. Налившись до бровей своей «Бешеной собакой», он вообразил, что ему море по колено.

Джек пошел по оленьей тропе, поглядывая на локатор и время от времени опуская фонарик на землю. По обе стороны темнели заросли кустов. Их ветки смыкались у него над головой, почти закрывая звездное небо.

Тишина. Слышно только жужжание насекомых и шорох веток, залегающих одежду. Джек не любил дикую природу. Он предпочитал город с его машинами, автобусами и гудящими такси, с асфальтом, прямыми улицами и поездами метро, грохочущими у него под ногами. А самое главное, с электрическим освещением улиц. Здесь же было не просто темно — вокруг царила *крошечная тьма*.

Несмотря на враждебное окружение, Джек чувствовал себя удивительно спокойно, хотя адреналин в его крови явно пополз вверх. Локатор избавлял его от неизвестности, создавая своего рода зону безопасности. Он знал, где находится Меченый, и не боялся, что тот выскочит из кустов и разорвет его в клочья. Но вот Хэнк его действительно беспокоил. Пьяный с оружием представлял в лесу реальную опасность. Не дай бог, примет Джека за Меченого.

Тропа петляла в лесу, отклоняясь то к северу, то к югу, но в целом сохраняла западное направление. Джек двигался с максимально возможной скоростью, наверстывая упущенное на прямых участках, но боль в левой ноге была такой, словно кто-то жег сустав паяльной лампой.

Зеленая точка, обозначающая нахождение Меченого, постепенно приближалась к центру экрана. Значит, Джек выходил прямо на ракшасу. Похоже, чудовище остановилось. Зачем? Чтобы отдохнуть? Или оно кого-то поджидает?

Когда до ракшасы осталось не больше четверти мили, впереди раздался выстрел. Джек остановился как вкопанный. Снова послышался выстрел. Потом еще один.

И вдруг тишину леса пронзил душераздирающий крик, внезапно оборвавшийся на самой высокой ноте.

Наступила мертвая тишина, не слышно было даже насекомых. Джек подождал еще минуту. Никаких звуков. Точка на локаторе не двигалась.

Картина вырисовывалась достаточно ясная. Меченый почувствовал, что за ним кто-то идет, и затаился. И кого же он увидел? Да того самого парня, который истыкал его, как подушку для иголок, когда он сидел в клетке. Несколько движений челюстей — и прощай, Хэнк.

Во рту у Джека пересохло. Его могла постигнуть та же участь, если бы он отправился в погоню за Меченым без локатора.

Но со мной этот номер не пройдет, приятель. Я знаю, где ты находишься, так что никаких поганых сюрпризов.

Джек крадучись пошел дальше. Треск веток и шорох листьев у него под ногами казались ему такими оглушительными, словно они раздавались из динамика на стадионе. Но Меченый не двигался с места — очевидно, ел? — и Джек продолжал идти вперед.

Когда точка вплотную приблизилась к центру экрана, Джек остановился. Что-то почувствовав, он направил фонарик на землю.

На участке в двенадцать футов весь песок был изрыт, и на нем разлились две большие лужи крови, вокруг которых виднелось множество темно-красных брызг. У тропы в кустах валялось помповое ружье с разбитым прикладом.

Дальше вели лишь одни следы — большие отпечатки трехпалых ног.

Присев в кустах, Джек стал прислушиваться, внимательно глядя по сторонам. Никакого движения. Однако локатор показывал, что Меченый где-то рядом.

Ждет, чтобы расправиться со мной, как с Хэнком. Извини, дорогой. Теперь мы будем играть по моим правилам.

Вынув из сумки две бутылки, Джек отвинтил у них крышки и заткнул горлышки кусками майки. Взяв одну из бутылок, он поджег материю зажигалкой и быстро бросил бутылку вперед по тропе.

Очертив в воздухе огненную дугу, она упала на землю и взорвалась, испустив фонтан пламени.

Джек зажал в руке вторую бутылку, готовый в любую минуту пустить ее в дело.

При свете огня он пытался уловить хоть какое-то движение в лесу. Мускулы его напряглись, сердце бешено колотилось. В отсветах пламени плясали тени, казалось, все вокруг пришло в движение. Однако ничего большого, черного и массивного видно не было.

Вдруг Джек заметил какой-то небольшой блестящий предмет, висевший на ветке. Он стал осторожно приближаться, но неожиданно обо что-то споткнулся — на песке лежал острый стальной прут, которым Бонди истязал ракшасу. Подняв прут, Джек понес его в левой руке, как копьё. Теперь у него было два вида оружия. Он чувствовал себя индейцем, вооруженным копьём и сосудом с волшебным огнем.

Подойдя ближе к огню, Джек почувствовал под ногой что-то мягкое. Посмотрев вниз, он увидел тело Хэнка, смотревшее на него остекленевшими глазами. Вскрикнув, Джек отскочил назад.

Оглядевшись, чтобы не попасть в ловушку, он снова посмотрел вниз. В мертвых голубых глазах плясали отблески огня. Бескровное лицо с темными кругами вокруг глаз сливалось с песком. На ме-

сте горла зияла сплошная кровавая рана, а правая рука была оторвана у плеча.

Джек судорожно сглотнул. Если не повезет, и он будет лежать точно так же.

Перешагнув через тело, он пошел дальше. Пламя уже угасало. Горело лишь несколько кустов, но дальше огонь не пошел. Однако света было достаточно, чтобы он разглядел висевший на ветке предмет.

Это был электронный ошейник Меченого.

В состоянии близком к панике он зажег вторую бутылку и стал судорожно оглядываться вокруг в надежде увидеть ракшасу. Нервы его были напряжены до предела.

Но нигде ничего не шевельнулось.

Ситуация хуже некуда. Он забрел в глухой лес да к тому же выдал свое присутствие, устроив фейерверк. Теперь они с ракшасой поменялись местами. Тот знал, где находится его враг, а Джек блуждал в темноте, и у него осталось всего четыре бутылки с горючей смесью.

Темнота... теперь это самая большая проблема. Если он сумеет спрятаться и переждать несколько часов, то с рассветом их шансы уравниются. Но где найти такое место?

Посмотрев по сторонам, Джек увидел большое дерево, возвышавшееся над соснами. Возможно, оно его спасет.

Отбросив локатор, Джек надел на себя сумку наподобие рюкзака и осторожно двинулся вперед, держа в руках прут и бутылку. Пот градом катился по его спине. Он настороженно смотрел по сторонам и прислушивался, но не слышал ничего, кроме своего хриплого дыхания и торопливых ударов сердца, молотом отдающихся в ушах.

Переступая через затухающие островки пламени, он вышел на небольшую поляну, в центре которой возвышалось то самое дерево. Вполне вероятно, что Меченый скрывается где-то поблизости,

может быть, даже спрячется за деревом. Есть только один способ это проверить.

Джек бросил вторую бутылку — вверх взмыло пламя, но Меченого он так и не увидел... пока. Подойдя к дереву, Джек осторожно заглянул за ствол. Никого.

Бросив прут, он полез наверх.

Несвесело. Ногу пронзило, как электрическим током, и еще сильнее заболела голова.

Лазают ли по деревьям ракшасы? Почему бы и нет. Вряд ли они боятся высоты. Превозмогая боль в разбитом теле, Джек продолжал карабкаться наверх, пока ветки под ним не стали трещать. Тяжелому Меченому уж точно сюда не добраться. Устроившись на ветке, Джек стал ждать рассвета.

Светящиеся стрелки его часов показывали три часа ночи. Когда в мае встает солнце? Жаль, что он раньше не интересовался такими вещами. Конечно, в городе это не имеет значения, но здесь, на ветвях...

Он попытался найти удобное положение, но так и не смог. Видимо, подремать ему не придется. Но по крайней мере, утихла боль в бедре и до рассвета можно забыть о Меченом.

Сквозь ветки дуба ему были видны песчаные прогалины, белевшие в темноте. На востоке небо освещал слабый отблеск огней на шоссе и стоянке, с запада же подступала беспросветная темнота сосновых лесов.

Вдруг над вершинами деревьев показались два огонька, плывущие в его сторону. Сначала Джеку показалось, что это самолет или вертолет, но огни перемещались по отношению друг к другу и были разного размера. Потом он подумал, что это НЛО, но на «объекты» они не были похожи. Просто пятна света, и больше ничего.

Раньше он слышал о таких явлениях, но никогда не видел их сам. В этих местах их называли «лесными огнями», но никто не знал, что они собой

представляют. Джеку вовсе не хотелось выяснять это сейчас. Он предпочел бы, чтобы они улетели куда-нибудь подальше. Огоньки двигались не по прямой — тот, что поменьше, рыскал из стороны в сторону, а большой чуть колебался в воздухе. Но самое неприятное было в том, что они двигались прямо на Джека.

Достигнув поляны, они замедлили свой полет, и Джек сумел их хорошо разглядеть. Ему не понравилось то, что он увидел. Один из огней был величиной с баскетбольный мяч, другой — чуть побольше теннисного. Свет не может иметь шарообразную форму. Так не бывает. В его бледно-зеленом оттенке было что-то потустороннее.

Джек съежился, когда увидел, что они летят прямо на дерево. У него мороз прошел по коже, когда он представил, что они могут его коснуться. Но футах в шести от дерева они разделились и облетели его с двух сторон. Джек услышал слабое жужжание и почувствовал легкое покалывание на коже. Облетев дуб, шары снова сблизилась и кругами спланировали на поляну.

Вытянув шею, Джек попытался разглядеть, куда они двинутся дальше. К телу Хэнка? Нет, оно находилось к северу от дерева. Огни же двигались в противоположную сторону.

Джек смотрел, как они парили над песчаной прогалиной, а потом стали кружить над ней — сначала медленно, затем все быстрее и быстрее, пока не слились в яркое светящееся кольцо, похожее на дьявольский бледно-зеленый нимб. Скорость их вращения все увеличивалась, кольцо становилось все шире — и вдруг они резко слетели с орбиты и понеслись на запад, туда, откуда появились.

Скатертью дорога. Все это длилось не более минуты, но Джеку стало не по себе. Что это? Обычное здешнее явление или это как-то связано с присутствием Меченого?

Кстати, о Меченом...

Джек внимательно оглядел поляну сквозь листву, но ничего подозрительного не заметил.

Устроившись поудобней, он стал думать, что будет делать, когда взойдет солнце...

4

Джек не стал дожидаться восхода. В половине пятого звезды на небе стали бледнеть. В пять было уже достаточно светло, чтобы закончить игру в Тарзана и спуститься на землю.

Джек с облегчением сел на песок, разминая онемевшее тело и настороженно оглядывая поляну. На ней никого не было, кроме бедняги Хэнка. Джек достал бутылки с бензином и заткнул их тряпками. Подняв одну из них, он зажал в руке зажигалку, готовый в любую минуту поджечь свою адскую смесь.

План его был прост: идти по следам Меченого, пока хватит сил. Джек не представлял, сколько он продержится без еды и воды, но решил стоять до конца. Сейчас же ему больше всего на свете хотелось выпить чашечку кофе.

Подойдя к труп, он заметил, что над ним уже всюю трудятся насекомые: вокруг головы кружились мухи, в разорванном горле и на обрубке плеча копошились муравьи. Надо бы его похоронить, мелькнуло в голове у Джека, но у него не было ни времени, ни лопаты.

Позади послышался какой-то шорох. Джек быстро обернулся и бросил сумку на землю. Прижав большой палец к колесу зажигалки, он стал вглядываться в предрассветную мглу.

Вон там... на краю поляны, где пару часов назад лесные огни исполняли свой мистический танец, песок вдруг зашевелился и стал подниматься. Нет, это не песок. Это что-то большое и темное.

Меченый.

Джек невольно отступил назад и застыл на месте. Ракшаса не двигался. Он стоял всего в тридцати футах, там, где закопался в песок на ночь. В трехпалой лапе была зажата рука Хэнка. Он держал ее, как какой-нибудь леденец. Все предплечье было обглодано, и к розовой кости прилип песок.

Внутри у Джека все напряглось, сердце бешено заколотилось. Судьба дает ему шанс. Он зажег фитиль и встал над лежавшей на земле сумкой. Нагнувшись, он вытащил из нее вторую бутылку и зажег ее от первой.

Надо попасть в него с первого раза. По прошлому опыту он знал, как подвижны эти существа, несмотря на свои внушительные размеры. Но если он не промахнется, то с ракшасой будет покончено раз и навсегда.

Размахнувшись, он бросил свою зажигательную бомбу. Ракшаса увернулся, но Джек тут же запустил в него второй бутылкой, стараясь предугадать его движения. Обе пролетели мимо цели. Первая взорвалась, а у второй потух фитиль, и она упала на песок неведимой.

Джек вытащил третью. Руки у него тряслись, сердце выпрыгивало из груди. Не успел он зажечь фитиль, как что-то полетело ему в голову. Он попытался отскочить, но было уже поздно, и рука Хэнка угодила ему прямо в лицо.

Задохнувшись от отвращения, Джек пошатнулся, и третья бутылка выскользнула у него из рук. Отпрыгнув в сторону, он покатился по песку и, когда прогремел взрыв, был уже на безопасном расстоянии. Однако он продолжал отступление, потому что бутылка упала прямо на его сумку. Новый взрыв обдал его горячей волной.

Как только пламя немного поугасло, ракшаса бросился бежать через поляну. Продолжая лежать на спине, Джек инстинктивно потянулся к писто-

лету, хотя знал, что пули здесь бесполезны. Нашупав рядом с собой копье, он воткнул его конец в землю, направив острие в сторону приближавшегося ракшасы. Ему вдруг вспомнилось, как прошлым летом он проткнул насквозь мать этого чудовища, когда она попыталась его убить. Тогда это лишь притормозило ее, но на этот раз у него в руках железно. Возможно, оно его спасет...

В ожидании удара Джек крепче сжал копье. И удар последовал, но совсем не тот, которого он ждал. Одним плавным движением Меченый выхватил у него копье и бросил его в сторону дуба. Джек остался лежать на спине, а над ним нависло триста фунтов кровожадной звериной плоти. Он попытался встать на ноги, но ракшаса придавил его ногой к песку. Джек стал отчаянно вырываться, но Меченый давил его все сильнее, вызывая нечеловеческую боль в сломанных ребрах. Джек потянулся за пистолетом, хотя пули 22-го калибра могли причинить ракшасе вреда не больше, чем плевки. Но это было последнее, что у него оставалось. Если он сумеет попасть в глаз...

Но не успел он вытащить пистолет, как Меченый протянул трехпалую руку, чтобы вцепиться ему в глотку.

Ни защититься, ни увернуться. В последние секунды жизни Джеку оставалось лишь издать предсмертный крик, полный ужаса и отчаяния.

Однако страшные когти не разорвали ему горло. Они воткнулись в землю, накрыв перепонкой его лицо. Джек забился от удушья, но когти все глубже уходили в песок. Потом он вдруг почувствовал, что его отрывают от земли и поднимают в воздух. Извиваясь и дергая ногами, он безуспешно пытался освободиться от железных тисков могучей руки. Его шейные позвонки хрустели, горло перехватило тугим обручем, легкие разрывались от нехватки воздуха, но ракшаса продолжал тряс-

ти его, как рассерженный родитель, который устал от бесконечных криков своего младенца. Постепенно его тело отяжелело, мускулы, лишенные кислорода, потеряли способность двигаться, и он оставил всякую мысль о сопротивлении. Перед глазами поплыли черные круги, он начал терять сознание. Жизнь в нем угасала, вокруг все исчезло, и его душа была готова воспарить к небесам...

Резкий удар вернул его на землю. Джек почувствовал песок на лице и во рту, и его легкие наполнились воздухом. Господи, он снова может дышать!

Джек лежал на земле, ловя ртом воздух и судорожно давясь от кашля. Постепенно в его затуманенный мозг стало возвращаться сознание, а тело обрело способность двигаться.

Подняв голову, он огляделся. Меченого не было видно. Джек перевернулся на живот и посмотрел вверх. Никого.

Он медленно приподнялся на локтях, удивляясь, что остался в живых. Но долго ли он протянет? Он едва мог двигаться, все тело ныло от боли.

Что же случилось? Может быть, ракшаса прячется где-нибудь неподалеку, играя с ним в кошки-мышки?

Джек с трудом встал на колени и застыл, ожидая, когда утихнет пульсирующая боль в голове. С недоумением посмотрел вокруг. Никаких признаков ракшасы.

Что за черт?

Превозмогая острую боль в бедре, он осторожно поднялся на ноги и посмотрел на кусты, ожидая, что оттуда выскочит чудовище, чтобы окончательно его добить.

Но на поляне было тихо. Ракшаса исчез. Почему? Спугнуть его было некому, и вегетарианцем он пока не стал — рука Хэнка, которой он бросил в Джека, тоже исчезла.

Джек медленно повернулся кругом. Почему ракшаса его не убил? Из-за того, что он не дал Бонди и Хэнку мучить его? Маловероятно. Ведь ракшаса — это машина для убийства. Что он знает о честной игре, чувстве долга или благодарности? Все это чисто человеческие понятия...

Но тут Джек вспомнил, что Меченый все же наполовину человек. Его отцом был Кусум Бахти. В ракшасе текла и его кровь. А Кусум, несмотря на прохудившийся чердак, все-таки был порядочным парнем.

Значит, в этом все дело? Если так, то потусторонний мир, вероятно, отрекся от своего посланца. Но его отец мог им гордиться.

Инстинкт подсказывал Джеку, что надо немедленно уходить отсюда. Но он все медлил. Ведь он пришел сюда покончить с ракшасой, но потерпел полное поражение. Тот обрел свою былую силу и рыщет в этих непроходимых чашах.

Но может быть, все и так уже кончено, во всяком случае между ними. Теперь это не его проблема. Он все равно бессилен что-либо изменить. Конечно, не хотелось бы оставлять это чудовище на свободе, но выбора у него не было. Джек был побежден. Хуже того, раздавлен и выброшен, как старая консервная банка. У него не осталось никакого реального оружия, и Меченый ясно дал ему понять, что не считает его достойным противником.

Что ж, пора подвести черту. Во всяком случае, на сегодня. Но Джек не мог уйти, не поставив точку.

— Эй, послушай! — закричал он, надеясь, что ракшаса его услышит и поймет. — Мы с тобой в расчете. Оставим все как есть. Пока. Но если ты опять покусишься на меня или моих близких, я вернусь, и уже не с бутылками из-под «Снэпла».

Джек пошел к тропе, все время оглядываясь назад и не веря своему счастью. Ему казалось, что, если он

повернется к поляне спиной, Меченый тут же вынырнет из-под песка и набросится на него.

Выйдя на тропу, Джек прихрамывая зашагал назад. Бросив прощальный взгляд на поляну, он увидел сквозь смыкающиеся ветки большую массивную фигуру, стоящую на песке и обзирающую свои новые владения. Но едва он остановился, как она сразу же исчезла.

5

Возвращаясь, Джек сбился с пути. Его поражение и последующее бегство так обескуражили его, что он потерял способность ориентироваться. Низкая облачность усугубляла проблему. Тропа то и дело разветвлялась, и без солнца было нелегко сохранять восточное направление.

Джек позвонил Наде и сказал, что возвращается. Она с облегчением вздохнула. Когда он выйдет на шоссе, то позвонит ей снова.

Но там его могут задержать с оружием, которое засветилось в кровавой мясорубке в ГЭМ, а это уж совсем ни к чему. Вытащив из кармана свой «П-98», он открыл затвор, вытащил обойму и ногтем большого пальца стал по одному выщелкивать патроны, посылая их во все стороны. Пустую обойму он вставил обратно. Потом вырыл ямку в песке, опустил туда пистолет и разровнял песок ногой.

На пистолете, конечно, остались отпечатки его пальцев, но, когда пройдет парочка дождей, эта проблема решится сама собой. Да и кто найдет его в такой глуши.

Джек двинулся дальше, посвятив остаток пути размышлениям.

Игра проиграна.

Он тяжело переживал поражение, хотя все было не так уж плохо. Надя и ее жених спасены; Драгович

больше не будет преследовать Джиа; через пару недель «берсерк» превратится в безобидный порошок, и его не смогут больше производить; он порадовал человека по имени Сол, и даже больше, чем тот ожидал; и на всем этом он еще неплохо заработал.

Но мысль о том, что Меченый гуляет на воле, застряла у него в мозгу, как кость в горле, которую невозможно ни проглотить, ни выплюнуть. Он чувствовал, что обязан предупредить людей о том, что в сосновых пустошах бродит нечто большое и опасное. Но как? Сам он не мог публично объявить об этом, да и кто ему поверит?

Джек все еще пытался найти какой-нибудь выход, когда справа послышались голоса. Он свернул в ту сторону.

Вскоре кусты расступились, и он оказался на разбитой грунтовой дороге. На поляне стояли два джипа, рядом с которыми сустились четверо мужчин в возрасте от тридцати до сорока лет. Они деловито заряжали ружья и облачались в оранжевые жилеты. Машины у них были дорогие и самых последних моделей, оружие от «ремингтона» и «беретты». В общем, богатые джентльмены выехали пострелять.

Джек спросил, в какой стороне находится стоянка. Они показали налево. Мужчина со щегольской бородкой смерил его пренебрежительным взглядом:

— Кто это вас так? Не иначе, медведь.

— Хуже.

— Ходить так по лесу очень опасно, — наставительно сказал ему другой худощавый мужчина в очках. — Без яркого жилета вас могут случайно подстрелить.

— Да я уже выхожу на шоссе, — ответил Джек и, не удержавшись, спросил: — И на кого же вы собираетесь охотиться со всем этим арсеналом?

— На оленей, — ответил бородач. — Департамент охраны природы разрешил дополнительный отлов.

— Отлов? Звучит так, словно вы собрались на рыбалку.

— Возможно, особенно если учесть скорость, с которой они размножаются. Эти чертовы олени здесь косяками ходят.

— Сокращая их поголовье, мы им же приносим пользу. Это наш долг перед экологией, — с улыбкой добавил лысоватый мужчина.

Чуть поколебавшись, Джек все же решил предупредить эту компанию.

— Возможно, сегодня вам не стоит открывать сезон.

— Вздор, — отрезал лысый уже без улыбки. — Надеюсь, вы не из тех придурков, которые борются за права животных?

В воздухе запахло конфликтом.

— Я вообще не отношу себя к придуркам, приятель, — процедил Джек сквозь зубы. День только начинается, а у него уже горят тормоза. К счастью, мужчина отступил, крепче сжав ружье. — Я только хотел сказать, что здесь вас подстерегает большая опасность.

— Какая опасность? — ухмыляясь, спросил бородатый. — Неужто Джерсийский дьявол?

— Нет. Но это не то беззащитное травоядное, которое ложится и умирает, когда вы выпускаете в него десяток пуль. Сегодня, ребята, охотиться будут на вас.

— Как-нибудь справимся, — небрежно проронил худой.

— Вы уверены? — не успокаивался Джек. — Вы когда-нибудь охотились на зверя, который представлял бы для вас хоть какую-то опасность? Я вас предупреждаю: в этих лесах бродит существо, которое может дать вам отпор, и я очень сомневаюсь, что такие, как вы, смогут с ним справиться.

Худой забеспокоился. Он взглянул на своих друзей:

— А что, если он прав?

— Брехня! — бросил лысый. — Ты ведешь себя как баба, Чарли. Веришь какому-то бродяге, который заливает тебе про леших.

— Да, но...

Четвертый охотник поднял блестящий новенький «реммингтон».

— Джерсийский дьявол! Я не прочь с ним встретиться!! Такую голову стоит повесить над камином.

Все засмеялись и стали хлопать друг друга по плечу. Чарли присоединился к общему веселью. Он больше не сомневался. Джек пожал плечами и пошел прочь. Он сделал все, что мог.

Охотничий сезон. Джек невольно улыбнулся. Присутствие Меченого придавало этому словосочетанию несколько иное значение. Интересно, что скажут эти brave охотники, когда обнаружат, что охота теперь ведется *на них*.

Есть ли хоть доля правды во всех этих легендах о Джерсийском дьяволе? Скорее всего, никакого дьявола в этих лесах никогда не было. Но теперь, черт побери, он здесь завелся.

Литературно-художественное издание

Вилсон Ф. Пол

ЯРОСТЬ

Роман

Ответственный редактор *З.В. Полякова*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Корректор *М.Г. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.07.2005
Формат 82х100^{1/32}. Бумага типографская. Гарнитура «Таймс»
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,87. Уч.-изд. л. 19,28
Тираж 7 000 экз. Заказ № 4346

ЗАО «Центрполиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1.
пом. ТАРП ЦАО

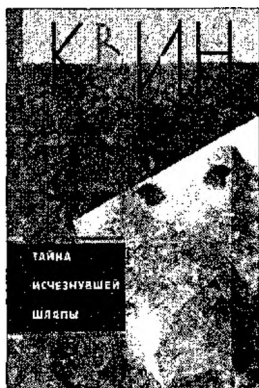
Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Э К Л Л Е Р И К В И Н

Эллери Квин — легендарный сыщик-любитель и сочинитель криминальных романов. Под его именем двоюродные братья Фредерик Дэнни (1905—1982) и Манфред Ли (1905—1971) написали серию увлекательных книг, стоящих в одном ряду с прославленными произведениями корифеев детективного жанра А. Кристи, Э.С. Гарднера и Р. Стаута.

Вышли в свет

Тайна египетского креста
Тайна голландской туфли
Зубы дракона
Тайна исчезнувшей шляпы

Грозящая беда
Дом на полпути
Сердца четырех
Тайна французского порошка

Твердый переплет, формат 130×206 мм, объем 480—512 с.

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

МИККИ СПИЛЛЕЙН

Микки Спиллейн — мастер остросюжетных детективов, феномен книжной индустрии XX века. Динамику действия в его романах обеспечивают крутые сюжетные повороты, эротические сцены и жестокие эпизоды. Герой его книг, частный детектив Майк Хаммер, не ведая страха выходит на след преступника и разоблачает его. Имя Микки Спиллейна стоит в одном ряду с такими признанными мастерами американского детектива, как Дэшил Хэммет и Раймонд Чандлер.

Вышли в свет:

Мечь — мое личное дело
Очередь для убийства
Кровавый рассвет
Долгое ожидание
Мой убийца
Капкан на наследника
Дельта-фактор
Коп вышел из игры
Я, гангстер
Шанс выжить — ноль

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае вы будете регулярно получать по 2 новых книги выбранной серии в месяц.

Для этого вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

111024, Москва, а/я 18, «Центрполиграф»

Также вы можете заказать книги через сайт издательства «Центрполиграф» — www.centrpoligraf.ru

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА								
г. Москва, а/я 18								
Кода _____								
«ЦЕНТРОЛИГРАФ»								
Книг _____								
111024		<table border="1"><tr><td>Знаки почтовой связи и адрес получателя</td></tr><tr><td>680011</td></tr><tr><td>г.Хабаровск, ул. Мира,</td></tr><tr><td>д. 10, кв. 5.</td></tr><tr><td>Ивановой Г.П.</td></tr><tr><td>Мин. связи России, Подцентр «Москва, 1024 г. 101470, 101470 Москва Ц. 35»</td></tr></table>	Знаки почтовой связи и адрес получателя	680011	г.Хабаровск, ул. Мира,	д. 10, кв. 5.	Ивановой Г.П.	Мин. связи России, Подцентр «Москва, 1024 г. 101470, 101470 Москва Ц. 35»
Знаки почтовой связи и адрес получателя								
680011								
г.Хабаровск, ул. Мира,								
д. 10, кв. 5.								
Ивановой Г.П.								
Мин. связи России, Подцентр «Москва, 1024 г. 101470, 101470 Москва Ц. 35»								
<small>Почтовый ящик, предназначенный для отправки корреспонденции</small>								

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

Стоимость пересылки почтового перевода наложенным платежом оплачивается отделению связи и составляет 10—20% от стоимости заказа.

Книги оплачиваются при получении на почте.

К сожалению, издательство не может долго удерживать объявленные цены по не зависящим от него причинам, в связи с общей ситуацией в стране. Надеемся на ваше понимание.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

ВИЛСОН

Ф. ПОЛ

я р о с т ь

Натадчик Джек — специалист по необычным расследованиям, берется только за те дела, где необходимо восстановить справедливость и где бессильны полиция и частные детективы.

Джек узнает, что в городе появился новый наркотик, который вызывает бесконтрольную ярость, одновременно даря состояние всемогущества. В поисках источника страшного зелья Джек выходит на загадочный балаган уродов. Зрителям кажется, что им демонстрируют ряженых, но похоже, большинство человекоподобных существ настоящие...

ISBN 5-9524-1843-0

9 785952 418431

ЦЕНТРОЛИГРАФ